

Эта книга, несмотря на ее художественную форму, базируется исключительно на исторических фактах. Все в ней подлинно или произошло в действительности. И все это началось всего год тому назад.

Э. Э.

Волчья Нора, Аризона

ПАМЯТИ: *Нэда Лудда*

... сумасшедший, живший около 1779 года, который в приступе ярости разгромил два здания, принадлежавших лейстерширскому «чулочнику».

- *Оксфордский универсальный словарь*

Долой всех королей, кроме Короля Лудда.

- *Байрон*

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Введение. Дуглас Бринкли	
	Пролог. Последствия	
1.	Истоки I: А.К.Сарвис, доктор медицины	
2.	Истоки II: Джордж У. Хейдьюк	
3.	Истоки III: Редкий Гость Смит	
4.	Истоки IV: Мисс Б. Абцуг	
5.	Заговор «Деревянных Башмаков»	
6.	Набег на Ком Уош	
7.	Ночной поход Хейдьюка	
8.	Хейдьюк и Смит в игре	
9.	Поисково–спасательная команда за работой	
10.	Док и Бонни делают покупки	
11.	Снова за работу	
12.	Щупальце спрута	
13.	Диалоги	
14.	Работа на железной дороге	
15.	Отдых и освобождение	
16.	Субботний вечер в Америке	
17.	Американская лесозаготовительная индустрия: планы и проблемы	
18.	Доктор Сарвис у себя дома	
19.	Путники в ночи	
20.	Возвращение к месту преступления	
21.	Редкий Гость у себя дома	
22.	И снова Джордж и Бонни	
23.	В Хидден Сплендор	
24.	Побег разрушителя	
25.	Остановка для отдыха	
26.	Мост: пролог перед финальной погоней	
27.	Пешком: погоня начинается	
28.	Жара: погоня продолжается	
29.	На Краю Земли: последний герой	
30.	На краю Мейз: погоня завершена	
	Эпилог: новое начало	

... но ты, о моя пустыня, -
лишь твоя смерть для меня непереносима.

- *Ричард Шелтон*

Больше сопротивления, меньше покорности.

- *Уолт Уитмен*

Теперь. Или никогда.

- *Торо.*

ВВЕДЕНИЕ

Дуглас Бринкли

Дай мне тишь, надежду, воду,

Дай борьбу, металл, вулканы .

Пабло Неруда

Сейчас уже странно представить его себе скрывающимся в таинственных каньонах Колорадо, как одинокий старатель из повести Б. Трейвена. подтянутый, крепкий, упрямый, одежда в легком артистическом беспорядке, да еще и с растрепанной, немодной бородой, - более тридцати лет Эдвард Эбби называл себя литературным сторожевым псом засушливых степей Американского Запада. Он написал восемь повестей, десятки путевых рассказов, сотни очерков и статей, - и все они были направлены в самое сердце промышленного монстра, о котором предупреждал еще президент Дуайт. Д. Эйзенхауэр в своем поразительно откровенном прощальном обращении к народу 17 января 1961 года. Эбби заимствовал свой девиз у Уолта Уитмена – «больше сопротивления, меньше покорности», - и ему доставляло огромное удовольствие, что абсолютно все, от ФБР до Сьерра Клуба, называли его «анархистом из пустыни». Одаренный язвительным чувством юмора, с сильной склонностью к шутке и розыгрышу, Эбби старательно культивировал свою постоянно меняющуюся роль упрямого задиры. В каком бы обличье он ни представлялся – речной ли крысы, образованного ученого,

горячего парня с пистолетом, или самоотверженного эколога, – обличья, которые он легко менял по собственному желанию, – единственное, что было в них постоянным, это сопровождавший их сарказм. Но при всем том он всегда был дисциплинированным писателем, даже играя роль стойкого защитника живой природы, одержимого идеей прекратить разрушение Американского Запада. «Мы можем иметь дикую природу, не имея свободы, - часто говаривал Эбби. - Мы можем иметь дикую природу вообще без человеческой жизни в ней; однако мы не можем иметь свободы без дикой природы».

И это было его верой. В эпоху холодной войны ни один писатель не сделал больше для защиты природы Американского Запада от открытой добычи полезных ископаемых, скоростного лесоповала, строительства электростанций, от нефтяных компаний, бетонных плотин, взрывных работ, чем этот сардонический Эдвард Эбби. Кактусы Сагуаро были для него священны, а не вежи коммуникаций. С тех пор как он стал взрослым, вся его жизнь была посвящена прекращению «калифорнизации» штатов «Четырех углов», которые он считал своим домом – Аризоны, Колорадо, Нью-Мексико и Юты. В своей статье в газете «Вашингтон пост» писатель Ларри Макмэрти называл его «Торо Запада» - прозвище, которое до сих пор остается лучшей краткой характеристикой этого нетрадиционного, но последовательного в своем творчестве мастера различных литературных жанров. Эбби категорически отказывался признавать себя «певцом природы», как определяли его Джон Макпи или Анни Диллард, пусть даже дикая непокоренная природа и была его вечной музой; нет, он считал себя старомодным американским моралистом, независимым одиночкой, не считавшимся ни с кем в своем страстном стремлении разоблачать предательство, двуличие и алчность людей. Эбби утверждал, что «моральный долг» писателя – быть общественным критиком в своей стране, стать глашатаем правды и выступать от имени тех, кто безгласен. Такова была его позиция, и он неукоснительно следовал ей, особенно в своей памятной горестной иеремиаде, положившей начало движению «экозащиты» и потрясшей основы как Большого Бизнеса, так и Большого Правительства – повести «Банда гаечного ключа», публикуемой нами как Вечная Классика в ознаменование двадцатипятилетия ее первого издания.

Эбби был рожден для выполнения той миссии, которую он позднее поставит перед собой, 29 января 1927 года в г. Хоум, Пенсильвания. Уже подростком он возненавидел хищническое разорение девственных горных лесов Аппалачей крупными лесопромышленными компаниями. Он рос в этих местах – охотился на белок, собирал коллекции камней, изучал растения с многообещающим рвением Вильяма Бертрама, - в местах, которые он называл «ущельями тайн и шаманства». Он воображал себя Натти Бампо, охотником Адирондака, или Джонни Эпплсидом, высаживающим семена в долине реки Огайо. Отец его, Пол Ривер Эбби, был бедным фермером, с трудом сводившим концы с концами; время от времени он работал на

шахта. Здесь он с глубоким уважением относился к радикальным лидерам профсоюзного движения «Индустриальные рабочие мира», широко известного под именем «Уобблиз», - таким как «Большой Билл» Хейвуд или Джо Хилл. Вообще, весь клан Эбби был насквозь пропитан американским фольклором в духе Даниэля Буна – глубокая любовь к своей земле и чрезмерное недоверие к Вашингтону. Молодой Эдвард унаследовал от своего отца грубоватую и резкую манеру относиться открыто и с вызовом к сильным мира сего: «Чувства без действий, - всегда говорил он, - разрушительны для души».

Летом 1944 года, семнадцатилетним мальчишкой, он покинул Пенсильванию и поехал искать Америку, воспетую в стихах Карла Сендберга и песнях Вуди Гертри. Он доехал автостопом до Сиэтла, дошел вдоль Тихоокеанского побережья до Сан-Франциско, добрался до Йосемитских лесов секвойи, затем проехал долиной реки Сан-Джоакин, добывая себе скудное пропитание сбором фруктов или работой на консервных заводах. Очарование его странствий, достойных книги путевых рассказов, его ничем не ограниченной хмельной свободы было нарушено лишь однажды, когда его арестовали за бродяжничество во Флегстафе, Аризона, и бросили в тюрьму как какого-нибудь пьяницу, каких в ней было уже немало. Это только пополнило запас его впечатлений и жизненного опыта, которые одобрил бы сам Джек Лондон.

Великолепие Американского Запада навсегда пленило молодого Эдварда Эбби. Он замирал в восхищении перед нежно-розовыми землями округа Навахо, простиравшимися перед ним на закате, у него захватывало дух при виде древних песчаниковых скал, блестящих, скользких каменных каньонов, креозотовых кущей, голодных пекáри, убегающих вприпрыжку койотов. Его восхищали и пыльные салуны, и русла пересохших рек, и мухоловки с пепельно-серыми горлышками, обыкновенные сарычи, затупленные наконечники стрел и все прочие чудеса, принимаемые прочими просто за бесплодные земли. И пустыня Сонора, и Долина Смерти казались ему одинаково прекрасными землями, где неумолимое багровое солнце делает кости павших животных ослепительно белыми. «В пустыне нет нехватки воды, – ее ровно столько, сколько нужно, - напишет Эбби позднее, - идеально точное соотношение воды и камня, воды и песка, обеспечивающее эти обширные, свободные, открытые, щедрые просторы для растений и животных, домов, поселков и городов, делающие Запад настолько отличным от любой другой части страны. Здесь нет недостатка в воде, если только вы не станете строить город там, где ему никак не следует быть». В этом покинутом, оголенном раю Эбби ощущал мир и покой. Когда он увидел, как река Колорадо прокладывает свой древний путь неподалеку от Нидлз, Калифорния, неся свои живительные воды в самую сухую из пустынь, Эбби написал: «В первый раз я почувствовал, что приблизился к тому Западу, который рисовался мне в самом глубинном моем воображении, - к месту, где реально осязаемое и мифическое сливаются в одно».

Вскоре после этого исследователь каньонов был призван в действующую армию и провел последний год Второй мировой войны в Италии. По возвращении домой он направился прямо в землю обетованную, роль которой сыграл Университет Нью-Мексико, где он получил диплом бакалавра по философии в 1951 году и диплом магистра – в 1956. Вторая дипломная работа называлась «Анархия и моральные принципы насилия»; в ней он делал вывод, что анархизм вовсе не сводится к военной мощи, как во время большевистской революции, - нет, его назначением было оказывать сопротивление, по слову Льва Толстого, «организованному насилию государства».

Этот независимый бездельник, играющий на флейте, был популярен в университетских кругах, как древнегреческий циник Диоген, который, говорят, раздал все свое состояние, жил в бочке и просил милостыню. При этом он страстно осуждал всех, кто разрушал природу Запада: застройщиков, рвущихся к наживе, скотоводов, горнодобывающую промышленность с ее тяжелой техникой и открытыми разработками и само Федеральное бюро землеустройства. В ответ на это ФБР начало слежку за ним как за возможным коммунистическим активистом – продолжало ее в последующие тридцать семь лет, в конечном счете придя к выводу, что он особенно упорный индивидуалист и пацифист.

В 1954 году Эбби публикует свою первую повесть – «Джонатан Трой». Это рассказ о девятнадцатилетнем анархисте, от которого отворачиваются все, с кем он сталкивается, поскольку он постоянно рассказывает о том, что машины разрушают Америку. В последующие десять лет Эбби опубликовал еще шесть книг, в том числе «Отважного ковбоя» (1956) – историю бродяги, перерезающего изгороди из колючей проволоки в порядке ведения своей собственной войны с правительством США против его политики развития пастбищного скотоводства. В 1962 Кирк Дуглас по этой повести создал фильм «Мужество одиноких». В 1968 году вышло «Одиночество в пустыне» - размышления от первого лица, в которых Эбби отразил свой двухлетний опыт работы смотрителем Национального памятника природы в Арчесе, штат Юта. Газета «Нью-Йорк таймс» назвала эту повесть «страстно проникновенной, глубоко поэтической книгой». Собственно говоря, эти книги Эбби писал в период своей работы в Службе леса США и Службе национальных парков, длившийся более двух десятилетий. «Почти все эти годы я жил на грани официальной черты бедности. ... я долго забивал вешки геодезической разметки, пока наконец мне не пришлось в голову, что их следует выдергивать».

Как Дон Кихот Сервантеса, боровшийся с ветряными мельницами, Эбби стал широко известен на Юго-Западе своими набегами на стройплощадки, осуждением скотоводства (он называл скотоводов «паразитами государственного социального обеспечения»), своей безоговорочной природоохранной позицией, жестко выраженной в его прозе, которая так шокировала его земляков. Ершистый «нарушитель спокойствия» Эбби, так отличавшийся от

более традиционных и сговорчивых защитников природы – активистов расцветавшего в начале 70-х годов природоохранного движения, тоже демонстрировал свои страшно противоречивые порывы протеста такими, к примеру, акциями: он с воем пронесся по улицам Таксона в старинном красном Кадиллаке с откинутым верхом и пластмассовой геранью, украшающей капот, оглашая улицы оглушающими звуками музыки Моцарта, Брамса или Вейлона Дженнигса из радиоприемника. Целью его прозы, направленной против индустриального развития, так же как и всей его неукротимой позиции, не согласующейся ни с какими законами, было вызывать ярость против механистического мира, стать самым беспощадным защитником природы американского Запада со времен Джона Мюра.

Ветряной мельницей, которую Эбби жаждал разрушить более всех остальных, была плотина в Глен Каньоне, возведенная в 1962 году всего в шестидесяти милях к северу от Большого Каньона – гидротехническое чудовище весом в 792 тысячи тонн, стоившее американским налогоплательщикам 750 миллионов долларов. Этот бетонный колосс преградил естественное течение реки Колорадо, осквернив крутые обрывистые стены великолепного Глен Каньона, более величественного, считал Эбби, чем все соборы Европы. С ее сооружением навсегда ушли в прошлое прелестные рощи тополя трехгранного, густые заросли багряника, волчьи логова и орлиные гнезда, природные песчаниковые шпили и древние археологические памятники. На их месте человек сотворил озеро Пауэлла – водохранилище с береговой линией длиной 1800 миль, которое Эбби окрестил нелестным именем «голубая смерть». Плотина Глен Каньона была, так сказать, «казенным пирогом» - мероприятием, проводимым правительством для повышения популярности. Ее назначением было обеспечить города Лос-Анжелес, Лас-Вегас и Феникс дешевой электроэнергией; на самом же деле она оказалась инженерным уродством, разрушившим всю огромную экосистему. Даже ее «крестный отец», консерватор Барри Голдуотер, в конце концов вынужден был признать, что ее строительство было чудовищной ошибкой.

Именно под влиянием гнева, вызванного сооружением плотины Глен Каньона, переполненный желчью Эбби в начале 1970-х годов начал писать свою «Банду гаечного ключа», соединив черный юмор, театральные трюки и меткие характеристики для создания художественного произведения, которому суждено было стать на долгие годы классическим предметом массового поклонения, общенациональным культом. Скопировав отдельные черты людей, которых он знал, Эбби создал портреты людей, составивших вдохновенную галерею «антигероев»: Джорджа Вашингтона Хейдьюка – бывшего врача Зеленых беретов во Вьетнаме, который любит бомбы, взрывы, потасовки и огромные открытые просторы почти так же сильно, как ненавидит тех, кто занимается их освоением и застройкой; Дока Сарвиса, богатого кардиолога из Альбукерка, чье хобби – поджигать рекламные щиты; Бонни Абцуг –

чрезвычайно сексуальную, острую на язык, очень располагающую к себе изгнанницу Бронкса; Редкого Гостя Смита – мормона, проводника речных туристов и владельца ранчо, где он выращивает дыни с тремя своими вполне довольными жизнью женами. Эта странная компания людей, которых в старые добрые времена называли бы анархистами, занимается, по одобрителюму выражению газеты «Ньюс Уик», «экологическими выходками», чтобы не давать покоя энергетическим и лесоперерабатывающим компаниям. Их любимый герой - Нед Лудд, британский ткач начала девятнадцатого века, который подбивал своих земляков разбивать ткацкие станки, чтобы сохранить свои рабочие места, и которому Эбби посвятил свою повесть. Подобно ему, члены «банды гаечного ключа» превращаются в харизматическую группу заговорщиков, «экологических правонарушителей», которые льют сироп Каро в карбюраторы бульдозеров, перерезают ограждения из колючей проволоки, пытаются взорвать состав вагонеток с углем с единственной целью: подготовиться к тому, чтобы с помощью динамита разнести в клочья плотину Глен Каньона. Их боевой клич - «Оставьте все как было!»

«Банда гаечного ключа» - это нечто гораздо большее, чем просто спорная книга: она революционна, анархична, мятежна, а если попадет не в те руки – то и опасна. Хотя Эбби утверждал, что это просто художественная литература – произведение, написанное, чтобы «развлекать и забавлять», однако его повесть мгновенно подхватили активисты природоохранного движения (далее – «экоактивисты», прим. перев.), раздосадованные слишком уж скромными действиями традиционных природоохранных групп, таких как Сьерра Клуб и общество Одубон. Для радикально мыслящих людей «плутовская повесть» Эбби стала призывом к действию с той страстностью, с какой Селдом Син Смит молился, коленапреклоненный, посреди плотины Глен Каньона: «Добрый старый Бог, мы оба знаем с тобою, как все было здесь прежде, пока эти выродки не явились и не порушили все это. Ты помнишь эту реку, какой полноводной, какой золотой была она в июне, когда огромный сток со Скалистых гор наполнял ее?.. Помнишь тот ручей, что тек по ущельям Бридж и Форбидден, - каким зеленым, и прозрачным, и прохладным он был?.. Помнишь гигантский водопад в Каньоне на Сороковой миле? Они и это затопили, почти все ... И части Эскаланте тоже уже нет ... Слушай, ты меня слушаешь? Есть кое-что, что ты, Боже, можешь для меня сделать. Как насчет небольшого старого доброго *пре – цизи – онного* землетрясения точненько вот под этой плотинной?»

Критик Дон Роулингс, принижая достоинства и значимость этой книги, назвал ее сумасбродной историей «символической агрессии», но многим шокированным читателям она казалась безответственной моделью терроризма, подобно «Дневникам Теренера», супрематистской повести, которая, как предполагают, спровоцировала взрыв здания федеральной администрации Мюррей в Оклахома Сити. На вопрос, действительно ли он

является сторонником взрыва плотины, Эбби ответил «нет», добавив, однако, что «если бы кто-нибудь другой захотел это сделать, я бы подержал ему фонарик». Не замечая или не желая замечать его юмора, его клеветники игнорировали одну важную деталь: симпатичные шутники в его повести убивают только машины, - ни в коем случае не людей, в отличие от героев предшествующих литературных произведений, таких как «Апельсин с часовым механизмом» Энтони Бергесса и «Последний выход в Бруклин» Хьюберта Селби младшего.

Проницательный читатель видел в «Банде гаечного ключа» то, чем она была на самом деле: умный, остро сатирический, сочный вестерн, высмеивавший все – от одинокого рейнджера и Джона Вейна до женского движения. Никто не объявлял ее «литературным шедевром» - она таковым и не является – но, подобно «Хижине дяди Тома» Хэрриет Бичер Стоу или «Джунглям» Эптона Синклера, она была воодушевляющим призывом, она требовала «проснитесь!», - на этот раз от имени всего живого, находящегося под угрозой, от имени древних лесов секвойи. Эбби мечтал вернуться к тем временам, когда Американский Запад еще не был осквернен индустриальным развитием и опустошительным воздействием так называемого «прогресса». Он был убежден, что анархия – это просто демократия в действии, а экорейдеры в его книге – просто отважные американские патриоты подобно тем, кто принимал участие в «Бостонском чаепитии» или боролся плечом к плечу с Этаном Алленом и его «Парнями с Зеленых гор». Следуя этой традиции, члены «банды гаечного ключа» считали оправданными любые действия, к которым им приходилось прибегнуть для защиты региона «Четырех Углов» от «кабинетных начальничков», у которых сердца упрятаны в банковский сейф, а глаза заморожено уставились в калькулятор». Это было гражданское неповиновение согласно возвышенной традиции Торо. В конце концов, разве не удивил он своих читателей, защищая применение насилия против дамбы в своей «Неделе рек Согласия и Мерримак» (1849): «Я, прежде всего, с тобою, и кто знает, не сможет ли лом оказаться полезным против плотины Биллерика».

Вскоре после публикации «Банда гаечного ключа» стала жить своей независимой жизнью. К началу 1980 годов многие активисты охраны природы из низовых массовых организаций почувствовали себя преданными крупными традиционными природоохранными организациями, такими как Сьерра Клуб, который, как оказалось, вел секретные переговоры о будущей плотине в Глен Каньоне за закрытыми дверями с представителями Бюро мелиорации США при президенте Кеннеди. А затем была заключена вполне конкретная сделка, согласно которой Бюро согласилось отменить планы строительства плотины в Национальном памятнике природы Динозавр в штатах Юта и Калифорния в обмен на данное Клубом разрешение на строительство плотины в Глен Каньоне. Новая, воинствующая группа эконоанархистов, назвавшая себя «Земля – прежде всего!», разочарованная в политических методах, сделала

Эбби своим гуру, «Банду гаечного ключа» - своей библией, а кредо Джорджа Вашингтона Хейдьюка – «Видишь изыскательские вешки – вырывай!» – своим.

«Земля – прежде всего!» с самого начала своего существования начала раздражать и общество, и даже других активистов охраны природы. Вот каким образом группа заявила о своем существовании: ее основатели развернули вдоль лицевой грани плотины Глен Каньона узкую черную пластмассовую ленту длиной в сотню ярдов, которая должна была изображать глубокую трещину в теле плотины. Эта сцена была в точности взята с первых страниц «Банды гаечного ключа». Это был безвредный трюк в духе самодеятельного театра, но правительство США предпочло истолковать его как опасную акцию новой группы экотеррористов, подчеркнув водоворот противоречий: правые политики сразу же осудили действия «Земли – прежде всего!», в то время как левые хихикали над ее шутовским фиглярством. Заголовок одного из номеров «Лос-Анжелес таймс» за 1991 год обобщил двойственное восприятие группы: «Террористы или спасители?»

Многие аплодировали смелым выходкам этой группы, от блокирования дорог в Неваде, по которым двигались бульдозеры, сидения на деревьях, обреченных под топор лесоруба в Калифорнии, до закапывания соли на земляных взлетных полосах в Айдахо, с тем, чтобы олени или лоси затем выкапывали ее. На фоне их арестов в Вайоминге, заключения в тюрьму в Монтане, избиения в Орегоне члены Сьерра Клуба выглядели, как Юношеская лига по сравнению с настоящими спортсменами. Прообразом изменчивого, неуловимого Хейдьюка послужил приятель Эбби Даг Пикок, который после службы во Вьетнаме предпочел жить с медведями гризли в Йеллоустоунском Национальном парке. Хейдьюк стал олицетворением «Земли – прежде всего!», - бесстрашный эко-Давид, мечущий камни из своей пращи в механистического Голиафа. Дэвид Формен – один из основателей «Земли – прежде всего!», помогавший развертывать поддельную трещину вдоль грани плотины Глен Каньона, – написал учебник по экосаботажу в духе Эбби для начинающих под названием «Эко-защита: полевое руководство».

Как и следовало ожидать, ФБР постоянно держало под наблюдением этих современных луддитов, проникая в их группу, собирая магнитофонные записи разговоров между членами группы – их общая продолжительность составила 1200 часов, - и арестовывая многих из них за «шипование» деревьев, разрывы линий электропередач или поломку бульдозеров. Эбби никогда не был членом «Земли – прежде всего!», поскольку не хотел нести ответственность за ее широкомасштабный вандализм. Однако он гордился этим новым поколением участников «банды гаечного ключа», дружил с некоторыми из лидеров «Земли - прежде всего!», по просьбе которых он иногда делал свой краткий, но мудрый взнос в газету, издаваемую группой. «Радуйтесь жизни, - поучал он своих читателей в одном из таких опусов. – Держите свои мозги

в голове, а голова пусть крепко сидит на плечах, основательно прикрепленная к телу, телу активному и живому, - и я обещаю вам одну сладкую победу над вашими врагами».

За двадцать пять лет, прошедших после ее первой публикации, было продано более 700 тысяч экземпляров «Банды гаечного ключа», несмотря на то, что Эбби, - он умер в 1989 году, - вызывал раздражение у читателей «Нью-Йоркера» и «Пари Ревю». Он называл чтимого ими Тома Вулфа «фашистским хлыщом и гомиком», а канонизированного Джона Апдайка «занудным поставщиком дешевых провинциальных мыльных опер», но при всем том в число его наиболее упорных почитателей входили такие известные писатели как Джоан Дайдион, Венделл Берри, Томас Пинчон, Кормак Маккарти, Питер Маттисен, Хантер С.Томпсон, Ларри Макмэрти и Томас Макгвейн. Покойный Уоллес Стегнер заявлял, что Эбби «обладал жалом скорпиона», и что он был «наиболее активным выразителем странного желания Запада издеваться над самим собою со времен Бернарда ДеВото».

Американский Юго-Запад дал стране и других славных писателей – вспомним хотя бы таких, как Мэри Остин, Оливер Лафаржа или Барбара Кингсолвер, - но ни один из них не возбуждал воображение читателей до такой степени, как Эдвард Эбби. В своей двадцатой и последней книге – «Хейдьюк жив!», посмертном продолжении «Банды гаечного ключа», Эбби сказал свое последнее слово: «Каждый, кто принимает эту книгу всерьез, будет расстрелян. Каждый, кто не принимает ее всерьез, будет погребен заживо бульдозером ‘Мицубиси’».

В своей книге «Эпитафия пустынному анархисту: жизнь и наследство Эдварда Эбби» журналист Джеймс Бишоп младший вспоминает письмо, написанное когда-то Оскаром Уайлдом Вильяму Батлеру Ййтсу. В этом письме он, в частности, говорил, что «завидует тем мужчинам, которые стали легендарными при жизни». «Банда гаечного ключа» превратила Эбби из тонкого летописца каньонов штата Юта во вполне зрелую, популярную личность, литературный эквивалент «Зеленого» Джесса Джеймса. Даже смерть его окружена тайной, и в радикальных природоохранных кругах многие верят, что он до сих пор жив. Повсюду на Западе - на досках объявлений палаточных городков, на стенах туалетных комнат – можно видеть фразу «Эбби жив!»

Я предсказываю, что в будущем популярность и «Банды гаечного ключа», и легенды о самом Эдварде Эбби будут расти. Она будет возрастать вместе с ростом численности активистов природоохранного движения, и по мере того, как автомобилестроители Детройта будут осуществлять «Чистую революцию», заменив двигатель внутреннего сгорания водородными элементами, а правительство США снесет сооружения типа плотины в Глен Каньоне, которые вообще не следовало строить. Так же, как и «Безмолвная весна» Рейчел Карсон, знаменитую повесть Эбби будут всегда читать и почитать, благодаря ее пророческому

призыву охранять природу, брошенному во времена гипериндустриализации. Однако сам Эбби считал «Банду гаечного ключа» более созвучной со «Здравым смыслом» Тома Пейна. Она была написана для тех, кто будет читать ее в пропыленных тавернах, в отдаленных хижинах, в туристских маршрутах и шумных фабриках. Эбби никогда не интересовало, считают ли его книгу произведением искусства «Нью-Йорк Таймс» или Альфред Кейзин – она была написана, чтобы потрясать души, - и даже его самые беспощадные критики не могут не признать, что, по крайней мере в этом отношении, «Банда гаечного ключа» имела сногсшибательный успех.

Дуглас Бринкли – директор Центра американских исследований и профессор истории в
Университете Нового Орлеана.

П Р О Л О Г

Последствия

Завершено строительство нового моста между двумя суверенными штатами Соединенных Штатов Америки. Наступает время речей. Время знамен, оркестров и техно-индустриальной риторики, гремящей через усилители. Время обращений к общественности.

Люди ждут. Мост, украшенный национальными флагами, полотнищами и лозунгами на злобу дня, готов. Все замерло в ожидании официального открытия, заключительных торжественных речей, перерезывания ленточки и первых лимузинов, возглавляющих процессию. Неважно, что на самом деле всем известно, что этот мост вот уже полгода находится в промышленной эксплуатации.

Длинные колонны автомашин выстроились на подъездах к мосту, вытянувшись на милю к северу и югу. За ними следят полицейские на мотоциклах – грозные, тяжелые мужчины в скрипучей коже, такие непреклонные в своих шлемах, с жезлами, значками, дубинками, пистолетами, радиосвязью. Гордые, твердолобые, раздражительные лакеи богатых власть имущих. Вооруженные и опасные.

Люди ждут. Изнемогающие от зноя, жарятся в своих машинах, сверкающих в ревушем пламени солнца, как жуки. Белого солнца пустыни Юта-Аризона, горящего адским пламенем как плазменная фрикаделька в небесах. Пять тысяч человек зевают в своих автомобилях, напуганные полицейскими, истомленные до апатии бесконечными песнопениями политиков. Их пронзительно визжащие дети дерутся на задних сиденьях; растаявшее мороженое течет по подбородкам и локтям, оскверняя одновалентные радикалы виниловых сидений. Все терпят, хотя ни у кого не хватает духу выносить этот рев в сотни децибел, изливающийся через громкоговорящую систему массовых митингов.

Сам мост четок, как констатация факта, – это простая, элегантная и компактная арка из стали и бетона, как бы случайно несущая на себе ленту асфальта, тротуары, перила, сигнальные огни. Эта арка длиною четыреста футов перекрывает ущелье глубиною в семьсот футов: Глен Каньон. На дне его протекает усмиренная и прирученная река Колорадо, прошедшая через недра находящейся неподалеку плотины Глен Каньона. Бывшая когда-то золотисто-красной, как свидетельствует ее название, теперь река течет холодным, прозрачным, зеленым потоком цвета ледниковой воды.

Велика река – но плотина еще величественнее. С моста плотина представляет собой серую сплошную вогнутую поверхность бетонной конструкции, необозримую и немую. Гравитационная плотина, монолит весом восемьсот тысяч тонн, врезанная в песчаники

геологической формации навахо, составляющие ложе и стены каньона, создававшиеся пятьдесят миллионов лет. Затворы, блоки, толстые клинья – плотина пропускает всю мощь озадаченной реки через шлюзы, трубопроводы, турбину.

То, что было прежде могучей рекой, ныне – призрак. Духи морских чаек и пеликанов витают над ее иссохшей дельтой в тысяче миль от моря. Духи бобров плывут против течения, обнюхивая золотистую поверхность воды. Большие голубые цапли с болтающимися длинными ногами спускались, бывало, легкие, как москиты, на песчаные отмели. Древесные ибисы курлыкали в тополях. Олени бродили по берегам каньона. Белоснежные цапли-эгретки в тамариске, с плюмажами, развевающимися на легком речном ветерке ...

А люди ждут. Речи все продолжаются, много круглых ртов, одна и та же речь, и вряд ли хоть одно вразумительное слово. Кажется, будто в электросети поселились привидения. Громкоговорители, черные как антрацит, сияющие на верхушках фонарных столбов в тридцати футов над дорогой, неразборчиво режут и мычат, как марсиане. Обрывки смысла, скрипы, визги, невнятица технотронного полтергейста, задыхающиеся фразы и вибрирующие абзацы, вылетают вместе с пустыми ревушими звуками, но и они тоже – ВЛАСТЬ:

–Наш гордый штат Юта [бзззз!] рад предоставленной ему возможности [бронк!] принять участие в открытии этого прекрасного моста [блииип!], соединившего нас с великим штатом Аризона, так быстро развивающегося [йишииннннннннннн!], чтобы обеспечить дальнейший рост и экономическое ... [роук! йоук! йишиинг! нишиинг!], доставляет мне большее удовольствие, г-н губернатор, чем это важное событие [роуунк!] для обоих наших штатов с этой величественной плотинной ...

Ждут, ждут. Где-то далеко, в самом конце длинного ряда машин, куда уже не достигают ни звуки речей, ни взгляды полицейских, сигналит автомобиль. Снова звук того же гудка. Патрульный полицейский разворачивается на своем Харли, сердито хмурясь, и направляется вдоль ряда машин. Сигнал умолкает.

Индейцы тоже наблюдают и ждут. Столпившись на открытом склоне холма над дорогой, на том берегу реки, где расположена резервация, неформальное собрание племен юта, пайюта, хопи и навахо расположилось между новенькими пикапами. Мужчины и женщины пьют Токай, толпы детворы – пепси-колу, все жуют сэндвичи с майонезом в салфетках Клинекс от Вандера, Рейнбо или Холсума. Наши благородные краснолицые братья глазуют на церемонию у моста, но их уши и сердца – с Мерл Хаггард, Джонни Пейчек и Тэмми Вайнетт, орущих из радиоприемников их пикапов. Радиопередача станции К-А-О-С – *Каос!* – из Флегстаффа, Аризона.

Граждане ждут; официальные голоса, издаваемые вконец запутавшимися ораторами, монотонно и нудно бубнят и бубнят в микрофоны, через провода, населенные призраками.

Тысячи, сгрудившиеся в своих простаивающих машинах, мечтающие лишь о том, как бы, наконец, освободиться и вырваться первым на стальную арку моста, кажущегося невесомым, так грациозно соединившего пролет каньона – воздушную пустоту, в которой скользят и планируют ласточки.

Семь сотен футов вниз. Трудно полностью вообразить такую глубину. Река течет так далеко внизу, извиваясь среди береговых скал, что рев доносится туда тихим, как вздох. Дуновение ветра уносит прочь этот вздох.

Мост стоит, отчетливый и пустой, если не считать кучки элиты в центре, официальных лиц у микрофонов да символического ограждения из красно-сине-белой ленты, натянутой поперек моста между перилами. У обоих концов его припаркованы черные «Кадиллаки». Официальные машины, а также деревянные ограждения и патрульные мотоциклы держат массы, как в мышеловке. Выхода нет.

Далеко позади плотины, позади водохранилища, за рекой и мостом, за городом Пейдж, автодорогой, индейцами, и остальными людьми, их лидерами, раскинулась розовая пустыня. Там жара, под яростным июльским солнцем земля накаляется, вероятно, градусов до 150 по Фаренгейту. Все разумные твари спрятались в тени или пережидают день в прохладных норах под землей. Никто из людей не живет в этой розовой пустоте. Ничто здесь не останавливает взгляда, и он блуждает все дальше и дальше, через мили и мили камня и песка, вплоть до вертикальных фасадов столовых гор и плато на горизонте, в пятидесяти милях отсюда. Ничего не растет здесь, только кое-где можно увидеть заросли колючего кустарника и кактусов, да там и сям разбросаны корявые, скрученные, болезненного вида кусты можжевельника. Немного мелкой псоралеи, местами кустики хвоща. И больше ничего. Ничего не движется, кроме бледного вихря, приплясывающего маленького торнадо из пыли, который опадает, наткнувшись на каменный столб. Никто не наблюдает за этой бедственной землей, только гриф парит на воздушных потоках в трех тысячах футов над ней.

Стороннему наблюдателю, – если бы таковой существовал, – могло бы показаться, что канюк совершенно одинок в необъятности неба. Но это не так. Невидимые даже самому острому человеческому глазу, но хорошо заметные друг другу, остальные грифы ждут, лениво плавая в воздухе. И если один из них спускается, заметив кого-то мертвого или умирающего, другие налетают со всех сторон, ниоткуда, и толпятся, наклонив головы, вокруг чьего-то любимого тела.

Однако вернемся к мосту: музыканты объединенного оркестра высших учебных заведений городов Кенед, Юта и Пейдж, штат Аризона, измученные, но все же старательно исполняют сейчас воодушевленную редакцию «Соберемся ли мы у реки?», за которой следует «Звезды и полосы навеки». После паузы – редкие аплодисменты, свистки, подбадривающие

выкрики. Измученная масса чувствует, что конец близок, что мост вскоре будет открыт. Губернаторы штатов Юта и Аризона, бодрые дородные мужчины в ковбойских шляпах и остроносых башмаках, выступают вперед снова. У каждого в руках – пара гигантских золотых ножниц, сверкающих на солнце. Щелкают вспышки, совершенно излишние на таком ярком солнце – телекамеры фиксируют, как делается история. Когда они приближаются, из толпы зрителей выскакивает рабочий, торопливо направляется к ленточке, преграждающей путь к мосту, и поправляет что-то неуловимое, но, несомненно, важное. На нем желтая жесткая шляпа, украшенная наклейками-эмблемами его класса: американским флагом, черепом с двумя костями под ним, Железным крестом. Сзади, через всю спину его поношенного комбинезона, вышита отчетливо легендарная надпись: АМЕРИКА: ЛЮБИ ИЛИ ПОКИНЬ ЕЕ. Выполнив свою миссию, он быстро ретируется обратно, погрузившись в толпу, к которой он принадлежит.

Наступает самый ответственный момент. Толпа готова пропустить одно-два приветствия. Водители забираются на свои сиденья. Звук двигателей: моторы увеличивают обороты.

Финальные слова. Потихе, пожалуйста.

–Давай, старина. Разрежь эту ерунду.

–Я?

–Вместе, пожалуйста.

–Мне показалось, ты сказал ...

–Ладно, понял. Отойди. Так?

Большинство людей в толпе на дороге плохо видели, что произошло дальше. Но индейцы на склоне холма видели все это очень ясно. Лучшие места на трибуне. Они увидели выхлоп дыма, черного, с обоих концов разрезаемой ленты. Они увидели, как по мере сгорания ленты вдоль моста побежали искры, как при коротком замыкании. И когда высокопоставленные особы поспешно отпрянули назад, индейцы увидели незапрограммированный фейерверк, последовавший за ними. Из-под драпировок, украшавших мост, вырвался взрыв «римских свеч», горящих «колес Екатерины», китайских шутих и «вишневых бомб». Когда мост опустел, ярчайший фейерверк вспыхнул вдоль тротуаров. Ракеты выстреливали в воздух и взрывались – «серебряный салют», воздушные бомбы и М-80 гремели, вызывая сильные воздушные волны. Вихри дыма и огня вздымались и улетали, ленты шутих взмывали в воздух, как дымящиеся кнуты, щелкая и потрескивая, следуя по пятам за губернаторами. Толпа радостно зашумела, считая это кульминацией церемонии.

Однако она ошибалась. Это была еще не самая высшая точка кульминации. Внезапно самый центр моста поднялся, словно проткнутый снизу, и разломился надвое зубчатым

продольным зигзагом. Через эту нелепую трещину, изломанную, как молния, стремительно вырвалось в небо полотнище красного огня, сопровождаемое звуком оглушительного кашля. Это был громовой, потрясающий грохот огромного взрыва, от которого содрогнулись песчаниковые стены каньона. Мост раскрылся, как цветок, его отдельные части уже не соединяла никакая материальная связь. Фрагменты, куски и секции начали складываться, оседать, ослабевая, проваливаться и падать в бездну. Брошенные предметы, освобожденные от всяких связей, - золоченые ножницы, разводной гаечный ключ, пара пустых Кадиллаков, - начали скользить по устрашающе крутому уклону провалившейся внезапно автодороги, запустили себя, медленно поворачиваясь, в пространство. Потребовалось немало времени, пока они долетели до дна каньона, и когда, наконец, они грохнулись на камни и воду далеко внизу, звук удара, долетевший значительно позже, был едва услышан даже самыми внимательными.

Моста не было. Покореженные обломки, укрепленные в скальном основании, болтались по обе стороны каньона, как беспомощные пальцы, по направлению друг к другу, словно желая, но не имея воли дотянуться. Когда плотный султан пыли после катастрофы поднялся к небу, перевалив через край каньона, плиты асфальта и цемента, куски и клочья стали, арматурные прутья все еще продолжали падать, двигаясь в противоположном направлении – с неба на землю, - падая на семь сотен футов вниз, разбрызгивая воду, оскверняя реку, но не ускоряя ее движения.

По ту сторону каньона, где находится штат Юта, губернатор, генеральный подрядчик строительства автодороги и два высших чина Департамента госбезопасности пробирались через толпу к своим чудом сохранившимся лимузинам. Разъяренные, с каменными лицами, они совещались на ходу.

– Это – их последняя выходка, губернатор, обещаю Вам.

– Кажется, я уже слышал это обещание и раньше, Крамбо.

– Мне прежде не приходилось лично присутствовать при этом, сэр.

– Итак, что же ты предпринимаешь сейчас?

– Мы у них на хвосте, сэр. Мы хорошо представляем себе, кто они такие, как они действуют, и какой следующий шаг они планируют.

– Но не где они сейчас.

– Нет сэр, пока еще нет. Но мы уже близко.

– И какого же черта они планируют в следующий раз?

– Вы мне не поверите.

– А ты все же попробуй.

Полковник Крамбо указал пальцем прямо на восток. Указывая на *эту штуку*.

– Плотины?

–Да, сэр.

–Не может быть.

–Да, сэр, у нас есть веские основания.

–*Не плотину* Глен Каньона!

–Я ж говорил, что это звучит дико. Но именно это они планируют.

А в это время высоко в небе одинокий гриф поднимался ленивыми кругами все выше и выше, созерцая мирную картину внизу. Он смотрит вниз на совершенную линию плотины. Он видит ниже нее живое течение реки, а выше – голубое водохранилище, по безмятежной поверхности которого снуют, как водяные жуки, прогулочные катера. Вот сейчас он видит пару воднолыжников – их буксирные тросы провисли и вот-вот исчезнут под водой. Он видит вспышки солнечных бликов на металле и стекле бесконечной череды чадящих автомашин, плотно забивших дорогу, медленно ползущих по домам в Кенеб, Пейдж, Тьюба-сити, Пенгвич и далее. Он замечает вскользь темное ущелье главного каньона, разбросанные остатки моста, высокий желтый столб дыма и пыли, все еще поднимающийся, очень медленно, из глубин пропасти.

Как одинокий дымовой сигнал, как безмолвный символ бедствия, как один огромный, беззвучный, но поражающий воображение восклицательный знак, означающий – диво! – султан пыли повис на бесплодной равнине, указывая вверх, на небеса, и вниз, на картину гигантского разлома, потерю связей, на место, где разлепилось не только пространство, но и само время, разлепилось, разорвалось, прервалось, разорвалось, вырвалось. И затем оборвалось.

Под взглядом грифа, означающим ничего – ничего съестного. Под этим самым острым взглядом, догорало последнее мерцание плазмы там, далеко на западе, далеко за пределами значимости и этой пыли, и голубизны, равным образом ...

Истоки I: А. К. Сарвис, доктор медицины

Доктор Сарвис, с пятнистой лысиной и свирепым видом, грозный и благородный, как Сибелиус, ехал ночью по своим обычным делам, осуществляя свой проект благоустройства окрестностей путем сжигания рекламных щитов вдоль федеральной автодороги США 66, чтобы затем ретироваться по автобану, соединяющему два штата этой сверхдержавы. Его метод был прост, хирургически точен. Из пятилитровой канистры он обливал бензином стойки и всю опорную конструкцию намеченной цели, а затем зажигал спичку. Каждый должен иметь свое хобби.

В образовавшемся ослепительно-ярком освещении можно было увидеть, как он протаскился с пустой канистрой, хлопавшей его по колену, к своему линкольну Марк IV, стоящему неподалеку. Высокий, громоздкий мужчина, взлохмаченный, как медведь, он отбрасывал в свете пламени весьма впечатляющую тень на засушливую землю, усеянную разбитыми бутылками из-под виски, кустиками подорожника, старыми брошенными шинами и полосками протекторной резины. В мерцании огня его маленькие красные глазки пылали своим собственным яростным огнем, таким же ярким, как и раскаленный кончик сигары, зажатой у него в зубах – три фанатических красных фонаря, мерцающих в ночи. Он помедлил, чтобы полюбоваться своей работой:

ХОУДИ ПАРДНЕР

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АЛЬБУКЕРК, НЬЮ-МЕКСИКО

ЦЕНТР ЗЕМЛИ ОБЕТОВАННОЙ

Фары пролетающих мимо машин бросали на него свой свет. Их пронзительные сигналы нелепо мычали, когда болезненные, прыщавые юнцы с не опустившимися яичками проезжали мимо в ободранных, одурманенных Мустангах, Импалах, Стрингреях, Битлах. У каждого на коленях – сексапильная красotka с роскошными ресницами сидит, тесно прижав к нему свой зад, так что при взгляде через стекло заднего обзора на силуэт в свете встречных фар кажется, что машину ведет один водитель с двумя головами. Другие любовники пронеслись мимо покореженного щита, оседлав изрядно побитые мотоциклы фирмы Кавасаки с раскаленной вишнево-красной выхлопной трубой – как харакири, камикадзе, карате и кудзу, - дар дружественного народа, подарившего нам также (помните?) Пирл-Харбор. Мотоциклы, разбрасывая искры, ревели и дрожали, как технократические демоны в спазмах, пронзая когда-то бывшую здесь безграничную тишину ночи американского юго-запада.

Никто никогда здесь не останавливался, за исключением дорожного патруля, оперативно появившегося четверть часа спустя, радируя сообщение о необъяснимом возгорании рекламного щита легкомысленно-насмешливому диспетчеру в отделении. Затем он вылезал из своей машины, - рука в перчатке зажала огнетушитель – и пытался погасить пламя, покрывая его короткими сильными струями жидкого гидрохлорида натрия («мокрее воды», поскольку он лучше прилипает, как мыльная пена,

к горящим предметам). Напрасные, хотя и мужественные, усилия. Обезвоживаемые пустынными ветрами и иссохшим воздухом пустыни многие месяцы, а иногда и годы, сосна и бумага самых благородных, самых величественных рекламных щитов жадно отдавались пламени каждой своей молекулой, заворачивались в пламя с сумасшедшим вожделием, с восторженной мощью и напряжением, как любовники в момент оплодотворения. Всеочищающий огонь, всепоглощающее пламя, перед которым плутонический маньяк-поджигатель может только преклонить колена и молиться.

Док Сарвис к этому времени уже спустился по рыхлому откосу дороги под мерцающим светом творения его рук, швырнул пустую канистру из-под бензина в багажник своей машины, грохнул крышкой, на которой играли яркие, серебристые отсветы огня, и шлепнулся на переднее сиденье рядом со своим водителем.

–Следующий? – спросила она.

Легким щелчком он вышвырнул окурок своей сигары через открытое окно в канаву – след горячей дуги, описав траекторию в форме радуги, задержался на мгновение в ночи, затем он окончательно погас, дав на прощание целый сноп искр. Док развернул новую сигару Марш-Вилинг – его знаменитые руки хирурга при этом и не дрогнули.

–Давай обработаем западную сторону, - сказал он.

Большая машина скользнула вперед; мотор ее тихонько урчал, колеса с хрустом давили консервные жестянки, пластмассовые тарелки, брошенные после пикников на берме; новые подшипники мягко скользили в рабочей смазке, поршни, плавая в масле, двигались вверх-вниз в крепких, но нежных объятиях цилиндров, соединяя стержни с коленчатым валом, коленчатый вал – с ведущим валом, через дифференциал на ось, передавая всю энергию колесам.

Они приближались к цели. Я хочу сказать, они продвигались вперед в задумчивом молчании, к мигающему неону, спастическому анапесту камня, апоплексическому коловращению субботней ночи в городе Альбукерке, штат Нью-Мексико. (Чтобы одну субботнюю ночь побыть американцем в центре города, вы бы продали дьяволу вашу бессмертную душу). Они ехали вдоль Гласси Галч по направлению к двадцатиэтажным башням финансовых корпораций, горящим, как глыбы радия, под подсвеченным смогом.

–Абцуг.

–Док?

–Я люблю тебя, Абцуг.

–Я знаю, Док.

Они проехали мимо освещенного похоронного зала местного морга – «О, смерть, где твое жало?». Нырок! Под переезд железной дороги на Санта Фе (Святой веры) – «Держи все время на Санта Фе».

–Ах, - вздыхал доктор, - я люблю это, я так это люблю...

–Угу, но это мешает мне вести машину.

–*El Mano Negro* (черный мужчина – прим. перев.) ударяет снова.

–Ага, Док, ладно, но мы разобьемся, и моя мать подаст на тебя в суд.

–Верно, - говорит он, – но оно того стоит.

За довоенными мотелями, оштукатуренными и покрытыми испанской плиткой, на западной окраине города они въехали на длинный низкий мост.

–Останови здесь.

Она остановила машину. Док Сарвис глядел вниз, на реку, на Рио-Гранде, великую реку Нью-Мексико, на ее темные воды, сияющие в отраженных облаками огнях города.

–Моя река, - произнес он.

–Наша река.

–Наша река.

–Давай поплывем по этой реке.

– Уже скоро, скоро. – Он поднял палец. – Слушай...

Они прислушались. Река внизу бормотала что-то, словно обращалась к ним: пошли, поплывем со мною, доктор, через пустыни Нью-Мексико, вниз, через каньоны Биг Бенда, и дальше, дальше, к морю, туда, к Карибскому заливу, где юные сирены свивают свои венки из водорослей на твою лысую голову, о Док! Ты здесь? Док?

–Поехали, Бонни. Эта река усиливает мою меланхолию.

–Не говоря уж о твоём чувстве жалости к себе.

–Моем де жа вю.

–Ага.

–*“Mein Weltshmerz”*. *

–Твою *Welt-schmaltz*. Ты же так любишь ее.

–Ну-у ..., – он вытащил зажигалку, – кому до этого есть дело?

–О, Док. –Глядя на реку, продолжая вести машину, следя за дорогой, она похлопала его

---

*«Моя мировая скорбь».
«Твою мировую лезть».

по колену. – Не думай больше обо всем этом.

Док кивнул, поднося раскаленную спираль к кончику своей сигары. Мерцание зажигалки, мягкие огоньки приборной панели придавали его большой и костистой, лысой, но бородатой голове вид сильно поношенного достоинства. Он был похож на Яна Сибелиуса – с кустистыми бровями и бакенбардами, в полном расцвете своих сорока лет. Сибелиус дожил до девяноста двух. У Дока было впереди еще целых сорок два с половиной.

Абцуг любила его. НЕ слишком, быть может, но все же достаточно. Она была крепким орешком родом из Бронкса, однако, когда нужно, умела быть сладкой, как *apfelstrudel* (яблочный пирог – прим. перев.). Этот ее классический резкий голос мог иногда сильно действовать на нервы, когда она была раздражена, однако поцелуй, или конфетка, или легкий щелчок могли обычно растопить самый ледяной ее тон. Ее язычок, язвительный, как у гадюки, был все же сладким (думал он), как Моген Довид (Звезда Давида – евр., прим. перев.).

Его мать тоже любила его. Конечно, у его матери не было выбора. Именно за это ей и платили.

Его жена когда-то любила его, больше, чем он заслуживал, больше, чем требовала реальная жизнь. Если б у нее было достаточно времени, она, быть может, переросла бы это. Их дети уже выросли и были на другом конце континента.

Самые милые пациенты Дока тоже любили его, но не всегда платили по счетам. У него было несколько приятелей, несколько закадычных друзей по Демократической комиссии округа, с которыми он играл в покер, несколько собутыльников из клиники Медицинского института, пара соседей на Высотах. Ни одного близкого. Немногих его близких друзей вечно куда-то посылали; казалось, они редко возвращались, и их привязанности слабели, становясь не прочнее паутины их переписки, которая ветшала и увядала.

Поэтому он был горд и рад, что рядом с ним была в эту ночь такая чудесная медсестра и сердечная подружка; а их черный автомобиль поднимался тем временем на запад под розовым мерцанием особенной атмосферы этого города, присущей только ему одному, за последние станции Тексако, Арко и Галф, мимо последнего бара Вэйгон Вил, в распахнутый простор пустыни. Он был благодарен Бонни.

Высоко на западном плато, возле потухших вулканов, под сверкающими, сияющими ослепительным блеском, звездными небесами, они остановились среди беззащитных рекламных щитов со стороны автодороги. Время выбирать очередную цель.

Док Сарвис и Бонни Абцуг оглядели их. Так много, такие они все невинные и легко ранимые, выстроились стройными рядами плечом к плечу вдоль дороги, радуя взор. Трудно выбрать. Может быть, военный?

ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ

ФОРМИРУЕТ МУЖЧИН

Почему не женщин? - спросила Бонни. Или, может, выбрать вот этот, насчет грузовых перевозок:

ОСТАНОВЯТСЯ ГРУЗОВИКИ –

ОСТАНОВИТСЯ АМЕРИКА

Не угрожайте *мне*, вы, сукины сыны. Он просмотрел еще и политический:

ЧЕМ ПЛОХО БЫТЬ ПРАВЫМ?

ВСТУПАЙТЕ В ОБЩЕСТВО ДЖОНА БЕРЧА!

Но предпочел все-таки аполитичный:

ПРИЯТНОГО ВАМ ДНЯ

МЫ В НЕМ ВСЕ ВМЕСТЕ

Он бы выбрал их все, но ощутил некоторую тщетность своего хобби. Последние дни он делал это скорее по привычке, чем по убеждению. Был высший удел, призывавший их обоих – его и мисс Абцуг. Тот указующий перст, что снился ему, маня за собою.

–Бонни, что ты посоветуешь?

–Нужно сбить еще хоть один, Док. Не зря же мы проехали весь этот путь. Ты не будешь доволен, ели не сделаешь этого.

–Умница. Который же?

Бонни показала.

–Мне нравится вон тот.

Док сказал:

–Точно.

Он выкарабкался из машины и побрел к багажнику по обочине дороги через ее захламленное экологическое сообщество сорняков и консервных банок. Открыв крышку багажника, из-под клюшек для гольфа, запасного колеса, цепной пилы, флакона-распылителя с краской, инструментов для замены колеса, пустой канистры из-под бензина он вытащил оттуда другую канистру, полную, затем закрыл крышку багажника. Во всю длину заднего бампера его машины красовалась люминесцентная наклейка, провозглашающая сверкающим красно-синим белым: Я ГОРД ТЕМ, ЧТО Я АРМЯНИН!

На его машине были и другие чародейские знаки – он был поистине наклейкоманьяк – чтобы отпугивать зло: американский флаг был наклеен по всем четырем углам заднего стекла, флажок с золотой бахромой болтался на радиоантенне, в одном углу ветрового стекла красовалась наклейка –Член общества АЛОП «Американцы – за лучшее обеспечение правопорядка», а в другом – голубой орел Национальной стрелковой ассоциации с традиционной максимой: «Регистрируйте коммунистов, а не ружья».

Не колеблясь больше, поглядывая в обе стороны, суровый и собранный, как судья, со своими спичками и своей канистрой бензина в руках, Док зашагал вдоль канавы по бурьяну, битым бутылкам, тряпью и банкам из-под пива – по всем этой трагической и покинутой дребедени американских дорог, и наконец вскарабкался по откосу к объекту его .....

ЧУДО-ХЛЕБ,

ОБОГАЩЕННЫЙ ВИТАМИНАМИ

УКРЕПЛЯЕТ ТЕЛО

Лжецы!

А в это время там, внизу, его Бонни сидела в ожидании за рулем Линкольна с работающим двигателем, готовая к побегу. Грузовики и легковые машины с ревом пронеслись по шоссе, их фары на мгновение освещали лицо девушки, ее глаза цвета фиалки, ее улыбку, и наклейку на переднем бампере машины Дока, ту, что предвосхищала будущее: БОЖЕ, БЛАГОСЛОВИ АМЕРИКУ. ДАВАЙТЕ СОХРАНИМ ХОТЬ ЧАСТЬ ЕЕ.

Истоки II: Джордж В. Хейдьюк

Джордж Вашингтон Хейдьюк, Вьетнам, Особые войска, имел веские основания для недовольства. После двух лет, которые он провел в джунглях, принимая роды у монтаньярок и увертываясь от вертолетов (а то ведь эти парни палили сверху из своих беспорядочных дум-думов со скоростью тридцать выстрелов в секунду во все, что двигалось: кур, водяных буйволов, фермеров на рисовых чеках, газетных репортеров, заблудившихся американцев, врачей Зеленых беретов – словом, во все, что дышало), и еще одного года – пленным Вьетконга, он вернулся на Американский Юго-Запад, который он никогда не забывал. Вернувшись, он обнаружил, что это уже совсем не тот край, который он помнил, вовсе не та ясная, классическая пустыня под прозрачными, чистыми небесами, по которой он бродил в своих снах. Все изменилось под воздействием кого-то или чего-то.

Его родной город Таксон, из которого он уходил и куда теперь вернулся, был окружен теперь кольцом баз межконтинентальных ракет Титан. Открытая пустыня была донага ободрана, поскольку всю растительность, все живое полностью уничтожали гигантские бульдозеры, напоминавшие ему римские плуги, равнявшие с землей деревни Вьетнама. Эти техногенные пустоши наполнялись перекасти-полем и жилой застройкой – неопрятными будущими трущобами, сооружавшимися из зеленых плит два на четыре, сухого фибролита и сборных крыш заводского изготовления, которые срывал первый же хороший порыв ветра. И все это – в родных пенатах свободных созданий: жабовидных ящериц, пустынных крыс, ядозубов и койотов. Даже небо, этот купол неистойвой голубизны, который, как он когда-то думал, был недостижим, становилось свалкой газообразных отходов медеплавильных печей – всей той дряни, которую Кеннекотт, Анаконда, Фелпс-Додж и Американская металлоплавильная и обогатительная компания перекачивали в общее небо через трубы своих заводов. Дух ядовитого, отравленного воздуха обволакивал его родную землю.

Хейдьюк чувал во всем этом что-то отвратительное, нездоровое, нечистое. Медленно поднимавшаяся горечь постепенно раздражала его нервы и сердце; медленно разгоравшаяся злость держала его в постоянном напряжении; шерсть на загривке, как у дикого зверя, начинала подниматься. Хейдьюк *тлел*. А он вовсе не был терпелив.

Проведя месяц с родителями, он помчался к своей девушке в Лагуна Бич. Нашел, победил и потерял ее. Он вернулся в пустыню, направляясь на северо-восток, к каньонам, к Аризона Стрип и нетронутым землям за нею. Там было одно местечко, которое ему нужно было увидеть, посидеть и поразмышлять над ним какое-то время прежде, чем он сможет понять, что же ему следует делать дальше.

Это был Лиз Ферри, река Колорадо, Гранд Каньон.

Хейдьюк грохотал по асфальту в своем подержанном джипе, одним глазом следя за дорогой, поскольку второй зудел и слезился от сенной лихорадки – у него была аллергия на перекасти-поле, этот экзотический фрукт из монгольских степей. Он купил этот голубой джип, выгоревший на солнце и иссеченный песчаными бурями, в Сан-Диего у каких-то дельцов, занимавшихся перепродажей автомобилей. Их звали Энди Честная Сделка и Джонни Большой Доллар. Первой вышла из строя бензонасос – это случилось у Броули; а в Юме, кое-как съехав с автострады на спущенной шине, он обнаружил, что Честная Сделка продал ему (правда, всего за 2795 долларов) джип без домкрата. Чепуховые проблемы – ему нравилась эта машина; ему доставляли удовольствие удобные дополнительные аксессуары – трубчатый каркас, вспомогательный бензиновый бак, оправа магнето, широкий протектор покрышки, втулки и лебедка от Ворна, последняя – со 150-футовым тросом, подставка для банки с пивом, привинченная к торпеде, свободная и естественная окраска.

В пустыне ему стало легче. Неясная злость понемногу отпускала. На обочине грунтовки, на которую он съехал с автострады, подальше от шумного движения, он устроил себе пикничок. Грунтовка эта вела на восток, к вулканическим обрывам гор Кофа, находившимся в десятке миль отсюда. Он сидел на теплом камне, нагретом жарким весенним солнцем, жуя свой сэндвич – сыр, ветчина и маринованный огурчик в луковой булочке, - запивая его пивом, и каждая его пора, каждый нерв раскрывались навстречу сладкому покою и тишине пустыни Аризона. Он огляделся вокруг и обнаружил, что все еще хорошо помнит названия почти всех этих низкорослых деревцов: мескитовое дерево (прекрасное топливо, если нужно обогреться и приготовить еду, бобы, которые сгодятся в пищу в трудные времена, тень - для выживания в пустыне); зеленокорое палочерде со стволом и ветвями, полностью лишенными листьев (весь хлорофилл находится в его коре); изящная, тоненькая скумпия, плывущая, как мираж, омываемый горячим песком пустыни.

Хейдьюк двинулся дальше. Горячий яростный ветер пустыни свистел мимо его открытого окна со скоростью 65 м/сек, трепал рукав его рубашки, целовал ухо, а он ехал все вперед и вперед, на северо-восток, в прекрасную страну, добрую страну, страну Бога, страну Хейдьюка, ей-богу. И пусть она такой и остается. Не то, видит Бог, будет худо.

Ему двадцать пять лет отроду. Он невысок, широк в кости, крепок и силен, этот парень, мускулистый и плотный, сложенный как борец. У него густая щетина на лице, крупный рот и здоровые зубы, широкие скулы и густая копна иссиня-черных волос. Что-то от индейцев шони было в его крови, что-то в его генетическом коде от каких-то далеких, быть может, предков. Его руки, большие и мощные, светлая кожа под черными волосами; долгое время он был в

джунглях, а потом в госпитале.

Не выпуская из рук баночки, он выпил еще одну банку пива. Две с половиной упаковки по полдюжине банок до Лиз Ферри. Здесь, на открытых просторах Юго-запада, они с друзьями измеряли расстояния в этих упаковках по шесть банок пива, выпитых каждым из них. Лос-Анджелес – Феникс – четыре упаковки; Таксон – Флегстаф – три; Феникс – Нью-Йорк – тридцать пять упаковок. (Время относительно, давным-давно сказал Гераклит, а расстояние есть функция скорости. Конечной целью развития транспортных технологий является аннигиляция пространства, сжатие всего сущего в одной предельной точке. Отсюда следует, что упаковки с пивом этому способствуют. Скорость – самый сильный наркотик, а алкоголь – горючее ракет. Всю эту теорию Хейдьюк сформулировал совершенно самостоятельно).

Он чувствовал и разделял веселое возбуждение солнца, ток алкоголя в крови, удовольствие от своего джипа, бежавшего ровно, спокойно, надежно, нацелившегося носом прямо на красные утесы страны каньонов, пурпурные столовые горы, розовые скалы и голубых птиц. Все датчики его сложной нервной системы показывали тревогу. Но так было всегда. И он был счастлив.

Где-то был особый лагерь Особого подразделения. Где-то был особый указатель, который висел вместе с флагами конфедерации между въездными воротами и особым лагерем. Он гласил:

Если ты убиваешь ради денег – ты наемник.

Если ты убиваешь ради удовольствия – ты садист.

Если ты убиваешь ради и того, и другого – ты Зеленый Берет.

Добро пожаловать!

«Добро пожаловать» в прекрасную страну. Горы Флегстафа маячили далеко впереди – высокие пики с шапками снега. Серо-голубой дым лесопилок плыл на фоне зеленоватого хвойного тумана Национального парка Коконино – огромного пояса вечнозеленых лесных угодий северной Аризоны. Свежее дыхание прохладного, чистого воздуха, тяжелый запах резины, запах дыма влетали к нему через открытое окно. Ни одно облачко не коснулось неба над горами; оно было глубоким, темно-синим, как безграничная страсть.

Хейдьюк улыбнулся, изгибая ноздри (изометрическая йога), открыл следующую банку пива. Он направлялся во Флегстаф: население – 26 тыс., 6900 футов над уровнем моря. Он вспомнил одного копа в этом городе, которого он всегда хотел найти и поквитаться. Несправедливый арест, ночь в камере с двадцатью вонючими навахо. Целых три года что-то гноилось в уголке его мозга, какой-то непроходящий зуд.

Какого черта, подумал он, почему не сейчас? Он свободен, никакого занятия получше у

него нет. Почему бы и не сейчас, в конце концов? Он остановился, чтобы наполнить бак у бензозаправки самообслуживания, проверил масло, затем нашел в телефонной книге нужное ему имя и адрес. Ему нетрудно было запомнить это имя: именной знак на кителе, так же как и кокарда, как и флажки на лацканах, стояли перед мысленным взором Хейдьюка так явно, как будто это случилось прошлой ночью.

Он поужинал в темном кафе, затем поехал по указанному адресу, припарковался за полквартала до него и стал ждать. Вечер, краткие южные сумерки; зажглись фонари. Он ожидал ночи, поглядывая на фасад дома. Он произвел инвентаризацию оружия, имевшегося в его распоряжении, припрятанного нелегально здесь, в джипе: один индейский нож – Особый – заточенный до остроты бритвенного лезвия; один револьвер 357 калибра, без одного патрона полностью заряженный; один небольшой стальной самострел ветеринарной службы, сделанный из сбитого американского вертолета – сувенир от Дака То (*Хоа бинь!*); один карабин-винчестер модели 94, классическое ружье для охоты на оленей, в кожаном чехле; один АК-47 (еще один сувенир) с двумя заряженными обоймами, связанными вместе; и, наконец, главная единица, основа его арсенала, важнейший предмет любого хорошо оснащенного боекомплекта – снайперская винтовка Ремингтон переменного калибра, достаточно точное, чтобы отстрелить мочку уха с пяти сотен ярдов (скоростное, плоская траектория, и т.п.). Плюс дополнительные боеприпасы, порох, капсулы, пули, гильзы. Как и многие американцы, Хейдьюк любил оружие, ощущение смазки, резкий запах жженого пороха, вкус бронзы, блеск медных сплавов, хорошего качества ножи, все мастерски изготовленные орудия смерти.

Хотя он все еще любил бурундуков, малиновок на заре и девушек, но, как и многие другие, он приобрел вкус к методическому, хорошо обдуманному, точно рассчитанному уничтожению. Сейчас он усиливался жаждой справедливости (статистически крайне редкой) и консервативным инстинктивным желанием, чтобы все было не так, как есть, а так, как должно быть (что случается еще реже); чтобы все было, как прежде.

(–Девушки? – говаривал сержант. – В темноте они все на одно лицо. Ломаного гроша за них не дам. Вот вы бы видели *мою коллекцию пистолетов!*») Этот сержант, - а, может, какой-нибудь еще, - неуклюже тяжелый в своем черном мешке, отправился домой в деревянной шинели подобно 55 тысячам других).

Сидя в ожидании в потемках, Хейдьюк рассмотрел несколько предложений. Во-первых, никакого убийства; наказание должно соответствовать преступлению. В данном случае преступлением была несправедливость. Полицейский, по имени Холл, арестовал его за пьянство в общественном месте, - и это был незаконный арест, поскольку Хейдьюк не был пьян. На самом деле он совершил следующее: в три часа утра, в квартале от своей гостиницы, он остановился и наблюдал, как Холл и его подручный без полицейской формы допрашивали

проходившего мимо индейца. Холл, не привыкший к тому, чтобы за ним следил какой-то неизвестный штатский, направился к нему через улицу, раздраженный, злой, нервный, требуя немедленно предъявить удостоверение личности. Его поведение взвинтило Хейдьюка мгновенно.

–Зачем?– спросил он, держа руки в карманах.

–Вынь руки из карманов!– потребовал коп.

–Зачем? – спросил Хейдьюк. Рука Холла задрожала на спусковом крючке пистолета – это был молодой, невротичный, неуверенный в себе полицейский. Второй мужчина ждал в патрульной машине, наблюдая, зажав ружье дулом вверх между коленями. Хейдьюк неохотно вытащил руки из карманов. Холл схватил его за горло, протащил через улицу, прижал к патрульной машине, обыскал, учуял запах пива. Следующие двенадцать часов Хейдьюк провел на деревянной скамье в городском вытрезвителе, единственный белый среди хора стонущих пьяных индейцев. Их тошнило. Все это как-то раздражало.

Конечно, я не могу его убить, думал Хейдьюк. Все, что мне надо – поколотить его слегка, дать немного работы его дантисту. Ну, может, вывихнуть ребро. Испортить ему вечер – ничего опасного или непоправимого. Но вот вопрос – узнает ли он меня? Сможет ли он вспомнить наше предыдущее, в общем-то краткое, знакомство? Или останется лежать на тротуаре, размышляя, какого черта все это значит.

Он был уверен, что Холл не сумеет вспомнить и опознать его. Как сможет коп, подбиравший каждую ночь дюжины пьяниц, бродяг и праздношатающихся, вспомнить приземистого, крепкого, неприметного и невыразительного Джорджа Хейдьюка, который, к тому же, сильно изменился с тех пор – возмужал, потяжелел и зарос?

Патрульная машина городской полиции Флегстафа с притушенными фарами медленно подъехала к дому Холла и остановилась у подъезда. Хорошо. В ней только один человек. Очень хорошо. Мужчина вышел из машины. Он был в штатском. Хейдьюк следил за ним сквозь сумрак, сидя в машине за полквартила от него, сомневаясь. Мужчина подошел к двери дома и вошел в него, не задерживаясь, чтобы постучать. Должно быть, Холл. Или, возможно, один дежурный полицейский. Еще несколько окон осветилось в доме.

Хейдьюк сунул револьвер за пояс, вылез из джипа, надел плащ, чтобы скрыть оружие, и пошел мимо дома Холла. Шторы задернуты, ставни опущены; ему ничего не удалось увидеть внутри. Двигатель патрульной машины бал включен. Хейдьюк дернул дверцу машины – она была не заперта. Он повернул за угол дома, пройдя под деревьями и фонарями, и направился по гравию дорожки, что шла позади домов. Среди мусорных куч, столбов для бельевых веревок, детских качелей лаяли собаки. Сосчитав двери, он увидел через кухонное окно человека, которого искал. Все еще молодой, видный мужчина, совершенный ирландец. В одной руке он

держал чашечку кофе, другой похлопывал по заду свою жену. Она выглядела довольной; она выглядела сбитой с толку. Типичная семейная сцена. Железное сердце Хейдьюка слегка оттаяло по краям.

Времени было мало. Он нашел неогороженное пространство между домами и заторопился обратно на улицу. Патрульная машина была на месте, двигатель все еще работал. В любой момент Холл мог отставить свою чашку с кофе и выйти, чертов ублюдок. Хейдьюк скользнул за руль машины и, не включая фар, поехал тихонько к ближайшему перекрестку. Одинокий зеленый глаз Моторолы мерцал в темноте из-под приборной панели; из динамика доносился постоянный поток спокойных мужских голосов, обсуждающих кровь, разрушения, катастрофы. Лобовое столкновение на Горной улице. Тем лучше для Хейдьюка – стандартное обсуждение очередной трагедии даст ему, пожалуй, еще минуту – другую, прежде чем Холл поднимет тревогу. Повернув за угол и направляясь в сторону Главной улицы и железной дороги на Санта Фе, он собрался, готовясь к атаке. У Холла дома наверняка есть полицейская рация. Тем временем Хейдьюк обдумывал свои планы. Чего не следует делать. Он решил, во-первых, не делать попытки вломиться на патрульной машине в вестибюль мэрии. Во-вторых ...

Он разминулся с полицейской машиной, шедшей навстречу. Офицер за рулем помахал ему рукой; Хейдьюк помахал в ответ. Немногие пешеходы провожали его взглядом. Он взглянул в зеркало заднего обзора. Вторая полицейская машина остановилась на перекрестке, пережидая красный свет.

Пауза в радиопередатчике. Затем голос Холла: –Всем подразделениям, 10-99. Всем подразделениям, 10-99. Машина двенадцать, 10-35, 10-35. Повторяю, всем подразделениям, 10-99. Машина двенадцать, 10-35. Подтвердите получение, пожалуйста. КВ-34 дистанционный.

Здорово держит себя в руках, подумал Хейдьюк. Как мог он забыть этот голос? Эту холодную ирландскую хорошо контролируемую истерию. Господи, как же он меня ненавидит сейчас! Ненавидит кого-то, вообще говоря.

Радио замерло на секунду – сразу несколько голосов попытались ответить одновременно. Все умолкли. Пробился один голос, громкий и ясный.

–КВ-5, КВ-6.

–КВ-5.

–Мы видели машину двенадцать минуту назад. Шла на юг по Второй улице между Федеральной и Горной.

–Десять-четыре, КВ-6. Все мобильные подразделения, кроме машины четыре, немедленно направляетесь в центр города; 10-99; 10-99, машина двенадцать. КВ-34, КВ-5.

Хейдьюк ухмыльнулся. Теперь они все вызывают Холла. Он добился своего.

–КВ-34, КВ-5. Ответьте, пожалуйста.

–КВ-34.

–Десять-девять?

–Десять-два?

–Десять-девять?

–Что?

–Где ты, Холл, черт тебя дери?

–КВ-34 дистанционный.

–А кто же за рулем двенадцатой?

–Не знаю.

Хейдьюк взял микрофон, нажал кнопку передатчика и сказал:

–Я, чертовы дармоеды. Развлекаюсь немножко в вашем дерьмовом городке на два очка, ясно? КВ-34, конец связи.

–Десять-четыре, - сказал диспетчер. Пауза. И потом: –Пожалуйста, кто говорит?

Хейдьюк подумал минутку. –Рудольф, - сказал он. – Вот кто.

Снова пауза.

–КВ-5, это КВ-6.

–Валяй.

–Мы видим объект. По-прежнему направляется на юг.

–Десять-четыре. Готовьтесь к перехвату.

–Десять-четыре.

–Десять-четыре, дерьмо, - сказал Хейдьюк в микрофон. – Вы еще поймайте меня сначала, сосунки тупоголовые, мать вашу...– На мгновение он пожалел, что не может как-нибудь услышать свою передачу. Конечно, все это записывалось на пленку в полицейском участке. Он вдруг вспомнил, что есть такая штука, которая называется «отпечатки голоса» - звуковой аналог отпечатков пальцев. Возможно, он еще *услышит* свою радиопередачу – попозже, в конце концов. В судебной палате Аризоны. Вместе с важными, серьезными присяжными. Черт бы побрал их взгляды.

Голос по рации:

–Предупреждаем, что Федеральная Комиссия по вопросам связи ведет мониторинг всех радиопередач, и что злоупотребление полицейской радиосвязью или брань является государственным правонарушением.

–К черту Федеральную Комиссию по вопросам связи. К черту всех копов Флегстафа. Плевал я на вас с высокой каланчи.

Ухмыляясь в темноте, бесшумно пролетая по почти пустым в этот час улицам, он ожидал ответа. Ответа не последовало. Тогда он сообразил, что все еще сжимает в руке

микрофон, нажав на кнопку трансмиттера, и что при этом он перекрывает весь канал. Он бросил микрофон и сосредоточился на дороге. Радиосвязь возобновилась – устойчивый поток спокойных, уверенных, жестких мужских голосов. Вот что я тебе скажу, подумал он, поедем-ка мы к железной дороге. Она всего в квартале отсюда. Сирены позади, крушение впереди.

На железнодорожном пересечении замигали красные огоньки. Предостерегающе прозвучал сигнал колокола. Приближается поезд. Впереди уже повисли деревянные рейки шлагбаума. Он проскочил под первой и вжал до отказа тормоза, намертво остановив машину как раз посередине колеи. Он поглядел в обе стороны и увидел сквозь ревущую темноту сверкающий свет приближающегося локомотива, почувствовал гром стальных колес, услышал пронзительный гудок дизеля. В ту же секунду он услышал завывание полицейских сирен, менее чем в двух кварталах за собой увидел летящие на него синие проблесковые огни.

Хейдьюк выскочил из машины Холла в самом центре железнодорожного пересечения. При этом, однако, он успел прихватить с собой ружье, шлем и фонарь с шестью батарейками. Поспешно ретируясь с места своего преступления, с полными руками и сердцем, отчаянно бьющимся от радости, он услышал – сквозь визг тормозов, рев сирен – один цельный, мощный металлический удар, продолжительный, глубоко удовлетворяющий.

Он глянул через плечо. Ведущий локомотив с тремя дополнительными блоками питания, скрежеща тормозами, подгоняемый инерцией 125 товарных вагонов, катился по рельсам, толкая своим железным носом труп патрульной машины, дробя железо о сталь, взметая снопы искр. Машина перевернулась, бак с горючим проломился, взорвавшись шафрановым и синим пламенем, - скользящий костер, осветивший по пути ряд товарных вагонов на запасном пути, задний фасад отеля «Монтесума» (комнаты на 2 доллара дороже), несколько телеграфных столбов, рекламный щит («Добро пожаловать во Флегстаф – сердце прекрасного Севера!») и покинутую, всеми забытую, антикварную водонапорную башню Атчисона, Топека и Санта Фе, Депо Флегстафа.

Сжимая свои трофеи, Хейдьюк пробежал по чернильно-темным аллеям, обходя железо, закон, полицейские машины, пронзительно визжащие по городу, как сумасшедшие шершни. Оказавшись в безопасности своего джипа, он благополучно покинул город и поехал в бархатную темноту, никем не пойманный, нетронутый.

Он спокойно спал в эту ночь под сенью сосновой роши у кратера Заката, в двадцати милях к северо-востоку, в своем затасканном, широком спальном мешке на гусином пуху, легком, как перышко, теплом, как материнское лоно. Под бриллиантовым сиянием Ориона, приглушенным мерцанием Семи Сестер, едва заметными следами падающих звезд, светящимися блеклым пламенем. Какая безмятежность во всем. Удовлетворение от хорошо

выполненной работы. Он стал мечтать о доме, где бы он ни был. О шелковистых бедрах, куда бы они ни завели. О дереве, зеленее, чем мысль, в каньоне, красном, как железо.

Поднявшись до восхода, в серебристо-голубых сумерках, он приготовил себе кофе на своей крошечной плитке Примус. «Химикаты! Химикаты! Мне нужны химикаты!» проскандировал он утреннюю мантру Хейдьюка. Сквозь одинокие сосны он увидел, как диск плазменного водорода, слишком яркий для человеческого взгляда, внезапно поднялся над морщинистыми кряжами Красочной пустыни. Прохладная мелодия флейты приплыла ниоткуда – запел пестрый американский дрозд.

В дорогу, Джордж. На север. Он наполнил бак на своей любимой автозаправке у торгового центра Святой горы, подписал петиции («Спасем Черную гору!» «Прекратить разработки карьеров!») и купил новые наклейки на бампер, наклеив их поверх облюбованных прежним владельцем, гласивших: «Доброго вам дня! Чмок!»

Он катился вниз, со Святой горы в розовый рассвет, в бассейн Малой Колорадо, в пастельно-розовые, шоколадно-коричневые, темно-желтые тона Красочной пустыни. Земля окаменелых лесов. Земля индейцев, страдающих глаукомой. Земля тканей ручной работы, выкрашенных растительными красками, серебряных поясов и перегруженной системы социального обеспечения. Земля исчезнувших динозавров. Земля современных динозавров. Земля опор ЛЭП, шагающих сомкнутым жестким строем через равнинные пески пустыни, как 120-футовые космические чудовища.

Хейдьюк нахмурился, открывая первый пакет с шестью банками пива (полтора – до Лиз Ферри). Он не помнит, чтобы этих опор было так много. Они широко шагают на горизонте во всем своем великолепии, схваченные воедино петлями блестящих высоковольтных проводов, заряженных энергией плотины Глен Каньона, Навахо ГЭС, электростанций Фор Корнерз и Шипрок, направляемой на юг, в бурно развивающиеся Калифорнию и Юго-Запад. Прославленные, богатые города, питающиеся за счет беззащитных внутренних районов.

Вышвырнув пустую банку за окно, Хейдьюк мчался дальше на север, через страну индейцев. Знакомая земля, перечеркнутая новыми линиями электропередач, небо, задыхающееся от дыма электростанций, горы, ободранные карьерами, обширные пастбища, обгрызенные до смерти, развеваемые ветрами. Трущобные селения с домишками из шлакоблоков и хижинами из оберточной бумаги выстраиваются вдоль магистрали – племя размножается, плодовитое, как микробы: в 1890 году их было 9500, нынче – 125 000. Изобилие! Процветание! Сладостное вино и самоубийство, о вас наши песни.

Главная-то беда с этими индейцами, размышлял Хейдьюк, заключается в том, что они ничуть не лучше всех нас. Главная беда – что они так же глупы, жадны, трусливы и скучны, как и мы, белые.

За этими размышлениями он открыл вторую банку пива. В поле зрения появился торговый центр Серой горы; усталые индейцы отдыхали у солнечной стороны стены. Женщина в традиционной вельветовой блузе присела на корточки рядом с мужчинами, задрала свою длинную, широкую юбку, чтобы пописать в пыль. Женщина ухмыляется, мужчины хохочут.

Приблизилось Устье Большого Каньона.

Поток транспорта мешал его нетерпеливому продвижению вперед. Прямо перед ним крошечная леди с голубыми волосами пялится через баранку на дорогу, - голова ее почти на уровне приборной панели. Она-то что тут делает? Рядом с нею – маленький старичок. Номерные знаки штата Индиана на их стареньком автомобиле. Мама с папой выехали на экскурсию по стране. Едут благоразумно и безопасно, со скоростью 45 миль в час. Хейдьюк ворчит. Давай, леди, двигай, или убирайся к черту с дороги. Господи, диву даешься, как они умудрились вообще вытолкать эту штуку из гаража и повернуть носом на запад.

Через две мили - Торговый центр Устье. Остановившись там за пивом, он подслушал, как менеджер секретничал с клерком, показывая ему индейское одеяло ручной работы:

–Дал за него сорок долларов. Эта скво собиралась в Синг, и ей срочно нужны были деньги; мы его продадим за двести пятьдесят.

Дорога впереди все еще ныряла, опускаясь в долину Малой Колорадо и Красочную пустыню. С семи тысяч футов на перевале до трех тысяч – у реки. Он взглянул на альтиметр, установленный на щитке. Инструмент говорил то же самое. Здесь поворот на Южный Кряж, Большой Каньон. Даже сейчас, в Мае, машин с туристами казалось очень много: непрерывный поток стали, стекла, пластмассы и алюминия, вытекающий из устья. Большинство из них сворачивало на юг, к Флегстафу, но некоторые ехали в обратную сторону, на север – к Юте и Колорадо.

Моя дорога, думал он, они едут моей дорогой; они не смеют этого делать. Будет им дорога. Уже скоро. Всем им. Они едут на своих паршивых жестянках в святую землю. Они не смеют этого делать; это не законно. Есть закон против этого. Высший закон.

Так ведь и ты едешь туда же, напомнил он себе. Да, но я-то еду по важному делу. И потом, я – элита. И вообще, если дорога построена, почему не воспользоваться ею. Я тоже плачу налоги; дураком бы я был, если б пошел пешком по обочине, а все эти туристы пускали бы мне в лицо вонючие выбросы своих машин, разве нет? Разве нет? Конечно! Но если б я хотел идти пешком – и я пойду в свое время – что ж, я бы прошел всю дорогу от Гудзонова залива и обратно. И пройду еще.

Хейдьюк мчался вперед на максимально допустимой скорости, вырвавшись вперед, забирая постоянно на северо-северо-запад мимо Ущелья, мимо Кедрового Кряжа (снова набирая высоту) по направлению к Скалам Эхо, Алтарю Шинумо, Мраморному Каньону, Алым

Скалам и реке. Колорадо. *Этой* реке. И вот, в конце последнего длинного подъема, перед ним открылась – наконец – страна, к которой он стремился, земля его души, простирающаяся перед ним в точности такой, какой она снилась ему три долгих года войны в джунглях.

Он поехал дальше почти осторожно (для него) по длинному петляющему спуску – двадцать миль дороги, четыре тысячи футов высоты – к реке. Нужно прожить еще как минимум час. Внизу раскрылся Мраморный Каньон – черная расселина, как черная трещина, разверзшаяся во время землетрясения в серо-коричневой земле пустыни. Северо-восточнее, в направлении темной расщелины в песчаниковом монолите, где Колорадо выкатывала свои воды на поверхность из недр плато, маячили Скалы Эхо. Севернее и западнее этой расщелины поднималось Плато Парья, мало известное, где никто не живет, и хребет Алых Скал длиной тридцать миль.

Радостный Хейдьюк, все время прихлебывая пиво, прикончил очередные шесть банок, купленных во Флегстафе и ехал на здоровой и безопасной скорости 70 миль в час. Колеса – к реке, какая-то бессвязная песня несется навстречу ветру. Он представлял серьезную опасность для остальных водителей, однако оправдывал себя следующим образом: если не пьешь – не садись за руль. Если пьешь – гони, как угорелый. Почему? Потому что высшее благо – свобода, а не безопасность. Потому что государственные дороги должны быть открыты для всех – детишек на трехколесных велосипедах, крошечных леди на Плимутах времен Эйзенхауэра, лесбиянок, самоубийственно ведущих сорокатонные тракторные трейлеры. Давайте обойдемся *без* фаворитов, *без* водительских прав, *без* всех этих чертовых правил дорожного движения. Чтоб все открытые автострады были открыты для всех.

Довольный, как свинья в навозе, – это Хейдьюк, возвращающийся домой. Шпилька – узкий поворот дороги почти на 180° - при подъезде к мосту. Знак: ОСТОРОЖНО: СКОРОСТЬ 15 МИЛЬ В ЧАС. Шины визжат, как мартовские коты, - он берет первый поворот с заносом на обе ведущие оси. Еще один. Пронзительный скрежет шин, запах раскаленных тормозных барабанов. Появляется мост. Он изо всех сил жмет на тормоза, выжимает сцепление, исполняя на тормозах танец с носка на пятку, сцепление – педаль газа.

Следующий знак: ОСТАНОВКА НА МОСТУ ЗАПРЕЩЕНА. Он останавливается на самой середине моста. Глушит мотор. Прислушивается на мгновение к тишине, к вздохам реки, катящей свои воды в четырехстах футах под ним.

Хейдьюк выбирается из джипа, идет к перилам моста, вглядывается вниз. Колорадо, третья по длине река Америки, бормочет что-то своим песчаным берегам, закручивает водовороты вокруг обвалившихся камней, течет, устремляясь к морю под белыми известняковыми стенами Мраморного Каньона. Выше по течению, за изгибом реки, лежит Лиз Ферри, ставший покинутым и ненужным из-за моста, на котором стоит Хейдьюк. Ниже по

течению, в пятидесяти милях по воде, река втекает в Большой Каньон. Слева от него, на север и запад, Алые Скалы сияют нежно розово, как арбуз, в свете заходящего солнца – мыс за мысом вертикальных утесов песчаника; профиль каждой скалы выглядит мистически – загадочно, торжественно, нечеловечески величественно.

Давит мочевой пузырь. Автострада тиха и пустынна. Быть может, конец света уже наступил. Пора отлить, облегчить почки, выпустить этот напиток. Хейдьюк расстегивает ширинку и посылает струю отфильтрованного пива «Шлитц» в четыре сотни футов длиной до самого русла реки глубоко внизу. Никакого святотатства – только безмолвное ликование. Летучие мыши мелькают в темной глубине каньона. Над рекою парит большая голубая цапля. Теперь ты среди друзей, Джордж.

Забыв застегнуть ширинку и оставив джип на пустынной дороге, он шагает до конца моста и взбирается в гору, на край каньона, - возвышенное место, откуда открывается вид на пустыню. Он опускается на колени, поднял щепотку красного песка и съел его. (Полезно для птичьего зоба. Много железа. Полезно для желудка). Поднявшись с колен, он обозрел реку, парящие скалы, небо, огненную массу солнца, опускающегося на фоне туч, как корабль на мелководье. Его обмякший член, сморщенный, позабытый, свисает из раскрытой ширинки, и слегка сочится. Он широко и твердо ставит ноги на камень, поднимает руки к небу, раскинув их ладонями вверх. Огромная, торжественная радость течет в его крови, костях, нервах и мышцах, в каждой клеточке его тела. Он поднимает голову, делает глубокий вдох...

Цапля в каньоне, большерогий баран наверху, на скале над ним, один тощий койот на противоположном краю обрыва, слышат могучий рев, волчью песнь, вздымающуюся в тишине сумерек и простирающуюся в пустоте вечерней пустыни. Один долгий, протяжный, глубокий и опасный, дикий древний вой, вздымающийся все выше, выше, выше в тихом воздухе.

Истоки III: Редкий Гость Смит

Будучи по чистой случайности от рождения членом Церкви Иисуса Христа Святых Последних Дней (мормоном), Смит на протяжении всей своей жизни манкировал своей религией. Он был джек - мормон. Джек - мормон по сравнению с порядочным мормоном - то же, что щетинистый заяц по сравнению с настоящим американским кроликом. Его связи с отцом – основателем его церкви можно проследить в крупнейшей генеалогической библиотеке Солт Лейк Сити. Как и кое-кто из его предков, он был многоженцем. Одна его жена жила в Сидар Сити, штат Юта, другая – Боунтифуле, штат Юта, и третья – в Грин Ривер, штат Юта. Его настоящее имя было Джозеф Филдинг Смит (в честь племянника замученного основателя), но его жены дали ему имя Редкий Гость. Оно закрепилось.

В тот самый день, когда Хейдьюк направлялся на своем джипе из Флегстафа в Лиз Ферри, Редкий Гость Смит ехал из Сидар Сити (от Кэти), проведя предыдущую ночь в Боунтифуле (у Шейлы), снова направляясь туда же. По дороге он остановился у склада в Канабе, чтоб забрать свое снаряжение для плавания по Большому Каньону: два неопреновых плота на десять человек каждый, грузовую оснастку, весла, непромокаемые мешки и консервные банки, палатки, брезент, канат, много-много других вещей и помощника лодочника, чтобы помогал управляться с веслами. Он узнал, что его помощник уже снялся с якоря, по-видимому, в направлении стартового пункта в Лиз Ферри. Помимо всего прочего, Смиуту нужен был водитель, чтобы отвести его пикап из Лиз Ферри в Темпл Бар на озере Мед, где заканчивался лодочный поход по каньону. Он нашел ее, как и было договорено, среди прочих речников, болтающихся вокруг склада Экспедиций по Большому Каньону. Загрузив все, кроме девушки, в кузов пикапа, он поехал дальше, направляясь в Лиз Ферри дорогой на Пейдж.

Они двигались на восток. Их окружал типичный для Юты яркий, живописный пейзаж: безупречно ясное небо, горы, краснокаменные столовые горы, белокаменные плато, застывшие вулканические извержения – Сосок Милли, к примеру, видимый с автострады за тридцать миль к востоку от Канаба. Можно назвать очень немногих людей, стоявших на верхушке Соска Милли: майор Джон Уэсли Пауэлл- один из них, Редкий Гость Смит – другой. А вон тот голубой купол на юго-востоке, в пятидесяти милях от них по прямой – гора Навахо. Одно из святых мест планеты, пуп Земли, божественный духовный центр ее, священный для шаманов, ведьм, колдунов и волшебников, чокнутых солнцепоклонников из загадочных мест типа Кит Сил, Дот Клиш, Тьюба Сити и Кембридж, Массачусетс.

Между Канабом, штат Юта, и Пейджем, штат Аризона, то есть на расстоянии в семьдесят миль, нет ни одного города, вообще никакого человеческого жилья, за исключением

одного полуразвалившегося скопления хижин из рубероида и шлакоблоков, именуемого Глен Каньон Сити. Глен Каньон Сити вырос из надежды и фантазии: как гласит объявление в его единственном магазине, «В Двенадцати Милях От Сюда Скоро Построят Электростанцию в Сорок Миллионов Долларов».

Смит с подружкой не остановились в Глен Каньон Сити. Никто не останавливается в Глен Каньон Сити. Когда-нибудь, возможно, как надеются его основатели и мечтают его обитатели, он станет центром бурно развивающейся промышленности и алчности, но пока что следует придерживаться фактов: Глен Каньон Сити (СВАЛКА МУСОРА ЗАПРЕЩЕНА) гниет и разлагается под боком автострады, как сгоревший Фольксваген, забытый, покинутый на заросшей бурьяном стоянке, чтобы постепенно уйти неоплаканым в щелочную землю Юты. Многие проезжают мимо, но никто не останавливается. Смит с подружкой промчались мимо, как пчелы в полете за медом.

–Что это было? - спросила она.

–Глен Каньон Сити.

–Нет, я говорю, вон то, - оборачиваясь и указывая назад.

Он глянул в зеркало заднего вида.

–Ну, это он и был – Глен Каньон Сити.

Они миновали поворот на Вохип Марина. На много миль впереди, за длинным откосом из песка и камня, поросшим полынью, канадским рисом, низкорослыми деревцами дикой груши, они увидели скопление зданий, передвижных домиков, дорог, доков и гроздь судов, столпившихся в голубом заливе озера. Озеро Пауэлл, Жемчужина Колорадо, водохранилище длиной 180 миль, обнесенное стеною голого камня.

Голубая смерть, называл его Смит. Как и сердце Хейдьюка, его сердце также было исполнено здоровой ненависти. Потому что он помнил нечто совсем другое. Он помнил золотую реку, вольно текущую к морю. Он помнил каньоны с их именами – Скрытый Проход, и Спасение, и Последний Шанс, и Запретный, и Сумеречный, и много, много других, никогда не имевших имени. Он помнил странные, величественные амфитеатры, называвшиеся Храм Музыки и Собор в Пустыне. Все это теперь покоится на дне, под мертвой водой водохранилища, медленно исчезая под обволакивающими их наносами. Как может он забыть? Он слишком много видел.

Теперь они подъехали, среди возрастающего потока легковых и грузовых автомобилей, к мосту и плотине Глен Каньона. Смит припарковал свой пикап перед мемориальным музеем сенатора Карла Хейдена. Они с подругой вышли из машины и пошли вдоль перил к центру моста.

Под ними, на глубине семисот футов, протекало то, что осталось от прежней реки –

зеленоватая вода, пропущенная через водозабор, турбинный водовод, турбину и водосброс, и появляющаяся из здания гидроэлектростанции внизу, у основания плотины. Плетки электрических кабелей высокого напряжения, каждая стренга толщиной в человеческую руку, взбирались на стальных опорах по стенам каньона, сливаясь в лабиринте трансформаторных подстанций и снова расходясь в направлении на запад и на юг – к Альбукерку, Вавилону, Фениксу, Гоморре, Лос-Анджелесу, Содому, Лас-Вегасу, Ниневи, Таксону, к городам долины.

Выше по течению стояла плотина, крутой скользкий откос серого, невыразительного бетона, вогнутый фасад в семь сотен футов высотой - от гребня плотины до зеленой лужайки, поросшей травой, на крыше электростанции у ее подошвы.

Они оглядели плотину. Она требовала внимания – эта внушительная масса цемента. Важные факты: 792 000 тонн монолитного бетона; стоила она 750 миллионов долларов плюс шестнадцать (16) человеческих жизней. Продолжительность строительства - четыре года, генподрядчик - Моррисон-Кнудсен Инк., заказчик – Бюро мелиорации земель США, за счет средств налогоплательщиков США.

–Слишком уж она большая, - сказала она.

–Это верно, милая, – ответил он, –именно поэтому.

–Ты не сможешь.

–Есть способ.

–Какой же?

–Я не знаю. Но должен же быть какой-нибудь способ.

Они смотрели только на низовую грань плотины и поверхность ее гребня. Гребень этот, по ширине которого могли легко разместиться четыре мощных пикапа, был самым узким местом плотины. Она расширялась от вершины к основанию, образуя перевернутый клин, перегораживающий Колорадо. Вода верхнего бьефа поблескивала, отражая пустое небо, огненное око дня и стаи моторных лодок, выписывающих круги по ее поверхности, с воднолыжниками на фалах. Отдаленное завывание моторов, радостные крики ...

–Ну, например, какой способ?

–На кого ты работаешь? - спросил он.

–На тебя.

–Тогда придумай что-нибудь.

–Мы можем молиться.

–Молиться? – сказал Смит. – Оказывается, есть еще кое-что, чего я не пробовал. Давай помолимся о маленьком прицельном землетрясении вот прямо здесь.

И Смит опустил на колени на цементную пешеходную дорожку моста, склонил голову в молитвенной позе, закрыл глаза, сложил ладони и начал молиться. По крайней мере, губы его

шевелились. Он молился, среди белого дня, мимо него проезжали туристы или сновали вокруг со своими фотоаппаратами. Один из них нацелился объективом своей камеры на Смита. Смотрительница парка обернулась, хмурясь, в его сторону.

–Редкий, - пробормотала девушка – ты устраиваешь публичный спектакль.

–Сделай вид, что не знаешь меня, - прошептал он. – И приготовься удирать. Земля может начать трескаться в любую секунду.

–Добрый старый Бог, - молился он, - ты знаешь и я знаю, как здесь все было прежде, до того, как эти выродки из Вашингтона явились и порушили все это. Ты помнишь реку, какой полноводной и золотой была она в июне, когда большой сток добегал сюда со Скалистых гор? Помнишь оленей на отмелях, и голубых цапель в ивовых зарослях, и сомов – какие они были крупные и вкусные, и как они дрались над куском протухшей колбасы. Помнишь тот ручей, что протекал через Мостовой Каньон и Запретный каньон, - каким зеленым, и прохладным, и чистым он был? Господи, одного этого достаточно, чтобы человек занемог. Слушай, а ты припоминаешь старину Вуда Эджела из Хайта, и как он переправлялся через реку на старом пароме? Эту его идиотское приспособление, висящее на тросах; ты помнишь эту чертову штуковину? Помнишь пороги в Каньоне Сороковой Мили? Ну так они половину из них тоже затопили. И части Эскаланте тоже уже нет – Ущелья Дэвиса, Ивовового Каньона, Моста Грегори, Десятой Мили. Слушай, ты меня слушаешь? Ты мог бы кое-что сделать для меня. Как насчет старого доброго прицельного землетрясения прямехонько под это плотиной? Идет? В любое время. Прямо сейчас, к примеру, вполне бы меня устроило.

Он с минутку подождал. Смотрительница с грустным видом приближалась к ним.

–Редкий, охранница идет.

Смит завершил свою молитву.

–Ну, ладно, Боже, я вижу, ты не хочешь сделать это прямо сейчас. Ну, что ж, будь по-твоему, ты начальник, но у нас не такая уж чертова уйма времени. Сделай-ка это поживее, черт его дери. Аминь.

–Сэр!

Смит поднялся с колен, улыбаясь смотрительнице.

–Мэм?

–Простите, сэр, но здесь нельзя молиться. Это общественное место.

–Это верно.

–Собственность Соединенных штатов Америки.

–Да, мэм.

–У нас в Пейдже тринадцать церквей – молитесь в любой, какой хотите.

–Да, мэм. А есть там церковь пайютов?

–Церковь – чего?

–Я – пайют. Пайеглазый пайют.

–Редкий, - сказала его приятельница, - давай-ка убираться отсюда.

Они поехали от моста вверх по дороге к аккуратненькому зеленому городку Пейджу. В нескольких милях к юго-востоку вздымались к небу восьмисотфутовые дымовые трубы теплоэлектростанции Навахо, работавшей на угле. Станция была названа в честь индейцев, легкие которых она теперь активно обрабатывает двуокисью серы, сульфидом водорода, закисью азота, угарным газом, серной кислотой, золой и другими разновидностями сыпучих материалов.

Смит с подружкой пообедали в кафе «У мамы», потом зашли на часок в супермаркет Большой Свиньи, чтобы сделать серьезные закупки. Ему нужно было купить провизии на четырнадцать дней для себя, своего лодочника и четырех туристов.

Редкий Гость Смит имел свой бизнес – речные туристские походы. Бизнес глубинки. Он был профессиональным гидом, поставщиком снаряжения, лодочником и упаковщиком. Его капитальное снаряжение состояло, в основном, из таких вещей как резиновые лодки, каяки, спасательные жилеты, горные палатки, подвесные лодочные моторы, ковбойские седла, топографические карты, непромокаемые спальные мешки, сигнальные зеркала, веревки для скалолазов, средства от укусов змей, крепкий ром, удочки и спальные мешки. И автомобили – пикап и 2,5-тонный пикап. На дверцах каждого из них красовалась надпись на магнитных бирках: ЭКСПЕДИЦИИ В ГЛУШЬ, Дж. Смит, Собств., Хайт, Юта.

(В молочно-зеленоватом свете, на глубине двадцати морских саженей, призрачные хижины, скелеты тополей, привидения бензонасосов – городок Хайт, штат Юта, неясно мерцал сквозь подводный сумрак. Очертания и грани его смягчались медленно обволакивающими его речными наносами. Вот уж много лет, как Хайт был поглощен озером Пауэлла, но Смит не хотел идти на уступки враждебным силам, признавая этот факт).

Его материальные активы были случайными. Основной его капитал хранился в голове и нервах – значительный объем особых знаний, особых умений и навыков, особого мастерства, особых взглядов. Спросите Смита, и он вам скажет: Хайт, Юта, поднимется снова.

В прошлом году его валовый доход составил 64 521, 95 долл. Суммарные затраты - без какой-либо заработной платы самому себе – достигли 44 010, 05 долл. Соответственно, чистый доход равнялся 20 511, 90 долл. Едва ли этого достаточно для честного джек – мормона, трех его жен, трех домашних хозяйств и пятерых детей. Уровень нищеты. Но они как-то справлялись. Смит считал, что он живет отлично. Правительство, Департамент автодорог штата Юта, консорциум нефтяных компаний, горнодобывающие компании и государственные коммунальные службы старались разрушить его образ жизни, выбить из его бизнеса и

испортить пейзажи.

Смит с приятельницей купили провизии на общую сумму 685 долларов. Смит расплатился теплыми замусоленными бумажками (он не доверял банкам). Погрузив покупки в пикап, они направились из города к месту встречи в Лиз Ферри, навстречу западному ветру, мимо песчаных пустынных земель и красных скал страны индейцев.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В СТРАНУ НАВАХО! – гласил дорожный щит. А на противоположной стороне: ДО СВИДАНИЯ ПРИЕЗЖАЙТЕ СНОВА.

Дорога петляет среди пробитых динамитом Скал Эхо, а оттуда вниз всего тысячу двести футов до истока Горьких Ключей. Смит остановился; он всегда останавливался на перевале, чтобы выйти из пикапа и обозреть мир впереди и позади. Уже в сотый раз в своей жизни он глядел на этот пейзаж; он знал, что, быть может, осталось ему еще не более сотни.

Девушка вышла и стала рядом с ним. Его рука скользнула, обнимая ее за талию. Так они стояли, тесно прижавшись друг к другу, глядя вдаль, вниз, на подернутое дымкой великолепие.

Смит был костистый, нескладный, тощий, как грабли, с длинными, крепкими, жилистыми руками, крупными ладонями, большими, плоскими и устойчивыми стопами. У него был клювоподобный нос, большой кадык, уши, как ручки у кувшина, волосы, выгоревшие на солнце добела, широкая и добрая улыбка. Несмотря на свои тридцать пять лет, он все еще зачастую выглядел юношей; однако спокойный, твердый взгляд сразу обнаруживал в нем мужчину.

Они поехали вниз, к нижней пустыне, свернули на север у Горьких Ключей и далее по следам Хейдьюка и его меткам (пустые пивные банки на обочине дороги) к узкому ущелью, вокруг джипа, остановившегося посреди моста, и дальше к Лиз Ферри. Остановились на повороте, чтобы взглянуть на реку и на то, что осталось от старой переправы.

Осталось не много. Палаточные городки у берега реки уничтожены гравийным карьером. Для того чтобы контролировать и защищать Лиз Ферри, а также сделать доступными для общественности его очарование, красоту и историю, Служба Парка не только проложила новую мощеную дорогу и карьер гравия, но и лесничество, асфальтированную площадку для палаток, розовую стофуттовую водонапорную башню, линию электропередачи, асфальтированную зону для пикников, официально отведенную свалку мусора и рампу для спуска лодок, крытую стальным листом. Вся эта территория была передана Службе национальных парков с целью защиты ее от вандализма и коммерческой эксплуатации.

– Допустим, твоя молитва будет услышана, - в тишине произнесла девушка. – Допустим, ты получишь свое землетрясение под плотиной. Что тогда будет со всеми этими людьми?

– Эта же плотина там, - ответил Смит, - она же на двенадцать миль выше по реке, что течет двенадцать миль по самому что ни на есть крученому каньону. Вода будет течь сюда

целый час.

–Они все равно бы утонули.

–Я б предупредил их по телефону.

–Допустим, Бог ответит на твою молитву среди ночи. Допустим, все на плотине погибнут, и никого не останется в живых, чтобы предупредить. Что тогда?

–Я не отвечаю за действия Бога, моя хорошая.

–Но это же твоя молитва.

Смит ухмыльнулся. «Это *Ego* землетрясение». Он предостерегающе поднял палец. –Что это?

Они прислушались. Вокруг громоздились скалы. Безмолвный вечер окутывал их. Внизу, скрытая глубоко в своем темном ущелье, шумела по камням река, двигаясь сложным путем к верхней своей точке в Большом Каньоне.

–Я ничего не слышу, кроме реки, - сказала девушка.

–Нет, слушай ...

Где-то далеко, отдаваясь эхом в горах, поднимаясь и опускаясь, прозвучал сверхъестественный вой, полный печали – или, быть может, экзальтации?

–Койот? - предположила она.

–Не-а...

–Волк?

–Ага-а ...

–Никогда не слышала, чтоб здесь водились волки.

Он улыбнулся. –Это верно. Это абсолютно верно. Никаких здесь волков в здешних местах больше уж нет давно. И никак не может быть.

–Ты уверен, что это волк?

–Угу. Он помолчал, опять прислушиваясь. Снова был слышен только шум реки глубоко внизу. –Но это типа необычный волк.

–В каком смысле?

–В смысле, из тех волков, которые двуногой породы.

Она уставилась на него. –Человек?

–Более или менее, - ответил Смит.

Они поехали дальше, и, миновав лесничество, розовую водонапорную башню, переправу через реку Парья, достигли ramпы для спуска лодок на илистых берегах Колорадо. Здесь Смит припарковал свой пикап хвостом к реке, и начал разгружать лодки. Девушка помогала ему. Они стащили вниз из кузова три надувные лодки, развернули их, разложив на песке. Из своего ящика с инструментом Смит достал торцовый ключ, вынул свечу зажигания из двигателя

машины и ввинтил ее в адаптер воздуходувного шланга, включил мотор и наполнил воздухом лодки. Вместе с девушкой они оттянули из к берегу и столкнули на воду, привязав длинными линиями к ближайшей ракете.

Солнце садилось. Прохладный ветерок подул из каньона, с холодной зеленой реки, и они начали зябнуть, хлюпая по воде в своих обрезанных до колен джинсах.

–Давай сообразим чего-нибудь поесть, пока еще не совсем стемнело, - сказала девушка.

–И то правда, котенок.

Смит возился со своим биноклем, пытаясь разглядеть нечто, как показалось ему, двигавшееся на дальнем мысе над ущельем. Он нашел, что искал. Настроив бинокль, он обнаружил сквозь сумеречную дымку примерно в мили от них очертания синего джипа, наполовину скрытого под скалою. Он заметил мерцание небольшого костерка. Еще что-то двигалось по краю поля. Он слегка повернул стекла и увидел фигуру мужчины, невысокого, плотного, волосатого и совершенно голого. В одной руке этот обнаженный мужчина держал банку пива; другой прижимал к глазам полевой бинокль, точно так же, как Смит. Он смотрел прямо на Смита.

Двое мужчин некоторое время изучали друг друга сквозь линзы своих биноклей 7x35, которые не дают отблесков. Смит поднял руку в приветственном жесте. Другой в ответ поднял свою банку с пивом.

–Что ты там высматриваешь? - спросила девушка.

–Какого-то ободранного туриста.

–Дай посмотреть.

Он дал ей бинокль. Она взглянула.

–Господи, он же голый, - сказала она – он мне машет этой штукой.

–Лиз Ферри пошел к дьяволу, - сказал Смит, роясь в своих припасах. – Ты не можешь этого отрицать. Куда мы ткнули эту чертову плитку Колмена?

–Этот парень кажется мне знакомым.

–Все голые парни кажутся знакомыми, милая. Садись-ка рядом, посмотрим, что тут можно найти в этой неразберихе.

Они уселись на ящиках, приготовили и съели свой незатейливый ужин. Река Колорадо текла мимо. Из нижнего бьефа доносился постоянный рев воды на перекатах, где ее приток, Парья, сбрасывал в ее поток свои камни вот уж несколько сотен лет. В воздухе пахло илом, рыбой, ивами и тополями. Хорошие запахи, перегноя и плодородия, через самое сердце пустыни.

Они были не одни. Случайные автомобили гудели мимо, по дороге в сотне ярдов от них – туристы, путешественники на лодках, рыболовы, направлялись к яхтенной пристани,

находившейся неподалеку.

Маленький одинокий костерок на дальнем мысу к западу от них погас. Во мраке Смит не видел там никаких признаков ни друга, ни недруга. Он пошел к кустам помочиться, глядя на мерцание потемневшей реки, ни о чем особенно не думая. Его мозг был в покое. Сегодня они с подругой будут ночевать на берегу у лодок и снаряжения. Завтра утром, пока он будет готовить лодки к путешествию по реке, девушка поедет обратно в Пейдж, чтобы подобрать пассажиров, оплативших это путешествие и прилетающих по расписанию из Альбукерка в одиннадцать.

Новые клиенты «ЭКСПЕДИЦИЙ В ГЛУШЬ». Доктор Александр К.Сарвис, доктор медицины. И некто - мисс? или миссис? или мистер? – Б.Абцуг.

Истоки IV: Мисс Б. Абцуг

Никакого отношения к сенатору, говорила она. Что было почти что правдой. Ее звали Бонни, и была она из Бронкса, а не из Бруклина. Далее, она была наполовину БАСП (белым англосаксонским протестантом); девичья фамилия ее матери была Мак-Комб. Именно благодаря этой линии ее наследственности, вероятно, ее длинные, пышные, роскошные волосы цвета темной патоки отливали медью. Они сверкали, струясь великолепными волнами от макушки головы до выпуклых ягодиц. Абцуг было двадцать восемь лет. Она обучалась танцам и впервые приехала сюда, на Юго-восток, семь лет назад с балетной труппой своего колледжа. Она влюбилась – с первого взгляда – в здешние горы и пустыню, дезертировала из своей труппы, осталась в Альбукерке и продолжала учебу в здешнем университете. Окончив его с отличием, она попала в мир безработицы, продуктовых карточек и квартир в подвалах. Она работала официанткой, стажером кассира в банке, танцовщицей - исполнительницей популярных современных танцев, регистратором у разных врачей. Сначала – у психиатра по фамилии Эвилсайзер, затем – у уролога по фамилии Гласкок, потом – у общего хирурга по фамилии Сарвис.

Сарвис был лучшим из этого печального списка. Она проработала с ним вот уже три года и все еще оставалась с ним в различных качествах: клерка в офисе, медсестрой-сиделкой и шофером (он был не способен вести машину в перегруженном городском уличном движении, однако превосходно управлялся дома со скальпелем и хирургическими щипцами, ковыряясь в чужом желчном пузыре или удаляя халазион с внутренней стороны века). Когда жена доктора погибла в нелепой авиакатастрофе – самолет развалился во время взлета с аэродрома О'Хейр, - она видела, как он спотыкался, лунатически бродя по офису и больничной палате, пока однажды он не обернулся к ней с вопросом. С немим вопросом – в глазах. Он был на двадцать один год старше нее. Его взрослые дети жили отдельно.

Мисс Абцуг утешила его, как могла, - а могла она много; однако отказала ему, когда он сделал ей предложение через год после катастрофы.

Она предпочитает (сказала она) относительную независимость (думала она) женской незамужней жизни. Хотя она часто жила с доктором в его доме и сопровождала его во всех его поездках, она все же держала свою собственную квартирку в более скромном районе Альбукерка. Ее «квартирка» была полусферой окаменелого полиуретана, стоящей на геодезической раме из дешевого алюминия, и все это стояло, как переросший, беловатый гриб на участке с помидорной грядкой в совсем неподходящем, юго-западном районе города.

Интерьер дома-купола Абцуг сверкал, как внутренность полой секреции, или жеоды, от

множества свисающих с потолка электрических светильников и серебристых абстрактных конструкций, сделанных из перфорированных жестяных консервных банок №8, и хрустальных гроздьев зеркал и безделушек, прикрепленных на равных расстояниях по всей вогнутой поверхности. В солнечные дни ее единственная полупрозрачная стена становилась мерцающей и теплой, наполняя всю ее чувственной радостью. Рядом с ее кроватью королевских размеров стояла этажерка, нагруженная стандартным чтивом хиппи-интеллектуалки, включавшим: полное собрание сочинений Р.Р.Толкиена, книги Карлоса Кастанеды, Германна Гессе, Ричарда Бротигэна, «Каталог всей Земли», «И Чинь», «Альманах старого фермера», и «Тибетская книга мертвых». Мудрость Фрица Перлза и проф. Ричарда Альперта, доктора философии, была густо затянута паутиной. Одинокие ухвертки изучали иррациональные узлы Р.Д.Лаинга. Чешуйницы прогрызали свои ходы сквозь холодную философию Р.Вакминстера Фуллера. Она их больше никогда не открывала.

Самым блестящим предметом в доме Абцуг был ум. Она была слишком умна, чтобы долго предаваться каким-нибудь новым увлечениям и причудам, но перепробовала их все. Ее утонченная интеллигентность, которую не могла подавить никакая идея, позволила ей понять, что она стремится не к самосовершенствованию (она себе и так нравилась), а к тому, чтобы *делать* какое-нибудь *доброе дело*.

Доктор Сарвис терпеть не мог геодезических куполов. Слишком много провинциальных американцев закапсулировались в этих осевших в землю гигантских мячах для гольфа. Он презирал эти грибковые, абстрактные, враждебные и ненатуральные строения – симптом и символ Пластиковой Чумы, Века Отбросов. Но он любил Бонни Абцуг, несмотря на ее дом. Ненавязчивую, свободную связь – все, что она могла ему предложить – он принимал с благодарностью. Это было не просто лучше, чем ничего, - во многих отношениях это было лучше, чем что бы то ни было другое.

Более того, думала она. Ткань нашей социальной структуры, сказала она, расплзается оттого, что слишком много людей слишком тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. Согласен, сказал доктор Сарвис; единственная наша надежда – катастрофа. На том они и остановились; так они и жили вместе – маленькая самоуверенная щепочка – девушка и огромный, аристократичный, неуклюжий мужчина с брюшком, - недели, месяцы, год ... Время от времени он снова делал ей предложение, скорее для проформы, чем оттого, что этого требовала его любовь. Что, в конце концов, важнее – брак или любовь? И всегда она отказывала ему, твердо и нежно, – с распахнутыми объятиями, с долгими поцелуями, со своей мягкой, умеренной любовью.

Люби меня слегка, люби меня долго ...

Другие мужчины были такие непристойные идиоты. Ее доктор был стареющим

растениями в горшочках, за помидорной грядкой во дворе, расчесывая свои прелестные волосы, слушая магнитофон, вытирая пыль со своих нечитанных и нечитабельных книг, поднимая свое милое и страстное лицо к неслышимому хоралу солнца, она плыла по течению через свое время, через пространство, через всю сложную систему клеток ее еще только раскрывающегося «я». Куда теперь, Абцуг? Вам уже двадцать восемь с половиной, Абцуг!

Для разнообразия она стала ездить с добрым доктором в его ночные рейды, осуществляя его проекты облагораживания окрестностей, помогая ему в начале в качестве водителя и караульного. Когда им надоели поджоги, она научилась держать один конец поперечной пилы. Она научилась заносить топор и правильно делать зарубки на опорных столбах рекламных щитов так, чтобы валить их в любом желаемом направлении.

Когда доктор приобрел легкую цепную пилу МакКаллоч, она научилась работать и ею; она научилась заводить ее, и смазывать, и заправлять горючим, и налаживать ее, когда она становилась слишком тугой или слишком свободной. С помощью этого удобного орудия они могли успеть сделать гораздо больше в ограниченный отрезок времени, хотя при этом, с другой стороны, возникали экологические вопросы, - что бы это ни означало, - о шумовых загрязнениях и загрязнении воздуха, об излишнем потреблении металла и энергии. Бесконечно ветвящиеся вопросы ...

–Нет, - сказал доктор. – Забудем обо всем этом. Наш долг – ломать рекламные щиты.

И они продолжали свое дело, таясь в ночи, мрачный черный Линкольн с серебристой ..... на водительских правах, большая машина, стоящая с работающим двигателем на темных объездных дорогах неподалеку от крупных автомагистралей, огромный мужчина и невысокая женщина. Они перелезали через заборы, шаркали по зарослям бурьяна, со своей цепной пилой и канистрой с бензином. Их фигуры и запах стали знакомы сусликам и филинам, а для агентов наружной рекламы и Особого отряда по расследованию преступлений управления шерифа округа Берналийо – серьезной, раздражающей головоломкой.

Кто-то же должен был это делать.

Местная пресса поначалу заявляла о бессмысленном вандализме. Потом на некоторое время такие случаи стали просто замалчиваться на том основании, что сообщения о них будут только вдохновлять других вандалов. Но по мере того, как рекламные агенты, полицейские патрули на автотрассах и шерифы округа убеждались в том, что нападения на частную собственность продолжаются, причем цель их всегда одна и та же, комментарии возобновились с новой силой.

Фотографии и рассказы начали появляться в «Журнале» (Альбукерк), «Мексиканце» (Санта Фе), «Новостях» (Таос), «Горне» (Белен). Шериф округа Берналийо отверг сообщение о том, что он, якобы, назначил специального детектива, чтобы он детально расследовал эту

проблему. Агентства наружной рекламы в ответах на интервью заявляли об «обычных преступниках».

В почте официальных лиц города и графства появились анонимные письма, требующие признать эти действия преступлениями. В газетных статьях появились «организованные банды активистов охраны природы» - термин, который вскоре сократился до «эко-рейдеров». Адвокаты округа предупреждали, что злоумышленники, будучи пойманы, получают максимальную меру наказания, предусмотренную законом. В колонках «Письма в редакцию» появились вульгарные письма – как за, так и против.

Док Сарвис, ликуя, хихикал под маской, зашивая чей-то желтый живот. Девушка тешилась, читая, улыбаясь, газеты вечером у камина. Все это было похоже на праздник Хэллоуина, длящийся круглый год. Вот это было стоящее дело. Впервые за все эти годы мисс Абцуг ощутила в своем холодном сердце чувство, именуемое восторгом. Она сызнавала вкус полного удовлетворения от хорошо выполненной работы.

Рекламные агентства строили диаграммы и планы, подсчитывали затраты, разрабатывали новый дизайн, заказывали новые материалы. Шли разговоры о том, чтобы подключить ток к опорным стойкам, настроить огнестрельное оружие, поставить вооруженных охранников, об оплате деятельности «комитетов бдительности». Но рекламные щиты стояли вдоль всех автомагистралей – на сотни миль – по всему штату Нью-Мексико. Никто не смог бы предугадать, где и когда преступники появятся в следующий раз; хоть ставь охранников у каждого щита. Начали постепенно переходить на сталь. Дополнительные расходы, конечно, лягут на потребителей.

Однажды ночью они выехали – Бонни и Док – на север, далеко от города, чтобы опрокинуть щит, намеченный ими уже несколько недель назад. Они оставили машину подальше от автострады, в тупике, и прошли полмили пешком до своей цели. Обычная предосторожность. Как правило, он нес цепную пилу, а она шла впереди (она лучше видела в темноте). Они шли вдоль ограды справа от дороги, спотыкаясь в темноте, поскольку путь им освещали только звезды – никаким другим светом они не пользовались. Машины свистели мимо них по четырехполосной магистрали, как всегда, на сумасшедшей скорости, безразличные ко всему, кроме необходимости мчаться как можно скорее, быть где-то там, где-нибудь, везде. Каждая прокладывала в темноте свой собственный туннель света.

Бонни и Док относились с полным равнодушием ко всему этому фанатичному движению, игнорировали человеческие умы и тела, проносящиеся мимо них, не обращая на них никакого внимания, - зачем? Они работали.

Они подошли к своей цели. Она выглядела такой же, как и прежде.

ВИД НА ГОРЫ ИЗ ПОМЕСТЬЯ РАНШЕТТ
ЗАВТРАШНИЙ НОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ – СЕГОДНЯ

Корпорация землеустройства и застройки «Горизонт»

–Красиво, - сказала она, опираясь на Дока, как на опорную стойку.

–Красиво, - согласился он. Отдохнув минутку, он положил свою пилу, стал на колени, повернул включатель, установил заслонку, схватил дроссель и сильно дернул приводной шнур. Маленький моторчик ожил и зажужжал, потрескивая, заставляя цепь плясать в своей канавке. Он встал с вибрирующим инструментом в руках, с нетерпеливой жадой разрушения. Нажав кнопку масленки, Док смазал двигатель и шагнул к ближайшей вертикальной опоре рекламного щита.

–Погоди, - сказала Бонни. Она опиралась на средний столб, постукивая по нему костяшками пальцев. –Погоди минутку.

Он не слышал ее. Сжимая дроссель, он приставил полотно пилы к опорному столбу. Пила отскочила с визгом стали о сталь, высекая сноп искр. Док на мгновение онемел, не в силах осознать то, что он увидел и услышал. Затем он заглушил мотор.

Благословенная тишина в ночи. Они уставились друг на друга – лица, бледные в темноте.

–Док, - сказала она, - я же просила тебя подождать.

–Сталь, - сказал он. Он удивленно провел рукой по столбу, ударил по нему своим большим кулаком. –Вот что это такое.

Они ждали. Они думали.

Помолчав, она сказала: –Знаешь, что я хочу на день рождения?

–Что?

–Я хочу ацетиленовую горелку. С защитными очками.

–Когда?

–Завтра.

–Завтра еще не твой день рождения.

–И что?

В следующую же ночь они вернулись на то же место, к тому же щиту, на этот раз оснащенные надлежащим образом. Ацетиленовая горелка работала отлично, мощное голубое пламя лизало сталь бесшумно и яростно, проделывая в ней уродливый раскаленно-красный разрыв. Но яркое пламя в темноте казалось слишком уж подозрительным. Док опустил горелку к подножию центрального столба, в самый низ, к тому месту, где он возникал из каменистой почвы пустыни, вниз, к кустарникам, хвощу и перекасти-полю. Но даже и тогда пламя казалось слишком явным. Бонни распахнула полы своего пальто, стараясь прикрыть его от

проезжающего транспорта. Казалось, никто ничего не замечал. Никто не останавливался. Небрежные авто, завывающие грузовики, - все пролетали мимо со страшным свистом резины, сумасшедшим ревом двигателей, уносясь в черное равнодушие ночи.

Горелка была безотказной, но медленной. Молекулы стали освобождать свои связи друг с другом так болезненно, так неохотно, не желая расставаться. Красная рана расширялась медленно, медленно, даже несмотря на то, что, как можно было ожидать, столб был пустотелым.

Горелка была медленной, но безотказной. Док и девушка работали упорно, сменяя друг друга время от времени. Терпение, терпение. Толстостенная стальная опора начала поддаваться огню. Прогресс становился все более заметным. Очевидным. Конечным.

Док погасил горелку, снял очки, вытер вспотевшую бровь. Желанная темнота сомкнулась вокруг них.

–Теперь она пойдет, - сказал он.

Центральный столб был перерезан полностью, а наружные – на две трети диаметра. Большой щит держался, главным образом, за счет собственного веса, угрожающе балансируя. Он покачивался от легкого южного ветерка. Ребенок мог бы повалить его. В пределах его гравитационного пространственно-временного континуума судьба щита была решена, и решение обжалованию не подлежало. Кривая его возвращения на землю могла быть рассчитана с допустимой погрешностью в три миллиметра.

Они смаковали это мгновение. Достоинства и внутренние ценности, присущие свободному и стоящему начинанию. Дух Сэма Гомперса улыбался их трудам.

–Толкни ее, - сказал он.

–Нет, ты, - сказала она. – Ты сделал бóльшую часть работы.

–Это твой день рождения.

Бонни положила свои маленькие смуглые руки на нижний край щита над ее головой, до которого она едва могла дотянуться, – и налегла. Щит – тонн пять стали, дерева, краски, болтов и гаек, – издал короткий стон протеста и начал медленно крениться. Порыв ветра, затем громовое столкновение щита с землею, раскатистый грохот металла, разрыв, выворачивание болтов, грибковидное облако пыли – и ничего больше. Безразличные машины проезжали мимо – не видя, не слыша, не беспокоясь.

Они праздновали во вращающемся ресторане «Поднебесный гриль»

Она сказала:

–Я хочу обед, как на День Благодарения.

–Но сегодня не День Благодарения.

–Раз я хочу обед, как на День Благодарения, значит, сегодня *должен быть* День

Благодарения.

–Звучит логично.

–Зови официанта.

–Он нам не поверит.

–Мы постараемся его убедить.

Они его убедили. Появилась еда, и вино тоже. Они ели, он наливал, они пили, час медленно переходил в вечность. Док говорил.

–Абцуг, - говорил он, - я тебя люблю.

–Сильно?

–Слишком сильно.

–Этого мало.

Чарли Рей, или Рей Чарльз, или еще кто-то с Берега Слоновой Кости играет «В твоих глазах зажигается любовь», пианиссимо. Круглый зал, в десяти этажах над землей, оборачивается со скоростью 0,5 км/час. Всю ночь напролет огни Большого Альбукерка, штат Нью-Мексико, с населением 300 000 душ, сияют внизу, повсюду вокруг них – царство неона, электрических садов вавилонской роскоши, окруженные тайной, темной, невыразительной пустыней, которая никогда не приспособится к городской жизни. Где крадется тощий, голодный койот, никак не желающий вымирать. И скунс. И змея. И жук. И червь.

–Выходи за меня замуж, - сказал он.

–Зачем?

–Не знаю. Мне нравится церемония.

–Зачем нам портить совершенно прекрасные отношения?

–Я одинокий старый средневековый мясник. Мне нужна уверенность. Мне нравится, что люди берут обязательства друг перед другом.

–Вот что они делают, чтобы сводить с ума людей. Ты сумасшедший, Док?

–Я не знаю.

–Пошли спать. Я устала.

–Ты будешь меня любить, когда я стану старым? – спросил он, снова наполняя ее бокал рубиново-красным Ля Таш. –Ты будешь меня любить, когда я стану старым, лысым и толстым импотентом?

–Ты уже и есть старый, лысый и толстый импотент.

–Но богатый, не забывай. Ты бы все равно любила меня, если бы я был беден?

–Вряд ли.

–Старая развалина, пропойца, заросший щетиной, роющийся в баках с отбросами на Первой Южной улице, облаиваемый маленькими злобными шавками, преследуемый полицией?

–Нет.

–Нет? – Он взял ее руку, левую, лежавшую на столе. Серебро с бирюзой богато сверкали на ее изящном запястье. Они любили индийские драгоценности. Они улыбались друг другу в неустойчивом свете свечей в большом круглом зале, который вращался на рельсовых направляющих, медленно, круг, и снова круг, над городом завтрашнего дня сегодня.

Добрый старый Док. Она знала каждую шишку, каждую вмятинку на его выпуклом черепе, каждую веснушку на его загорелой макушке, каждую отдельную морщинку на той карте почти пятидесяти лет, которую они договорились называть – совместно – лицом доктора Сарвиса. Она понимала его томление очень хорошо. Она помогала ему всем, чем могла.

Они пошли домой, в дом Дока – старое величественное здание знаменитого архитектора Ф.Л.Райта у подножия холмов. Док пошел наверх. Она положила стопку кассет (своих собственных) на вращающийся столик с квадрофоническим магнитофоном (его). Из четырех усилителей полился тяжелый бит, биение электронного пульса, стилизованные голоса четырех молодых дегенератов объединились в песне: какая-то группа – Конки, Скарабеи, Злобные Покойники, Зеленая Ветка – зашибающая миллиона два в год.

Док спустился к ней в халате. –опять ты играешь эту чертову имитацию негритянской музыки?

–Она мне нравится.

–Эта музыка рабов?

–Некоторым людям она нравится.

–Кому?

–Всем моим знакомым, кроме тебя.

–Вредно для растений, ты знаешь. Убивает герани.

–О, Господи. Ну, ладно,– она простионала и сменила программу.

Они пошли спать. Снизу доносилась сдержанная, благородная светская и меланхолическая музыка Моцарта.

–Ты уже слишком взрослая для этого шума, - говорил он. – Этих мелодий для несовершеннолетних. Этой музыкальной жвачки. Ты уже совсем взрослая девочка.

–А я ее люблю.

–Вот я уйду утром на работу, и тогда – пожалуйста, ладно? Можешь играть ее хоть целый день, если хочешь, ладно?

–Это твой дом, Док.

–И твой тоже. Но мы должны считаться с домашними растениями.

Через застекленную створчатую дверь спальни, открытую на веранду второго этажа, они видели вдаль, на расстоянии нескольких миль, зарево большого города. Аэропланы,

неслышимые на таком расстоянии, снижались медленными, беззвучными кругами в его сиянии, как ночные бабочки, летящие на огонь. Высокие лучи прожекторов пронизывали бархат ночного неба, прощупывая облака.

Он обнял ее; она сонно пошевелилась в его руках, ожидая. Они занялись любовью, и это отняло довольно много времени.

–Когда-то делал это всю ночь напролет, - сказал Док, - а теперь требуется вся ночь, чтобы сделать это.

–Ты медленно запрягаешь, - сказала она. – Но всегда добираться, куда нужно.

Некоторое время они отдыхали. –Как насчет путешествия по реке? - спросил он.

–Ты обещаешь его вот уж несколько месяцев.

–Теперь я серьезно.

–Когда?

–Очень скоро.

–Почему ты об этом вспомнил?

–Я слышу зов реки.

–Это унитаз, - сказала она. – Опять клапан заело.

Она была еще и отличным ходоком, эта девчонка. В сапогах с ушками, армейской рубашке, плотных шортах и рейнджерской шляпе с полями, она отправлялась одна и шагала по горам, по единственному горному хребту Альбукерка – розовым Сандиа, или предпринимала долгие прогулки пешком по вулканам к западу от города. У нее не было машины, на своем велосипеде с десятью скоростями она иной раз без усталости жала на педали все пятьдесят миль до самого Санта Фе, с рюкзаком на узкой спине, а оттуда – вверх к настоящим горам – Сангре де Кристо (Кровь Христова). Доехав до конца мощеной дороги, она шла дальше пешком, подымалась на вершины – Лысую, Тручас, Коренную – ночуя в палатке по две-три ночи подряд в полном одиночестве. Бывало, черный медведь бродил вокруг, обнюхивая ее утлую палатку, а невдалеке завывали горные львы.

Она искала. Она охотилась. Она спешила на гребень хребта в ожидании видения, и потом снова спешила туда же, и спустя некоторое время Бог явился ей в образе жареного голубя на большом плоском блюде с белыми бумажными ботиночками на ножках.

Док продолжал таинственно говорить что-то о реке. О Большом Каньоне. О месте, именуемом Лиз Ферри и о речном гиде по имени Редкий Г.Смит.

–Когда угодно, – сказала она.

Тем временем они продолжали резать, поджигать, валить, уродовать и обезобразивать

рекламные щиты.

–Детские игрушки, - жаловался любезный доктор. – Мы предназначены для чего-то большего. Знала ли ты, моя милая, что у нас самый большой карьер в Соединенных Штатах – там, у Шипрока? Прямо здесь, в Нью-Мексико, в Земле Обетованной? Думала ли ты когда-нибудь, откуда берется весь этот смог, что окутывает всю чертову долину Рио Гранде? Долину «великой реки» Поля Хоргана – канализованной, организованной, оплаченной и оплаканной, тонкими струйками текущей по хлопковым полям под сернистым небом Нью-Мексико? Знала ли ты, что консорциум энергетических компаний и государственные агентства тайно замысливают разрабатывать новые карьеры и строить новые тепловые электростанции на угле в той самой зоне четырех углов, откуда уже теперь приходит вся эта мерзость? Вместе с новыми дорогами, линиями электропередач, железными дорогами и трубопроводами? И все на когда-то почти девственной земле с нетронутой природой, которая и сейчас еще представляет собою самый живописный ландшафт, какого не найдешь ни в одном из всех этих чертовых сорока восьми соединенных штатах. Ты знала это?

–И я была когда-то почти девственной–, - сказала она.

–Ты знала, что другие энергетические компании и те же государственные агентства планируют кое-что еще хуже в зоне Вайоминг-Монтана? Открытые разработки еще масштабнее тех, что опустошили Аппалачи? Ты думала когда-нибудь о ядерном оружии? Реакторах для производства ядерного топлива? О стронции, плутонии? Ты знала, что нефтяные компании готовятся распотрошить огромные территории в Юте и Колорадо в поисках нефти в нефтеносных глинистых сланцах? Тебе известно, что творят в наших лесах крупные лесозаготовительные компании? Что творят с нашими реками и ручьями Инженерный корпус и Бюро мелиорации? Лесничество и егеря – с нашими дикими животными? Ты понимаешь, что творят застройщики с теми открытыми просторами, что еще пока сохранились свободными? Ты знаешь, что Альбукерк – Санта Фе – Таос скоро станут одним огромным обнаженным городом? И Таксон – Феникс? Сиэтл – Портленд? Сан-Диего – Санта Барбара? Майами – Сан-Августин? Балтимор – Бостон? Форт Ворт – –

–Они пока еще далеко от тебя, - сказала она. - Не паникуй, Док.

–Паникуй? Царство Пана? Пан поднимется снова, моя дорогая. Великий славный бог Пан.

–Ницше сказал – Бог мертв.

–Я говорю про Пана. *Моего* Бога.

–Бог мертв.

–*Мой* Бог жив и здоров. Жаль мне твоего.

–Мне надоело, - сказала она. – Скажи что-нибудь интересное.

–Как насчет путешествия по реке?

–По какой?

–Вниз по *той самой* реке, через Божье Ущелье на резиновой лодке с красивым волосатым потным проводником, который уже ждет тебя – не дождется!

Бонни пожала плечами. –Так чего же мы ждем?

Заговор «Деревянных Башмаков»

На пляже околачивался этот тип.

Жутко бородатый, плотный, приземистый, злобного вида, с машиной, полной опасного оружия: этот тип. Ничего не делал; ничего не говорил; глазел.

Они его игнорировали. Второй проводник – помощник Смита не явился. Вообще не явился. Смит оснащал и готовил его лодку сам, жуя вяленое мясо. Он послал свою подругу на пикапе в Пейдж забрать пассажиров, прилетавших нынче утром.

Этот тип все наблюдал. (Когда вся работа будет сделана, наверняка попросит какой-нибудь работы).

Рейс 96 опаздывал, как обычно. Наконец он вынырнул из-за тучи, пророкотал над головой, накренился, развернулся и приземлился против ветра на жестко очерченной взлетно-посадочной полосе аэропорта Пейдж. С одного конца ее ограничивала высоковольтная линия электропередач, с другого – трехсотфутовая скала. Сам аэроплан был двухмоторный, с реактивными двигателями, совершенно антикварного вида; возможно, он был построен еще в 1929 году (год краха); с тех пор, похоже, его несколько раз перекрашивали, как старый автомобиль, слегка подкрашенный для продажи со стоянки на углу. Недавно кто-то покрыл его одним толстым слоем желтой краски, которой не удалось, однако, полностью скрыть предыдущий зеленый слой. За круглыми стеклянными иллюминаторами по его бокам видны были белые лица пассажиров: они тарасились, крестились, их губы двигались. Самолет свернул с посадочной полосы, направляясь к крытой бетонной площадке. Двигатели дымили, рычали и выбрасывали снопы искр, однако их мощности хватило все же, чтобы дотянуть самолет почти до самой зоны посадки-высадки пассажиров. Здесь двигатели заглохли, и самолет остановился. Диспетчер полетов, билетный кассир, менеджер и носильщик аэропорта Пейдж вытащили защитные вкладыши из ушей и спустился со своей открытой диспетчерской вышки, застегивая ширинку.

Черный дым окутал правый двигатель. Изнутри послышалось какое-то тиканье; крышка люка открылась, ее опустили вручную, и она превратилась в трап. В отверстии люка появилась стюардесса.

Рейс 96 высадил двух пассажиров.

Первой вышла женщина. Молодая, красивая, ладная, с высокомерным видом; ее темные блестящие волосы ниспадали ниже пояса. На ней было надето кое-что, не так уж много, в частности, короткая юбка, открывавшая загорелые, безупречной формы ноги.

Ковбои, индейцы, мормоны-миссионеры, чиновники и прочие нежелательные лица,

слонявшиеся вокруг аэровокзала, уставились на нее голодными глазами. Город Пейдж, Аризона, с населением 1400 человек, включает 800 мужчин и, быть может, три – четыре привлекательных женщины.

Следом за молодой женщиной вышел мужчина средних лет, впрочем, его пегая борода и очки в металлической оправе могли делать его старше, чем он был на самом деле. Нос его, неправильной формы, очень крупный, приветственно сверкающий, блестел, как полированный помидор, под ослепительно ярким белым солнцем пустыни. В зубах – дешевая сигара. Прилично одетый, похожий на профессора. Моргая, он надел соломенную шляпу, - это помогло, - и пошел, прихрамывая, рядом с женщиной к двери аэровокзала. Он башней возвышался над нею. Однако, невзирая на это, все присутствующие, в том числе и женщины, не сводили с нее глаз.

Несомненно. Под широкополой соломенной шляпой, в огромных темных очках, она была похожа на Гарбо. Ту, старую Гарбо. Еще молодую Гарбо.

Подруга Смита поздоровалась с ними. Высокий мужчина взял ее руку, которая исчезла в его огромной лапе. Но его рукопожатие было точным, деликатным и крепким. Хирург.

–Верно, - сказал он. – Я – доктор Сарвис. А это – Бонни. Голос его казался странно мягким, низким, меланхоличным, исходящим из такого величественного (или крупного) организма.

–Мисс Абцуг?

–Миз Абцуг.

–Зовите ее Бонни.

В пикап, – непромокаемые и спальные мешки – в кузов. Они проскочили Пейдж, мимо тринадцати церквей Иисуса Христа, через официальные государственные трущобы, трущобы строительных компаний – жилые вагончики рабочих, в традиционные трущобы пастухов – индейцев навахо. Хворые лошади бродили вдоль автотрассы в поисках чего-нибудь съедобного – газет, бумажных салфеток, пивных банок, чего-нибудь более или менее разлагающегося. Доктор разговаривал с водителем; мисс Абцуг держалась отчужденно и по большей части молчала.

–Какая омерзительная местность, – однажды проронила она. – Кто здесь живет?

–Индейцы, – сказал Док.

–Она слишком хороша для них.

Они ехали через Динамитное ущелье, к Горьким ключам и Мраморному каньону, под параноидными горгульями зубчатых гор юрского периода, возвышавшихся над ними, к Лиз Ферри, к речным запахам водорослей, грязи, зеленых ракушек. Раскаленное солнце бушевало в небе, голубом, как покров Пречистой Девы, четко очерчивая своим невероятно расточительным

светом резкую красоту скал, ликующую реку, подготовку к большому путешествию.

Новый раунд знакомств.

–Доктор Сарвис, Миз Абцуг, Редкий Гость Смит ...

–Рад познакомиться с вами, сэр; с вами тоже, мэм. Вон там вот Джордж Хейдьюк. За кустом. Он будет негром номер два в нашем походе. Скажи что-нибудь, Джордж.

Тип пробормотал нечто невразумительное из-под бороды. Он смял в руках банку из-под пива, швырнул обломки в ближайший мусорный бак, промазал. Теперь на нем были драные шорты и кожаная шляпа. Глаза его были красны. От него несло потом, солью, грязью, несвежим пивом. Доктор Сарвис, подтянутый, с тщательно ухоженной бородой, исполненный чувства собственного достоинства, отнесся к Хейдьюку сдержанно. Вот из-за таких Хейдьюков борода стала ругательным словом.

Смит, поглядывая на них со счастливой улыбкой, казался вполне довольным своей командой и пассажирами. Особенно мисс Абцуг, на которую он изо всех сил старался не глядеть. Но в ней было что-то, ох, было что-то. Смит чувствовал там, внизу живота, слабые, но безошибочные ощущения – почесывание, подергивание, - что было несомненной прелюдией любви. Сладостные, как валентинка, они не могли означать ничего иного.

Примерно к этому времени прибыли и остальные пассажиры – две секретарши из Сан Диего, старые подруги Смита, не новички, побывавшие уже с ним во многих речных походах. Перекусив консервами, сыром, крекерами, пивом и лимонадом, они отправились в путь. Второй проводник, помощник Смита, так и не явился, вот Хейдьюк и получил работу.

Мрачный и молчаливый, он сложил кольцами чалку, сильно оттолкнул лодку от берега и вкатился на борт. Лодка поплыла по течению реки. Их лодка, - не совсем, собственно, лодка - представляла собою три резиновых плота на десять человек каждый, плотно принайтованных друг к другу бортами, - тримаран, громоздкое и неуклюжее с виду сооружение, однако самое подходящее для преодоления порогов и водоскатов. Пассажиры заняли место посредине, гребцы – Смит и Хейдьюк – стояли или сидели по бортам. Водитель Смита помахала им с берега рукой на прощанье. Она казалась грустной. Они увидятся только через две недели.

Деревянные весла скрипели в уключинах; судно продвигалось вперед по течению, которое теперь будет нести их со средней скоростью четыре-пять миль в час почти через весь каньон, а на порогах – гораздо быстрее. Хейдьюк и Смит гребли лицом вперед, как на гондолах, а не на гребных лодках, толкая (а не подтягивая) весла. Перед ними сияла река, вода бурлила у первого изгиба. Смит держал в зубах полоску вяленого мяса.

Освещаемые сбоку послеполуденным солнцем, катящиеся воды блистали, как металл на наковальне, как медный лист, отражая каждой своей гранью огненное небо. А на востоке в это время, мягко сияя на темном небосводе над красными стенами каньона, повисла молодая луна,

как безмолвный ответ триумфальному сиянию солнца. Молодая луна среди дня, лучезарное солнце – впереди.

Вниз по реке!

Хейдьюк решительно ничего не знал о речных походах. Смит знал, что тот ничего не знал. Но, поскольку пассажиры не обнаружили этого с самого начала, то это не имело особенного значения. Что действительно имело значение для Смита – так это его широкая и мощная спина, руки, как у гориллы, короткие сильные ноги. Этот бычок достаточно быстро научится всему, чему он должен научиться.

Они подошли к порогам Парья под отвесной скалой, где жили смотрители парка. Туристы глазели на них с холма, где расположился новый палаточный лагерь. Смит встал, чтобы лучше видеть камни и бурлящую воду прямо перед ними. Ничего особенного, небольшая быстрина, Класс I по шкале проводников. Водовороты зеленой воды вокруг нескольких зубцов известняка – лоснящаяся гладкая вода с пенной каймой. Рев воды без определенного тона – акустики называют его «белый шум» - вибрировал в воздухе.

Как было условлено, Хейдьюк и Смит развернули свое судно на 90° и направили его борта (это дурацкое сооружение было больше в ширину, чем в длину) на стеклянный язык первого небольшого порога. Они проскользнули без единого всплеска. Хвост завихрения вынес их прямо к месту слияния серых жирных бентонитовых вод Парья с прозрачной зеленой водою нижнего бьефа Колорадо. Их скорость упала с 12 миль в час до прежних четырех – пяти.

Хейдьюк отдыхал, усмехаясь. Вытирал воду с бороды и бровей. Ну, хрен чертов, думал он, это ж ерунда. Чем я, черт подери, не натуральный речник?

Они прошли под мостом Мраморного каньона. Если смотреть сверху вниз, то высота не казалась такой уж значительной – не с чем было сравнивать. Но, глядя вверх с поверхности реки, они осознали, что значит – четыре сотни футов по вертикали: около тридцати пяти этажей небоскреба отсюда дотуда. Автомобиль, ползший по мосту, казался игрушечным; туристы, стоявшие на обзорной площадке, – муравьями.

Мост остался позади, скрылся за поворотом стен каньона. Теперь они вошли в Мраморное ущелье, известное также под именем Мраморного каньона, – реку длиною шестьдесят миль, на три тысячи футов ниже уровня земли, ведущую к Большому каньону в устье реки Малой Колорадо.

Редкий Гость Смит, как обычно, перебирал в уме свои воспоминания. Он вспоминал настоящую Колорадо, до этого проклятого перекрытия, когда река текла свободно – не скованная, не растерзанная каналами – веселыми паводками мая и июня, переполняемая тающими снегами. Огромные валуны гремели, и хрустели, и щелкали, грохотали и ворчали о каменистое ложе реки – как гигантские жующие коренные зубы в челюсти великана. Вот какой

была эта река.

Однако, пусть и так, - не все еще потеряно. Искристые лучи послеполуденного солнца янтарным золотом косо падали из-за стен каньона на скалы и деревья, как безмолвное благословение с безоблачных небес. Бледная вафля молодой луны, то исчезая, то снова появляясь, следовала за ними. Добрая волшебница, королева фей, охраняла их.

Снова белый шум. Впереди – новые пороги. Смит отдал распоряжение застегнуть спасательные жилеты. Они прошли еще один поворот. Шум тревожно нарастал, и ниже по течению, куда все теперь напряженно смотрели, они увидели камни, торчащие, как зубы, над гребнем белой пены. Оттуда река, по-видимому, уходила под землю; по крайней мере, с их уровня за порогами ее совсем не было видно.

–Барсучьи пороги - объявил Смит. Он снова встал. Класс 3, ничего серьезного. Но он все равно хотел хорошенько их рассмотреть, прежде чем нырнуть в них. Он стоял и читал реку так, как иные читают цифры финансовых счетов, или вспышки на экране радара, или признаки завтрашней погоды в формах далеких облаков. Он высматривал плотную струю, означающую скрытый под водою каменный зубец, раздробленное течение в мелких, дробных волнах, означающее камни и мели, тень на воде, которая говорила ему о полосе гравия всего в шести дюймах под поверхностью, крюк и сук затопленного бревна, которые могут распороть днище его резиновых лодок. Он прослеживал взглядом за хлопьями пены, скользящими по поверхности основного течения, почти незаметной рябью и мелкими завихрениями на его крыльях.

Смит читал реку, женщины тем временем читали его самого. Он не представлял себе, насколько комично и в то же время героически он выглядел – мужчина Колорадо. Вот он стоит, опираясь на весло, щурясь на солнце, длинный, тощий, смуглый, какой когда-то была и сама река, его безупречно белые, сильные зубы сверкают в привычной улыбке, округлая мощная выпуклость оттопыривает ширинку его древних джинсов, большие настороженные уши ловят каждый звук. Приближаются пороги.

–Все легли, - командует Смит. – Взялись за канат.

В яростном шуме бушующей воды масса реки обрушивалась на валуны, веером расходящиеся в устье притока, Барсучьего каньона. Глубокая, глухая вибрация в воздухе, туман мелких брызг заполняет его, маленькие радуги играют в солнечных лучах.

Они снова развернули свое судно. Смит мощно налегает на свое весло, стоя на носу, направляя лодку прямо на водоскат – маслянисто-гладкую волну главного течения, ливнем обрушивающуюся прямо в сердце этого рева. Не нужно обманываться – незначительный порог; его клиенты получают достаточно страха за свои деньги, – за что они, собственно, и платили.

Восьмифутовая волна возносится над Смитом, сжавшимся на носу. Волна так и стоит там, поджидая их, не движется. (На реке, в отличие от моря, движутся воды, а волны неподвижны). Передняя часть лодки вздымается на эту волну по инерции, подталкиваемая усилием сзади. Смит повисает на линиях. Их тримаран почти складывается пополам, затем передняя треть взбирается на гребень волны и соскальзывает вниз, к ее подошве; средняя и крайняя трети повторяют ее движения. Огромный валун, мокрый, сверкающий, намертво врос прямо перед ними, по курсу лодки. Она на мгновение замирает перед ним. Тонна воды, откатившись рикошетом от валуна, обрушивается на лодку. Все мгновенно промокают до нитки. Женщины взвизгивают от восторга, даже Док Сарвис хохочет. Смит налегает на весло; лодка скатывается с валуна и кренится, и перекачивается на волнах хвоста быстрины, как на американских горках; затем ее движение замедляется на более спокойной воде ниже по течению. Смит оглядывается. Он потерял гребца. На том месте, где должен находиться Хейдьюк, нет никого – только весло без гребца свободно качается в уключине.

Вон он, появился. Хейдьюк в своем оранжевом спасжилете болтается на волнах, оскалившись от яростного напряжения, скорчившись, колени под подбородком, в позе эмбриона, пользуясь ногами как амортизаторами, отталкиваясь и отскакивая от камней. Инстинктивно верная реакция. Потерял свою шляпу. Не издает ни звука ...

В более спокойной воде за водоскатом они втащили его на борт.

–Где ты был? - спросил Смит.

Ухмыляясь, отплеываясь, Хейдьюк тряс головой, пытаясь вытрясти воду из ушей. Он умудрялся выглядеть одновременно и свирепо, и глуповато-застенчиво.

–Чертова река, - пробормотал он.

–Надо было держаться за лить, - сказал Смит.

–Я держался за чертово весло. Его нанесло на камень, и оно как дало мне прямо в живот, –он нервно сгреб спутанную массу своих промокших волос. По волнам за ними плыла его шляпа - старое кожаное сомбреро из Соноры - готовая утонуть в третий раз. Они извлекли ее с помощью весла.

Река спокойно несла их дальше, через плато, в докембрийскую мантию Земли, к низменности, дельте и морю Кортеса, в семисот милях от них.

–Впереди – Мыльные пороги, – сказал Смит. И, конечно же, они услышали мятежный шум воды, бьющейся о камни. За следующим поворотом.

–Это потрясающе, – тихонько сказала Абцуг, обращаясь к Доку. Они сидели, тесно прижавшись другу к другу, связанные одним пончо, укрывавшим их колени и ноги. Она лучилась восторгом. Вода капала с чересчур широких полей ее шляпы. Кончик сигары Дока бодро светился во влажном воздухе.

–Абсолютно потрясающе, – подтвердил он. – Как тебе нравятся наши гребцы?

–Странные; высокий похож на Исхабода Игнаца; низкорослый напоминает бандита из какого-то старого фильма Мака Сеннета.

–Или Харон и Цербер, – сказал Док. – Но постарайся не смеяться; наша жизнь сейчас находится в их ненадежных руках, – и они снова расхохотались

Теперь они все вместе нырнули в следующий водоворот, - Класс 4 по шкале речных проводников. Снова – скрежещущая река, вздымающиеся валы, битва природных стихий, тупая, безумная ярость бесконечных тонн неодолимой воды, обрушивающихся на тонны неподвижного известняка. Они почувствовали удар, они услышали рев, увидели пену, и брызги, и радуги, плывущие в тумане, когда они выбрались из хаоса на спокойную воду. Когда они взлетали высоко на волну, адреналин приключений бушевал в их крови, не оставляя времени и места для страха.

Для Смита это было сорок пятое путешествие вниз по Каньону, но удовольствие от этого ничуть не утрачивало своей новизны, насколько он мог его измерить. Но за все это время не было двух совсем одинаковых походов. Река, каньон, мир пустыни постоянно менялись, от мгновения к мгновению, от чуда к чуду, в рамках прочной реальности матери-земли. Река, скалы, солнце, кровь, голод, крылья, радость – все это подлинная реальность, сказал бы Смит, если б захотел. Если бы он так чувствовал. Все прочее – двуполая теософия. Все прочее – трансцендентальная трансвеститская трансконтинентальная наукология или там любая прихоть дня, мода недели. Как сказал бы Док, если бы Смит у него спросил. Спроси у сокола. Спроси у голодного льва, что преследует умирающего с голода оленя. Они знают.

Так размышлял Смит. Всего лишь маленький бизнесмен, уточним. Никогда даже колледжа не посещал.

В торжественной тишине, наступавшей между перекатами, - а это случалось большую часть пути, - Смит и Хейдьюк отдыхали, опершись на свои весла, и тогда песнь обитательницы каньона, маленькой крапивницы – чистое глассандо быстрых шестнадцатых нот – смешивалась со звоном капли, журчанием воды, криком диких гусей, шуршаньем ящериц в пыли на берегу. Между порогами – не тишь, а музыка и покой. Стены каньона становились все выше и выше – 1000, 1500, 2000 футов, река постепенно опускалась, тени росли, а солнечный свет слабел.

Подземный холод обволакивал их.

–Пора устраивать привал, братцы, – объявил Смит, поворачивая лодку к берегу. Хейдьюк энергично подгребал своим веслом. Впереди, совсем недалеко от них, на правом берегу был песчаный откос, окаймленный медно-зелеными ракетами и кустами тамариска с гребешками лаванды, качавшимися на ветру. И снова они услышали зов крапивницы – маленькой птички с большим клювом. Но музыкальной, удивительно музыкальной. И

отдаленный рев новых перекаатов, - звук, напоминающий бесконечные аплодисменты гигантской, неутомимой аудитории. Ворчание, тяжелое дыхание двух работающих мужчин, скрип весел в уключинах. Негромкий разговор пассажиров первого класса.

–Копайте сцену, Док.

–Без технического жаргона, прошу вас. Это святое место.

–Оно-то так, а только где же кокс?

–Прошу вас, – я медитирую.

Нос лодки со скрежетом вытасчен на гравий. Хейдьюк, разнорабочий, смотал кольцами лить на руке, прошлепал по воде и привязал лодку к плотным зарослям ивняка. Все сошли на берег. Хейдьюк и Редкий передали каждому пассажиру его/ее мешок, прорезиненную подстилку, небольшие коробки с личными вещами. Пассажиры направились в разные стороны – Док и Бонни в одну, две женщины из Сан Диего – в другую.

Смит помедлили минутку, разглядывая удаляющуюся фигуру мисс Абцуг.

–Есть в ней что-то, разве нет? – сказал он. – В ней *точно* что-то есть, а? Он прикрыл один глаз, словно глядя сквозь дуло винтовки. –Да уж, эта крошка – прелесть что такое. Пальчики оближешь.

–Сучка есть сучка, - сказал Джордж Хейдьюк, философ, не потрудившись даже взглянуть. – Будем сгружать все это барахло сразу?

–Почти все. Давай покажу.

Они вытащили тяжелый багаж, большие ящики с провизией, коробку со льдом, большой деревянный сундук с кастрюлями, сковородками, голландской плиткой, решетками, другой посудой, и выгрузили все это на песок. Смит очертил на песке площадь для своей кухни, и установил там свою плиту, раскладной стол, склад провизии, бар, черные маслины и жареные маленькие моллюски. Он отбил по маленькому кусочку льда для каждой пустой чашки, которые вскоре будут наполнены, и плеснул по глоточку рома Хейдьюку и себе. Пассажиры все еще были где-то в кустах, переодевались в сухое, утеплялись незаметно, готовясь к прохладе вечера.

–Ну, за тебя, матрос, - сказал Смит.

–*Хоа бинь*, - ответил Хейдьюк.

Смит приготовил костер из угля, содрал оберточную бумагу с традиционного блюда первой ночи – огромных отбивных, - и сложил их стопкой около решетки-гриля. Хейдьюк приготовил салат, и, по завершении этого дела, запил ром банкой пива – десятой после обеда.

–Из-за этой дряни у тебя будут камни в почках, - заметил Смит.

–Чушь.

–Камни в почках. Уж я-то знаю.

–Всю жизнь пью пиво.

–Сколько тебе лет?

–Двадцать пять.

–Камни в почках. Лет через, может, десять.

–Чушь.

Пассажиры, сухие и свежие, появились поодиночке, и подошли, один за другим, вслед за доктором. Он поставил свою жестяную кружку на стол, устроил в ней один миниатюрный айсберг и налил себе двойную порцию из своей бутылки –Дикой Индейки–.

–Прекраснейший вечер, спокойный, прохладный и свободный, - провозгласил он.

–Что верно, то верно, – сказал Смит.

–Святое время безмолвно, как монахиня-молчальница.

–Мудрено вы говорите, Доктор.

–Зови меня Док.

–Ладно, Док.

–Будьте здоровы.

–Чего и вам желаем.

Последовало дальнейшее обсуждение окружающих красот. Затем разных других вещей. Подошли эта девушка, Абцуг, в длинных брючках и мохнатом свитере. Она сняла свою широкополую шляпу, но даже в сумерках оставалась в темных очках. Она придавала определенный стиль Мраморному ущелью.

Тем временем доктор говорил:

–На реке в наши дни так много людей оттого, что и повсюду в других местах людей стало слишком много.

Бонни, вздрогнув от холода, скользнула под его согнутую левую руку.

–Почему бы нам не разжечь костер? - предложила она.

–Когда-то дикая природа была вполне приемлемым местом обитания для человека, – продолжал доктор. – Теперь она служит психиатрическим диспансером. А скоро и вовсе не станет дикой природы,– он отхлебнул свой бурбон со льдом. –Скоро некуда будет уходить, негде будет спастись. Тогда сумасшествие станет вселенским, – еще одна мысль. – И вселенная станет сумасшедшей.

–Мы тоже, – сказал Смит, обращаясь к Абцуг. – После ужина.

–Зови меня Бонни.

–Мисс Бонни.

–Миз Бонни, - подправила она его.

–Иисусе Христе, черт дери, – пробормотал поблизости Хейдьюк, подслушивая, и сорвал

крышку с очередной банки пива.

Абцуг бросила холодный взгляд на лицо Хейдьюка, вернее, на то, что можно было увидеть за черными волосами, свисающими на лоб, и черной кустистой бородой. Гоблин, думала она. Все волосатые грубы и развратны, считал Артур Шопенгауэр. Хейдьюк поймал ее взгляд, нахмурился. Она отвернулась к остальным.

–Мы в ловушке, - продолжал добродетельный доктор. – Мы попали в железные зубы технологического монстра. Безмозглой машины. С ядерным реактором вместо сердца.

–Мудрено вы говорите, Док, - говорит Редкий Гость Смит. Он уже начал готовить стейки, нежно укладывая их на решетку над тлеющими углями.

–Планетарная индустриализация, - продолжал разглагольствовать доктор, - разрастается, как раковая опухоль. Рост ради роста. Могущество ради могущества. Власть ради власти. Я, пожалуй, положу себе еще кусочек льда. (*Звяк!*) Хлебните-ка глоточек вот этого, капитан Смит, – это развеселит ваше сердце, позолотит печень и расцветет, как роза, в компосте ваших кишок.

–А что ж, ничего не имею против, Док. Но Смит жаждал понять, как *эта машина* может расти, – Док объяснял; это было нелегко.

Две женщины из Сан-Диего, не в первый раз участвующие в походе, вынырнули из кустов с довольными улыбками; они расстелили его спальник между своими. Одна из них несла бутылку. Что-то в этих речных походах всегда стимулирует потребление спиртных напитков. Только не Абцуг: она время от времени посасывала свою маленькую сигарету «Зиг-Заг», свернутую вручную, которая тлела в ее изящных пальчиках. Вокруг ее головы витал запах горелой конопли. (Дайте девчонке достаточно марихуаны, и она выкурит ее). Этот запах напомнил Хейдьюку темные дни и еще более темные ночи. Бормоча что-то себе под нос, он накрыл на стол, подал салат, хлеб, початки кукурузы, стопку бумажных тарелок. Смит переворачивал стейки. Док объяснял мироздание.

Летучие мыши – мексиканские длинноносы – мелькали в вечернем воздухе, издавая странные звуки своими радарами, глотая на лету насекомых. Ниже по течению их ждали пороги, скрежеща зубами в постоянном мрачном волнении. Высоко на гребне каньона соскользнул камень – или что-то сдвинуло его с места; как бы то ни было, он потерял свою точку опоры и покатился, кувыркаясь, вниз, с уступа на уступ, растерявшись в объятиях гравитации, в алхимии перемен, – одинокий обломок вселенского вечного движения, – и бомбой обрушился в реку. Доктор замер на полуслове в середине своего монолога; все прислушались к замирающему эхо.

–Берите тарелки, - сказал Смит своим клиентам, - и нагружайтесь.

Никто не медлил; он подал стейки. Последним в очереди был Хейдьюк. Пренебрегая тарелкой, он протянул свою казенного образца солдатскую кружку. Смит шлепнул на нее

гигантский стейк, прикрывший не только чашку, но и всю ладонь, запястье и часть предплечья.

–Ешь, - сказал Смит.

–Боже праведный, мать твою, – сказал его помощник благоговейно.

Теперь, когда его пассажиры и помощник были накормлены, Смит разжег костер из плавника, валявшегося на берегу. Потом наполнил и себе тарелку.

Темень в каньоне сгущалась, обволакивая их, и все повернулись к огню. Голубые и зеленые язычки пламени лизали и обволакивали речной плавник – рельефные коряги желтой сосны из горной страны в сотне миль отсюда, можжевельник, пиния, тополь, отполированные до блеска щепки багряника, ясеня, каркаса. Глядя вверх за улетающими искрами, они увидели звезды, зажигающиеся с поразительной последовательностью – изумруды, сапфиры, рубины, бриллианты были рассыпаны по небу загадочными, беспорядочными скоплениями. А там, вдали, за пределами всех этих несущихся вскачь галактик, или быть может, слишком вездесущий, чтобы быть видимым, таился Бог. Газообразное позвоночное.

Ужин окончен, Смит принес свои музыкальные инструменты и сыграл для собравшейся компании. Он играл на своей гармонике, – той, которую необразованная публика называет «губной гармошкой», - на своем варгане, называемом также «губной арфой», и на своем казу – духовом музыкальном инструменте, мало, к сожалению, добавившем к музыкальному обогащению каждого.

Смит и доктор передавали по кругу огненную воду. Абцуг, обычно не употреблявшая спиртного, открыла свою сумочку с медикаментами, сняла трубочку с «Тампакса», достала немного травки и скрутила себе вторую маленькую коричневую сигаретку, плотно завертев ее с одного конца. Она раскурила ее и передала по кругу, но никто не хотел разделить с нею это удовольствие кроме сурового Хейдьюка с его воспоминаниями.

–Наркореволюция окончена? – спросила она.

–Полностью, – сказал Док. – В конце концов, марихуана всегда была не более, чем активное плацебо.

–Что за ерунда.

–Соска-пустышка для детей, страдающих коликами.

–Что за вздор!

Беседа не клеилась. Две молодые женщины из Сан-Диего (пригород Тихуаны) запели песню «Мертвый скунс посреди дороги».

Развлекаться больше не хотелось. Усталость сковала тяжестью конечности и веки. Как они пришли, так и расстались, - сначала Абцуг, затем две женщины из Сан-Диего. Сначала женщины. Не потому, что они слабый пол – вовсе они не слабы, - но оттого, что у них оставалось больше здравого смысла. Мужчины на природе считают себя обязанными допить

до омерзения, бесконечно бормочут нечто невразумительное, бурчат, шатаясь, как в тумане, падают в конце концов на четвереньки, блюют в невинный песок, оскверняя божественную землю. Мужественная традиция.

Трое мужчин сгрудились поближе к угасающему костру. Холодная ночь заползала им за ворот. Они пустили по кругу бутылку Смита. Потом Дока. Смит, Хейдьюк, Сарвис. Капитан, бездельник, лекарь. Три колдуна в весьма затруднительном состоянии. Какая-то тайная, хитрая близость сплотила их.

–Вы знаете, джентльмены, - сказал доктор. – Вы знаете, что, по-моему, мы должны сделать ...

Хейдьюк только что жаловался на новые ЛЭП, которые он видел в пустыне накануне. Смит все стонал по поводу этой плотины, что закупила Глен Каньон, сердце его реки, реки его сердца.

–Вы знаете, что мы должны сделать, - повторил доктор. – Мы должны взорвать эту плотину ко всем чертям. (Непристойный язык Хейдьюка несколько развязал его собственный).

–Как? спросил Хейдьюк.

–Это ж незаконно, - сказал Смит.

–Ты говорил, - ты молился о землетрясении.

–Да-а, так ведь никакого нет же закона против него.

–Ты молился злонамеренно.

–Эт-то верно. Я все время так молюсь.

–С целью нанесения ущерба и разрушения государственной собственности.

–Ваша правда, Док.

–Это уголовное преступление.

–Разве это не просто проступок, наказуемый по суду?

–Это преступление.

–Как?, - спросил Хейдьюк.

–Что – как?

–Как мы взорвем плотину?

–Какую плотину?

–Любую плотину.

–Вот теперь ты дело говоришь, – сказал Смит. – Но прежде всех – плотину Глен Каньона. Я требую – ее первую.

–Я не знаю, – сказал доктор. – Это вы – эксперт по уничтожению.

–Могу снести мост для вас – сказал Хейдьюк, - если вы мне добудете достаточно динамита. Но насчет плотины Глен Каньона – я не знаю. Для нее нам может понадобиться

атомная бомба.

–Я уже сколько времени думаю об этой плотине, - сказал Смит. – И у меня есть план. Мы достаем три огромных экскурсионных судна, несколько дельфинов и ...

–Помолчи-ка, - сказал Док, поднимая свою огромную лапу. Мгновение тишины. Он оглянулся вокруг, вглядываясь в темноту за костром. –Кто знает, какие уши у этих теней.

Они оглянулись. Пламя их маленького костерка бросало неверный свет на кусты, лодку, наполовину вытащенную из воды, камни и гальку, на пульсацию реки. Все женщины уже спали, их видно не было.

–Да нет тут никого вообще, одни мы, подрывники, - сказал Смит.

–Как знать? Штат может установить свои сенсоры где угодно.

–Не-е, – сказал Хейдьюк. – Они не прослушивают каньоны. Пока что. Не ставят здесь жучков. Но кто сказал, что мы должны начать с плотин? Есть масса другой работы.

–Хорошей работы, - подхватил доктор. – Хорошей, разумной, полезной, конструктивной работы.

–Я ненавижу эту плотину, – вмешался Смит. – Эта плотина затопила самый красивый каньон в мире.

–Мы знаем, – сказал Хейдьюк. – Мы чувствуем то же, что и ты. Но давай подумаем сначала о более простых вещах. Я бы с удовольствием опрокинул несколько опор этих линий электропередач, которые они понатыкали по всей пустыне. И эти новые жестяные мосты через Хайт. И все эти клятые автодороги, которые они строят по всей этой земле каньонов. Можно потратить целый год только на то, чтобы распотрошить эти их треклятые бульдозеры, черт бы их подрал.

–Слышу, слышу, – ответил доктор. – И не забудь про рекламные щиты. И открытые разработки. И карьеры. И трубопроводы. И новую железную дорогу Черная Гора – Пейдж. И тепловые электростанции на угле. И медеплавильные печи. И урановые шахты. И ядерные электростанции. И компьютерные центры. И скотоводческие компании. И отравителей дикой природы. И людей, бросающих пивные жестянки вдоль дороги.

–Я бросаю пивные жестянки вдоль чертовых дорог. Какого черта я не имею чертова права бросать эти чертовы жестянки вдоль этих чертовых дорог!

–Ну, ну. Не будь таким обидчивым.

–Зараза, – вставил Смит. – Я тоже так делаю. Я загаживаю все дороги, про которые меня не спросили, нравятся они мне или нет. Это моя религия.

–Точно, – сказал Хейдьюк. – Забросаем их дерьмом.

–Ну, хорошо, – сказал доктор. – Я как-то об этом не подумал. Штабелируйте отбросы вдоль дорог. Швыряйте их в окна. Ну, ... почему бы и нет?

–Док, – сказал Хейдьюк, – это освобождение.

Ночь. Звезды. Река. Доктор Сарвис рассказывает своим товарищам о великом англичанине по имени Нэд. Нэд Лудд. Его считали сумасшедшим, но он ясно видел врага. Видел, что происходит, видел угрозу, и действовал прямо и непосредственно. И о деревянных башмаках, *сабо*. Гаечный ключ в деле. Обезьянья работа. Бунт бессловесных. Маленькие старушки в деревянных сабо.

–Мы знаем, что мы собираемся делать и зачем?

–Нет.

–А нам это важно?

–Мы обдумаем это в процессе работы. Пусть наш опыт сформирует нашу доктрину, чтобы обеспечить точное соответствие теории и практики.

Река в своем неизмеримом величии мягко катила мимо свои воды, шепча о времени, которое, говорят, лечит все. Но все ли? Звезды ласково смотрели вниз. Ложь. Ветер в ивах предлагал уснуть. И видеть ночные кошмары. Смит подбросил ветку принесенной рекою сосны в костер, и скорпион, прижившийся в одной из ее глубоких трещин, проснулся в ужасе. Слишком поздно. Никто не заметил немой агонии. Глубоко в торжественном каньоне, под раскаленными звездами, торжествовал мир.

–Нам нужен проводник, - сказал доктор.

–Я знаю эту страну, - ответил Смит.

–Нам нужен профессиональный убийца.

–Это я, – сказал Хейдьюк. – Убивать – моя профессия.

–У каждого есть свои слабости,– пауза. – Моя, – продолжал доктор, – девицы Баскин-Роббинс.

–Закроем эту тему, - сказал Смит. – Такие беседы не по мне.

–Да я не о людях, Капитан, – сказал доктор. – Мы говорим о бульдозерах. Электрических экскаваторах. Драглайнах. Скреперах.

–Машины, – уточнил Хейдьюк.

Снова пауза в разработке плана.

–Вы уверены, что этот каньон не прослушивается? – спросил доктор. – У меня такое чувство, что кто-то прислушивается к каждому нашему слову.

–Я знаю это чувство, - сказал Хейдьюк, - но сейчас я думаю не об этом. Я думаю, почему ...

–О чем ты думаешь?

–Я думаю: какого хрена мы должны верить *друг другу*? Я в жизни не видел ни одного из вас до сего дня, мужики.

Тишина. Все трое уставились в огонь. Негабаритный доктор. Длиннющий речник. Грубый тупица из Зеленых беретов. Вздох. Они взглянули друг на друга. И одна мысль: какого черта. И одна мысль: они кажутся мне порядочными. И одна мысль: мужчины – не враги. И женщины. И маленькие дети.

Не один за другим, а в унисон, вместе, как один, они улыбнулись. Друг другу. Бутылка сделала свой предпоследний круг.

–Какого черта, - сказал Смит. – Мы же только болтаем.

Набег на Ком Уош

Они готовились тщательно.

Во-первых, по предложению Капитана Смита, они организовали склады в различных точках по всей территории их предполагаемой зоны деятельности: страны каньонов, юго-восточной Юты и северной Аризоны. Склады состояли из: (1) продуктов питания – консервов, сушеного мяса и фруктов, бобов, сухого молока, запечатанных бутылок с питьевой водой; (2) полевого оборудования – медицинских пакетов, брезента и пончо, зажигалок, топографических карт, спальников, фляг, охотничьего снаряжения и рыболовных снастей, походных плит, шнура, канатов, нейлоновой веревки; и (3) основные компоненты – разводные гаечные ключи, металлические прутья, мощные ножницы по металлу, болторезы, плантажный инструмент, сифонные шланги, сахарá и сиропы, масло и бензин, стальные клинья, взрывные капсулы, детонаторы и шнуры к ним, огнепроводные шнуры и зажигалки, обжимные щипцы, а также необходимое количество взрывчатки. Бóльшую часть работы выполнили Смит и Хейдьюк. Время от времени им помогали доктор и мисс Абцуг, прилетавшие из Альбукерка. Какое-то время Хейдьюк возражал против участия девушки.

–Какие, к черту, девки? – орал он. – Это мужская работа.

–Прекрати разговаривать по-свински, – говорила Бонни.

–Ну, ну, – успокаивал их доктор. – Спокойно. Мир.

–Я думал, с нас хватит ячейки из трех мужчин, – настаивал Хейдьюк. – Никаких девчонок.

–Я не девчонка. Я взрослая женщина. Мне двадцать восемь с половиной лет.

Редкий Гость Смит стоял несколько поодаль, улыбаясь, почесывая светлую поросль на своей длинной челюсти.

–Мы договаривались только насчет троих, – продолжал настаивать Хейдьюк.

–Я знаю, – сказал доктор – и я прошу прощения. Но я хочу, чтобы Бонни была с нами. Куда я – туда и она. Или наоборот. Без нее я не очень-то хорошо функционирую.

–Что ж ты за мужик?

–Иждивенец.

Хейдьюк повернулся к Смицу. –А ты что скажешь?

–Ну, – сказал тот, – ты ж знаешь, мне эта малышка вроде как нравится. По-моему, вроде как хорошо бы, чтоб она тут крутилась рядом. Мое слово, – возьмем ее с собой.

–Тогда она должна дать кровавую клятву.

–Я не ребенок, – возразила Бонни, – и я отказываюсь давать какие-то кровавые клятвы и

вообще играть в мальчишечьи игры. Вы должны доверять мне. Если же нет – я донесу на вас в Бюро землеустройства.

–Она нас схватила за яйца, – сказал Смит.

–И без грубостей, – потребовала она.

–Яички.

–Хватай их за яички, а сердце и ум присоединятся после, – посоветовал доктор.

–Мне это не нравится, – сказал Хейдьюк.

–Упрямец, – говорит Бонни. – У нас перевес голосов три против одного.

–Мне это не нравится.

–Спокойно, мир, – сказал доктор. – Уверяю вас, она нам очень пригодится.

Слово доктора было последним и решающим. В конце концов, всю кампанию финансировал он. Он был ангел. Ангел-мститель. Хейдьюк знал это. А расходы были большие. Один приличный спальник стоил девяносто долларов. Сорок долларов – пара сапог. Даже какие-то бобы стоили до 89 центов за кило. Но значительно, намного дороже всего снаряжения и оборудования была просто его транспортировка через бескрайние, труднопроходимые, запутанные пространства юго-запада, где бензин продавали по цене 49 – 55 центов за галлон, а новую шину для пикапа (шестислойную, высокопрочную) – не ниже, чем 55 долларов. Плюс билеты на самолет из Альбукерка в Пейдж и обратно для доктора и его Бонни – 42,25 доллара каждый, в один конец.

Многие из этих расходов можно было расписать по статьям не облагаемых налогом производственных затрат компании Смита (ЭКСПЕДИЦИИ В ГЛУШЬ), но даже и при этом начальные издержки были очень значительными. Добрый доктор предоставлял наличные, которыми Смит редко располагал, и выписывал большую часть чеков. Взрывчатка, конечно, налогом не облагалась; в отчете Дока для Службы внутренних доходов она проходила по статье затрат на совершенствование ранчо (у него было небольшое ранчо, всего 225 акров в горах Манзано - «налоговое убежище»), и на проведение предварительной разведки полезных ископаемых согласно заявке на открытие рудника на территории, которой он владел в той же местности.

–Перчатки! – требовал Хейдьюк. – Перчатки! Никакой этой хреновой обезьяньей работы не будет без перчаток!

И Док покупал каждому члену команды по три пары перчаток высшего качества из оленьей кожи.

–Сноу-Сил! (Это про сапоги).

Он покупал Сноу-Сил.

–Пистолеты!.

–Нет.

–Ружья!

–Нет.

–Арахисовое масло.

–Ружья *и* арахисовое масло! - рычал Хейдьюк.

–Арахисовое масло – да. Ружья – нет.

–Надо ж себя, мать твою, чем-то же защищать.

–Никакого оружия, – Док умел быть упрямым.

–Эти же засранцы будут в нас стрелять!

–Никакого насилия.

–А каким чертом отстреливаться будем?

–Никакого кровопролития, –Доктор стоял на своем.

Хейдьюк снова остался в меньшинстве, снова один против трех. Поэтому пока что он скрывал свое оружие, как только мог, и носил с собою только револьвер во внутреннем кармане своего рюкзака.

Док купил шесть упаковок экологически чистого арахисового масла «Глухой Смит» – нерафинированного, негидрогенизированного, натурального продукта, произведенного из высушенного на солнце арахиса, выращенного на унавоженной земле без помощи гербицидов, пестицидов или окружающих агентов. Редкий Гость Смит (не имеющий родственного отношения к тому Смиту) распределили это арахисовое масло стратегически по всему плато Колорадо – банку здесь, банку там, от самого Лукового ручья до Пакистанских ключей, от Складчатого прохода до горы Железной кружки, от Тавапутса, Юта, до Моэнкопи, Аризона. Жирное темное арахисовое масло.

Однажды, в самом начале кампании, когда они наполнили баки горючим на автозаправке, Док собирался было заплатить со своей кредитной карточки. Хейдьюк потащил его в сторону. Никаких кредитных карточек, сказал он.

–Никаких кредитных карточек?

–Никаких ваших чертовых кредитных карточек; вы что ли хотите оставить чертов след в милю шириной своей чертовой подписью всюду, где мы появимся?

–А, понятно, сказал доктор. Плачу наличными, никаких кредитных карточек. Будем осмотрительны.

Поначалу они не воровали, не покупали и не применяли взрывчатые материалы. Хейдьюк настаивал на их немедленном употреблении, массированном и основательном, но остальные трое возражали. Доктор боялся динамита; динамит – это анархия, а анархия – это не решение вопроса. Абцуг подчеркивала, что любые типы фейерверков незаконны во всех юго-

западных штатах; кроме того, она слышала, что взрывные капсулы вызывают рак шейных позвонков. Доктор, опять-таки, напомнил Хейдьюку, что применение взрывчатых материалов для незаконных (хотя и конструктивных) целей является уголовным преступлением, а что касается мостов и автомагистралей, - еще и нарушением федеральных законов. А вот просто налить немножко сиропа Каро в топливный бак или подсыпать песочку или наждака в маслоналивную горловину – просто безобидный проступок, едва ли больший, чем проделка на День всех святых.

Перед ними встал вопрос выбора между скрытыми, замысловатыми методами тихой агрессии и демонстративным, скандальным, яростным индустриальным саботажем. Хейдьюк предпочитал скандальный, яростный. Остальные – наоборот. Забаллотированный, как обычно, Хейдьюк раскипятился, но позже утешился тем, что по мере развития операции дела пойдут круче. На каждое действие – все большее противодействие. В конце концов, он же ветеран Вьетнама. Он хорошо знал, как работает система. Время, текущее и истекающее ото дня ко дню, было на его стороне.

Каждый тайник с запасами провианта и снаряжения был сделан весьма скрупулезно. Все, что можно было съесть, выпить или иным образом употребить или уничтожить, они сложили в металлические ящики на замках. Инструменты – наточены, смазаны, уложены в футляры и обернуты тканью. Если была возможность, их закапывали, если нет – тщательно укрывали камнями и кустами. Все места тайников были замаскированы, все следы замечены, веником или ветками. Ни один тайник не считался готовым, пока он не был проинспектирован и Хейдьюком, и Смитом – старшими военными консультантами компании – Фокспак? Сикспак? Мстители пустыни? Банда деревянного башмака? Даже по поводу названия для самих себя они никак не могли прийти к согласию. Маневр «Арахисовое масло»? Рейдеры Пурпурной полыни? Молодые американцы – за свободу? Женский христианский союз «За трезвость»? Не могли договориться. Кто здесь главный? Мы все здесь главные, говорила Бонни. Нету здесь главных, говорил доктор. Вшивый способ делать вашу чертову революцию, жаловался Хейдьюк; он страдал от отсутствия авторитаризма, отставной сержант Дж. Ваш. Хейдьюк.

–Спокойно, мир, пожалуйста, *pace vobiscum*, - говорил доктор. Но и его возбуждение и волнение становились все сильнее. Взять хотя бы этот случай в новом здании Медицинского центра университета, которое обошлось в пятьдесят миллионов долларов. Дело происходило в одном из учебных корпусов стоимостью в миллион долларов. Здание пахло сырым цементом. Окон было мало, и они были похожи на бойницы – глубокие, длинные, узкие. Система кондиционирования была самая современная. Когда доктор Сарвис зашел однажды в аудиторию, чтобы читать лекцию на тему «Индустриальные загрязнения и респираторные заболевания», – он нашел, что в ней чересчур жарко, воздух тяжелый, спертый. Студенты

выглядели более сонными, чем обычно, но их это не волновало.

–Надо бы проветрить здесь, – проворчал доктор. Один из студентов пожал плечами. Остальные кивали головами – сонно, а не в знак согласия. Док подошел к ближайшему окну и попытался его открыть. Но как? На нем вроде бы не было никакой петли, задвижки, защелки, щеколды, шпингалета, открывающейся рамы, крючка или ручки.

–Как вы открываете это окно? – спросил он у ближайшего студента.

–Не знаю, сэр, –ответил тот. Другой сказал:

–Оно не открывается; здесь же система кондиционирования.

–А если нам, предположим, нужен свежий воздух? – спросил доктор, вполне спокойно и благоразумно.

–В кондиционированном помещении никто не открывает окон, – заметил тот же студент, – они завинчены.

–Понятно, – сказал Док, –однако же нам нужен свежий воздух.

(За окнами, внизу , чирикали на солнышке птички в любовном волнении, прелюбодействовали в кустах гортензии).

–Что же нам делать в этом случае? – спросил доктор.

–Наверное, вы можете пожаловаться в администрацию, –сказал третий, замечание, всегда вызывающее дружный смех.

По-прежнему спокойно и благоразумно он подошел к столу в металлической раме, стоявшему у доски, поднял стул на стальных ножках, поджидавший его у стола, и, держа его за сиденье и спинку, разбил оконные стекла. Все. Очень тщательно. Студенты наблюдали за ним с молчаливым одобрением и наградили его овациями по завершении этой операции. Док вытер руки.

–Сегодня переключки не будет, – сказал он.

В один прекрасный день в начале июня, направляясь на запад из Блендинга, штат Юта, за новой добычей, банда остановилась на вершине горного хребта Ком Ридж, чтобы бросить взгляд на мир внизу. Они ехали вчетвером, плотно усевшись в широкой кабине пикапа Смита. Было время обеда. Пикап тащился по пыльной дороге – автодороге 95 штата Юта – и повернул на юг по следу джипа, тянувшегося вдоль гребня. Горный хребет Ком Ридж – большая моноклиальная складка, отлого поднимающаяся к востоку и круто падающая к западу под углом почти 90 градусов. От вершины прямо вниз идет отвесный склон футов в пятьсот, а пониже скалы тянется крутой делювиальный откос еще футов на триста или больше. Подобно многим другим каньонам, столовым горам и моноклиналям на юго-востоке штата Юта, Ком Ридж представляет собою серьезное препятствие для путешествий в направлении восток –

запад. Или был им когда-то. Бог сотворил его для этого.

Пикап Смита выбрался на гладкую каменную полку футах в двадцати от вершины и остановился. Все с наслаждением вышли и подошли вплотную к обрыву. Солнце стояло высоко за облаками; воздух был тихим и теплым. Из трещин в скале росли цветы – мальвы (просвирник), вербесина, левкой, кардаминописис, — и цветущие кустарники – шиповник, *Apache plume*, *chamisa*, и другие. Док был восхищен.

– Взгляни, – сказал он – *Arabis pulchra*. *Fallugia paradoxa*. *Cowania tex-icana*, клянусь Богом!

– Что это такое? – спросила Бонни, указывая на небольшие красноватые растения в тени пинии.

– *Pedicularis centranthera*.

– Ну, ладно, но что это такое?

– Что это такое? – Док помедлил. – Что это такое, не знает никто, но люди называют его ... буквицей древесной.

– Не умничай!

– Известна еще как мытник. Ребенок подошел ко мне и спросил: “Что такое мытник?” А я сказал: “Быть может, это – платочек Господа Бога”.

– Никто не любит умников.

– Я знаю, - согласился он .

Смит и Хейдьюк стояли на краю пятисотфутового отвесного обрыва, этой зияющей пропасти, манящей людей уснуть вечным сном. Но они смотрели не вниз – на смерть, а на юг – на жизнь, или, по крайней мере, на деятельную суматоху в жаре и пыли. Вой моторов, отдаленное фыркание и рычание дизелей.

– Новая дорога, – объяснил Смит.

– Угу, – Хейдьюк поднял свой полевой бинокль и стал изучать то, что происходило приблизительно в трех милях от них. – Крупная операция, – бормотал он. – Трактора, тягачи, компрессоры, лебедки, грузовики, скреперы, погрузчики, экскаваторы, бурильные установки, танкеры. Чертовски красиво расположились, мать их, прямо парад хреновый.

Подошли Док и Бонни с цветами в волосах. Далеко на юге, в пыли, солнечный свет вспыхивал на стеклах, на блестящей стали.

– Что там такое, внизу? – спросил Док.

– Это ж они новую дорогу строят, – сказал Смит.

– А чем же старая плоха?

– Старая дорога слишком стара, – пояснил Смит. – Она вьется вверх - вниз по холмам, в лощины и из лощин, вокруг вершин каньонов, она без покрытия, и вообще требуется слишком

много времени, чтобы добраться по ней куда-нибудь. Эта новая дорога сэкономит людям десять минут езды от Блендинга до Нейчерал Бриджиз.

– Это дорога округа или штата? – спросил Док.

– Она строится для удобства некоторых компаний, работающих в этом округе, но принадлежать она будет не округу; это – дорога штата. В помощь этим несчастным беднякам с их урановыми шахтами, автобазами, флотилией на озере Пауэлл, вот она для кого. Им тоже кушать надо.

– Ясно, – сказал Док. – Дайте-ка мне взглянуть, Джордж.

Хейдьюк передал полевой бинокль доктору, и тот долго разглядывал картину внизу, попыхивая своей сигарой.

– Суета сует и всяческая суета, – сказал он. Он вернул бинокль Хейдьюку. – Что ж, сегодня вечером работаем.

– Я тоже, – сказала Бонни.

– Ты тоже.

Чей-то высокий птичий крик выплыл, как перышко, из-за серебристых облаков. Ястреб. Краснохвостый одинокий ястреб парил высоко над красными обрывами, над волнами триасского песчаника, с живой змеей, зажатой в когтях. Змея по временам извивалась, уносимая хищником далеко, в мир иной. Время обеда.

Они тоже слегка перекусили, после чего вернулись в пикап Смита и подъехали поближе мили на две, мимо скалы и через кустарник, на низких оборотах, с четырьмя ведущими колесами, к высокой точке, откуда можно было более отчетливо рассмотреть строительство. Смит припарковал пикап в тени самой большой сосны пинии, которая, однако, не была достаточно большой, чтобы хорошо его спрятать.

Сетка, думал Хейдьюк; нам нужна камуфляжная сетка. Он сделал пометку в своей записной книжке.

Теперь трое мужчин и девушка снова пробирались к вершине, к краю крутого обрыва. Хейдьюк по привычке двигался первым, он полз вперед на руках и коленях, а потом на животе – последние несколько ярдов к наблюдательному пункту. Были ли такие предосторожности необходимы? Вероятно, нет, так как это было только началом их игры; Враг ведь пока еще не знал о существовании Хейдьюка & Со. Враг, фактически, все еще самовлюбленно воображал, что пользуется любовью всей американской публики без исключения.

Ошибается. Вот они лежат на животах на теплом песчанике, под мягким, жемчужным небом, и вглядываются вниз – на семь сотен футов по вертикали и с полмили вдоль, туда, где железные динозавры шумно копошатся и режут в своей песчаной яме. И нет любви в головах и сердцах ни одного из них – Абцуг, Хейдьюка, Смита и Сарвис. Никакой симпатии. Но сильный

невольный восторг от всей этой мощи, от всей этой управляемой и контролируемой сверхчеловеческой силы.

Выбранный ими удобный пункт наблюдения давал им то преимущество, что они могли видеть ядро строительства, а не объект в целом. Команды геодезистов, намного опережавшие крупные строительные машины, кончали рабочую неделю раньше, но свидетельства их работы были очевидны: отвратительно розовые маркировочные ленты, развивавшиеся на можжевельных деревьях; воткнутые в землю колья, украшенные лентами, – отметки оси и бортов будущей дороги, стальные шпильки, вбитые в землю в качестве контрольных реперов.

То, что Хейдьюк и его друзья могли видеть и видели, было одним из многих этапов строительства дороги, которые следуют за работой геодезистов. Далеко на западе, на возвышенности за Ком Браш, они видели бульдозеры, расчищающие трассу дороги. В лесистой местности для этой работы потребовалась бы бригада лесорубов с цепными пилами, но здесь, на юго-востоке штата Юта, на плато, небольшие сосенки и можжевельники не оказывали никакого сопротивления бульдозерам. Гусеничные трактора выворачивали их повсюду с беспечной легкостью и сталкивали в сторону, раздавленные и кровоточащие, в кучи валежника, где они будут оставлены умирать и разлагаться. Никто не знает точно, насколько чувствительна, скажем, пиния или иная сосна, в какой степени такие древесные организмы могут чувствовать боль или страх, и уж конечно, дорожные строители беспокоились о более важных вещах. Но вот что является точно установленным научным фактом: живое дерево, будучи выкорчевано, еще много дней не умирает полностью.

За первой волной бульдозеров шла вторая, счищая свободно лежащие камни и почву до коренной породы. Поскольку работа шла в “выемке - насыпи”, было необходимо взорвать коренную породу до уровня, указанного дорожными инженерами. Наблюдая со своих удобных бесплатных мест, четыре зрителя видели самоходные буровые установки, ползущие к месту взрыва, а за ними - трактора, буксирующие воздушные компрессоры. Закрепленные в рабочем положении и присоединенные к компрессорам, стальные буры с визгом врезались в скалу своими твердосплавными наконечниками. Двигатели ревели, и каменная пыль плавала в воздухе. Резонансные колебания сотрясали скелет земли. Снова немое страдание. Буровые установки переместились по холму к следующему участку.

Прибыли взрывники. В пробуренные отверстия поместили заряды, мягко забили шпурсы и подсоединили к электрической сети. Наблюдатели на гребне слышали предупреждающий свисток руководителя взрывных работ, видели, как команда отъехала на безопасное расстояние, видели струю дыма и слышали гром взрыва. Еще больше бульдозеров, погрузчиков и гигантских пикапов направилось к экскаватору, чтобы вывезти обломки.

Внизу в центре выемки под гребнем скреперы, землеройные машины и

восьмидесятитонные самосвалы разгружались, создавая насыпь, а машины за ними углубляли выемку. Выемка-насыпь, выемка-насыпь, работа шла всю вторую половину дня. Ее целью была современная скоростная автомагистраль для удобства грузоперевозок, с уклонами не более 8-ми процентов. Это была непосредственная цель. Идеальная же была еще впереди. Мечта инженера – совершенная сфера; планета Земля со всеми ее несовершенствами убирается; автомагистрали просто наносятся краской на поверхность, гладкую, как стекло. Конечно, инженерам предстоит еще пройти долгий путь, но они - терпеливые неутомимые ребята; они суетятся и суетятся, как термиты в термитнике. Это – постоянная, длительная работа, и они убеждены, что их естественные враги – только механические поломки, или "простои" оборудования, и производственные проблемы, и плохая погода, и иногда брак в подготовительной работе геологов и геодезистов.

Единственным врагом, о котором подрядчик никогда бы не подумал, да и не думал, была команда из четырех идеалистов, распростершихся на животах на скале под небом пустыни.

Внизу под ними металлические монстры ревели, проезжали, подпрыгивая на резиновых колесах, через прорез в горном хребте, сваливали свои грузы и грохотали вверх по холму за новыми. Зеленые звери Бусайрус (*Bucyrus*), желтые твари Катерпиллер (*Caterpillar*), храпящие, как драконы, пускали струи черного дыма в желтую пыль.

Солнце соскользнуло на три градуса к западу за облаками, за серебристым небом. Наблюдатели на горном хребте торопливо жевали, прихлебывали из своих фляг. Жара начала спадать. Поговорили об ужине, но ни у кого не было аппетита. Поговорили о подготовке к вечерней программе. Железные машины все еще работали внизу в промоине, но приближался конец рабочего дня.

– Главное, за кем мы должны следить, – сказал Хейдьюк, – это ночной сторож. Возможно, они как раз держат тут ночью какого-нибудь паразита чертова. Может, и с собакой. Тогда у нас будут проблемы.

– Не будет никакого сторожа, – сказал Смит. – Во всяком случае, не всю ночь.

– Почему ты так уверен?

– Они всегда так делают здесь; мы же далеко от жилья. Никто не живет здесь. До Блендинга пятнадцать миль. Этот объект в трех милях от старой дороги, которые едва ли кто-нибудь проедет, во всяком случае, ночью. Они ж не ждут никаких неприятностей.

– Может, кто-то из них ночует здесь в палатках, – сказал Хейдьюк.

– Не-а, – сказал Смит. – И этого они не делают тоже. Эти мужики работают как собаки целый день; они хотят вернуться вечером в город. Они любят свои цивилизованные удобства. Они – не туристы. Этим строителям ни черта не стоит ездить пятьдесят миль на работу каждое утро. Носятся, как сумасшедшие клопы. Я сам был в этой шкуре.

Док и Хейдьюк, вооруженные полевыми биноклями, продолжали наблюдение. Смит и Бонни поползли с гребня, держась вне поля зрения, пока не оказались ниже линии горизонта. Потом они пошли к пикапу, установили походную печку и начали готовить еду для команды. Доктор и Хейдьюк, никчемные повара, оказались зато хорошими судомойками. Все четверо были вполне квалифицированными едоками, однако только Бонни и Смит настолько заботились о еде, чтобы прилично ее готовить.

Смит оказался прав; строители отбыли все вместе задолго до заката. Выстроив свои машины справа от дороги, нос к хвосту, подобно стаду железных слонов, или просто оставив их на тех местах, где застал их конец рабочего дня, водители возвращались назад маленькими группами к своим транспортным средствам. Далеко наверху Док и Хейдьюк слышали их голоса, смех, скрип корзинок, в которых они приносили себе обед. Пикапы и пикапы подъехали с восточной стороны стройплощадки, спустившись через большой распадок, чтобы встретить водителей. Мужчины забрались в них; грузовики повернулись и направились, пыля, обратно вверх по холму, снова в распадок, и исчезли из поля зрения. Некоторое время еще слышался затихающий шум моторов, облако пыли поднималось над пиниями и можжевельником; затем и оно исчезло. Появился танкер, полный дизельного топлива, и, рыча, направился вниз под уклон к машинам, двигаясь от одной к другой, а водитель и его помощник заполняли доверху топливные баки каждой из них. Закончив, танкер развернулся и направился вслед за остальными, назад сквозь вечернюю дымку к отдаленному жару города, находившегося где-то за восточным выступом плато.

Теперь настала полная тишина. Наблюдатели на гребне, ужиная из своих оловянных тарелок, слышали воркование голубя, находившегося гораздо ниже промоины. Они слышали уханье совы, крики небольших птиц, устраивающихся на ночлег в пыльных кронах тополей. Огромное золотое сияние заходящего солнца разливалось по небу, пламенея на облаках и склонах гор. Почти все видимое пространство было бездорожной, необитаемой, дикой местностью. Они хотели сохранить ее такой же. Они непременно хотели попробовать.

Сохранить все, как раньше.

Солнце село.

Тактика, материалы, инструменты, приспособления.

Хейдьюк зачитывал свой контрольный список.

– Перчатки! У всех есть перчатки? Ну-ка, надевайте их. Кто будет там внизу шляться без перчаток – руки отрублю!

– Вы еще посуду не помыли, – сказала Бонни.

– Защитные каски! У всех есть защитные каски?

Он осмотрел команду.

– Ты – одень эту штуку на голову!

– Она не налазит, – сказала Бонни.

– Подгони ее. Кто-нибудь, покажите ей, как подогнать ремешок. Господи Иисусе! – снова заглянув в свой список: – Кусачки!

Хейдьюк размахивал своими собственными 24-дюймовыми крестовыми кусачками – парой стальных челюстей для перекусывания болтов, прутков, проводов, чего угодно диаметром больше полдюйма. Остальные были вооружены плоскогубцами, более или менее пригодными для большинства целей.

– Теперь вы, наблюдатели, – продолжал он, обращаясь к Бонни и Доку. – Сигналы знаете?

– Один короткий и один длинный – предупреждение: прячьтесь, – сказал Док, держа свой металлический свисток. – Один короткий и два длинных – все чисто, возвращайтесь к работе. Три длинных – бедствие, помогите. Четыре длинных ..., что ж такое четыре длинных?

– Четыре длинных означают – работа закончена, возвращаюсь в лагерь, – сказала Бонни. – И один длинный означает подтверждение, – сообщение получено.

– Не больно-то мне нравятся эти жестяные свистки, – сказал Смит. – Надо что-нибудь поближе к природе. Более естественное. Более эко - логическое. Скажем, свиное уханье? Кто услышит эти жестяные свистки, сразу сообразит, что тут двуногие животные крадутся. Давайте-ка покажу вам, как ухать по-свиному.

Время обучения. Ладони сложите чашеобразно, с одним маленьким отверстием между большими пальцами, соберите губы, дуньте. Дуйте от живота, из самой глубины; звук поплывет через каньоны, по склонам гор, вниз до самой долины. Хейдьюк показывал доктору Сарвису; Смит – Абцуг, лично, держа ее ладони в нужном положении, дуя в них, а она дула в его сложенные ладони. Она наловчилась сразу, доктор – не так быстро. Они прорепетировали сигналы. Некоторое время сумерки казались наполненными большими рогатыми совами, их разговором. Наконец, все были готовы. Хейдьюк вернулся к своему контрольному списку.

– Так, хорошо. Перчатки, каски, кусачки, сигналы, Теперь: сироп *Karo*, по четыре кварты каждому. Спички. Фонари – поосторожнее с ними: держите свет поближе к месту работы, не размахивайте ими, выключайте, когда будете перемещаться. Может, нам разработать легкие сигналы? Нет, позже. Вода. Немножко. Молоток, отвертка, зубило – так, у меня есть. Что еще?

– Мы готовы, – сказал Смит. – Давайте двигать.

Они взвалили на плечи рюкзаки. Рюкзак Хейдьюка с большей частью инструментов весил вдвое больше, чем чей-либо другой. Его это не беспокоило. Смит шел первым сквозь сгущающиеся закатные сумерки. Остальные двигались вслед за ним гуськом, Хейдьюк замыкал шествие. Ни следов, ни тропинки. Смит выбрал наиболее экономичный маршрут среди

низкорослых деревьев, вокруг штыковидных листьев юкки и очень волосатой колючей груши, через небольшие песчаные наносы пониже гребня горного хребта. Он старался, насколько возможно, вести их по камням, чтобы не оставлять следов.

На юг вели их звезды, на юг вел вечерний бриз, к восходящему Скорпиону, раскинувшему четырнадцать галактических миров через все южное небо. Совы ухали в карликовом лесу. Саботажники им отвечали.

Смит обошел муравейник, огромный симметричный песчаный город, окруженный зоной, лишенной какой бы то ни было растительности. Купольный дом муравьев-жнецов. Смит двигался вокруг него, Бонни за ним, но Док наткнулся прямо на муравейник, разворошив его. Большие красные муравьи засуетились, выясняя причину неприятности; один из них укусил Дока за икру. Он остановился, повернулся и снес верхушку муравейника несколькими сильными пинками.

– Вот так я опровергаю Р. Бакминстера Фуллера, – прорычал он. – Так я опровергаю Паоло Солери, Б.Ф.Скиннера и покойного Уолтера Гропиуса.

– Насколько спокойным он был? – спросил Смит.

– Док ненавидит муравьев, – объяснила Бонни. – И они ненавидят его.

– Муравейник, – сказал Док, – это знак, символ и симптом того, из-за чего мы все здесь ковыляем в сумерках, подобно многим другим недотепам. Я хочу сказать, что это – модель того микрокосма, против которого мы должны найти способ противостояния и предотвращения. Муравейник, подобно пенному грибу Фуллера, является признаком социальной болезни. Муравейники изобилуют там, где преобладает перевыпас скота. Пластмассовый купол следует за чумой безудержного индустриализма, воплощает технологическую тиранию и обнажает реальное качество наших жизней, которое тонет в глубинах обратной пропорциональной зависимости от Валового Национального Продукта. Конец мини-лекции доктора Сарвиса.

– Вот и хорошо, – сказала Бонни.

– Аминь, – сказал Смит.

Вечер уступил место ночи – плотному фиолетовому раствору темноты и звездного света, смешанных с энергией, – каждый камень, и куст, и обрыв, и каждое дерево окутывала аура безмолвного излучения. Смит вел заговорщиков по контуру террасы, пока они не подошли к краю чего-то, кромке, пределу, за которым не было ничего ощутимого. Однако это не было гребнем моноклинали, – это был край прорези *сквозь* моноклинали, сделанной человеком. Те, кто способны достаточно хорошо видеть в темноте, могли бы увидеть внизу во мраке, футов на двести пониже, широкую новую автостраду и темные очертания машин.

Смит с друзьями пошли по этому новому понижению, пока не достигли места, где можно было с трудом спуститься на гравий и тяжелую пыль дорожного полотна. Глядя на

северо-восток, в сторону Блендинга, они видели эту светлую полосу еще неоконченной автострады, ведущей прямо через пустыню, через кустарник, и исчезающей в темноте. Не было видно никаких огней, только слабое сияние города в пятнадцати милях отсюда. В противоположном направлении полотно дороги вилось вниз между стенами прорези, снижаясь к каньону и скрываясь из поля зрения. Они вошли в прорезь.

Первое, с чем они столкнулись на кромке полотна дороги, были геодезические вешки.

Хейдьюк выдернул их и забросил в кусты.

– Всегда выдергивайте геодезические вешки, – сказал он. – Где бы вы их ни находили. Всегда. Это – первый чертов общий приказ по банде гаечного ключа в нашем обезьяньем деле. Всегда выдергивайте вешки.

Они спустились как можно глубже в прорезь, глядя вниз и на запад, чтобы разглядеть, хотя бы смутно, дно Ком Уош, зону насыпи, разбросанную там и сям землеройную технику. Здесь они остановились, чтобы посоветоваться.

– Нам нужен здесь первый караульный, – сказал Хейдьюк. – Док или Бонни?

– Я хочу что-нибудь сломать, – сказала Бонни. – Я не хочу сидеть здесь в потемках и ухать по-совиному.

– Я останусь здесь, – сказал Док.

Еще раз они прорепетировали сигналы. Все в порядке. Док удобно устроился на водительском сиденье огромного катка. Поиграл рычагами. – Жесткие, – сказал он, – но это – перевозка.

– Почему бы нам не начать с этого гада прямо тут вот? – спросил Хейдьюк, имея в виду машину Дока. – Просто чтоб попробовать.

Почему бы и нет? Открыли рюкзаки, вытащили инструменты и фонарики. Док стоял на карауле, а три его товарища под ним развлекались, перекусывая провода, топливопроводы, тяги управления, гидравлические шланги машины. Прекрасный новый 27-тонный двухбарабанный желтый *Hyster C-450A*, с дизельным двигателем фирмы Катерпиллер в 330 лошадиных сил, – кулачковый каток, розничная цена изготовителя всего 29500 долларов ФОб Сейджино, Мичиган. Один из лучших. Голубая мечта.

Они весело работали. Каски звякали и клацали о сталь. Маслопроводы и штанги разлетались, издавая звучные *спэнг!* и плотные *кланк!* с трудом отрубаемого металла. Док осветил другую махину. Смит вытер с века каплю масла. В воздухе плавал резкий запах гидравлической жидкости, смешиваясь с ароматным дымом сигар Дока. Запах смеси был тяжелым. Вытекающее масло капало в пыль. Послышался другой звук, далеко, – шум двигателя. Они остановились. Док вглядывался в темноту. Ничего. Шум затих.

– Все спокойно, – сказал он. – Продолжаем, ребята.

Когда было перерезано все, до чего они могли дотянуться, Хейдьюк вытянул щуп из машинного блока – чтобы проверить уровень масла? – не совсем, – и всыпал горстку мелкого песка в картер. Слишком медленно. Он отвинтил колпачок с маслобака, взял долото и молоток, пробил дыру в маслофильтре и всыпал туда еще песка. Смит снял колпачок с топливного бака и вылил туда из бутылки четыре кварты сладкого сиропа *Karo*. Попадая в цилиндры, этот сахар создает твердую углеродную корку на их стенках и кольцах поршня. Двигатель схватится, как железная болванка, когда его заведут. Если заведут.

Что еще? Аббцуг, Смит и Хейдьюк отошли немного назад и уставились на тихий остов машины. Все были потрясены содеянным. Убийство машины. Богоубийство. Все они, даже Хейдьюк, были немного напуганы масштабом своего преступления. Его кощунством.

– Давайте изрежем сиденье, – сказала Бонни.

– Это вандализм, – сказал Док. – Я против вандализма. Резать сиденья – мелкобуржуазно.

– Ну, ладно, ладно, – сказала Бонни. – Пошли дальше.

– После встречаемся здесь? – спросил Док.

– Это – единственный путь обратно на гребень, – сказал Смит.

– Но если какое-нибудь дерьмо приключится, – сказал Хейдьюк, – нас не ждите. Встретимся у пикапа.

– Я не смог бы найти обратную дорогу, даже если б моя жизнь зависела от этого, – сказал Док. – В темноте-то.

Смит поскреб свою длинную челюсть. – Ладно, Док, – сказал он, – если случится какая-нибудь неприятность, может вам лучше пересидеть ее вон там, по-над дорогой, и подождать нас. Не забывайте ухать по-совиному. Так мы вас сможем найти.

Они оставили его в темноте, возвышающегося на сиденье искалеченного и отравленного катка. Только красный глаз его сигары наблюдал за их уходом. План был таким: оставить Бонни одну караулить в дальнем западном конце объекта, а Хейдьюк и Смит в это время будут работать с оборудованием внизу в каньоне. Она ворчала на них.

– Ты ж не боишься темноты, а? – спросил Смит.

– Конечно, боюсь.

– Ты боишься остаться одна?

– Конечно, боюсь.

– Ты что ли не хочешь караулить?

– Я буду караулить.

– Нечего тут делать женщинам, – пробормотал Хейдьюк.

– А ты заткнись, – сказала она. – Я что, жалуюсь? Я буду караулить. Так что лучше

заткнись, пока я не вывернула тебе челюсть.

Темнота казалась Хейдьюку теплой, уютной, безопасной. Ему нравилась темнота. Враг, если он появится, прибудет с шумом и грохотом, с ревом двигателей, огнем сигнальных ракет, Действующий Катящийся Гром снарядов и бомб, как во Вьетнаме. Так думал Хейдьюк. Поскольку ночь и эта дикая местность принадлежат нам. Это – страна индейцев. Наша страна. Так он, по крайней мере, считал.

Вниз, круто под гору, одним большим скачком, наподобие аттракциона “американские горки” с милю длиной, шоссе спускалось через брешь к насыпи по дну Ком Уош. Вскоре они достигли первой группы механизмов — землеройные машины, большие грузовики, планировщики.

Бонни собралась идти дальше одна. Смит взял ее руку на мгновение. –Ты будь рядом, дорогая, – сказал он ей, – только внимательно слушай и смотри, а мы с Джорджем сделаем тяжелую работу. Сними каску, чтоб лучше слышать. Ладно?

–Хорошо, – согласилась она, – пока что. Но она хотела позже принять более активное участие в работе. Он согласился. Равное участие. Он показал ей ступеньки в открытую кабину 85-тонного тягача марки Эвклид. Она уселась там, как сторож в вороньем гнезде, а Смит и Хейдьюк принялись за работу.

Напряженная работа. Клик-клак – режут, рвут, ломают. Они исползали весь Катерпиллер D-9A, величайший бульдозер в мире, идол всех дорожников. Насыпали столько песка в карбюратор, что Хейдьюк не мог вставить в него щуп обратно на полную глубину. Он урезал его кусачками до нужной длины. Песок в маслоприемник. Он поднялся в кабину, попытался отвинтить колпачок топливного бака. Не смог. Молотком и долотом он разбил его, отвинтил, влил четыре кварты хорошего мощного *Karo* в дизельное топливо. Посадил колпачок на место. Посидел на водительском сиденье, поиграл минутку выключателями и рычагами.

–Ты знаешь, что было б здорово? – сказал он Смицу, который стоял пониже, пытаясь перерубить гидравлический шланг.

–А что, Джордж?

–Завести эту паскуду, загнать ее на вершину и спустить с обрыва.

–На это ушло бы полночи, Джордж.

–Да уж, вот это было б здорово.

–Все равно мы не сможем его завести.

–Почему?

–Да там у их ротора никакой нету рукоятки от магнето. Я смотрел. Они обычно вытаскивают рукоятку ротора, когда оставляют этих тварей на дороге.

–Да?– Хейдьюк вынул записную книжку и карандаш из кармана рубашки, включил

фонарик, сделал пометку: *рукоятки ротора*. –Знаешь, что было б здорово?

Смит, занятый ликвидацией всех физических связей между головками цилиндра и топливопроводами, спросил:

–Что?

– Мы могли бы повыбивать шпильки из всех гусениц. И когда эта штука двинется, она выскочит из своих собственных чертовых траков. Они б тут упúсались.

– Джордж, тут этот трактор пока что вообще не двинется с места. С места не сдвинется теперь-то.

– Пока что.

–Так я и сказал.

–То-то и беда.

Хейдьюк выбрался из кабины и подошел вплотную к Смигу, - там, в черном свете звезд, он делал свое скромное дело, луч его фонарика четко освещал установочный винт блока двигателя весом в три автобуса Фольксваген. Вот он, желтый Катерпиллер, огромный в темноте, неясно вырисовывается над двумя мужчинами с безразличием бога, покоряясь без дрожи своей эмалированной шкуры их злонамеренным надругательствам. Аванс за эту единицу оборудования составил около 30 000 долларов. А сколько стоили эти люди? При любом рациональном химико-психо-физическом анализе? Представители нации, состоящей из двухсот десяти миллионов (210 000 000) тел? Дешевея день ото дня, поскольку массовое производство снижает стоимость единицы продукции?

–То-то и беда, – повторил он. – Все эти перерезанные провода только притормозят их, но не остановят. Черт его подери, Редкий, мы зря тратим время.

–В чем дело, Джордж?

–Мы зря тратим время.

–Что ты имеешь в виду?

–Я хочу сказать, что мы на самом деле должны взорвать этого ублюдка. Его и все остальные. Поджечь их все, я хочу сказать. Сжечь их к чертовой матери.

–Так это же тогда будет поджог.

–Да ради Бога, какая разница? Ты думаешь, то, что мы делаем, намного лучше? Ты, черт подери, хорошо знаешь, что если бы старик Моррисон-Кнудсен был сейчас здесь со своими жлобами, он был бы счастлив, если б нас тут всех перетреляли насмерть.

–Да уж, тут ты прав, не слишком они будут счастливы от этого. Не больно-то хорошо они нас поймут.

–Они нас хорошо поймут. Они возненавидят нас до чертовых кишок.

–Они не поймут, зачем мы это делаем, Джордж. Вот что я хочу сказать. Я хочу сказать,

нас неправильно поймут.

– Да нет, нас поймут правильно. Нас возненавидят.

– Может, мы должны объяснить ...

– Может, мы должны правильно это делать. Не возиться тут с этими сраными мелочами.

Смит молчал.

– Давай *уничтожим* это дерьмо.

– Я не знаю, – сказал Смит.

– Изжарим его в его собственном жиру. У меня тут в рюкзаке случайно оказался небольшой шланг с сифоном. И спички как раз случайно есть. Мы только отсосем немного топлива из бака и вроде как обольем мотор и кабину, потом вроде как бросим туда спичку. Остальное Бог доделает.

– Ага, я думаю, он бы доделал, – согласился Смит. – Если бы Бог хотел дать жизнь тут вот этому бульдозеру, он бы не заливал ему в бак дизтопливо. Разве не так? Джордж, а как насчет Дока?

– Что – насчет Дока? С каких это пор Док нам начальник?

– Он же тут вроде как финансирует нам это дело. Он нам нужен.

– Его деньги нам нужны.

– Хорошо, хорошо, скажем так: мне нравится старина Док. И мне нравится его старушка. И я думаю, мы все четверо должны держаться вместе. И я думаю, что мы не можем делать то, чего мы все вчетвером не согласились делать заранее. Подумай об этом вот в таком разрезе, Джордж.

– Ты кончил свою проповедь?

– Я кончил свою проповедь.

Теперь Хейдьюк немного помолчал. Оба работали. Хейдьюк думал. Спустя минуту он сказал: – Знаешь что, Редкий Гость? Я думаю, ты прав.

– Один раз, было, я думал, что был не прав, – сказал Смит, – но после обнаружил, что ошибался.

Они покончили с D-9A. Сифонный шланг и спички остались в рюкзаке Хейдьюка. Пока что. Сделав все, что могли: засыпав песком, смяв, порвав, порезав, покалечив и всячески оскорбив первый бульдозер, они направились к следующему, и девушка с ними. Смит обнял ее.

– Мисс Бонни, – говорит, – как тебе нравится ночная смена?

– Слишком мирно. Когда моя очередь что-нибудь ломать?

– Нам нужно, чтоб ты караулила.

– Мне скучно.

– Вот об этом уж ты нисколько не волнуйся, малышка. Скоро у нас будет столько

волнений, что хватит до конца жизни и тебе, и мне. Если мы проживем так долго. Как ты думаешь, что там старина Док поделывает совсем один?

–Он в порядке. Все равно он витает в своих мыслях большую часть времени.

Другая гигантская машина появилась из темноты перед ними. Тягач; они его раскурочили. Потом следующий. Бонни наблюдает со своего поста в кабине ближайшего скрепера. Дальше! Мужчины продолжают свое дело.

–Если бы мы могли запустить моторы этих дряней, - сказал Хейдьюк. - Мы бы спустили масло, включили двигатели и ушли себе. Они бы уж сами о себе позаботились, а мы бы справились намного быстрее.

–Ну и давай, – разрешил Смит. – Спускай масло и заводи двигатели. Они схватятся крепче воловьей задницы в мгновение ока. Их потом, сволочей, никогда не открыть.

–Мы могли бы хоть попытаться, во всяком случае. И вслед за этими словами Хейдьюк вскарабкался в кабину большого бульдозера. –Как Вы ее заводите, эту заразу?

–Я покажу, если мы найдем такую, которую можно завести.

–Может, горячий провод? Может, мы могли бы завести ее так? Обойти зажигание.

–Только не гусеничный трактор. Это тебе никакой не автомобиль, Джордж, ты знаешь. Это – D-восемь. Это тут сверхмощное индустриальное оборудование; это тебе не какой-нибудь старый *Farmall* там у тебя дома.

–Ладно, я готов начать брать уроки вождения в любое время.

Хейдьюк спустился вниз с водительского сиденья. Они обрабатывали пациента, насыпая горсти мелкого триасского песка в карбюратор, перерезая провода, топливопроводы, гидравлические шланги ко всем устройствам, заливая *Karo* в топливные баки. Почему *Karo* вместо простого сахара? Смит хотел знать. Льется лучше, объяснил Хейдьюк; легче смешивается с дизтопливом, не засоряет фильтры. Ты в этом уверен? Нет.

Хейдьюк ползал под бульдозером, чтобы найти сливную пробку маслобака. Он нашел ее, но ему понадобился большой гаечный ключ, чтобы ее ослабить. Они решили поискать в коробке с инструментами в кабине. Заперто. Хейдьюк сбил замок долотом и молотком. Внутри они нашли несколько простых массивных инструментов: железный гаечный ключ длиной три фута; разнообразные гигантские торцовые ключи; кувалда; разводной гаечный ключ с деревянной ручкой; гайки, болты, изоляционная лента, провод.

Хейдьюк взял гаечный ключ подходящего размера и снова залез под трактор. Некоторое время он боролся с пробкой, наконец, ослабил ее и выпустил масло. Большая машина начала кровоточить; ее жизненные соки, пульсируя, вытекали из нее в пыль и песок. Когда все масло вытекло, он вставил пробку обратно. Зачем? Сила привычки – он думал, что меняет масло в своем джипе.

Хейдьюк вылез, перепачканный пылью, жиром, маслом, потирая ушибленную коленку.

–Черт, – сказал он, – я не знаю.

–Что опять?

–Правильно ли мы делаем эту работу? Вот чего я не знаю. Ну, приходит утром водитель, влазит в эту штуковину, пробует ее завести, – ничего не происходит. И первое, что он видит – все провода перерезаны, все топливопроводы перерезаны. Так что сыпать песок в карбюратор, сливать масло – бесполезно, пока они не заведут двигатель. Но когда они починят провода и топливопроводы, то начнут проверять и все остальное. Естественно, и уровень масла. И найдут песок. Потом увидят, что кто-то слил масло. Вот я и думаю, если мы действительно хотим делать это правильно, возможно, мы должны скрыть нашу работу. Я имею в виду, делать ее просто и продуманно.

–Но, Джордж, с минуту назад именно ты хотел поджечь все эти штуки.

–Ага. А теперь я думаю иначе.

–Слишком поздно. Мы уже приложили руку здесь, это заметно. Надо продолжать работать, как начали.

–Подумай-ка об этом минутку, Редкий. Они все появятся здесь приблизительно в то же время завтра утром. Все заводят свои машины – или пытаются их завести. Кто-то сразу заметит обрезанные провода. Я говорю, на тех машинах, где мы уже это сделали. Но глянь, на остальных, – если мы не тронем провода и топливопроводы, чтобы они завели двигатели, тогда песок и *Karo* будет действительно по делу. То-есть у них будет возможность сделать то, на что мы рассчитываем: разрушить двигатели. Что ты об этом думаешь?

Они склонились бок о бок над стальной гусеницей трактора, пристально вглядываясь друг в друга сквозь мягкий звездный свет.

–Я, пожалуй, хотел бы, чтоб мы все это сообразили раньше, – сказал Смит. У нас ведь не вся ночь впереди.

–Почему - не вся ночь?

–Потому что, я считаю, под утро мы должны быть за пятьдесят миль отсюда. Вот почему.

–Только не я, – сказал Хейдьюк. – Я собираюсь болтаться рядом и посмотреть, что будет. Хочу получить это чертово личное удовлетворение.

Сверху, от скрепера послышалось уханье совы. –Что там у вас такое? – спросила Бонни. – Вы что думаете, это вам пикник или что?

–Ладно, – сказал Смит, – давай сделаем это просто. Давай отложим пока что кусачки и поработаем только над топливом и маслопроводами. Бог знает, сколько тут песка вокруг. Вполне достаточно. Десять тысяч квадратных миль песка, пожалуй, будет. Договорились.

Они продолжили, на этот раз быстро и методично, переходя от машины к машине, засыпая песок в карбюраторы и во все отверстия, ведущие к движущимся деталям. Когда исчерпался весь сироп *Karo*, они стали сыпать песок в топливные баки в качестве дополнительной меры.

Всю ночь напролет Хейдьюк и Смит продвигались к концу ряда машин. Время от времени то один, то другой, освобождали Бонни с караульного поста, чтобы она могла принять участие в полевой работе. Работа в команде – вот что сделало Америку великой страной: работа в команде и инициатива, вот что сделало ее тем, чем она является сегодня. Они работали над Катерпиллерами, они работали на скреперах, они обработали воздушные компрессоры *Schramm*, катки *Hyster*, погрузчики *Massey*, гусеничные буровые установки *Joy Ram*, колесные погрузчики *Dart D-600*, не пропустили ни одного экскаватора *John Deer 690-A*, и это было, пожалуй, все на эту ночь; этого было, пожалуй, достаточно; старик Моррисон-Кнудсен имел массу оборудования, но кто-то должен же был отвечать за головные боли, которые начнутся утром, когда взойдет солнце, и двигатели будут включены, и все те мельчайшие частицы песка, коррозионные как распыленный наждак, начнут давать выход мести земли на стенках цилиндров разрушителей пустыни.

Когда они достигли конечной точки участка выемки-насыпи, высоко на складчатом склоне напротив Ком Уош, и тщательно забили песком последнюю из строительных машин, они уселись на можжевелевом бревне, чтобы отдохнуть. Смит, ориентируясь по звездам, определил, что было около 2 часов утра. Хейдьюк считал, что было всего только 11:30. Он хотел пройти вслед за геодезистами и вырвать все вешки, колышки и флажки, которые, как он знал, ждали там, впереди, в темноте, дальше, в еще наполовину девственной, почти нетронутой местности. Но у Аббцуг появилась идея получше: вместо того, чтобы разрушать разметку, выполненную геодезистами, предложила она, почему бы не переместить ее таким образом, чтобы увести дорогу направо большой петлей к отправной точке? Или привести ее к краю, скажем, Мьюли Пойнт, где подрядчики столкнутся с вертикальным обрывом высотой в двенадцать сотен футов к излучинам реки Сан-Хуан.

– Не будем подавать им никаких новых идей, – сказал Хейдьюк. – Они только захотят построить еще один проклятый мост.

– Их геодезическая разметка тянется на запад на двадцать миль, – сказал Смит. Он был против обоих планов.

– Так что мы делаем? – спрашивает Бонни.

– Я б хотел бы залезть в спальник, – говорит Смит. – Немного поспать.

– Мне самой нравится эта идея.

– Но ночь же еще только началась, – замечает Хейдьюк.

– Джордж, – говорит Смит, – мы не можем сделать все за одну ночь. Нам надо забрать Дока, вернуться к пикапу и дать деру. Мы не хотим быть утром где-нибудь тут поблизости.

– Они ничего не смогут доказать.

– То же самое говорил и Славный Парень Флойд. То же говорил и Нельсон, и Джон Диллинджер и Бутч Кэссиди, и еще один парень, как там его звали – ?

– Иисус, – рычит Хейдьюк.

– Вот-вот, Иисус Христос. Они все говорили то же самое, и – гляди, что с ними со всеми случилось. Распяты.

– Это – наша первая большая ночь, – сказал Хейдьюк. – Мы должны сделать как можно больше. Вряд ли когда-нибудь еще нам случится такая же легкая работа. В следующий раз у них всюду будут замки. Возможно, и капканы. И вооруженные охранники с коротковолновыми радио, с собаками.

Бедный Хейдьюк: выиграл все споры, но проиграл свою бессмертную душу. Он вынужден был уступить.

Они прошли назад тем же путем, которым пришли, мимо безмолвных, кастрированных, напичканных лекарствами машин. Этим обреченных железных динозавров, терпеливо переживающих остаток ночи, пока наступит безответственное розовоперстое утро и принесет развязку. Агония колец цилиндра, смятых распухшим поршнем, в глазах *deus ex mashina* - бога машин может оказаться подобной другим содомским преступлениям против природы; кто скажет?

Крик совы раздался откуда-то, как им показалось, очень издалека, с востока, из угольной черноты расщелины, пробитой динамитом. Один короткий и один длинный, пауза, и снова: один короткий, один длинный. Тревожный крик – предупреждение.

– Док за работой, – сказал Смит. – Это Док разговаривает с нами.

Мужчины и девушка замерли в темноте, прислушиваясь изо всех сил, пытаясь увидеть хоть что-нибудь. Тревожный сигнал повторился – еще и еще раз. Одинокая ушастая сова, говорящая в ночи.

Замерли, слушают. Нервные сверчки трещат в сухой траве под тополями. Голуби зашевелились в кустах.

Они услышали слабое, но нарастающее гудение мотора. Потом увидели за ущельем колеблющиеся лучи фар. Появилась какая-то машина – два сверкающих глаза – скрежещущая вниз по склону на низких передачах.

– Ну, ладно, – сказал Хейдьюк, – уходим с дороги. Следите за фарой-искателем. Если увидите – все врассыпную.

Понятно. Тревога застала их посреди высокой насыпи, – им некуда было деться, кроме

как спускаться по ее откосу. Они скатились, скользя по каменной насыпи, на кучу крупных валунов у ее основания. Здесь они и укрылись, потирая ушибы и ссадины.

Пикап спустился с автодороги, медленно проехал мимо, сколько было возможно, и остановился около машин, оставленных в беспорядке у дальнего края насыпи. Там он постоял минут пять, заглушив мотор и выключив фары. Окна кабины были открыты, водитель сидел, потягивая кофе из термоса и прислушиваясь к ночной тишине. Включив левую фару - искатель, он поиграл лучом по ложу будущей дороги и строительным машинам. Насколько он мог видеть, все было в порядке. Он включил двигатель, вернулся на дорогу, по которой приехал, миновал слушателей, находившихся в каких-нибудь пятидесяти футов ниже него, проехал вверх по уклону через прорезь и исчез.

Хейдьюк неприметно опустил свой револьвер обратно в рюкзак, шумно высморкался в кулак и покарабкался вверх по откосу наверх, к дороге. Из темноты возникли Абцуг и Смит.

–В следующий раз – собаки, – сказал Хейдьюк. – Вертолеты со снайперами. Потом – напалм. Потом – Б-52.

Они шли в темноте вверх по длинному пологому уклону в сторону восточной прорези. Шли и прислушивались, не издаст ли снова какой-нибудь крик большая лысая бородатая сова в защитных очках.

–А по-моему, не совсем так, – говорил тем временем Смит. – Они ж тоже люди, человеки, как мы. Мы должны это помнить, Джордж. Если мы об этом забудем, станем точно такими же, как вот и они, и где ж мы тогда будем?

–Они – не такие, как мы, – отвечал на это Хейдьюк. – Они другие. Они бы миллиона не пожалели, чтобы одного вьетнамца сжечь до смерти.

–Знаешь, у меня шурин в авиации. Так он сержант. А еще я однажды возил по реке семью генерала. Так они более или менее ничего себе, люди как люди, Джордж, как и мы с тобой.

–А генерала ты встречал?

–Нет, только его жену, но она уж сладкая да пышная была, как деревенский пирог.

Хейдьюк молчал, мрачно ухмыляясь в темноту. Тяжелый рюкзак на спине, перегруженный водой, оружием, инструментом, приятно оттягивал плечи, давал ощущение солидного, реального, настоящего дела. Он чувствовал себя сильным, взведенным, как пистолет, опасным, как динамит, упрямым, и мощным, и крепким, и полным любви к своему земляку и единомышленнику. И к своей единомышленнице, имеется в виду, к мисс Абцуг, тоже, черт ее подери, в этих чертовых обтягивающих джинсах, в этом мохнатом мешковатом свитере, который, однако же, не мог скрыть ритмичного покачивания туда-сюда этих ее ничем не стесненных чертовых грудей. Господи Иисусе Христе, мне нужна работа. Работа!

Они нашли Дока сидящим на камне на краю выемки. Он курил свою, по всей видимости, неугасимую и бесконечную сигару.

–Ну? – спрашивает он.

–Ну что ж, – говорит Смит, – я бы сказал, мы уж точно сделали все, что могли.

–Война началась, – говорит Хейдьюк.

Звезды глядели вниз. Восточный гребень гор начал понемногу меняться – старая луна предупреждала о своем появлении. Ни ветра, ни звука – только мощное испарение, истонченное расстоянием до легкого шепота, – горного леса, полыни и можжевельника, и пиний, раскинувшихся на сотни миль полупустынного плато. Мир колебался в ожидании чего-то. На восходе луны.

Ночной поход Хейдьюка

Хейдьюк проснулся до рассвета, чувствуя знакомую боль одиночества. Все ушли. Он выполз из пухового спальника и побрел в кусты. Следил за вытекающей мочой, проверяя ее цвет, когда она, выделяя пар, падала на холодный красный песок. Хейдьюку – медику не очень-то нравился этот оттенок желтого. Господи Иисусе, не иначе как у меня песок или камень там в этой чертовой старой почке. Сколько упаковок пива отсюда до госпиталя?

Он побродил вокруг, пошатываясь, с заплывшими глазами, тяжелый и неловкий после вчерашней ночи, чувствуя себя отвратно. Почесал свой волосатый живот. Совсем недавно на нем неожиданно появилась складка жира. Безделье и жир, жир и безделье, они убивают мужчину скорее, чем женщину. Женщину? К черту! Он никак не мог изгнать ее образ; он все маячил перед его мысленным взором. Он изо всех сил постарался не думать о ней. Не смог.

Пауза. Снизу еще не доносилось ни звука. Хейдьюк собрал пару охапок хвороста, разложил небольшой костерок, наполнил водой чайник и поставил его на огонь. Высушенный солнцем можжевельник горел сильно, бездымно, ярко и жарко.

Он устроил себе ночлег на маленьком песчаном островке за гребнем горы, окруженном можжевельником и пиниями, где его не мог видеть никто, кроме птиц. Неподалеку он увидел следы колес на песке – там, где Редкий Гость Смит разворачивал свой грузовик вчера, когда взошла старая луна.

Пока закипала вода, Хейдьюк сорвал несколько можжевельных веток и замел следы колес до того места, где они исчезали на песчанике. Вернувшись, он разбросал сосновые иглы на потревоженном песке. В этой клятой пустыне ничего не спрячешь. Пустыня говорит на многих языках, в том числе и раздвоенных.

Прошлой ночью он сильно поспорил с остальными по поводу такого разделения. Хейдьюк настоял на своем. Он хотел увидеть результаты их трудов, если таковые будут. Кроме того, он предлагал пройти пешком до следующего стыка с автотрассой и посмотреть, что он сможет сделать, чтобы свести на нет работу геодезистов. Приходит такое время в жизни мужчины, когда он должен вырывать вешки. Должен быстро уходить. Должен прекратить колебаться, прекратить отмерять семь раз, и начать резать – изгороди.

Он приготовил и съел свой скромный завтрак: чай с сухим молоком, вяленую говядину, апельсин. Сойдет. Усевшись поближе к огню, он прихлебывал свой чай. Химия: его мозги прояснились.

В большом рюкзаке, что лежал сейчас в изголовье его спальника, он нес недостаточно сухой провизии на десять дней пути. Плюс галлон воды, - остальную он найдет по дороге.

Вынужден будет найти. А еще – топографические карты, средство от змеиных укусов, таблетки галазона, нож, непромокаемое пончо, запасные носки, сигнальное зеркало, зажигалка, фонарик, длинная куртка с капюшоном, бинокль и т.д., револьвер и пятьдесят патронов к нему. Жизнь возвращалась.

Хейдьюк допил свой утренний чай и удалился под можжевеловый куст. Выкопал ямку, присел на корточки и опорожнился. Проверил стул – безупречная структура. День обещал быть хорошим. Он вытерся можжевеловой веткой с грубыми зелеными иглами, как делали в таких случаях индейцы – навахо, засыпал ямку песком и замаскировал ее ветками. Вернувшись к костру, который тоже был устроен в песчаной ямке, он прикрыл и замаскировал ее так же, как и прежнюю.

Он вычистил посуду – чашку и почерневший маленький чайник, - и упаковал их в рюкзак вместе со всем остальным снаряжением, кроме полевого бинокля и одной фляги. Теперь он был готов быстро ретироваться. Рюкзак, бинокль и флягу он отнес к гладкому камню у гребня и оставил их там на земле под прикрытием пинии. Снова взял можжевеловый веник, которым он пользовался прежде, и уничтожил все следы своего пребывания здесь.

Окончив все дела, он взял бинокль и флягу и пополз на свой наблюдательный пункт на гребне горы. Там, под сенью цветущего горного шиповника, он улегся на живот и стал ждать. Горный шиповник пахнул, как флердоранж. Камень был уже теплым.

День будет жарким. Солнце взошло на безоблачном небе. Воздух был тих и спокоен, только от гребня, где лежал в ожидании Хейдьюк, поднималось легкое теплое дыхание. По солнцу он определили время: семь часов.

Наконец появились машины с рабочими. Покачиваясь, подпрыгивая на дороге, они подъезжали к рабочим площадкам, останавливались, высаживали своих пассажиров, возвращались. Наблюдая за ними в бинокль, Хейдьюк видел, как рабочие выпрыгивали, покачивая корзинками с едой, - их твердые шляпы блестели на солнце, – и залазили на сиденья своих машин. Он видел и дальнейшее движение – выбросы дизельного дыма там и тут. Некоторые машины завелись, другие – не завелись, или не могли завестись, или уж никогда не заведутся. Хейдьюк наблюдал с глубоким удовлетворением. Он знал то, чего водители еще не знали: проблемы будут у *них* у *всех*.

У трактора Катерпиллер капот не поднимается. Его просто нет. Становитесь на стальные траки гусеницы и прыгаете вниз, чтобы заглянуть в двигатель. Допустим, вас зовут Вилбер С. Шниц, и что же вы видите там в это солнечное утро в Ком Уош, Юта? Вы видите, что топливопровод ведет в пустоту, что пучок проводов зажигания четко разрезан пополам, инжекторы сбиты молотком, рулевые тяги перерезаны, воздушные и масляные фильтры отсутствуют напрочь, а шланги жестоко изуродованы, и из них капает жидкость. Чего вы не

увидите – так это песка в картере и сиропа в топливном баке.

Или, допустим, вы – Дж. Роберт («Джейбоб»), и вы лежите на спине, заглядывая под днище своего 40-тонного тягача *GMC Terex* (доставшегося Абцуг), чтобы проверить двигатель. Вы видите гирлянды изуродованных, изрезанных гидравлических шлангов и топливопроводов – они болтаются над вашим лицом, сочатся, протекают, капая вам прямо в глаз.

По всей длине строительной площадки, с востока на запад, творилось то же самое. Все системы искалечены, переломаны, половина оборудования выведена из строя, остальная обречена. Догрызая полоску вяленой говядины, сжимая пальцы от удовольствия, Хейдьюк наблюдал сквозь стекла своего бинокля весь тот разлад, что творился внизу.

Солнце поднялось выше, вторгаясь в его тень. Да и вообще ему все это начинало надоедать. Он решил проложить некоторую дистанцию между собою и потенциальным линчевателем из Ком Уош. Потому что все, что он пока что знал или мог видеть внизу, - это отряд поклонников и заботливых приверженцев тракторов, фанатов тяжелых строительных машин, карабкающихся вверх по восточному склону по следам, которые наверняка оставили, - не могли не оставить, - прошлой ночью он и его друзья.

Он пополз с гребня вниз, не поднимаясь на ноги, и встал только тогда, когда полностью скрылся из глаз за кромкой горы. Здесь, в тени деревьев, он сделал большой глоток из своей фляги – зачем беречь воду, когда тело сейчас так нуждается в ней, - спрятал ее в боковой карман рюкзака, закинул его на плечи и зашагал на север, прочь от этой строительной площадки, от этой будущей автомагистрали, к старой дороге. Он хотел проскользнуть через Ком Уош, спуститься с его западного склона и выйти прямо на полосу отчуждения. Пять миль? Десять? Этого он не знал.

По дороге Хейдьюк прилагал все усилия, чтобы не ступать на песок, а оставаться на песчанике. Никаких картинок, никаких следов. Когда ему нужно было пересечь участки песка или мягкого грунта, он поворачивался и шел спиной вперед, чтобы запутать следы.

Значительную часть пути ему удавалось идти по голому камню, по гладкой, слегка округленной поверхности осадочных пород геологической формации Уингейт. Хорошая, добротная, плотная порода, осевшая, сцементированная и окаменевшая около двадцати пяти миллионов лет назад, если верить фантазиям геоморфологов.

Он не знал, преследуют его или нет. Но когда он услышал гудение самолета, летящего по направлению к нему, он быстро нырнул в тень ближайшего дерева и притаился там, *не глядя вверх*, пока самолет не скрылся из поля зрения и слуха. Тогда он пошел дальше.

Чертовски жаркий день, думает Хейдьюк, на ходу вытирая пот с носа, с густых своих бровей, чувствуя, как пот стекает от подмышек по ребрам. Но ему было приятно снова быть на марше; ему приятно было чувствовать запах чистого, жаркого воздуха пустыни, ощущать в

ушах легкий шелест тишины; ему нравился вид далеких столовых гор мерцающих в мареве горячих волн пустынного воздуха, радовали глаз блики солнца на красном камне.

Он шел широким шагом по бульвару из песчаника, среди можжевельника и пиний, медленно выделяющих свой смолистый сок, в обход островков песка и – у-ух! – едва не врезался в гнездо острых лезвий юкки с иглами по краям. Обходя это неожиданное препятствие, опираясь на пятки, чтобы придать своим шагам более естественный вид, он пятился задом наперед, пока не добрался до удобного, прочного песчаника, и, развернувшись в нормальную позицию под неверным укрытием пустынных небес, продолжал двигаться вперед.

Через некоторое время, остановившись в тени, он снял с плеч свою ношу, свой Камень – свой тяжеленный рюкзак – и снова попил воды. Осталось всего две кварты.

Полуденное солнце висело высоко в небе. Когда в поле зрения появилась старая дорога – первоначальная грунтовая дорога, ведущая из Блендинга в Хайт, он выбрал удобный плоский камень в тени можжевельниковых деревьев, улегся на нем, подложив под голову свой рюкзак вместо подушки, и уснул.

Он проспал три часа, не без сновидений, – три самых жарких послеполуденных часа.

Он мог бы поспать и дольше, – ведь он по-настоящему здорово устал, – но его мучила жажда, мешали спать пересохшее горло и шершавый, сухой язык. Поэтому, когда по дороге проехал грузовик, рыча на низкой передаче на длинном крутом подъеме, ведущем к строительной площадке, он проснулся.

Первое, что он сделал, проснувшись, – выпил полкварты воды. Съев немного вяленой говядины, он присел в тени, ожидая темноты. Когда стемнело, он погрузил на себя свой непомерный рюкзак, и пошел вниз по дороге, через старый проход, давным-давно пробитый в горном кряже. Этот обходной путь вокруг Ком Уош длиной в тридцать миль был единственно возможным способом спуститься с гребня кряжа к аллювию и добраться до его противоположной стороны. Если бы он захотел спускаться прямо вниз со скалы, ему понадобился бы канат длиной с тысячу футов.

Идя по дороге, спрятаться в случае нужды, если бы по ней было какое-нибудь движение, было бы особенно негде; но никто не появлялся. Дорога была пустынной, какой она, наверное, была полстолетия назад. Придя к аллювию, он наполнил свои фляги из ручья теплой водой, бросил в них таблетки для ее очистки и дезинфекции и отправился дальше.

Он добрался до перевала за Ком Уош, сошел со старой дороги и пошел дальше на юг, ориентируясь по звездам. Он пытался идти по водоразделу между двумя водосборными системами, что было не так-то легко в темноте, в далекой глубинке, в той ее части, где он никогда прежде не бывал.

Он прикинул, что прошел за день не менее десяти миль, вверх-вниз по горам, с

шестидесятифунтовым рюкзаком за спиной. Он снова чувствовал усталость. Опасаясь проскочить в темноте полосу отчуждения строящейся автодороги, на которой не было пока ничего, кроме вешек геодезической разметки, он решил остановиться и подождать рассвета. Он нашел более или менее горизонтальную площадку, открытую на восток, сбросил с нее несколько камней, развернул спальник и мгновенно заснул сном без сновидений, сном сильно уставшего человека.

Прохладные утренние сумерки. Сойки кричат в пиниях. На востоке разворачивается жемчужно-кремовая лента ...

Хейдьюк проснулся, позавтракал на скорую руку, быстро сложился и двинулся в путь. Он шагал по уступам песчаника, вокруг истоков десятков сухих русел, к полосе отчуждения строящейся дороги.

Он увидел колышки геодезической разметки, вбитые в землю. Розовые полоски, как ленточки, болтаются на ветвях деревьев. На более длинных вешках, сделанных из брусков обрешетки кровли и установленных ровно через сто ярдов одна от другой, также висят ленточки. Деревья с обрубленными ветвями, - чтобы геодезисту был четко виден створ по прямой, и чтоб был проезд для джипа изыскателей. Подъезжающие и отъезжающие грузовики ехали прямо по земле.

В обе стороны вид был почти одинаков. Хейдьюк находился слишком далеко на западе, чтобы увидеть состояние дел на строительной площадке или услышать шум работающих машин. Только покой и тишина, да шорох ветерка в можжевельнике, да утренний зов траурного голубя.

Хейдьюк переждал часок в тени пинии неподалеку от полосы отчуждения, чтобы убедиться, что никакой враг не подкрадывается где-нибудь поблизости. Он не услышал никого. Когда солнце взошло над горизонтом, он принялся за работу.

Прежде всего он спрятал свой рюкзак. Затем пошел на восток, по направлению к строительной площадке, выдергивая каждый колышек, каждую вешку, обрывая все ленточки вдоль северного рукава будущей дороги. По дороге обратно он очистит и южный рукав.

Преодолев подъем, он вышел на верхнюю точку, с которой был виден просвет в хребте Ком Ридж, сделанный руками человека, и большая насыпь внизу. Хейдьюк нашел удобный наблюдательный пункт и приложил к глазам бинокль.

Как он и ожидал, часть оборудования ремонтировали. По всей длине строительной площадки он видел хлопочущих людей, ползающих вокруг своих властелинов - машинам, внутри и снаружи них, заменяя топливопроводы, сваривая тяги, сплетая провода, устанавливая новые гидравлические шланги. Обнаружили ли они уже пробитые масляные фильтры, песок в

картерах, сироп в топливных баках? Оттуда, где он лежал, сказать было невозможно. Но многие машины простаивали, и к ним никто не подходил, - у них был безнадежный, покинутый вид.

На мгновение Хейдьюка охватило искушение спуститься туда, вниз, и попросить работу. Если ты относишься серьезно к этому «бизнесу деревянных башмаков», сказал он себе, сходи к парикмахеру - постригись, сбрей бороду, прими душ, надень чистую, приличную рабочую одежду и получи работу, какую-нибудь работу, любую работу в самой строительной компании. А потом – сверли ее изнутри, как благородный червь.

Эти идеи увяли, когда он обнаружил в бинокль пару вооруженных людей в форме – пистолеты, сапоги, погоны, значки, плотно облегающие рубашки с тремя острыми заутюженными складками на спине. Он наблюдал за ними с особым интересом.

Надо было оставить им какой-нибудь ключик, чтобы пристегнуть к нему их внимание. Вроде пуговицы «Свободу Джимми Хоффа». Или «Думай о Хопи», или «Вайнос – за мир». Он попытался придумать что-нибудь новенькое, что-нибудь таинственное, головоломку – предупреждение, не слишком умную, не слишком очевидную, но завлекающую. Но не смог, поскольку был он скорее разрушителем, чем создателем. Он повесил бинокль на шею и хлебнул глоток воды из фляги. Скоро придется снова побеспокоиться о воде.

Он встал и пошел обратно по южной стороне полосы отвода, параллельно прежнему своему маршруту, вырывая колышки и вешки, забрасывая их далеко в кусты, как и по дороге сюда, срывая ленточки и заталкивая их в норки сусликов, негромко посвистывая за всеми этими занятиями.

Достав свой рюкзак из тайника, он продолжал работать, как и прежде, с той только разницей, что теперь он делал это, двигаясь зигзагом, по обе стороны полосы отвода, с тем чтобы очистить их полностью по дороге назад.

Хейдьюк устал, ему было жарко, его томила жажда. Мошкара плясала свой молекулярный танец в рассеянной тени деревьев, кусала его за лоб, лезла в глаза, пыталась залезть за воротник. Он смахивал ее, игнорировал, трудился дальше. Солнце поднялось выше, обливая своими лучами его тяжелую голову и знаменитую сильную спину Джорджа Хейдьюка, про которую его капитан однажды с гордостью сказал, что «такая спина выдержит любой рюкзак». Он шагал дальше, быстро срывая ленточки, выдергивая колышки, и не забывая при этом глядеть во все глаза и держать ухо востро, чтобы заметить любую опасность.

Следы джипа вводили на север, по камням и через кусты. Но вешки и флажки продолжали идти прямо вперед. Хейдьюк шел за ними, терпеливый, решительный потный мужчина, делающий свое дело.

Неожиданно он оказался на каменистом гребне следующего каньона. Скромное ущелье, всего пару сотен футов высотой от гребня до галечниковой осыпи внизу. Противоположная

стена этого каньона отстояла на четыреста футов, и по ней колышки, и вешки, и флажки продолжали весело шагать на северо-запад. Значит, через этот каньон они собираются перебросить мост.

Уточним – это был небольшой и мало кому известный каньон. По дну его бежал неприметный ручеек, мигрируя по песку ленивыми излучинами, задерживаясь в лужах под ярко-зеленой листвой тополей, спадая через край каменного выступа вниз, в маленькие бассейны. В нем едва ли хватало воды даже весной, чтобы напоить местное население – пятнистых жаб, краснокрылых стрекоз, одну-две змеи, маленьких крапивниц – обитательниц каньона, - ничего особенного. Приятный каньон, но не великий каньон. И все же, Хейдьюк был против. Он не хотел, чтобы здесь был мост – никогда; ему нравился этот маленький каньончик, которого он прежде никогда не видел, даже имени которого он не знал. Он был достаточно хорош вот таким, каким он был. Хейдьюк не видел здесь нужды в мосте. Он опустил на колени и написал на песке обращение ко всем строителям дороги: «Убирайтесь домой».

Подумав немного, он добавил: «И никакого идиотского моста, пожалуйста».

Подумав еще немного, он дописал к этому свое тайное имя: «Рыжий Рудольф».

Через мгновение он вычеркнул эту подпись и поставил другую: «Сумасшедший конь». Лучше не называть себя точно.

Он их предостерег. Что ж, так тому и быть. Он вернется, Хейдьюк, с остальной командой или без, но достаточно вооруженный в следующий раз, то-есть, с таким *сабо – деревянным башмаком*, которого хватит, чтобы снести этот мост до основания.

Он пошел вдоль гребня дальше на север, к истоку каньона, высматривая место, где бы его пересечь. Если бы он такое место нашел, это сэкономило бы ему не одну милю пути.

Нашел. Пинии и можжевельник растут по самому краю, пониже – удобная терраса, дно каньона не так уж глубоко – всего 150 футов вместо 200. Хейдьюк вынул из рюкзака канат – 120 футов четвертьдюймового нейлонового шнура, - размотал его и укрепил петлей за ствол ближайшего дерева. Держась за канат левой рукой, контролируя его свободный конец правой, он откинулся назад и повис там на мгновение, наслаждаясь ощущением побежденной силы тяжести, а затем ловко спустился на ближайший уступ.

Со второго уступа он уже мог добраться до дна каньона. Он спустил свой рюкзак на землю на канате, а сам сполз, цепляясь за выступы скалы, на песок у основания стены.

Наполнив снова свои фляги водой из ручья, стекавшего по рельефной естественной канавке в розовом ложе каньона, он хорошенько напился и передохнул немного в тени, подремывая. Солнце перемещалось в небе, и его лучи, свет и тепло добрались до Хейдьюка. Он проснулся, попил снова, нацепил рюкзак и стал карабкаться по высокому откосу в проломе западной стены каньона. Пролом завершался крутым обрывом в двадцать футов высотой. Он

снял рюкзак, привязал к нему канат и пополз к гребню, привязав другой конец каната к поясу. Взобравшись наверх и вытянув рюкзак, он опять передохнул немного и пошагал на юг вдоль кромки каньона, снова к полосе отчуждения.

Всю вторую половину дня он осуществлял *свой* проект, двигаясь к северо-востоку, к солнцу, сводя на нет терпеливую, квалифицированную работу четырех специалистов, сделанную ими за месяц. Всю вторую половину дня, захватив и вечер, он тяжело и безостановочно продвигался вперед, зигзагом, туда и назад, вырывая вешки, срывая ленточки. Высоко над головой пролетел самолет, оставив на небе свой белый след, не ведая ничего ни о Хейдьюке, ни о его работе. Только птицы наблюдали за ним, - сойки, горные голуби, сокол, терпеливые канюки. Однажды он спугнул оленей – шесть, семь, восемь самок с тремя пятнистыми детенышами – и следил за ними, пока они не скрылись в кустарнике. Он наткнулся на небольшое стадо коров, они неохотно встали при его приближении – полудикие, полудомашние, - поднимаясь сначала на задние ноги, а затем уж опираясь на передние. По крайней мере, эта нетронутая природа еще долгое время будет манить к себе человека, равнодушного к ней.

Когда исчезнут города, думал он, и затихнет весь этот гвалт, когда подсолнух прорастет сквозь бетон и асфальт забытых и заброшенных автострад, когда Кремль и Пентагон превратят в лечебницы для престарелых генералов, президентов и прочих негодяев, когда небоскребы Феникса из стекла и алюминия будут едва видны из-под песчаных дюн, может, тогда, может, тогда, Господи, ну может быть тогда свободные мужчины и дикие женщины – всадницы, свободные женщины и дикие мужчины верхом на лошадях будут странствовать на воле по диким землям страны каньонов, загоня дикий, еще не прирученный скот, пировать сырым кровавым мясом и кровоточащими внутренними органами, и танцевать всю ночь под музыку скрипок! банджо! гитар! под сиянием новорожденной луны! – о, Господи, да! Пока, подумал он с тоской, горечью, и с печалью, пока не наступит следующая эра оледенения, и железный век, и снова вернутся эти чертовы инженеры, и фермеры, и генералы.

Так фантазировал Джордж Хейдьюк. Верил ли он в циклическую теорию развития истории? Или линейную теорию? Вряд ли можно представить себе, что он стал бы твердо придерживаться какой-то одной точки зрения в этих вопросах; он колебался, и качался, и кренился время от времени то к одной позиции, то к другой. Какого хрена, к чертовой матери, мог он сказать в затруднительной ситуации, и сорвать крышку с очередной банки пива, и оросить зубы, и омочить желудок, и отравить кишечник, и растянуть мочевого пузыря содержимым следующей банки «Шлиц». Безнадежный случай.

Солнце садится: кроваво-красный первобытный закат распластался по всему западному краю небосклона, как пицца. Хейдьюк зажал между зубами полоску вяленой говядины и

продолжал свою работу до тех пор, пока уж не мог видеть ни вешек, воткнутых в землю, ни ленточек на деревьях, и темнота вынудила его считать этот рабочий день законченным. Он проработал от зари до заката, или, как говорил его отец, «от не могу видеть до не могу видеть», или «от темна́ до темна́».

Он прошел за этот день никак не меньше двадцати миль. По крайней мере, боль в конечностях, отекавшие стопы говорили именно об этом. Он съел свой ужин и заполз в спальник, глубоко в кустах, как ему показалось, и мгновенно отключился от мира забот.

На следующее утро он проснулся поздно, сразу вскочил от рева пронесшегося мимо, совсем рядом, автомобиля или грузовика. Нетвердо стоя на ногах, он поднялся наверх и обнаружил, что находится всего в пятидесяти ярдах от дороги. Спросонок он не сразу сообразил, где он. Он протер глаза, натянул брюки и ботинки и прокрался под прикрытием деревьев до ближайшего пересечения дорог. Прочел дорожный указатели: ОЗЕРО ПАУЭЛЛ 62; БЛЕНДИНГ 40; НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК ПРИРОДЫ НЕЙЧЕРАЛ БРИДЖИС 10; ХОЛЛЗ КРОССИНГ 45.

Отлично. Почти дома.

Он вырвал последние несколько вешек, сдернул последние несколько ленточек, проскользнул через дорогу и двинул напрямик, без дороги, через невысокий лесок к Нейчерал Бриджис. В этом относительно надежном укрытии – за каньоном Армстронга, на тропе из Овачомо Нейчерал Бридж, он надеялся, банда ожидает его, смешавшись с толпой туристов в кемпинге на официальной, специально для него отведенной площадке. Таков был их план, и Хейдьюк шел с опережением графика на двадцать четыре часа.

Он схоронил последний пучок кольев и ленточек под камнем, приладил рюкзак и зашагал напрямик через лесную поросль. У него не было компаса, он полагался на топографические карты, свое безошибочное чувство направления и свою чрезмерную самоуверенность. Однако они не подвели. К четырем часам дня он уже сидел на откидном борту грузовика Смита, прихлебывая пиво, уминая сконструированный Абцуг сандвич с ветчиной и обмениваясь рассказами с командой – Хейдьюк, Сарвис, Абцуг & Смит: могла бы быть неплохая брокерская фирма.

–Джентльмены и леди, – вещал Док, – это только начало. Главные дела впереди. Будущее лежит перед нами, распростертое, как коронарный сосуд, на навозной куче Судьбы.

–Мудрено вы говорите, Док, – замечает Смит.

–Нам нужен динамит, – бубнит Хейдьюк с полным ртом. – Термит, четыреххлористый углерод, магниевые опилки...

В это время Абцуг, высокомерная и очаровательная, улыбается своей сардонической улыбкой.

–Слова, слова, слова, – говорит она. – Вечно только их и слышишь. Слова, слова, слова.

Хейдьюк и Смит играют

Кемпинг, Национальный памятник природы Нейчерал Бриджиз.

– Можно попросить у вас болторез?

Мужчина казался достаточно симпатичным – загорелый джентльмен в широких брюках, спортивной рубашке с короткими рукавами и парусиновых туфлях.

– У нас нет никакого болтореза, – ответила Абцуг.

Он игнорировал ее, обращаясь к Смицу.

– Небольшая неприятность, – он качнул головой назад в сторону другой площадки, где стояли грузовичок-пикап и дом-автоприцеп. Номера штата Калифорния.

– Ну-у, – сказал Смит.

– У нас нет никакого болтореза, – снова сказала Абцуг.

– Я смотрю, вы поставляете снаряжение, – продолжал мужчина, снова обращаясь только к Смицу. Он показал на его грузовик. – Думал, может у вас есть набор инструментов.

ЭКСПЕДИЦИИ В ГЛУШЬ ХАЙТ ЮТА – через всю дверную панель на больших ярко красных магнитных бирках.

– Ага, но болтореза нет, – снова сказала Абцуг.

– Может быть, мощные кусачки?

– Знаете, сэр, – сказал Смит, – мы можем одолжить вам ...

– Набор плоскогубцев, – сказала Абцуг.

– Набор плоскогубцев.

– У меня есть плоскогубцы. Мне нужно что-нибудь побольше.

– Спросите в офисе у смотрителей, – посоветовала Абцуг.

– Да? – Он в конце концов снизошел до разговора непосредственно с ней, как будто он не рассматривал ее краем глаза все это время. – Я так и сделаю.

Наконец он ушел, ступая через можжевельник и пинии, к своему собственному снаряжению.

– Настырный малый, – сказал Смит.

– Пронырливый, я бы сказала. Ты видел, как он смотрел на меня? Свинья. Надо было дать ему в зубы.

Смит размышлял о надписи на своем грузовике.

– Думаю, не надо нам больше никакой рекламы. Он снял магнитные бирки.

Хейдьюк и доктор Сарвис вернулись с прогулки по лесу. Он готовили список закупок,

необходимых для следующей серии своих карательных экспедиций, которую они планировали начать через десять дней. Хейдьюк со своей паранойей настоял на том, чтобы это обсуждение состоялось подальше от скопления людей.

Доктор Сарвис, пожевывая свою сигару, прочел составленный ими список: рукоятки ротора, хлопья оксида железа, взрывная машинка №50, зажигательные свечи и тому подобные приятные вещи.

Он опустил бумага в карман рубашки.

–Я не уверен, что одобрю это, – сказал он.

–Вы хотите убрать к черту этот мост или играть в детские игры?

–Я не уверен.

–Так соберитесь с мыслями.

–Не могу же я все это погрузить в самолет.

–Запросто можете.

–Не на коммерческом же рейсе. Вы представляете себе, какой нынче проходят контроль при посадке на самолет?

–Наймите самолет, Док, наймите самолет.

–Вы думаете, я богатый бандит, да?

–Никогда еще не встречал бедного доктора, Док. Впрочем, кой черт, лучше *купите* нам самолет.

–Я не умею даже машину водить.

–Пусть Бонни берет уроки пилотирования самолета.

–Вы фонтанируете идеями сегодня.

–Сегодня прекрасный день, верно? Чертовски прекрасный день.

Доктор положил руку на широкую спину Хейдьюка и сжал его мускулистое плечо.

–Джордж, постарайтесь набраться немножко терпения. Совсем немножко.

–Терпение, черт.

–Джордж, мы ведь не знаем точно, что мы, собственно, делаем. Если конструктивный вандализм превратится в деструктивный, что тогда? Тогда, наверное, мы будем причинять больше вреда, чем приносить пользы. Кое-кто говорит – если ты нападаешь на систему, ты ее этим только укрепляешь.

–Да уж; но если ты ее не атакуешь, она обдирает горы донага своими карьерами, перегораживает все реки своими плотинами, асфальтирует всю пустыню и все равно сажает тебя в тюрьму.

–Вас и меня.

–Только не меня. Никогда в жизни они не посадят меня ни в одну из своих тюрем. Я не тот тип, Док. Я скорее умру. И захвачу с собою с десяток ихних. Только не меня, Док.

–Они вошли на территорию кемпинга, присоединившись к девушке и Редкому Гостю. Время обеда. Душный воздух пасмурного дня давил на них. Хейдьюк открыл следующую банку пива. Вечно он открывал следующую банку пива. И вечно пил.

–Как насчет еще одной партии в покер? – обратился Смит к доктору Сарвису. – Чтобы убить время.

Док выпустил клуб сигарного дыма. –Если хотите.

–Ты вообще когда-нибудь учишься? – вмешался Хейдьюк. – Этот старый пердун уже дважды очистил нас.

–Я учусь, но, понимаешь, я как-то всегда забываю.

–Никаких игр, никакого покера, – резко оборвала Абцуг. – Нам нужно ехать. Если я к завтрашнему дню не доставлю этого так называемого хирурга обратно в Альбукерк, на нас подадут в суд за врачебную недобросовестность, что означает: больше никаких денег и высоких страховых премий, и никаких игр и развлечений здесь, на этой обетованной земле с вами, клоунами.

Она была права, как всегда. Они быстро свернули лагерь и заторопились вниз по дороге, сидя вчетвером, как сельди в бочке, в кабине пикапа Смита. А в кузове, обитом алюминием, лежало их лагерное снаряжение, продукты и ящик с инструментами Смита, ящик для льда и прочие важные принадлежности его профессии.

Они решили отвезти Дока и Бонни на посадочную полосу в Мелком каньоне, где они должны были встретить маленький частный самолет, идущий в Фармингтон, Нью-Мексико, чтобы они успели сесть там на вечерний рейс в Альбукерк. В общем и целом, по мнению доктора Сарвиса, хоть это было и дорого, и утомительно, но все же гораздо лучше, чем покрывать это жуткое расстояние – сотни четыре миль – раскаленной пустыни на его полноприводном «Континентале».

А Хейдьюк и Смит поедут оттуда к тому водному объекту, который прежде был рекою, а нынче – верхней частью озера Пауэлла, чтобы обследовать там их следующую цель: три новых моста. После этого, на следующий день, Смит должен был ехать в Хенксвилль на встречу с группой своих клиентов – туристов, направляющихся в пятидневный маршрут в горы Генри, последний из открытых и поименованных кражей США.

А Хейдьюк? Он не знал. Он мог поехать со Смитом, а мог некоторое время побродить один. Его старый джип со всеми ценностями был оставлен неделю назад на парковке в Уовип Марина, неподалеку от Пейджа. Совсем рядом с его конечной, абсолютной, несказанной, немислимой целью, любимой мечтой Смита – плотиной. Плотиной Глен Каньона. Той

плотиной.

Пока что Хейдьюк не знал, как ему вернуться к своему джипу или вернуть себе свой джип. Он всегда мог пройти эти – двести миль? триста миль? – если необходимо, вверх и вниз, в ущелье и обратно по этой Богом благословенной, самой прекрасной, первозданной стране каньонов. Он мог одолжить у Смита одну из его резиновых лодок, наполнить ее воздухом и проплыть 150 миль вниз по этому застойному озеру Пауэлла. Или мог дожидаться, пока Смит отвезет его туда.

Прелесть его теперешнего положения заключалась, по мнению Хейдьюка, в абсолютной свободе, в том, что он мог – он чувствовал – отбыть в любое время, в любое место, посреди чего угодно и откуда угодно, со своим рюкзаком, галлоном воды, несколькими подходящими топографическими картами, запасом еды на три дня, и уж он, мужчина, сделает сам все, как надо, живой и здоровый. (Вся эта свежая говядина, что свободно бродит на пастбищах; вся эта оленина на копытцах в закрытых каньонах; все эти родники со свежей водой под просвечивающими тополями – сделают удобным любой из маршрутов его следующего похода).

Так он думал. Так он чувствовал. Ощущение свободы было захватывающим, хотя и с некоторым оттенком горечи одиночества, примесью печали. Старая мечта быть абсолютно свободным, не быть обязанным ни одному мужчине, ни одной женщине, витала над его бытием, как дым из трубки мечты, как серебряное облако с темной изнанкой. Потому что даже Хейдьюк сознавал, когда он сталкивался с этим непосредственно, что полное одиночество сведет человека с ума. Где-то в глубинах одиночества, за дикостью и свободой, была ловушка помешательства. Даже гриф, этот красношей, чернокрылый анархист, самый равнодушный и высокомерный из всех обитателей пустыни, даже гриф по вечерам любит присоединиться к своим близким и перекинуться с ними словцом-другим. Их стая устраивается на ночлег на самых высоких ветвях самого мертвого дерева, свесив головы и укрывшись своими черными крыльями, переговариваясь все вместе, как священники на соборе духовенства. Даже гриф – фантастическая мысль – проходит через свадебные приготовления, вьет гнездо, ухаживает какое-то время, сидит на гнезде с кладкой яиц, выводит потомство.

Капитан Смит & Команда, весело катясь по дороге, проехали поворот у пересечения с автотрассой Юта 95. Здесь они увидели длинную ленту автомобилей с приводом на четыре колеса – Скаутов, Блейзеров, Бронко, CJ-5, – с жестким верхом, тщательно оснащенных прожекторами, стойками для оружия (заполненными), лебедками, колесами высокой проходимости, коротковолновыми радиоприемниками, хромированными колпаками, – стоящих в колонне у края дороги. На двери каждой машины была одна и та же отчетливая эмблема – надпись жирным шрифтом ОКРУГ САН-ХУАН, ПОИСКОВО-СПАСАТЕЛЬНАЯ КОМАНДА,

Блендинг, Юта, и эмблема с орлом и щитом.

Поисково-спасательная группа сидела в тени с банками Кока-Колы, Пепси, Севен-ап, зажатыми в волосатых лапах. (Эти мужчины всегда исправно посещают церковь). Несколько человек бродило в кустах вдоль несуществующей уже геодезической разбивки полосы отвода. Один из них окликнул Смита. Тот вынужден был остановиться.

Тот, кто его окликнул, подошел к ним.

–Эй, привет, – бодро проорал он, – не Коэб ли это Смит? Или что ли сам Редкий Гость? Как делишки, Смит?

Смит, не выключая двигателя, отвечал: –Просто прекрасно, епископ Лав. Прекрасно, как у лягушки шерсть. А вы что делаете в этих лесах?

Мужчина, огромный, как доктор Сарвис, навалился на дверь, положил свои большие красные руки на раму открытого окна и осклабился. Он выглядел, как хозяин ранчо: полный рот мощных, как у лошади, желтых зубов, лицо с дубленой кожей, наполовину прикрытое большой шляпой, рубашка на кнопках. Он прищурился, пытаясь разглядеть в полумраке кабины за Смитом трех его пассажиров, свет снаружи слепил его.

–Как вы там, люди?

Доктор кивнул; Бонни выдала свою холодную дежурную улыбку; Хейдьюк дремал. Смит никого ему не представил. Епископ Лав снова обратился к Смицу.

–Редкий, – говорит он, – что-то я давненько не видел тебя в наших краях. Как поживаешь?

–Не могу кричать, – негромко говорит Смит, кивая в сторону своих пассажиров. – На жизнь зарабатываю, десятину плачу, как положено.

–Платишь десятину? Ну да! А я слышал кое-что другое.

Епископ расхохотался, показывая, что это была просто шутка.

–Я плачу и налоги в Службу внутренних доходов, а вот вы, говорят, не очень-то.

Епископ оглянулся вокруг; улыбка его стала еще шире.

–Ты давай тут, никаких слухов не распускай, слышишь? И потом, – он подмигнул, – этот подоходный налог, его придумали социалисты, он противоречит Конституции, это грех человеческий против Бога, ты же знаешь это. Пауза. Смит увеличил обороты двигателя. Бегающий взгляд Лава вернулся к нему. –Слушай, мы тут ищем одного. Мужчина, ходит пешком где-то здесь, мешает всем тут. Мы думаем, может, он заблудился.

–Как он выглядит?

–Сапоги – десятый или одиннадцатый размер. С протектором.

–Не больно-то у вас подробное описание, епископ.

–Знаю. Но это все, что у нас есть. Ты его видел?

–Нет.

–Я так и думал. Ладно, мы и сами скоро его найдем, – повисла пауза. Смит снова увеличил обороты. –Ну, будь здоров, Редкий, и, слушай, следующий раз как будешь проезжать Блендинг, заскочи ко мне, понял? Надо поговорить кое о чем.

–Увидимся, епископ.

–Умница,– епископ схватил Смита за плечо, сильно потряс его и убрался из окна машины. Смит поехал дальше.

–Старый друг? - спросила Бонни.

–Не-а.

–Старый враг?

–Ага. Старина Лав, мне от него никакого проку.

–Почему ты зовешь его епископом?

–Потому что он епископ в церкви.

–Этот мужик – *епископ? В церкви?*

–Святых последних дней. В мормонской церкви. У нас епископов больше, чем святых, – Смит ухмыльнулся. –Какого черта, детка, я бы и сам мог быть епископом, кабы держал нос в чистоте, не перенапрягал мышцы и держался подальше от каньона Сожительства.

–Ладно, давай, – сказала Бонни, – говори по-человечески.

Хейдьюк, только притворявшийся спящим, вставил и свои два цента.

–Он говорит, если б он не совал свой конец по всей Юте и Аризоне, так теперь он у него был бы уже епископский.

–Тебя никто не спрашивал - не рот, а помойка.

–Я знаю.

–Так заткнись.

–Конечно.

–Я про это говорил, - сказал Хейдьюк. – Что Джордж сказал.

–Так что там эта поисково-спасательная команда делает на полосе отвода?

–Они сотрудничают с отделением окружного шерифа. Можно сказать – орган законной власти. Вообще-то они просто шайка бизнесменов, которые любят в свободное время поиграть в «комитет бдительности». Они не хотят никакого вреда. Каждую осень они привозят несколько охотников на оленей из Калифорнии. Каждое лето они привозят несколько пересохших бойскаутов из Большого Ущелья. Стараются делать добро. Это у них хобби такое.

–Когда я вижу, что кто-то хочет сделать *мне* добро, – заметил Хейдьюк, – я берусь за револьвер.

–Когда я слышу слово культура, – вставил доктор Сарвис, – я берусь за свою чековую книжку.

–Это ни то, ни другое, – сказала Бонни. – Попробуем держать наши мысли в ясном, логическом порядке. Она и ее мужчины стали глядеть вперед, через ветровое стекло, на красную панораму вдаль, голубые скалы, светлые каньоны, угловатый силуэт Вуденшу Батт на фоне северо-западного горизонта. –Что мне хочется знать сейчас, – продолжала Бонни, – так это кто такой этот епископ Лав и почему он ненавидит вас до кишок, Капитан Смит, и следует ли мне насрать на него злые чары.

–Меня зовут Редкий Гость, – сказал он, – а старина Лав ненавидит меня, потому что прошлый раз, когда мы сцепились рогами, так отброшен был он, не я. Вам не захочется слушать по это.

–Наверное, нет, – сказала Бонни. – Так что же случилось?

Грузовик ехал по пыльно–красной проселочной дороге штата Юта, слегка подпрыгивая и виляя на выбоинах и камнях. –Наверное, перед немного покривился, – говорит Смит.

–Ну, так что же случилось?

–Просто немножко не сошлись во мнениях, что стоило старине Лаву около миллиона долларов. Он хотел арендовать на сорок пять лет участок земли штата с видом на озеро Пауэлла. Имел в виду построить там кое-что для летнего туризма – летние домики, торговый центр, аэродром и т.д. В Солт Лейк было слушание, и мы с друзьями поговорили там в Комиссии землеустройства, чтобы они это дело заблокировали. Пришлось долго побеседовать, но мы их все-таки убедили, что проект Лава – мошенничество, чем он и был на самом деле, и вот он по сию пору никак мне не простит. Мы и до того с ним так спорили, он и я, несколько раз.

–Я думала, он епископ.

–Так это только по вечерам в воскресенье и среду, на церковных службах. Все остальное время он по уши в недвижимости, урановых шахтах, скотоводстве, нефти, газе, туризме, – почти всюду, где хоть немного пахнет деньгами. Этот человек услышит, как долларовая бумажка падает на пушистый ковер. А сейчас он баллотируется в законодатели штата. У нас в Юте таких полно.

–Скажи им, что Хейдьюк вернулся, – сказал Хейдьюк. – Это охладит их пыл. Он вышвырнул пустую банку через окно и открыл новую. Бонни внимательно смотрела на него.

–Я думала, мы будем загаживать только асфальтированные дороги, – сказала она. – А это – не мощеная дорога, если твои глаза не настолько налиты кровью, что ты этого не

замечаешь.

–Хрен с ним, – он швырнул в окно и крышечку от новой банки.

–Это блестящий ответ, очень остроумный, Хейдьюк, – сказала она. – Отличная находка.

Настоящий блеск ума на все случаи жизни.

–Хрен с ним.

–Нет слов. Док, ты так и будешь сидеть тут, как кусок жира, и слушать, как эта волосатый боров оскорбляет меня?

–Н-ну-у ... да, - ответил Док после долгого раздумья.

–Тем лучше. Я вполне взрослая женщина, могу сама за себя постоять.

Хейдьюк, сидя у окна, обозревал пейзаж, этот обычный ландшафт зоны каньонов – грандиозный, безлюдный, бесстыдно эффектный. Там, вдали, среди этих плоских вершин и остроконечных пиков, розово-красных на фоне неба, лежало обещание чего-то глубоко личного, очень интимного, близкого – близкое в отдаленном. Тайна и откровение. Позже, думал он, мы во все это вникнем.

Они добрались до Мелкого каньона, представляющего собою щель в коренной породе десять футов в ширину и пятьдесят в длину с перекинутым через него старым деревянным мостиком. Еще там есть склад из шлакоблоков, выполняющий функции магазина в Мелком каньоне, заправочная станция, почта и общественный центр, а также взлетная полоса, расчищенная бульдозером, мощеная булыжником и запятнанная коровьими лепешками. На ней ожидал один четырехместный самолет. Все это вместе было – аэропорт Мелкого Каньона.

Смит проехал мимо болтающегося на шесте конуса, указывающего направление ветра, прямо к крылу самолета, где и остановился. Когда он выгрузил пассажиров и багаж, из магазина вышел пилот, попивающий кока-колу из банки. Не прошло и пяти минут, как все поцелуи (Смит и Бонни), рукопожатия, объятия и прощания были завершены, и доктор Сарвис и мисс Абцуг, снова оторвавшись от земли, летели своим курсом на юг, к Нью-Мексико и домой.

Хейдьюк и Смит пополнили запасы пива и поехали дальше, в сторону солнца, вниз, в сторону реки, в сторону ветра, в красно-каменный, обрывистый край реки Колорадо, сердце сердца американского Запада. Где всегда дуют ветры, где ничего не растет, кроме приземистого можжевельника на краю обрыва, там и сям разбросанного перекасти-поля да колючих кактусов. После зимних дождей, если они будут, а также и после летних, если будут и они, наступает краткий период цветения совершенно эфемерных цветов. Среднегодовой уровень дождевых осадков достигает пяти дюймов. Такая земля вызывает ужас и отвращение в сердцах земледельцев, скотоводов, застройщиков. Здесь нет воды; нет почвы; нет травы; здесь нет деревьев – разве несколько отважных тополей в глубине каньонов. Ничего, кроме голого камня

с тонкой кожей из песка и пыли, тишины, простора и гор вдали.

Хейдьюк и Смит, трясаясь в своем грузовике по пустыне, проехали, не останавливаясь (поскольку Смит не выносил воспоминаний) поворот на старую дорогу, которая прежде вела к деревушке Хайт (не путать с Хайт Марина). Хайт, в прошлом родина Редкого Гостя и все еще юридический адрес центрального офиса его компании, теперь лежит под водой.

Они ехали дальше, и сейчас как раз подъезжали к новому мосту через Белый каньон, первому из трех новых мостов в этой зоне. Три моста через одну реку?

Посмотрите на карту. Когда плотина Глен Каньона перекрыла Колорадо, ее воды покрыли выше Хайта, перекатались через него, через паромную переправу и поднялись на тридцать миль от нее вглубь каньона. Самым подходящим местом для моста через реку (ныне озеро Паэлла) было выше Узкого каньона. Чтобы добраться до строительной площадки моста через Узкий каньон, нужно было построить мост через Белый каньон на востоке и каньон Грязного Дьявола на западе. Вот вам и три моста.

Хейдьюк и Смит остановились, чтобы оглядеть мост через Белый каньон. Он, как и два других, был арочной конструкции, массивный, рассчитанный на века. Головки болтов поперечных элементов конструкции, и те были размером с мужской кулак.

Джордж Хейдьюк некоторое время ползал вокруг берегового устоя, где кочевое племя туристов, несмотря на то, что мост был совсем новым, уже оставило свои следы – свои подписи краской из распылителей на светлом бетоне и свои экскременты в пыли, ссохшиеся и сморщенные.

– Не знаю, – говорит он, – не знаю. Один сплошной здоровенный хрен.

– Средний еще больше, – замечает Смит.

Они уставились вниз через перила на тонкую струйку, извивавшуюся внизу, в двухстах футах от них, – периодический, строго сезонный водоток Белого каньона. Их банки из-под пива полетели легко, как бумажные стаканчики, и канули во тьму ущелья. Первый весенний паводок смоев их вместе со всеми остальными обломками и отбросами в водохранилище – озеро Пауэлла, где весь мусор, выброшенный выше по течению, находит вполне подходящее место для свалки.

Поехали к среднему мосту.

Они спускались, направляясь вниз, но масштабы здесь были настолько грандиозны, а топография настолько сложной, что путешественник не мог увидеть ни реки, ни центрального каньона до тех пор, пока не достигал самого его края.

Сначала они увидели мост – высокую симпатичную двойную арочную конструкцию из серебристой стали, поднимавшуюся достаточно высоко над уровнем проложенной по нему автодороги. Потом появился в поле зрения срез стен Узкого каньона. Смит припарковал

машину; они вышли и пошли на мост.

Первое, что они заметили – это то, что реки здесь больше не было. Кто-то убрал реку Колорадо. Для Смита это была старая новость, но для Хейдьюка, который знал о ней только по слухам, открытие, что реки на самом деле не стало, было потрясением. Он глядел вниз, но видел там не реку, а неподвижную, топкую, грязно-зеленую массу стоков, мертвую, гнилую, с нефтяной пленкой на поверхности. Полоса высохшего ила и минеральных солей на стенах каньона, как на стенках ванны, показывала отметку уровня высоких вод. Озеро Пауэрла – водохранилище, ловушка наносов, испарительная емкость и свалка всяческого мусора, отстойник сточных вод 180 миль длиной.

Они глядели вниз. Несколькодохлых рыбешек плавало брюхом вверх среди апельсиновых корок и бумажных тарелок. Одно пропитанное водой дерево – опасное препятствие для навигации – нависало в статической середине. Они ощущали гнилостный запах разложения, слабый, но безошибочно узнаваемый, поднимающийся к ним с глубины четырехста пятидесяти футов. Где-то под этой неподвижной поверхностью, внизу, где оседал клубящийся ил, до сих пор еще, должно быть, стоят затонувшие тополя с водорослями на разбухших мертвых ветвях и толстым слоем ила на древних их коленях. Где-то под тяжким гнетом слоя воды, никуда не текущей, под тишиною, лежали старые камни русла реки, ожидая обетованного воскресения. Обетованного кем? Обетованного Капитаном Джозефом «Редким Гостем» Смитом; сержантом Джорджем Вашингтоном Хейдьюком; доктором Сарвисом и мисс Бонни Абцуг, вот кем.

Но как?

Хедьюк ползком спустился по камням и осмотрел опоры моста: весьма основательные, бетонные. Береговые устои основательно заглублены в песчаниковую стену каньона; гигантские двутавровые балки скреплены болтами размером в мужскую руку и гайками со столовую тарелку. Если иметь гаечный ключ с головкой в 14 дюймов, думает Хейдьюк, с ручкой, как 20-футовый лом, то он, быть может, и согнулся бы как рычаг для этих гаек.

Они поехали к третьему мосту, над ныне затопленным устьем реки Грязного Дьявола. По пути они проехали немаркированную грунтовую дорогу – колею от джипа – ведущую на север, в сторону Мейза, Земли Стоящих Камней, Плавников, Скалы Ящериц и Края Земли. Ничья земля, Смит хорошо это знал.

Третий мост, как и предыдущие, представлял собою арочную конструкцию сплошь из стали и бетона, рассчитанную на вес сорокатонных самосвалов с карнотином, уранинитом, бентонитом, битуминозным углем, диатомовой глиной, серной кислотой, буровыми шламами Шламбергера, медной рудой, нефтеносным глинистым сланцем, гудроном и всем тем, что еще можно будет извлечь из недр этих отдаленных земель.

–Нам тут потребуется грузовик взрывчатки, – говорит Джордж Хейдьюк. – Не то что эти старые деревянные мостики на фермах и эстакадах там, в «Наме».

–Кто, к дьяволу, сказал, что мы должны взорвать все три? – спрашивает Смит. – Если мы уберем любой из них, движение будет прервано.

–Симметрия, – отвечает Хейдьюк. – Славная аккуратная обработка всех трех будет выше оценена. Я не знаю. Давай подумаем. Смотри, ты видишь, вон там?

Перегнувшись через перила моста Грязного Дьявола, они смотрели на юг, в сторону Хайт Марина, где на воде стояло несколько ошвартованных крейсерских яхт, на то, что было поближе и интересовало их гораздо больше: на взлетно-посадочную полосу Хайта. Оказалось, что ее расширяют. Они увидели четверть мили расчищенной земли, грузовик, колесный погрузчик, автосамосвал и завершающий работу бульдозер Катерпиллер D-7. Эта взлетно-посадочная полоса протянулась с севера на юг на плоском уступе, пониже дороги, повыше водохранилища; один ее конец отстоял от края уступа едва ли более, чем на пятьдесят футов. Дальше шла вертикальная стена высотой футов 300 до самой темно-зеленой поверхности вод озера Пауэлла.

–Да вижу я, – неохотно ответил наконец Смит.

Как раз пока они смотрели, оператор бульдозера вышел из него, сел в пикап и поехал к водоему. Снова время обеда.

–Редкий, – говорит Хейдьюк, – этот парень заглушил двигатель, но он же точно ничего оттуда не забрал.

–Нет?

–Абсолютно точно.

–Ну-у ...

–Редкий, я хочу взять у тебя урок вождения.

–Не здесь.

–Именно здесь.

–Не посреди ясного дня

–Почему бы и нет?

Смит искал какого-нибудь повода отказаться. –Не на виду же у этих яхтсменов, болтающихся в яхт-клубе.

–Да им наплевать. У нас жесткие шляпы, и твой грузовик, и они примут нас за строителей.

–Не будешь же ты поднимать большой шум у лодочных причалов,

–Будет один чертовски шумный всплеск, а?

–Мы не можем сделать это.

–Это дело чести.

Смит подумал, поразмыслил, помедитировал. Наконец глубокие складки разгладились, его загорелое лицо расплывается в облегченной улыбке.

–Сначала сделаем одну вещь, – говорит он.

–Это что же?

–Уберем номера с моего пикапа.

Сделано.

–Поехали, – говорит Смит.

Дорога вьется вокруг истоков боковых каньонов, ведет вверх, вниз, снова вверх, к плоской столовой горе над яхт-клубом. Они повернули и поехали к взлетно-посадочной полосе. Вокруг – никого. Внизу, в яхт-клубе, несколько яхтсменов, лодочников и рыбаков посиживали в тени. Пикап водителя бульдозера стоял у кафе. Волны горячего воздуха поднимались над красными скалами. Мир, сомлевший от жары, был тих, только издали доносилось бормотание моторной лодки.

Смит подрулили прямо к борту бульдозера, покрытого пылью железного зверя среднего возраста. Заглушив мотор, он взглянул на Хейдьюка.

–Я готов, говорит тот.

Они надели свои твердые шляпы и вышли.

–Сначала включаем стартер, правильно? – спрашивает Хейдьюк. – Чтобы разогреть дизельный двигатель, правильно?

–Неправильно. Его уже для нас разогрели. Сначала проверяем все рычаги управления, чтобы убедиться, что трактор в правильной стартовой позиции.

Смит влез на водительское сиденье, перед которым были расположены различные рукоятки, рычаги и педали. –Это, – сказал он, – рычаг сцепления маховика. Выключаю. – Он толкает рычаг вперед. – А вот это здесь – это рычаг, которым ты выбираешь скорость. Стоит на нейтральной.

Хейдьюк смотрел во все глаза, запоминая каждую деталь. –Вон то – дроссель, – отметил он.

–Верно. Это рычаг переднего и заднего хода. Он тоже должен быть в нейтральной позиции. Это – рычаг управления гидравлической системой. Толкаешь все время только вперед. Теперь нажимаем правую тормозную педаль, – он наступил на правую педаль, – и закрепляем ее в этой позиции. – Он щелкнул маленьким рычажком. – Теперь...

–Значит, все на нейтральной, а тормоз закреплен, и он никуда не может двинуться?

–Верно. Теперь, – Смит слез с сидения и придвинулся к левой стороне двигателя, – теперь мы заводим стартер. Новые трактора гораздо проще, им не нужен стартер, но здесь

вокруг таких старых полно. Эти большие трактора будут работать лет пятьдесят, если за ними хорошенько смотреть. Так, теперь вот здесь этот маленький рычажок называется рычаг регулирования трансмиссии. В стартовом положении ставишь его вот сюда, видишь, – **ВЫСОКАЯ СКОРОСТЬ**. Это вот – рычаг компрессии – ставим его вот сюда, в позицию **СТАРТ**. Теперь мы отжимаем сцепление стартера вот этой рукояткой, – он толкнул рычаг в сторону блока дизеля.

–О, Господи, – бормочет Хейдьюк.

–Ага, это немного сложновато. Теперь ... где это я был? Теперь мы открываем топливный клапан, для этого откручиваем вот этот маленький вентиль вот ... здесь. Теперь мы выдергиваем дроссель. Теперь мы ставим рычаг холостого хода в рабочее положение. Теперь включаем зажигание.

–Это вот здесь выключатель зажигания стартового двигателя?

–Ага. – Смит повернул выключатель. Что-то щелкнуло. И все.

–Ничего не произошло, – говорит Хейдьюк.

–О, я уверен, что что-то произошло, – ответил Смит. – Мы замкнули контур. Теперь, если это достаточно старый трактор, то дальше надо достать рукоятку и завести двигатель вручную. Но у этой модели есть электрический стартер. Ну-ка посмотрим, работает ли он, – он положил руку на рычаг под рукояткой сцепления и толкнул ее назад. Двигатель зарычал, повернулся, сработало зажигание. Смит освободил рычаг стартера, отрегулировал подсос; двигатель работал ровно.

–Это пока только бензиновый двигатель, – сказал Хейдьюк. – Нам еще нужно завести дизель, правильно?

–Правильно, Джордж. Кто-то идет?

Хейдьюк влез на водительское сиденье. –Никого не видеть.

–Хорошо. – Стартовый двигатель был теплый, Смит приблизил дроссель. Двигатель заработал на холостых оборотах. – Так, отлично, теперь беремся за вот эти два рычага здесь, – Хейдьюк подался вперед, весь внимание. –Вот этот верхний – рычаг ведущей шестерни, а нижний – сцепления. Теперь мы толкаем рычаг шестерни полностью вовнутрь, к блоку дизельного двигателя, а рычаг сцепления – полностью наружу. Теперь двигаем рычаг холостого хода так, чтобы двигатель работал на полную мощность. Теперь включаем сцепление стартового двигателя, – он выдернул рычаг сцепления. Двигатель снизил обороты, почти остановился, затем набрал скорость. Он передвинул рычаг компрессии в положение **РАБОТА**. – Теперь стартовый двигатель запускает основной, – прокричал Смит, перекрывая рев двигателей. – Сейчас стартую.

Хейдьюк кивнул, хотя теперь уже не был уверен, что успел за всем уследить. Трактор

издавал страшный шум, выпуская клубы черного дыма, от которого плясала заслонка на выхлопной трубе.

–Так, теперь дизель работает, – прокричал Смит, одобрительно глядя на выхлопную трубу. Он вернулся к водительскому сиденью, стал рядом с Хейдьюком. – Так, теперь добавим ей оборотов. Выдери этот рычаг обратно, на половину скорости. Теперь мы вроде как готовы двигаться. Выключаем стартовый двигатель.

Он снова продвинулся вперед и отжал сцепление стартового двигателя, закрыл топливный клапан, выключил зажигание и вернулся к Хейдьюку. Они уселись бок-о-бок на широком, обтянутом кожей сиденье водителя.

–Теперь мы готовы вести эту штуку, – прокричал он Хейдьюку, ухмыляясь. – Тебе все еще охота, или может пойдём по пиву?

–Поехали, – прокричал ему Хейдьюк. Он снова внимательно осмотрел дорогу и яхт-клуб, не видно ли каких-нибудь признаков враждебной деятельности. Казалось, все было нормально.

–Ну, ладно, - крикнул Смит. Он дернул рычаг гидравлического привода, поднимая нож бульдозера на фут от поверхности земли. – Теперь выбираем нашу рабочую скорость. У нас пять передних скоростей, четыре задних. Раз ты у нас вроде как новичок, а до той скалы всего-то сотня ярдов, мы пока что установим самую малую скорость. Трактор был повернут в сторону высокого обрыва. Он передвинул рычаг переключения скоростей с нейтральной на первую, дернул на себя рычаг переднего и заднего хода, установил его в положении *вперед*. Ничего не произошло.

–Ничего не происходит, - снова занервничал Хейдьюк.

–Это верно, ничего и не должно происходить, - говорит Смит. – Не выскакивай из шкуры. Теперь немножко добавим обороты. Он перевел дроссель обратно на полную скорость.– Теперь включаем сцепление маховика. Он дернул на себя рычаг сцепления; огромный трактор задрожал, когда шестерни трансмиссии вошли в зацепление, затем Смит оттянул до конца рычаг сцепления, и трактор сразу начал двигаться – тридцать пять тонн железа – в направлении на восток, к Сан-Луису, через озеро Пауэлла и Узкий каньон.

–Уверен, что мне пора выходить, – сказал Смит, поднимаясь с сиденья.

–Минутку, - кричит Хейдьюк, - а как ты им управляешь?

–Управлять тоже, а? Ладно, берешь вот эти два направляющие рычага управления сцеплением – по одному для каждой гусеницы. Тянешь на себя правый рычаг – отжимаешь сцепление с правой стороны. – он проделал то, что сказал, и трактор начал неуклюже поворачиваться направо. – Тащи на себя второй, чтобы повернуть налево. – Он освободил левый рычаг, и трактор начал неуклюже поворачивать влево. – Чтобы повернуть резче,

пользуйся тормозами рулевого управления. – Он наступил на одну, а затем на вторую педаль, поднимавшиеся над панелью пола. – Догоняешь?

–Есть, поймал, – радостно завопил Хейдьюк. – Дай я это сделаю.

Смит встал, передавая управление Хейдьюку. –Ты уверен, что все понял?

–Не морочь голову, я занят, – кричит Хейдьюк с широкой ухмылкой, сияющей сквозь его лохматую бороду.

–Ну, хорошо, – он шагнул с крыла на брус автосцепки медленно движущейся машины и легко спрыгнул на землю. – Теперь будь осторожен.

Хейдьюк не слышал его. Играя рычагами и тормозами сцепления, он выписывал сумасшедший курс по направлению к погрузчику, стоящему на краю полосы. Со скоростью две мили в час бульдозер врезался в погрузчик – огромная масса металла столкнулась с меньшей массой. Погрузчик подался, соскользнул на землю. Хейдьюк вырулил к краю взлетной полосы, толкая погрузчик вперед. Он грозно ухмылялся. Тучи пыли вздымались над лязгом, скрежетом, хрустом, визгом и стонами стали, подвергаемой чрезмерному напряжению.

Смит сел в свой пикап и завел мотор, готовый сняться с якоря при первых признаках опасности. Однако, несмотря на рев, казалось, нигде не было никакой тревоги. Желтый пикап оставался у кафе. Внизу в яхт-клубе лодочник заправлял свою небольшую моторную лодку. Двое мальчишек рыбачили. Туристы выбирали безделушки в антикварном магазинчике. Пара коршунов парила высоко в небе над сверкающими скалами. Мир ...

Стоя за рычагами, Хейдьюк увидел за тучами пыли приближающийся край террасы. За этим краем, глубоко внизу, лежали воды озера Пауэлла, поверхность его покрылась мелкими морщинками от проплывающего судна.

Он подумал об одной конечной точке.

–Эй, – закричал он Смицу. – Как ты выключаешь эту штуку?

Смит, высунувшись из окна своего грузовика, приставил ладонь к уху: –Что там такое?

–*Как ты выключаешь эту штуку?* – завопил Хейдьюк.

–*Что?* – проорал в ответ Смит.

–КАК ТЫ ВЫКЛЮЧАЕШЬ ЭТУ ШТУКУ?

–НЕ СЛЫШУ ...

Погрузчик, подталкиваемый ножом бульдозера, доехал до края обрыва, перевернулся вверх колесами, исчез. Бульдозер неуклонно следовал за ним, выбрасывая клубы черного дыма из обгорелого края выхлопной трубы. Стальные траки гусениц крепко цеплялись за поверхность песчаника, направляя машину вперед, в пустоту. Хейдьюк выскочил. Достигнув самой кромки обрыва, трактор попытался (так показалось) спастись: одна его гусеница была несколько впереди другой, зависнув в воздухе, и трактор сделал резкий полуоборот направо,

пытаясь удержаться на краю обрыва и снова обрести твердую почву. Бесполезно – спасения не было; продолжая двигаться вперед, бульдозер сделал сальто и полетел вниз по кратчайшей траектории к твердой металлически-глянцевой поверхности водохранилища. Пока он падал, гусеницы продолжали двигаться, а мотор – реветь.

Хейдьюк подполз к краю как раз вовремя, чтобы успеть увидеть, во-первых, расплывчатые очертания тонущего погрузчика, и, во-вторых, несколько деталей трактора в момент, когда он с шумно обрушился в озеро. Гром падения отдавался эхом от стен каньона, потрясая, как звуковой удар при преодолении звукового барьера. Бульдозер погрузился в темноту холодных глубин озера, его неясные желтые очертания через секунду скрылись за вспышкой подводного взрыва. Целая галактика пузырьков поднялась на поверхность. Еще минуту песок и камни сыпались вниз с откоса. Но и это прекратилось; больше ничего не происходило, только моторная лодка осторожно приближалась по затихающим волнам: какой-то любопытный лодочник, привлеченный случившейся катастрофой.

– Убираемся отсюда! – закричал Смит, заметив, что внизу, в яхт-клубе, желтый отъехал наконец от кафе.

Хейдьюк встал, отряхивая пыль, и медленно побрел к Смигу. На лице его застыла огромная жестокая ухмылка.

– Давай! – заорал Смит. Хейдьюк побежал.

Они рванули прочь, когда желтый пикап взбирался по неровной дороге, ведущей от яхт-клуба к взлетной полосе. Смит направился обратно к дороге, по которой они приехали – к мосту через каньон Грязного Дьявола и дальше к Колорадо, но внезапно сильно затормозил и, резко повернув почти на середине моста, понесся к грунтовой дороге на север за поворот, который скрыл их от глаз тех, кто мог проезжать по автомагистрали.

Скрыл ли? Не вполне, поскольку облако пыли, как гигантский петушиный хвост, взвивалось за ними в воздух, выдавая их путь по грунтовой дороге.

Зная об этом, Смит остановил грузовик, как только они оказались за скалами. Он оставил двигатель на холостых оборотах на случай, если будет необходимо быстро ретироваться.

Они ждали.

Они слышали завывание преследующего их грузовика, зловещий свист резины по асфальту, когда он промчался за ними на восток. Они слушали удаляющийся шум его колес, постепенное возвращение мира, покоя, тишины, гармонии и радости.

Поисково-спасательная команда за работой

Хохоча, Хейдьюк и Смит обнимались, хлопали друг друга по лопаткам от восторга, тут же открыв новую упаковку пива. О, это морозный блеск! О, этот четкий щелчок крышечки открываемой новой банки!

–А-ах! – ревел Хейдьюк, чувствуя, как первый хороший глоток играет в крови. –Черт меня подери, до чего это было красиво! Он выскочил из грузовика и затанцевал вокруг него не то джигу, не то тарантеллу, не то шаркающий танец индейцев сиу, на счет 2/4. Смит хотел было последовать за ним, но из осторожности сначала влез на крышу кабины, чтобы еще раз оглядеться. Мало ли какие козни Враг может строить как раз в эту минуту.

И он был прав.

–Джордж, – говорит он, – прекрати свой воинственный танец на минуту и передай мне вон там вон мой японский бинокль.

Хейдьюк передал. Смит бросил долгий изучающий взгляд на восток-северо-восток, поверх горбатого большого камня, прямо по направлению прелестного моста, который возносился, как серебряная арка, как стальная радуга, над Узким каньоном и временно закупоривал реку Колорадо. Хейдьюк в ожидании прислушивался к послеполуденным звукам. Казалось, не было ни одного. Стояла тревожная тишина. Даже птица, единственная птица, все еще жившая в Узком каньоне, закрыла свой клюв.

–Да, это он, – сказал Смит. – Этот лошадиный зад возвращается.

–Чей зад?

–Я говорю, мой приятель епископ Лав. Добрый старый Дж.Дадли. Сосвоей Командой розыска и спасения.

–Что они там делают? Хейдьюк срывает крышечку со следующей банки пива, на этот раз несколько более серьезно.

–Они все стоят на мосту через Колорадо и разговаривают с этим парнем в желтом пикапе.

–Что они говорят?

–Я не очень-то умею читать по губам, но могу догадаться.

–Ну и?

–Епископ Лав говорит этому парню, что не видел на дороге никакого зеленого пикапа ни с каким серым тентом. А тот говорит епископу, что этот чертов зеленый пикап уж точно же не примерещился *ему*. Ну, а епископ и говорит ему, что тогда, значит, они должны были свернуть и поехать по колее джипа на север, и там именно они и находятся сейчас – а нам следовало

убраться отсюда пять минут назад.

Смит спрыгнул с крыши кабины и взобрался на сиденье.

–Давай, Джордж.

–Хейдьюк задумался. –Надо было мне взять с собой ружье.

–Залазь!

Он залез. Они поехали на север, в джунгли песчаниковых скал, на максимально возможной по этой каменистой дороге скорости: двадцать миль в час.

–Слушай, - говорит Хейдьюк, - к ним эти специальные Блейзеры V-восемь для преследования. Не паникуй, но они нас поймают, как пить дать. Если они не позвонят сначала в 104-й. С напалмом.

–Я знаю, - отвечает Смит. – У тебя есть еще какие-нибудь блестящие идеи?

–Конечно. Мы их остановим. Мы поставим ловушку. Что там впереди, на этой дороге? Какой-нибудь маленький деревянный мостик, который можно сжечь? Как насчет узкого прохода, который можно бы перекрыть валуном?

–Не знаю.

–Думай быстрее, Редкий. Что, если я подстрелю пару вон тех коров, бредущих по дороге? Заблокирую путь. Это может задержать их на минуту,

–Ты, Хейдьюк, Зеленый берет, так ты и думаешь, как Зеленый Берет. Мы опередили их на пять минут, и это все. Насколько я могу вспомнить, нет тут на этой дороге ни маленьких деревянных мостиков, ни тесных проходов миль на десять впереди. И не будешь ты стрелять ни в каких коров.

Грузовик Смита качался и подскакивал на камнях, то въезжая в колею, то выезжая из нее, через опасные маленькие канавки, тормозя, газуя, чтобы сделать рывок по песку, снова выжимая сцепление, чтобы проскочить относительно ровный участок, потом снова камни, опять канавка. В кузове ничего не увязано, все свободно катается, включая кастрюли, коробки для льда, лопаты, железные диски, лодочный мотор, печка – голландка, фляги, буксирная цепь, кирка, консервы – все это танцует и подскакивает, усиливая и без того сильную тряску самого грузовика. За ними – роскошный хвост пыли, повисший в сиянии солнца, каждая искорка, пылинка, песчинка пустынной земли просвечена солнцем, блеск которого отражается от стен плато. Видимый за мили. Столб пыли днем, огонь ночью. Разоблачение; но пыль также и прячет.

Дорога была совершенно невозможной; теперь она стала еще хуже. Смит вынужден был остановиться, чтобы закрепить втулки и задействовать вторую пару ведущих колес. Хейдьюк тоже вышел и стал изучать окрестности. За две мили от них он увидел султаны пыли над их преследователями – три Блейзера и желтый пикап, подпрыгивающий за ними – взвинченные,

разгоряченные погоней, жаждущие убийства. (То есть нас). Как же это мы умудрились влипнуть в такую историю? Чья же это была такая блестящая идея?

На восток – песчаниковая скала, как слоновья спина, наклонилась над скрытым ущельем; на запад – скалы высотой две тысячи футов; впереди между ними – узкий уступ, по которому дорога, ведущая на север, извивалась, как змея. Из красной пыли и красновато-коричневого песка не росло ничего, кроме щетки кустарника в фут высотой, нескольких приземистых можжевельников да пары колючих юкк в дюнах. Грузовик спрятать негде.

–Поехали! Поехали! Смит ринулся обратно в кабину.

Даже бокового каньона нигде не видно. А если б был, они бы в него заехали, в самый тупик, и спрятались бы там, как в загоне. Куда бы они ни поехали – если б только им не выбраться на коренную породу – они всюду оставят свой след на песке, ломая кусты, сдвигая камни. Голая пустыня – не место для маленьких секретов.

Смит увеличил обороты. –Поехали, Джордж.

Хейдьюк вскочил в кабину. Машина ревела по дороге, возвышающейся к центру, жесткие кусты и колючие шипы дикой груши, как когтями, царапали ее брюхо.

–Джордж, – говорит Смит, – я тут кое-что сообразил. За следующим поворотом есть забор. Дорога проходит через старый деревянный загон для скота. Мы можем его поджечь.

«Я поливаю, ты поджигаешь.

–Давай.

Появился забор, протянувшийся под прямым углом к направлению их движения от скалы до каньона. Загон для скота. Ворота были устроены таким образом, что колеса могли через них проехать, а копытные животные – овцы, коровы, лошади – не могли. Рядом с воротами была калитка, через которую выводили скот, но сейчас она была закрыта; так же, как и низ остальной ограды по всей ее длине, она была плотно и надежно забита годами накапливавшимся здесь принесенным ветром перекаати-полем. Издали ограда напоминала коричневую, беспорядочно заросшую живую изгородь. Грузовик проскочил через ворота. Смит вдавил тормоза. Прежде, чем грузовик остановился, Хейдьюк соскочил на землю, моргая от пыли, и схватил канистру с бензином, прикрепленную впопыхах ремнем к борту. На бегу открывая ее, он метнулся обратно к воротам, щедро поливая бензином старую древесину, балки, пропитанные креозотом, опорные столбы ворот, и, все так же на бегу, – землю вдоль массы перекаати-поля, сначала с западной стороны, потом с восточной. Мчась обратно к машине, он слышал звучные *шуу-у-у-м!* и *щелк! крак! поп!* взрывающегося в огне перекаати-поля. Тут подоспел Смит, темный потный силуэт на фоне огненной баррикады, под черным грибом жирного, едкого дыма.

–Убираемся отсюда, – говорит он.

Наконец они услышали шум погони.

Смит рулил, Хейдьюк смотрел назад. Он видел пламя, светло-желтое на солнце, темно-оранжевое в тени скалы, и фиолетовую полосу дыма от горящего перекасти-поля, поднимающуюся к небу. По ту сторону огня приближались четыре автомобиля погони. Тормозят, – безусловно, остановятся – ибо кто же будет настолько сумасшедшим, чтобы повести новехонький, сияющий Блейзер за 6500 долларов, полностью оборудованный всеми дополнительными аксессуарами (сверхмощное сцепление вспомогательный топливный бак магнитофон шины со стальным ободом двойные фары набор запчастей альтиметр тахометр наклономер лебедка двухстороннее радио штыревая антенна и прочая, и прочая) через стену огня в погоне за злоумышленниками в старом пикапе, основываясь не более чем на показаниях случайных свидетелей?

Епископ Лав, вот кто. Дж.Дадли Лав, Епископ Блендинга, Капитан Команды Розыска и Спасения.

Вот он приближается, проскакивая через объятые пламенем ворота, нисколько не повредив свой Блейзер. Но фонтан искр от падения балки заставил второго водителя притормозить на секунду; он повернул на восток, вдоль ограды, пытаясь обойти пламя с фланга. За ним последовали и все остальные.

–Все равно догоняют.

–Я их вижу. Смит сильнее выжимает газ, но дорога слишком тяжела и не позволяет увеличить скорость. –Мы их опережаем хоть немного?

–Всех, кроме первого.

–Что теперь?

–Выпусти меня, Смит, оставь меня вон за тем камнем, видишь, впереди. Я продырявлю ихние шины из своей вот этой маленькой пукалки и буду удирать, как черт. Встретимся в Хенксвилле или другом каком симпатичном месте.

–Дай подумать.

–Еще банку пива?

–Я пытаюсь думать, Джордж, дай подумать. Там вон впереди дорога к старой шахте, ведет на запад, и может, прямо на вершину горы. Точно не знаю. Если нет, мы пропали. Если да, они запросто потеряют нас в лесу там, наверху. Но если нет – мы пропали.

Хейдьюк оглядывается назад. –Они нас догоняют. Если мы не уберемся с этой дороги – мы пропали. Он открыл еще одну банку пива.

–Тогда попробуем поехать другим путем.

За следующим поворотом между скал, там впереди, они отчетливо увидели развилку, – там дорога расходилась на две: направо, вся в камнях и рытвинах, выбоинах и буграх, – это

была главная дорога, так сказать, магистральная, и налево – еще похуже, совершенно заброшенная.

–Вот она, говорит Смит и сворачивает резко влево.

Хейдьюк пролил пиво себе на колени. –О, черт, я уже пьян, и я точно хочу извиниться за всю эту халепу, в которую я тебя затащил, Капитан Смит, а то бы это был прекрасный мирный день, если б не я, и если ты сейчас остановишь эту чертову колымагу на минуту, чтоб я сошел, то я уж позабочусь, – Хейдьюк помахал своим магнумом, – об этом твоём любвеобильном епископе.

–Осторожней с этой клятой пушкой, Джордж. У нас и так проблема на руках.

–Ты абсолютно прав. Хейдьюк опустил свой револьвер обратно в кобуру.

Тем временем их грузовик вставал на дыбы, взбрыкивал и трясся на низкой передаче 5 миль/час по этой древней дороге на запад, такой же, пожалуй, старой, как и Федеральный закон о разработке полезных ископаемых от 1872 года. Она вела к многочисленным разработкам на оползневом делювиальном откосе, среди каменных осыпей и валунов у подножья стены плато. Пейзаж был величественный, как всегда, но их положение – открытым и неверным. Враг был всего в нескольких милях позади, наверстывая этот разрыв. Подгоняемый яростью, которая еще усиливалась пренебрежением этих задниц, и обожженными боками машин, и иссушенными мошонками дифференциалов, Враг скоро обогнет последний поворот и увидит их – Смита и Хейдьюка Инк. – медленно ползущих, как жуки, по этой немислимой дороге, быть может, ведущей их к выходу.

Дорога стал еще тяжелее; Смит вел машину с четырьмя ведущими колесами, и все же ему пришлось перейти на более низкую передачу. На скорости около двух миль в час грузовик тащился наверх, где, возможно, они найдут укрытие, - если дорога туда доведет. Укрытие, прикрытие, небеса обетованные, и, быть может, спасение.

Дорога была пробита в скалах динамитом многие десятилетия назад, и ее полотно имело наклон вниз - наружу – неверный путь. Грузовик сильно отклонялся от вертикали, словно его тошнило, от твердой опоры в пустоту. Если бы он перевернулся, у Хейдьюка, сидевшего с наружной стороны, не было ни малейших шансов спастись.

–Слушай-ка Смит, – остановись-ка, я хочу выйти.

–Зачем?

–Возьму тот брус, что у нас в кузове, и проведу кое-какие дорожные работы. Приторможу слегка эту Команду розыска и спасения.

Смит обдумывал. –Ты их уже видишь?

–Нет еще, но пыль за поворотом уже вижу. Епископ нагоняет.

Смит остановился. Хейдьюк выпал, крепко вцепившись в грузовик, прополз по осыпи,

открыл задний борт и нашел в кузове большой железный брус. Подошел к Смигу.

Смит говорит: –Ну, какой у тебя план?

–Сброшу этим рычагом пару валунов на дорогу. Жди меня наверху. Или там, куда сможешь доехать. Подай-ка мне вон ту тяжелую голубоватую штуку из заднего кармана моего рюкзака.

–Ладно, буду ждать тебя наверху. Или на пару миль впереди. Подать тебе что?

–Пушку, пушку. Нет, не останавливайся, двигайся; солнце скоро сядет, а в такую славную погоду меня хватит на двадцать миль. Пушку и флягу. Забрось мой рюкзак наверх.

–Никаких пушек.

–Если эти трахнутые спасатели начнут в меня стрелять, я намерен отстреливаться.

–Нет, Джордж, мы не можем так поступать. Ты знаешь наше правило.

–Слушай, без пистолета я голый, как младенец. Он потянулся к рюкзаку за пистолетом.

Смит перехватил его руку.

–Нет. Вот твоя фляга, Джордж.

–Ладно. Господи Иисусе. Иду. Вон они. Скоро увидимся.

Смит поехал дальше. Хейдьюк взял свой лом и принялся за ближайший валун. Внизу, на расстоянии двух миль, все четыре машины погони остановились у развилки. Вылезли букашки: мужчины рассматривали следы колес. Через секунду они посмотрят в сторону Хейдьюка. Смит в своем грузовике преодолевал крутой уклон, двигатель завывал на высоких оборотах, груз грохотал в металлическом кузове. Шум растекался концентрическими звуковыми волнами вдоль стен плато по направлению к погоне. Не было никакой возможности укрыться.

Хейдьюк, голый по пояс, нашел на песчанике подходящую точку опоры, чтобы сдвинуть с места выбранный им валун, напрягся и столкнул его рычагом. Валун плюхнулся на дорогу и остановился как раз посередине.

Ну-ка попробуем что-нибудь покрупнее. Он подтащил свой брус повыше, к чудовищному куску упавшей скалы. После двухминутной борьбы он победил: глыба сдвинулась с места, перевернулась, начала катиться – катиться по собственной воле.

Хейдьюк соскользнул с откоса, уходя с дороги. Камень катился через колею джипа, через край откоса, отскакивая от препятствия к препятствию, как заяц, к какой-то конечной точке равновесия. Вон там бледные в тени лица мужчин повернулись, глядя вверх. Но Хейдьюк, торжествуя, уже искал свой следующий снаряд. Пусть приблизятся. Пусть только попробуют приблизиться; он обрушит на их задницы град камней. Сдвинутый им камень остановился у большого валуна, лежавшего у основания откоса. Он стал искать следующий.

Команда приближалась. Четыре автомобиля двигались от развилки по левой дороге, которой пользовались крайне редко, следом за Хейдьюком и Смитом. Хейдьюк сдвинул на

дорогу еще два больших камня и стал подниматься выше – фляга в одной руке, тяжелый железный брус в другой. Сердце колотится, грудная клетка вздымается, широкая, загорелая, волосатая спина блестит от пота. Тяжкий труд; Хейдьюк не был достаточно в форме для него. И в пределах ружейного выстрела. Эта мишень у него между лопатками вздрагивала от старого знакомого животного ужаса. Он бежал рысцой, выискивая подходящие камни. Нашел еще два, переждал немного, чтобы собраться с силами столкнуть их на дорогу.

Солнце опустилось наконец за край плато. Тень, огромная, как штат Коннектикут, напозла на разогретую за день землю камня, сердце страны каньонов. Все действие замедлилось, пошло на низкой передаче: Смит, приблизительно в двух милях впереди, встревоженный, взволнованный, ищущий спасения; посредине – задыхающийся Хейдьюк, тащит за собою свой двадцатифунтовый литой железный брус; епископ Лав, его Команда, да еще и оператор Катерпиллера в желтом пикапе приближаются, замыкая шествие. Ни один из сброшенных Хейдьюком камней не задержал их надолго – у этого, из Катерпиллера, тоже был лом.

Они продвигались вверх по склону горы, медленно приближаясь, не стреляя, не очень шумя, скучновато даже, пока Хейдьюк не оказался, наконец, в стратегически выгодной позиции, несколько впереди и повыше них, где он нашел то, что искал все это время.

Это был массивный обломок песчаника навахо, размером и формоф напоминающий саркофаг, удачно уравновешенный на естественном пьедестале. Тяжело дыша, потный, как лошадь, Хейдьюк добрался до него, оглянулся в поисках наилучшей точки опоры, втокнул лом на место, налег всем телом на свободный конец, попробовал. Камень двинулся, готовый катиться. Он стал ждать.

Он слышал, как выше, уже вне поля его зрения, грузовик Смита шел наверх; внизу, в тысяче футов от Хейдьюка, ведущий Блейзер высунул свой нос из-за поворота. Сам епископ. Через мгновение эта цель будет в пределах досягаемости.

Показались и остальные Блейзеры; они завывали на крутом подъеме; желтый пикап тащился за ними. Хедьюк толкнул. Валун закрипел, перевернулся, начал катиться, подскакивая. Хейдьюк понимал, что должен бежать, но все же стоял и смотрел.

Валун покатился по осыпи, через массу пустой породы, – неуклюжий, но грозный объект. Он не набирал скорость – склон был недостаточно крутым, а трение и помехи – слишком значительными, – но он продолжал двигаться вниз, громоздкий, неповоротливый и целеустремленный, как паровой каток, сбивая по дороге другие камни, обретая последователей, сопровождающих, свиту эскорта, спутников и ассистентов. Результат нетто состоял в том, что уже не один камень, а целая стая камней катилась вниз встречать и приветствовать Команду розыска и спасения округа Сан-Хуан. (Команда эта, чисто случайно, оказалась за пределами

собственной юрисдикции, – она пересекла границу округа, проехав мост через Узкий каньон).

Мужчины внизу, остановленные еще одним препятствием на дороге, смотрел вверх, на осыпь. Кто спрятался за своими машинами, а кто стоял, увертываясь от камней. Большинство камней благополучно прокатились мимо, не задев никого из них. Но валун - дедушка, валун Хейдьюка, катившийся прямо вперед, угодил прямо в ведущую машину – епископа Лава. И остановился. Раздался страдальческий скрежет стали, и Блейзер, разбрызгивая во все стороны жизненные соки – масло, бензин, смазку, охладители, кислоты из батарей, жидкость для мойки ветрового стекла, тормозную жидкость, – осел и исчез под немыслимой мощи ударом, – колеса в разные стороны, корпус расплюсчен, как панцирь жука. Драгоценные жидкости вытекали из раздавленных останков, пятная дорогу. Валун остался на месте, придавив скелет машины. На покое.

Погоня была задержана, по крайней мере, на машинах; валун и обломки епископского Блейзера перекрыли дорогу. Хейдьюк, в восторге глядя вниз сквозь завесу пыли, видел блеск оружия, вспышки стекол биноклей, движение мужчин.

Было самое время ретироваться. Припадая к земле с внутренней стороны дороги, он направился вверх, за отдаленным гудением грузовика Смита, таща за собою железный брус, давясь смехом всю дорогу до самой вершины горы. Там ждал его Смит.

Они уселись на кромке уступа, болтая ногами над 150-футовым обрывом, и наблюдали издали за отходом Команды розыска и спасения. Когда все отбыли, они отпраздновали победу пинтой виски – «Джим Бим, которую Смит, этот позорный джек-мормон, совершенно случайно обнаружил под рукой в своем старом мешке с инструментами. Опорожнив бутылку наполовину, они приготовили себе на ужин бобы с беконом. С наступлением темноты они поехали, ориентируясь по звездам (фарами не пользовались, опасаясь наблюдения с воздуха), вдоль кромки Оранжевых Скал, вокруг истока Счастливого каньона, мимо Края Земли и далее до перекрестка с дорогой на Хенксвилль.

К полуночи они добрались до Хенксвилля, а через полчаса – до гор Генри. Где-то в глубине леса они повалились спать и спали сном праведников. Праведников явно удовлетворенных.

Док и Бонни делают покупки

Дж. Б. Хартунг и сыновья, шахтное и инженерное оборудование. Хартунг – младший загрузил взрывчатку Дюпона Доку в багажник его новенького Бюика-универсал. Десять контейнеров, воощенных, герметизированных и опечатанных. Плюс взрывная машинка, капсулы, провода, предохранители, обжимные щипцы и зажигательные свечи. Груз выглядел эффектно. Стиль. Класс.

–Что вы будете со всем этим делать, Док? – спрашивает мальчишка.

–Обезьяньи делишки, – отвечает доктор, подписывая последнюю из федеральных форм.

– Там, у себя на ферме.

–Серьезно.

–Совершенно серьезно.

Абцуг нахмурилась. –У нас заявка на открытие рудника, - сказала она.

–О-о, говорит мальчишка.

–Тридцать заявок, – говорит доктор.

–Я слышал, золото поднялось до 180 долларов за унцию там в Европе. Собираетесь разрабатывать ваши заявки?

–Верно, – сказал Док. – А теперь заткни вот это себе в рот, то-есть, я имею в виду, в карман.

Мальчишка заглянул в счет. –Ух-ты, большое спасибо, Док.

–Не о чем говорить, молодой человек.

–Приходите снова, поскорее.

–Придем, – сказала Бонни. – –Ишь, панк малый, любопытный какой, - добавила она, когда они отъехали. – Я готова была двинуть ему в зубы.

–Ну, ну, он же еще ребенок.

–Еще ребенок. Ты видел это прыщавое лицо? Я уверена, он уже обращался к венерологу.

–Вполне может быть. В этом штате таких половина. А у половины из них – триппер. Мы должны прицепить ярлык на пенис каждого подростка в Нью-Мексико: –Девушки, Изучите Тщательно Перед Тем, Как Взять в Рот.

–Не будь вульгарным.

–Губные гармошки, - продолжал разглагольствовать Док. – Спирохеты. Гонококки. *Treponema pallida*. Подумай: ‘*Syphilis, Sive Morbus Gallicus*’ поэма некоего Джироламо Фракасторо, примерно 1530 год от рождества Христова. Герой этой метрической пасторальной трагедии – пастух по имени – я не шучу – Сифилис. Как и многие другие пастухи, он вспылал

страстью к одной из своих овечек, чье имя я позабыл. Вот люблю я овечку, и все, говорил Сифилис, и ставил ее задние ноги на свои котурны и ... . Твердый шанкр появился вскоре после этой любви, а затем и поражение тканей. Он умер ужасной смертью тридцать лет спустя. Отсюда и появилось всеобщее мнение, что сифилис возник от полового сношения.

–Ты должен повысить мне зарплату, - сказала Бонни.

Док вдруг громко запел:

–Мне не нужно шанкра, чтобы я запомнил,

Что я только пле-енник любви-и-и-и-и ...

–У тебя такой голос, будто ты уже подхватил шанкр гортани.

–Рак горла. Не стоит из-за этого поднимать тревогу. Когда я был молодой, я тоже хотел быть пастушонком. Но потом обнаружил, что мне больше нравятся девушки.

–Я требую перевода.

–Я требую поцелуя.

–Это будет дорого стоить.

–Сколько?

–Мороженое Баскин-Робинс с двойным клубничным сиропом.

–Хочешь знать мою самую развратную тайную сексуальную фантазию?

–Нет.

–Хочу изнасиловать девушку Баскин-Роббинс. Пока она догребает последнюю сливочную помадку с карамелью. *До обеда.*

–Доктор, вам нужен доктор.

–Мне нужно выпить. стакан заглотал – усыхать перестал. Что там у нас следующее в нашем списке?

–Он у тебя в кармане рубашки.

–Ах, да. Да. Док Сарвис пробежал глазами бумажку. Бонни вела машину сквозь напряженное уличное движение Альбукерка. Дым его сигары вытекал через открытое окно с его стороны, смешиваясь с общим смогом. –Рукоятки к роторам, - читал он. – Бош и Айземанн, по три каждого вида.

–Они уже есть.

–Заграждения.

–Есть.

–Проверь. Алюминиевая пудра – десять фунтов. Хлопья окиси железа – десять фунтов. Магниева пудра, перекись бария, очиститель –«Аякс, «Тампакс» - к алхимику.

–Не знаю ни одного.

–К аптекарю. По проезду Парацельса в сторону улицы Фауста всего полквартала от

площади Зосима, в доме Теофраста Бомбаста фон Хохенхайма.

–Слушай, говори по-американски. Поедем к Валгрину.

–Где они сожгли беднягу Бруно в день Святой Цецилии.

–В аптеку Скэга?

Они зашли к Скэгу, где доктор прописал себе термитные свечи, затем в скобяную лавку за металлическим порошком и хлопьями плюс 10 галлонов керосина (для их увлечения рекламными щитами). Бьюик-универсал был уже основательно загружен и весь благоухал химикатами. (Химикаты! Химикаты! – пел Хейдьюк). Док купил камуфляжную сетку 20х30 футов на складе Боба Бергена, вместе с некоторыми другими позициями их списка, а также вещами, которые они сочли совершенно необходимыми, к примеру, кремниевую зажигалку (для этих дождливых дней), пару ярко-красных подтяжек цвета пожарной машины, чтоб поддерживать мешковатые брюки Дока, новую соломенную шляпу с обширными полями из Гватемалы для Бонни, и подарки для Хейдьюка и Смита: изолированную подставку для пивной банки и хроматическую губную гармонику Хонера. Док прикрыл все их покупки камуфляжной сетью. Затем заехали еще в один магазин, где купили определенные весьма важные для них топографические карты.

–Все?

Перечитали список, проверили дважды. –Ну, все, – говорит Док. – Санта Клаус едет в город. Они спрятались от жары и яркого послеполуденного солнца в прохладу и полумрак бара, сплошь обитый каким-то мягким звукоизоляционным материалом. Даже стены были им обиты; бар был похож на старую добропорядочную психиатрическую лечебницу. Свечи тускло мигали внутри маленьких красных глобусов. На бармене был красный пиджак и черный галстук. Было около четырех, и бар был наполовину заполнен юристами, архитекторами, политиками из мэрии. Именно то место, какие Бонни больше всего ненавидела.

–Какая удручающая берлога! – сказала она.

–Давай выпьем чего-нибудь холодненького и рванем домой.

–Тебе не домой. Тебя ждут к пяти в Медицинском центре.

–Верно. Обрато в лавку мясника.

–Доктор Сарвис! Она притворяется шокированной.

–Ну, иногда я так чувствую, – сказал он извиняющимся тоном. – Иногда, милая девочка, я думаю ...

–Да? Думаешь что?

Официантка с коктейлями стала между ними. На ней было нечто совершенно прозрачное, что едва ли можно было считать одеждой. Ей тоже все это надоело. Она принесла им напитки и уплыла прочь. Док смотрел ее вслед. Эти бледные бедра мне нравятся.

–Да, так что же ты думаешь? – спросила Бонни.

Они чокнулись. Док всматривался в ее глаза.

–Я люблю тебя, – солгал он. В тот момент его мысли были в двадцати футах оттуда. В тысячах миль оттуда.

–Что еще новенького?

–Терпеть не могу этих витиеватых еврейских выражений.

–Терпеть не могу этих фальшивых любовных деклараций.

–Фальшивых?

–Да, фальшивых. Ты вообще не думал обо мне, когда говорил это. Ты, наверное, думал, – один Бог знает, о чем ты думал. Но не обо мне.

–Ладно, – отвечал он. – Давай поссоримся. Какой прелестный способ успокоить мне нервы перед маленькой операцией, которая мне предстоит. Всего только удаление мениска.

–Я рада, что я не твоя пациентка.

–Я тоже. – Он выпил половину своего джина с тоником. – Ну, ладно, ты права. Я сказал это для проформы. Но все равно это правда. Я же люблю тебя. Если бы тебя не было рядом, я был бы несчастным одиноким стариком.

–Вот именно, рядом. Нужен же кто-то рядом, чтобы содержать в порядке твое расписание приемов, стирать твои вонючие носки. Чтобы нянчиться с тобою, чтобы ты не тащил ногу в рот и не натягивал пластиковые мешки на голову. Чтобы быть твоим шофером, возить тебя по городу, убирать твой дом время от времени и хорошо смотреться в бассейне.

–Давай поженимся.

–Это у тебя панацея от всех бед.

–Что в этом плохого?

–Я устала быть твоей прислугой. Ты думаешь, я хочу это узаконить?

Док Сарвис был несколько озадачен такой постановкой вопроса. Он осторожно потягивал вторую половину своего джина с тоником. –Но тогда, черт подери, чего же ты хочешь?

–Я не знаю.

–Так я и думал, – сказал он. – Ну так и помалкивай.

–Но я знаю, чего я не хочу, – добавила она.

–Свинья тоже это знает, мадам.

–Ну и что? Чем тебе не нравятся свиньи? Мне они нравятся.

–Я думаю, ты влюбилась в Джорджа.

–Нет уж, не в ту свинью. Нет, спасибо.

–Смит? Старина Редкий Гость, так сказать?

–Что ж, это более правдоподобно. Он приятный мужчина. Он мне нравится. Я думаю, он отнюдь не равнодушен к женщинам. Но мне кажется, он достаточно основательно женат.

–Всего три жены. Ты могла бы быть Женой Номер Четыре.

–Мне больше нравится, пожалуй, иметь четырех мужей. И навещать каждого раз в месяц.

–У тебя уже есть три любовника. Хейдьюк, и Смит, и бедняга доктор Сарвис, доктор медицины. Не говоря уж обо всех твоих котиках, цыплятках, недоученных студентах и хиппи – дегенератах, которые крутятся около твоего пластикового иглу там, в Большом городе.

–Эти люди – мои друзья, а вовсе не любовники, как ты говоришь, хотя вряд ли ты можешь это понять.

–Если у них член такой же хлипкий, как и позвоночник, тогда я могу понять, почему они не любовники.

–Я ничего такого про них не знаю.

–Но я же их видел. Все одинаково стараются выглядеть по-разному. Двуполые антропоиды.

–Они просто хотят вести свой собственный образ жизни. Они пытаются вернуться к тому, что все мы давным-давно утратили.

–Подвязывать волосы ленточкой – еще не значит быть индейцем. Выглядеть, как сорняк, еще не значит быть частью природы.

–Они, по крайней мере, никому не причиняют вреда. Ты просто завидуешь.

–Я устал от людей, которые не причиняют вреда. Я устал от мягких, слабых, пассивных людей, которые не могут *совершить* что-нибудь или *произвести* что-нибудь. Кроме детей.

–Ты устал, Док.

Он поднял плечи, нахмурился и изобразил Джорджа В. Хейдьюка: –Я никого не люблю, – пробурчал он.

Бонни улыбнулась, глядя поверх своего полупустого бокала. –Пора уходить отсюда. Ты опоздаешь.

–Давай. Он дотянулся до ее бокала и допил за нее его содержимое. Они поднялись, чтобы уходить. –Да, и еще одно.

–Что?

Док притянул ее к себе. –Все равно я тебя люблю.

–Вот это мне нравится, – сказала она. – Такие одинаковые признания в любви.

–Я еще и обеими руками владею одинаково. Он продемонстрировал.

–О, Док ... не здесь, ради Бога.

–А как насчет ... здесь? Там?

–*Пошли!* Она потащила его прочь из этой тщательно умягченной психиатрической лечебницы, вверх по лестницы к тротуару в ослепительно яркий свет, сумасшедший рев, безумную суету Альбукерка. К востоку от башен из стали, стекла и алюминия стояли горы, шершавые камни гор Сандиас. Теперь их пересекала подвесная канатная дорога и увенчивала остроконечная корона пилонов телевидения. Там, где прежде большерогий горный баран охранял скалы и утесы, теперь забавлялись туристы, дети стреляли в птичек из своих игрушечных пистолетов. На западе на фоне блеклого горизонта, в полуденной дымке, возвышались, как стража, три вулкана, пока что молчащих, – черные, морщинистые, развороченные.

На автостоянке он ласкал ее всю дорогу от ворот до машины.

–Господи, ты сегодня такой настырный.

–Я истинный и верный единорог любви.

Она втащила его в машину, раздувшийся от товаров Бьюик-универсал, ловко вырулила со стоянки и направилась на автостраду. По дороге, подхваченная общим движением транспорта, она отдалась ласкам его больших, красивых, внимательных рук, которые были и вправду, как он хвалился, обе одинаково ловкие. Когда они выехали на автостраду, она, однако, оттолкнула его руку, – ту, что была внизу, и нажала на газ.

–Не сейчас, – сказала она.

Док отдернул руку. Он казался обиженным.

–Мы опоздаем, – сказала Бонни.

–Это всего лишь менискэктомия, – ответил он. – Не остановка сердца. Что такое мениск, чтобы становиться между влюбленными?

Она молчала.

–Мы же все еще влюбленные, разве нет?

В тот момент она не была уверена. Что-то неясное угнетало ее мозг, ощущение чего-то недостающего, чего-то потерянного, что еще предстояло найти.

–Мы любили друг друга прошлой ночью – мягко напомнил он ей.

–Да, Док, – наконец ответила она.

Он раскурил еще одну сигару. Сквозь первое облако дыма, бесформенное вначале, затем скрутившееся и, наконец, расплывшееся по контурам приборной доски и ветрового стекла, он задумчиво глядел на крутые откосы горы за беспорядочным скоплением городских зданий в дымной вуали.

Бонни на мгновение положила руку на его колено, сжала его слегка и снова положила ее на руль, поскольку одновременно она пыталась объехать большую машину впереди – с полосы на полосу, обратно, ныряя в поток машин и выныривая из него, все время при этом

удерживаясь на безопасном расстоянии от того парня впереди. Черт его подери, двигался бы наконец или убрался к дьяволу с дороги! Как сказал бы Хейдьюк, подумала она. Док вовсе не опаздывал, - это она торопилась. Торопилась, поняла она, избавиться от него на некоторое время.

Бедняга Док; она почувствовала на мгновение острый прилив любви к нему. Теперь, когда она бросает его. Совсем.

Он не долго оставался в плохом настроении. –Посмотри на эти машины, –обратился он к ней. – Посмотри на них – едут себе на своих резиновых шинах, в своих двухтонных машинах, загрязняя воздух, которым мы дышим, насилую землю ради того, чтобы ленивым, жирным американским задницам можно было свободно проехать. Шесть процентов мирового населения поглощают сорок процентов мировой добычи нефти. Свиньи!, – заорал он, потрясая своим огромным кулаком в сторону проезжающих мимо водителей.

– А мы? – спросила она.

–Я о нас и говорю.

Она высадила его у служебного входа неврологического отделения Медицинского центра и заторопилась домой по улице, пандусу и автомагистрали, к своему «пластиковому иглу» в «Больном городе». Ей нужно будет заехать за доктором в пять часов. Надо бы купить этому мужчине велосипед, - думала она, - но он, конечно же, не сумеет даже припарковать его как следует, не говоря уж о том, чтобы безопасно проехать на нем по городской улице.

Она добралась домой усталая от напряженной езды. Войдя в свой дом, она постояла минутку, оглядывая его. Все было в порядке, на своих местах, тихим, спокойным, мирным. *Ом*, добрый *Ом*. Кот подошел к ней, коротко мяукнув, и начал, мурлыча, тереться о ее ногу. Она погладила его, потом зажгла ароматическую палочку, поставил запись Рави Шанкара – вечернюю мелодию – и уселась на коврик, скрестив ноги, в позе лотоса, сосредоточив взгляд на вращающемся диске с записью – тридцать три с третьей оборота в минуту – и неутомимом, слегка подрагивающем электропроигрывателе. Из усилителей монотонно жужжал ситар, звуча широко и низко в этой комнате без углов. С ее позиции на полу дом ее казался ей просторным, как планетарий; хрустальные гроздьи в верхней точке свода сияли, как звезды. Позднее, яркое послеполуденное солнце, косо проникая сквозь полиуретановые стены, наполняло весь купол мягким, рассеянным, кокаиновым блеском.

Она прикрыла глаза, чтобы лучистый рассеянный свет охватил ее мозг. Кот тихонько лежал у ее ног. Снаружи до нее доносилось только отдаленное бормотание, отголоски беспокойного городского муравейника, смягченные стенами ее дома. Она постепенно отключалась от внешних звуков, сосредоточиваясь на своей внутренней реальности.

Город стал нереальным. Док Сарвис, правда, все еще глядел на нее, но уже с периферии

ее сознания, как Килрой через забор, красный нос и прочее. Она пресекла мысль о нем; он превратился в нуль, ничто, потерял законную силу. Последние нервные вибрации автострады затихли и угасли. Шаг за шагом она освобождала и успокаивала свой мозг, снимая один за другим все отпечатки событий дня – поездка по магазинам за покупками, прыщавый мальчишка, странный груз в машине Дока, и то, как он смотрел на ее ноги, и их бесцельный разговор, поездка в больницу и его грузное тело, удаляющееся шаркающей походкой и исчезающее в этих бесконечных коридорах боли, мягкий мех кота на ее выбритых икрах, звук ситара Шанкара, аромат ладана. Все уходило, угасало, соскальзывало в ничто, а она концентрировалась на своем, секретном, интимном, своем личном медитативном слове ...

Но. Какое-то пятнышко, частичка, какой-то раздражитель рос, как песчинка в раковине жемчужницы, в каком-то уголке ее сознания, не имеющего углов. Глаза закрыты, нервы в покое, мозг отдыхает, - и все же она видела прядь выгоревших на солнце волос, пару ярко-зеленых глаз джек-мормона, клювоподобный нос, она чувствовала направленные на нее телепатические микроволны. За клювом, несколько в стороне, тонкий сетчатый узор танцующих микро точек превратился в образ, мимолетный, но верный, бородатого бездельника с глазами, как две желтых дыры от мочи в снежном сугробе.

Бонни открыла глаза. Кот лениво потянулся. Она взглянула гладкий, вращающийся диск на слегка прогнувшемся проигрывателе – она слышала спокойные, томные, гипнотические завывания, гудение, резкий звук струны и однообразное пение Рави Шанкара и его индийской цитры. Ему аккомпанировали маленькие темные руки, танцующие на туго натянутой бычьей коже ритуального барабана шакти-йоги. (Ло, бедный индус, старается изо всех сил).

Ну, че-ерт, подумала мисс Абцуг. Ну, Господи Иисусе Христе, подумала она. И встала. Кот, мурлыча, вился у ее ног. Она пнула его, не слишком сильно, в кучу подушек. Святая Матерь Божья, мать твою, думала Бонни, мне надоело. Как мне все надоело! Ее губы шевелились.

–Хочу каких-нибудь действий, сказала она негромко, в мягкую тишину своего дома – купола.

Ответа не последовало.

Громко, решительно, вызывающе, она сказала: –Пора, ко хренам, братья за работу!

Снова за работу

Казалось более разумным уехать из Юты на некоторое время. Когда поход Смита на горы Генри был завершен, они с Хейдьюком к ночи уехали из Хенксвилля на запад, вокруг западной оконечности гор, и дальше на юг по грунтовой дороге вдоль Уотерпокет Фолд. Там никто не живет. Доехав до Шумящего прохода, они преодолели зигзагами крутой подъем в полторы тысячи футов к вершине Фолда. На полпути к перевалу они обнаружили беззащитный бульдозер Катерпиллер D-7 Дорожной службы, стоящий у края дороги, и остановились, чтобы передохнуть и перекусить.

Это отняло всего несколько минут. Работа становилась простой и однообразной. Смит караулил на вершине горы, а Хейдьюк тем временем просверливал дыры, как в Ком Уош, добавив к этой отлаженной технике последний штрих: выливал топливо из топливного бака в канистру; поливал им блок двигателя, кабину оператора и прицеп; поджигал.

Смит не вполне одобрял последний шаг. – Это же как раз может какая-нибудь зараза заметить из ироплана там в небе, - жаловался он.

Он взглянул вверх; ласковые звезды смотрели вниз. Одна космическая капсула, плотно набитая космонавтами и другими материалами, скользнула по звездному полю, вошла в тень Земли и исчезла. Один реактивный лайнер компании TWA, летящий курсом в Чикаго на высоте 29 000 футов и видимый только благодаря своим бортовым огням, пересек южный небосклон. Больше никто не болтался вокруг в такое позднее время. Ближайший городок – Боулдер, с населением 150 человек, – находился на расстоянии тридцати пяти миль к западу. Ближе не жил никто.

– Кроме того, – продолжал Смит, – не слишком много от этого проку. Все, чего ты добиваешься, – только сжигаешь краску.

– Ну, черт, – у Хейдьюка перехватило дух, он задыхался, не в силах спорить. – – Черт ... фью! ... мне просто нравится ... х-ха! ... ну, вроде ... ах-ха! ... доводить дело до конца. Пиромантик.

Из огненного зарева умирающей машины – смертельный случай – донесся приглушенный звук небольшого взрыва. За ним – еще один. Фонтан искр и куски горячей смазки взлетели в воздух.

Смит вздрогнул. – Давай убираться отсюда.

Деревню Боулдер они проехали к середине ночи. Спящие жители вздрагивали, услышав шум проезжающего грузовика, но никто их не видел. Они повернули на юг и поехали по водоразделу между рукавами реки Эскаланте, спустились в каньон, поднялись на другую

сторону среди бледных куполов косослоистого песчаника в сотни футов высотой. Древние дюны, превратившиеся в камень несколько раньше. Через пять миль к востоку от городка Эскаланте Смит повернул влево на дорогу, именованную Дыра-в-Камне.

–Куда едем?

–Срезаем напрямик в Глен Каньон Сити. Поднимемся вверх через середину плато Кайпаровиц.

–Я не знал, что туда есть дорога.

–Можешь называть ее и так.

Огни буровых вышек мерцали вдалеке, по огромным ненаселенным просторам террас Эскаланте. Время от времени они проезжали по дороге мимо знакомых названий на небольших металлических указателях направлений на поворотах: Коноко, Арко, Тексако, Галф, Эксон.

–Всюду эти ублюдки, – проворчал Хейдьюк. – Давай доберемся до этих вышек.

–Да там работают как раз. Там на холоде, в четыре утра, вкалывают, как рабы, чтобы обеспечить всех нефтью и газом, и вот этот здесь наш грузовик то же самое. Так что мы с тобой можем помочь саботировать все мировые планетарные машины. Прояви хоть немного благодарности.

К рассвету они уже катили на юго-восток под крутыми фасадами Скал Пятидесяти Миль. Дорога Дыра-в-Камне была тупиковой для автомобилей, но они поехали другим путем, вверх по дороге, ведущей через плато.

По дороге Хейдьюк обнаружил геофоны. –Стоп!

Смит остановился. Хейдьюк выпрыгнул из машины и вырвал ближайший геофон из земли вместе с проводами, соединявшими его со всей системой. Геофоны предназначены для поиска залежей полезных ископаемых, для сейсмических исследований путем анализа различных видов вибраций – сейсмограмм – в подстилающих горизонтах. Вибрации эти создаются зарядами, помещаемыми в пробуренные отверстия. Хейдьюк намотал петлю кабеля на бампер грузовика и вернулся в кабину.

–Хорош, поехали. – Он открыл банку пива. – Господи, как я есть хочу.

Смит поехал дальше. За ними, по мере натяжения кабеля, все новые и новые геофоны начали выскакивать из земли и бежать вдогонку за грузовиком, приплясывая в пыли. Десятки дорогих приборчиков, преждевременно вырванных из земли. По мере их продвижения вперед грузовик вырывал еще и еще, целую кучу.

–Скоро, вот только солнце взойдет, – пообещал Смит, – мы сообразим себе завтрак. Скоро, вот только выберемся из этих открытых мест и доберемся до леса.

Они доехали до грунтовой дороги и повернули по ней направо, на юг, к высоким скалам. Хейдьюк увидел еще что-то. –Стоп!

Смит неохотно остановил грузовик. В холодном голубом свет начинающегося дня они глядели вперед, через сплошные заросли полыни, где в полумиле от них стояла буровая вышка, казавшаяся безлюдной. Ни фонарей, ни движения, ни автомобилей. Хейдьюк потянулся ха биноклем, взял его и стал изучать сцену.

–Редкий, там никого нет. Никого.

Смит посмотрел на восток. Облака в той стороне медленно окрашивались в лососево-розовый цвет. –Джордж, мы тут, как на ладони. Если кто-нибудь появится ...

–Редкий, там есть для нас работа.

–Не больно-то оно мне здесь нравится. Нечем здесь нам совсем прикрыться.

–Это наш долг.

–Наш первейший долг – не дать себя повязать.

–Хейдьюк подумал. Это было верно. В этом утверждении была правда. –Но она уж слишком хороша, чтоб можно было проехать мимо. Только погляди на эту штуку. Такой славный здоровенный складной ножик, и ни одного нефтяника на десять миль вокруг.

–Они могут приехать абсолютно в любой момент.

–Редкий, я *должен* сделать это. Я здесь выйду и пройду туда пешком. Ты поезжай в тот каньон, которого отсюда не видать. Начинай готовить завтрак. Побольше кофе. Я буду с тобой через час.

–Джордж –

–Все равно мне пешком спокойнее. Если кто-нибудь появится, я спрячусь в полыни и дождусь ночи. Если я не появлюсь, скажем, через два часа, поезжай наверх, в лес, и жди меня там. Оставь какой-нибудь знак у дороги, чтобы я не проскочил твой поворот. Дай я возьму свой рюкзак.

–Ну, Джордж, черт тебя дери ...

–*Не беспокойся.*

Хейдьюк вышел из машины, взяв из кузова свой рюкзак, в котором была еда, вода, инструменты, спальник – все уже готовое, запакованное. Оглянувшись назад, он увидел за задним бампером около полумили кабеля с геофонами, стоимостью не менее двадцати тысяч долларов. Их нужно было куда-нибудь девать.

–Эти геофоны с этим кабелем ... – сказал он.

–Я от них избавлюсь, - ответил Смит.

Хейдьюк направился через полынь, которая была ему по пояс. А Смит поехал дальше, таща за собою по дороге имущество нефтяной компании. Тонкий слой пыли поднимался за ним в воздух и плыл, освещенный солнцем, как крученая золотая нить.

На полпути к своей цели Хейдьюк наткнулся на автомобильную дорогу, ведущую к

буровой. Плотно прикрепив рюкзак, он бросился бегом. Он устал, проголодался, перегрузился пивом. В голове было пусто, в желудке тошно, но адреналин, азарт и высокая, благородная цель поддерживали его.

Вот и вышка. Вокруг – никого. Он вскарабкался по стальной лестнице на платформу. В одном ее углу стояли стеллажи с шестидюймовыми стальными трубами. На цепях свисали противовесы. Скважина, прикрытая только стальной крышкой, была пуста. Он поднял крышку и заглянул в темное отверстие. Он знал, что некоторые из этих скважин достигают глубины шесть миль, более 30 000 футов – глубже, чем высота Эвереста. Он достал первый попавшийся не закрепленный предмет – им оказался двухфутовый трубный ключ, – и бросил его в отверстие. Наклонив к нему ухо, он прислушался. Падающий ключ издавал свистящий звук; по мере падения он становился все слабее, но выше тоном, переходя в стон. Совершенно произвольно Хейдьюк представил себе живое существо, падающее в эту жуткую трубу, скажем, ногами вниз, глядя на уменьшающуюся точку света, означающую надежду, и воздух, и простор, и жизнь. Он не услышал или не смог услышать, как ключ упал на дно.

Он огляделся, что бы еще такое можно было бросить в скважину. Там были гаечные ключи, цепи, куски бура, коронки, трубная арматура, гайки, болты, лом, обломки обсадной трубы – все, что он мог найти и подходило по размеру, со свистом летело в черную дыру. Он даже попытался поднять и дотащить до нее один отрезок трубы, но это оказалось слишком для одного человека. Требовался еще один мужчина, чтобы подхватить другой конец трубы, стоя на узенькой площадке на восемьдесят футов выше.

Устав швырять разные вещи в скважину, он обратил внимание на большие двигатели Гарднер-Денвер, приводившие в движение буровой станок. Он рывком открыл ящик с инструментами, нашел торцовый гаечный ключ нужного размера, вполз на спине под двигатели и открутил у каждого пробку картера, чтобы вылить масло. Потом запустил их.

Голыми руками больше ничего он сделать не мог. Если бы у него был термит, он бы поджег опоры буровой вышки; если б взрывчатка – он бы ее взорвал. Но у него не было ни того, ни другого.

На песке Хейдьюк оставил свою подпись: Н Е М О. Он глотнул воды из фляги и огляделся вокруг. Мир пустыни казался абсолютно безлюдным, если не считать его самого. Воробьи с черными горлышками тонко чирикали в зарослях полыни. Край солнца полыхал за гребнем Дыры-в-Камне. Священная страна; именно поэтому он должен делать именно ту работу, которую он и сделал именно сейчас. Потому что кто-то же должен ее делать.

Он пошел к каньону и скалам, заворачивая к дороге, по которой уехал Смит. (За его спиной выли, умирая, двигатели на буровой). По пути он срывал побеги полыни и растирал между пальцами их рыхлые листья – серебристо-голубые и серо-зеленые. Он любил этот резкий

запах полыни – это редкое, тревожащее благоухание, которое само по себе пробуждало воспоминание о целом мире Юго-Запада: мире каньонов, столовых гор, крутых горных склонов, ярчайшего сияния солнца и призрачных видений.

Ладно, большеногий, хорош, умник, вот и колея джипа; теперь мы входим во влагалище каньона, чтобы добраться до матки плато; и где же наш козел Редкий Гость Смит?

Ответ оказался за ближайшим поворотом: полмили кабеля с геофонами, собственность Стендерд Ойл, Калифорния, лежащая на камнях и в пыли. По дороге он подобрал их все и заташил в сосновую рощу, где стоял грузовик. Там не оказалось никого. Но запах вскипевшего ковбойского кофе, запах жареной ветчины выдавали местонахождение Смита.

– Ты кое-что забыл, – сказал Хейдьюк, волоча за собою в лагерь огромный спутанный клубок кабеля и геофонов.

Смит вскочил. – Господи Иисусе! – Ветчина шипит. Кофе дымится. – Забыл, тупица!

Они спрятали все это на намытом песчаном островке под валуном, где ближайший же ливень похоронит его под тоннами песка и гравия.

После завтрака, все еще не вполне освободившись от жажды исследований и открытий, они поехали по плато к перевалу. Высокое и прохладное плато представляло собою лесной массив желтой сосны, перемежавшейся с низкорослым кустарником. Они свернули с автомагистрали на тупиковую боковую дорогу (где их грузовик был тщательно очищен ивняком и кустами), улеглись на солнышке на сосновых иглах, безразличные к суесящимся вокруг муравьям, белкам, хохлатым сойкам, к мошкаре, танцующей в солнечных лучах, и заснули.

Проснувшись уже около полудня, они перекусили сыром и крекерами, хорошенько промочив горло добрым дешевым пивом рабочего человека. Не «Курс»'ом. Отправившись дальше по дороге, идущей лесом, они жевали яблоки на десерт.

Хейдьюк, никогда прежде не бывавший на плато Кайпаровиц, видевший его только снизу или через системы различных каньонов, был удивлен, увидев, каким обширным, лесистым, каким благоухающим и прелестным был этот островок земли. Однако, не защищенное никем, кроме этого гибкого камыша, этой податливой соломинки, этой дрожащей былинки, именуемой Департаментом внутренних дел США, от нескольких домогающихся ее консорциумов нефтяных компаний, энергетических компаний, угледобывающих компаний, дорожных строителей и других застройщиков, плато Кайпаровиц, как и Черная гора, как и высокогорные долины Вайоминга и Монтаны, ожидал такой же штурм, который разорил и опустошил Аппалачи.

Сменим тему. Ключья облаков, как отдельные фразы и абзацы какого-то непонятного, волнующего послания, проплывали над лесистыми кряжами, над неприступными скалами,

безлюдными пространства одиноких столовых гор. Следом за ними проплывали их тени, без труда принимая форму каждой трещины, искривления, складки, утеса на морщинистой коже земли Юты.

– Мы еще в Юте?

– Это точно, дружище.

– Еще по пиву?

– Нет, – пока не переедем границу Аризоны.

Дорога жалась к самому хребту кряжа, извиваясь синусоидой по направлению к голубым дымам Дымных гор. В один прекрасный, давно ушедший летний день тысячу – десять тысяч? – лет назад молния подожгла там угольный пласт, и с тех пор он тлеет и тлеет под уступами этих гор.

Погони, как будто, не было. Да и почему бы ей следовало быть? Они ничего плохого не сделали. Пока что они все делали правильно.

Внизу на солончаках, где росли только лебеда, чолья да крапчатый болиголов, они встретили небольшое стадо белолобых коров, бредущих на верхние пастбища. Ходячая говядина, беды ищут. То, что Смит любил называть «медленные олени», с удовольствием считая их надежным источником мяса в трудные времена. Как он выживает, этот скот, пасущийся на бросовых землях? Именно он, этот крупный рогатый скот, и *создал*, собственно, эти бросовые земли. Хейдьюк и Смит все оттягивали необходимость выйти из машины, достать старые клещи и разрезать ограждения.

– Всегда режь ограждения – никогда не ошибешься, – говаривал Смит. – Особенно овечьих загонов. (*Щелк!*) – Но и коровьих загонов тоже. Любые ограждения.

– Кто изобрел колючую проволоку, хотел бы я знать? – спросил Хейдьюк. (*Клак!*)

– Мужчина по имени Дж.Ф.Глидден; запатентовал ее еще в 1874 году.

Эта колючая проволока стала сразу пользоваться успехом. Теперь каждую зиму повсюду, от Альберты до Аризоны, погибают тысячи антилоп, сотни горных баранов, потому что эти ограждения отрезают им пути спасения от метели и засухи. И койоты тоже гибнут, и беркуты, и солдаты-крестьяне, зацепившиеся за ее витки, одинаково жестокие во всем мире, – повисают замертво на колючей стали.

– Никогда не ошибешься, если режешь ограды, – повторял Смит, все более увлекаясь своей работой. (*Клинг!*) – Всегда режь ограду. Западнее сотого меридиана это – закон. К востоку от него ничего такого важного в этом нет. Там уж все равно все давно потеряно. Но к западу – режь ограды. (*Плинг!*)

Они приехали в Глен Каньон Сити – население 45 единиц, считая собак. Единственный магазин города был закрыт, на дверном косяке, прибитая одним ржавым гвоздем, болталась

безнадежная вывеска, качавшаяся на ветру. Скоро она упадет. Были открыты только кафе и бензозаправка. Смит и Хейдьюк остановились у заправки.

– Когда же вы постройте вашу электростанцию на сорок миллионов долларов, отец? – спросил Хейдьюк старика, работавшего у насоса. (Тексако, 55 центов галлон). Старик, с длинной челюстью и флегматичным взглядом, посмотрел на него с недоверием. Растрепанная борода Хейдьюка, и взлохмаченные волосы, и замасленное кожаное сомбреро выглядели достаточно дико, чтобы вызвать подозрение в ком угодно.

– Пока что точно еще не знаю, – говорит старик. – Эти клятые природоохранники все задерживают.

– Не дают вам портить этот чертов воздух, – в этом все дело?

– Чего они, дураки, ни черта не понимают. Да здесь у нас столько вокруг воздуха, да ни один человек столько не выдышит. – Он машет костлявой рукой, указывая на небо. – Гляньте-ка вон туда. Столько там воздуха, на ваши клювы хватит. Сколько вам?

– Полный наливай.

Старик был одет в официальную униформу Тексако – зеленый с белым комбинезон. Нетронутый; похоже, стирался последний раз во время проливных дождей 1972 года. На рукаве у него была красная звезда компании Техас, а на кармане рубашки – его имя красным кантом: *Дж. Келвин Гарн*. Брюки его мешком висели на том месте его костлявой фигуры, где обычно вы нашли бы ягодицы, – если бы вы их искали, конечно. У Келвина, казалось, их вовсе не было. Старый, озлобленный человек, – да и ничего удивительного, совсем без зада. *Можно доверить свою машину человеку со звездой на рукаве*, но не тому, у которого задница вовсе отпала.

– Да-а, но, может, надо бы сохранить немножко для всех тех людей, которым приходится дышать городским воздухом там, на востоке, и дальше в Калифорнии.

– Ну, про это я ничего не знаю, – его глаза слезились от паров бензина. – Здесь вот тут это наш воздух, и мы сами лучше знаем, чего хотим с ним делать. Не любим мы, чтобы всякие чужаки из клуба «Сахара» пытались нам рассказывать, что нам делать с нашим воздухом.

– Ладно, но вот погляди на это вот как. Держите этот ваш тут чертов воздух чистым, и сможете его потом продавать этим городским пижонам кувшинами, как чистую родниковую питьевую воду.

– Мы уже об этом думаем. Не даст это много денег.

– Можно прицепить им на нос счетчики, как только переедут границу вашего штата.

– Да думали мы про это, да нету опять же на это денег. Есть же стоимость у этого разрешения, которое вам надо купить у этого клятого штата. Масло проверять будем?

Они поехали дальше, к Воувип Марина, пересекли границу Аризоны, где Хейдьюк оставил свою машину несколько недель назад. Он решил, что теперь она ему нужна, особенно

железки внутри. Он завел ее и поехал вслед за Смитом к мосту через Глен Каньон. Припарковав машины, они пошли на середину моста молиться.

Ну что ж, Бог, я вернулся, – начал Смит, стоя на коленях с опущенной головой. – Это снова я, Смит; я вижу, ничего ты тут здесь с этой плотиной не сделал. Теперь-то ты знаешь не хуже меня, что если эти чертовы мужики из правительства, будь они все прокляты, заполнят ее водой, она затопит еще много каньонов, пропитает водой еще больше деревьев, утопит еще больше оленей, и вообще разрушит тут все эти окрестности. Чего там, эта вода подыметса до самого Радужного моста, если ты позволишь им заполнить доверху эту плотину. Ты что, собираешься им это позволить?

Несколько туристов остановилось поглазеть на Смита; один поднял фотоаппарат. Хейдьюк, стоя на карауле, положил руку на рукоятку своего ножа в чехле и глянул на него. Они ушли. Смотрительница парка не появлялась.

– Ну, так что, Бог? – спросил Смит. Он помолчал, покосившись одним глазом вверх, на небо, где процессия облаков, выстроившись, как армада галеонов, плыла на восток, подгоняемая попутным ветром в сторону приближающейся ночи, подальше от солнечных лучей на западе.

Снова никакого ответа. Смит наклонил голову и продолжал свою молитву, стоя на коленях на холодном цементе, возведя к небесам свои загорелые руки.

– Нам всего-то нужно здесь одно маленькое *при*-цельное землетрясение. Всего один хирургически точный удар. Можешь сделать это прямо сейчас, прямо вот в эту секунду; я и Джордж здесь, мы не возражаем, мы полетим вниз вместе с мостом и со всеми этими невинными туристами, что приезжают тут со всего Союза, чтобы полюбоваться этим великим творением рук человеческих. Ну, что ты на это скажешь?

Никакой реакции, насколько мог судить глаз, или ухо, или другой орган чувств.

Еще через минуту Смит прекратил свое бесполезное мормонское бормотание и встал с колен. Он прислонился к парапету рядом с Хейдьюком и уставился на вогнутую гигантскую поверхность плотины.

После некоторого размышления Хейдьюк заговорил. – Ты знаешь, Редкий, – говорит он, – если бы мы могли как-нибудь забраться в сердце этой чертовой хреновины...

– У этой плотины нету сердца.

– Ну, ладно, если б мы могли забраться в ее кишки. Если я постригусь, и побреюсь, и одену костюм, и галстук, и новую желтую каску, и возьму в руки линейку со стеклышком, как у всех этих инженеров землеустройства, так, может быть, – ну, просто, может же быть, – я бы добрался до их центра управления с мешочком какого-нибудь хорошего дерьма – ТНТ или еще чего ...

– Ты не можешь попасть туда вовнутрь, Джордж. У них там охрана. Все двери заперты. Ты должен иметь эмблему. Они должны тебя знать – очень строгие меры безопасности. И даже если б тебе удалось туда пробраться, так один маленький мешочек динамита много добра не сделает.

– Я имею в виду центр управления. Может, я прорвусь туда силой. Открою обводные туннели, выпущу всю воду из водохранилища, взорву там все устройства, чтоб они не могли закрыть туннели.

Смит грустно улыбнулся. – Славная мысль, Джордж. Приятная. Но этого недостаточно. Они снова ее наполнят. Что нам действительно нужно, – так это три-четыре самых больших экскурсионных судна, на манер тех, что возят миллионеров, – вот эти, в шестьдесят пять футов. Мы их набьем удобрением и дизтопливом. И направимся по озеру прямо к плотине, легко и нежно, среди белого дня, а твоя подружка мисс Абцуг будет лежать на палубе в своем черном бикини –

– Ага. Девушка на палубе с большими титьками.

– Это идея. Так будет выглядеть естественнее. А потом мы типа тихонько, бочком подойдем вон к тому бону – его отсюда видать – который должен держать суда подальше от плотины, а мы его перережем. Средь бела дня.

– Как?

– Да черт же его знает, я не знаю как. Ты же Зеленый Берет; резать бонны – твоя работа. Потом направим суда к плотине, и когда подойдем на подходящее расстояние, мы их взорвем и типа утопим у основания плотины, но так, чтобы они по инерции еще двигались вперед и опустились прямо на бетон.

– А мы? А Бонни в своем черном бикини?

– А мы будем грести к берегу на наших каноэ и по дороге разматывать провод для взрывных работ.

– Средь бела дня.

– Ну, пусть будет два часа утра, в бурную ночь. Вот, мы доберемся до берега, соединим провода от всех судов с электрическим взрывателем и взорвем заряд.

– А заряд придавлен миллионами тонн воды.

– Верно, Джордж. И прости-прощай, плотина Глен Каньона. Добро пожаловать, Глен Каньон и старая река Колорадо.

– Красота, капитан Смит.

– Спасибо, Джордж.

– Это не сработает.

– Наверно, ты прав.

Они вернулись к своим машинам и направились вверх по холму к супермаркету Большой Свиньи, чтобы пополнить запасы продовольствия. Завершив это, уложив мясо и овощи в ящики со льдом, они заскочили отметить в ближайший бар в веселом, радужном и дружелюбном расположении духа. Там были строители в касках, несколько водителей в пропотевших майках, ковбои в покрытых слоем соли сомбреро.

Хейдьюк залпом опрокинул первую порцию Джим Бима и запил его кружкой пива Курс. Вытирая бороду, он повернулся к толпе, спиной к бару, его дружан, старина Редкий Гость – рядом с ним, смотрит в другую сторону.

Когда музыкальный автомат – Тенесси Эрни Форд, Энгельберт Хампердинк, Хэнк Уильямс младший, Мерле Хаггард, Джонни Кэш и пр. – умолк на мгновение, Хейдьюк произнес, обращаясь к хозяевам бара, громко:

– Привет, меня зовут Хейдьюк. Я хиппи.

Смит замер, глядя в зеркало позади стойки бара.

Несколько ковбоев, водителей и строителей взглянули на Хейдьюка и вернулись к своим негромким разговорам. Хейдьюк заказал еще одну порцию «ерша». Когда музыкальный автомат умолк во второй раз, он выступил во второй раз. Четко и ясно.

– Меня зовут Хейдьюк, – ревел он, – и я не как все. Летом я хожу босиком. Моя мать живет на пособие, и я хочу сказать вам, мужики, – я рад, что я здесь. Потому что если б не такие мужики, как вы, я бы должен был зарабатывать себе на пропитание. А так я только и делаю, что читаю грязные книжки, колюсь да тискаю маленьких девочек.

Смит быстро оглянулся вокруг в поисках выхода.

Хейдьюк ждал. Последовало несколько ухмылок, несколько тихих комментариев, но никакого серьезного, искреннего или осмысленного ответа. Водители, и ковбои, и строительные рабочие, и даже барменша, все они, занятые друг другом, игнорировали его. Его, Джорджа Вашингтона Хейдьюка, босяка, хиппи, крикуна.

– Я был сержантом Зеленых Беретов, – пояснил он, – и могу пнуть в зад любого молокососа в этой комнате.

За этим объявлением последовало несколько секунд почтительного молчания, несколько прохладных улыбок. Хейдьюк оглянулся с намерением продолжать. Но снова вмешался музыкальный автомат, перебив его выступление.

Смит сжал его руку. – Ладно, Джордж, это здорово, молодец. Теперь давай уносить отсюда ноги. И поживее.

– Ну, гадство, – пожаловался Хейдьюк. – Хоть пописаю сначала.

Он повернулся, остановив пристальный взгляд на маленькой надписи БЫКИ рядом с дверью, где было написано КОРОВЫ. Войдя, нашел защелку и заперся в кабинке. Окрашенная

почками урина текла перед ним (сонно), как источник святой воды. С наслаждением писая – о, это экстатическое облегчение! это мистическое освобождение! – он читал надпись на торговом автомате, прикрепленном к стене:

Улучшайте личную жизнь!

Присоединяйтесь к «Новым приключениям»!

с САМОА !!!

Экзотические Новые Презервативы

Цвета Южных Морей!

Красные, как Закат, Черные, как Полночь,

Золотые, как Заря, Голубые, как Утро,

Зеленые, как Сиеста!

Новая Свобода, Новое наслаждение!

Специальная смазка!

Краски Не Стираются!

(Способствуют избавлению от венерических заболеваний).

Снаружи, в сиянии солнца, в удушающем зное, проплывавшем над бетоном и асфальтом, Хейдьюк снова пожаловался.

Смит принялся успокаивать его. – Все эта *сексуальная* революция, Джордж, – объяснял он. – Она наконец добралась даже и до Пейджа. Теперь даже эти тут водители и строители могут трахаться, когда угодно.

– Ну, черт.

– Теперь даже ковбоев можно уложить.

– Черт ...

– Вот твоя машина, Джордж, вот она, здесь. Вот этот джип. Не лезь через окно. Открой дверь.

– Дверь не открывается. – Он пролез внутрь через окно и высунул наружу свою жуткую голову. – Все равно мне это не нравится.

– Вот так оно есть теперь тут, Джордж. Не хотят они больше драться, вот и все. Берегут силы для ночной смены.

– Да-а? Ну, черт. Как отсюда выбираться?

– Езжай за мной.

– Может, и *мне* это нужно.

– Завтра мы ее увидим, Джордж. Может, сводим ее поплавать в какой-нибудь затхлый пруд в этом ее черном бикини.

– Кому оно надо? – говорит Хейдьюк, философ и лжец.

Они снова пожали друг другу руки хваткой скалолазов, мощная рука на волосатом запястье в неразделимом союзе, совершенное соединение костей, сухожилий, мышц, кровеносных сосудов. Выехав на улицу, Хейдьюк сделал полный круг вокруг супермаркета, пока не определился с направлением, и поехал на юг за Смитом, с роскошным свистом резины, стильным горением пористого асфальта.

Дорога шла по изогнутой в форме полумесяца улице Иисуса, на которой все тринадцать церквей Пейджа расположились в ряд, плечо к плечу (все христианские, конечно), в экуменистическом единстве. Их покой не нарушался никакой земною суетой, за исключением старых автомобилей на свободной площадке для парковки да пьяных, заброшенных индейцев-навахо, наполовину скрытых бурьяном и расшвырянными винными бутылками.

Пейдж, Аризона: тринадцать церквей, четыре бара. Город, в котором церквей больше, чем баров, такой город всегда будет иметь проблемы. Он просто *ищет* проблем. Они даже пытаются сделать христиан из индейцев. Как будто индейцы и без того еще недостаточно плохи.

Отъехав двадцать миль от города, они свернули с автострады, чтобы разбить лагерь на ночь и приготовить себе ужин на чистом и страстном огне костра из можжевельных углей. Одни, в этой золотой долине пустыни Навахо, вдалеке от всех домов и людей, они ели свои бобы под раскинувшимся во все небо пожаром одного из прекраснейших божественных закатов Аризоны.

Завтра они едут в Бетатакин встречать Дока и Бонни. Оттуда – на Черную гору, на короткую дружескую беседу с угледобывающей компанией Пибоди, железнодорожниками Черной горы и озера Пауэлла. А потом? Они предпочли не строить дальнейших планов. Отрыгнувши, пописавши, попукавши, почесавшись, поворчав, почистивши зубы, они развернули свои спальники и улеглись спать на песчаном ложе.

Смит был разбужен после полуночи, на заходе Скорпиона и восходе Ориона, какими-то глухими стонами, доносившимися из соседнего мешка. Он поднял голову, глядя в освещенную звездами темноту, и увидел, как Хейдьюк извивается, тербит что-то, услышал, как он выкрикивает:

– Нет! Нет! Нет!

– Эй, Джордж!

– Нет!

Охваченный ночным кошмаром, Хейдьюк дрожал, стонал и извивался в своем засаленном коричневом армейском спальнике. Смит не мог дотянуться до него, не выползая из своего мешка, а потому запустил в него своим ботинком и попал по плечу. Внезапно стоны прекратились. Когда глаза привыкли к темноте, Смит увидел тусклый отсвет на стволе и

цилиндре магнума .357, который Хейдьюк неожиданно извлек из спальника. Дуло повернуто в сторону Смита, ищет цель.

– Джордж, это я.

– Кто это?

– Я, Смит.

– Кто?

– Ради Бога, Джордж, проснись.

Хейдьюк помолчал. – Я не сплю.

– Тебе снились кошмары.

– Я знаю.

– Опустит эту чертову пушку.

– Кто-то что-то бросил.

– Это я. Я пытался тебя разбудить.

– А-а. Понятно. – Хейдьюк опустил дуло пистолета.

– Думал сделать как лучше, – сказал Смит.

– Ага. Тьфу, черт.

– Спи дальше.

– Ага. Хорошо. Только, Редкий, знаешь, – не буди меня так больше никогда.

– Почему?

– Это небезопасно.

– А как я должен был разбудить тебя? – Ответа от Джорджа Хейдьюка не последовало. –

Так какой же безопасный способ разбудить тебя?

Некоторое время Хейдьюк думал. – Нет никакого безопасного способа.

– Что?

– Нет никакого *безопасного* способа меня разбудить.

– Ну, ладно, – сказал Смит. – Следующий раз просто дам тебе камнем по башке.

Хейдьюк подумал. – Ага. Вот это единственный безопасный способ.

Щупальце спрута

После рекогносцировки намеченного ими объекта бесстрашная четверка направилась с нагорья Бетатакин вниз, через можжевельниковые леса и песчаниковые холмы к пересечению с автострадой у Черной горы. За рулем – мисс Абцуг: она никому не могла доверить роскошный новый Бьюик Дока (9955 долларов). (Какую-нибудь машину, попросил Смит. Док пожал плечами: это же транспортное средство). Несмотря на возражения мисс Абцуг, они остановились у кафе на перекрестке, чтобы выпить кофе и перекусить.

Абцуг считала неразумным появляться в общественном месте так близко к месту их планируемой деятельности.

– Мы теперь преступники, – говорит она, – и нам надо начинать *действовать*, как преступникам.

– Это верно, – говорит Док, раскуривая вторую за этот день сигару. – Но Джорджу нужны его химикалии.

– Плевать, – говорит Джордж. – Главное – сделать нашу чертову работу и убраться поскорее ко всем чертям.

Бонни внимательно поглядела на него поверх сигареты. В это утро она была прелестна: свежа, как примула, огромные лиловые глаза блестят от возбуждения и хорошего настроения, роскошная грива прекрасных, пышных волос, блестящих, как спелый каштан, после тщательного расчесывания щеткой, сияет, отливая шотландской бронзой.

– Почему, – говорит она, пронзая этого неотесанного Хейдьюка лазерным лучом своего взгляда. – Почему это так получается, – выпустив кольцо дыма в волосатое его лицо, – что ты не можешь произнести ни одного цельного английского предложения без ругательств?

Смит рассмеялся.

Хейдьюк густо покраснел, что можно было заметить, несмотря на густое волосяное прикрытие и загар. Его улыбка была неловкой. – Вот, лажа, – сказал он. – Черт, я не знаю. Наверно ... ну, блин, если б я не ругался, я б вообще не говорил. – Пауза. – Я б, наверное, и *думать* бы не мог, если б не ругался.

– Именно так я и думала, – сказала Бонни. – Ты вербальный калека. Тебе твои непристойности нужны вместо костылей. Непристойная брань – костыли для увечного ума.

– Дерьмо, – сказал Хейдьюк.

– Точно.

– К черту.

– Видишь?

– Ну, ну, – вмешался Док. – Спокойно, мир. У нас работа, и мы должны ее сделать, а утро уходит. – Он подозвал официантку, достал кошелек и убрал оттуда кредитную карточку.

– Наличные, – пробормотал Хейдьюк. – Только наличные.

– Верно, – заметил Док.

Им пришлось прокладывать себе путь сквозь толпы старательно работающих туристов и так же старательно бездельничающих индейцев к большой черной машине с номерными знаками штата Калифорния. Калифорния? Рано утром Хейдьюк с Бонни уже «одолжили» номерные знаки с туристских автомобилей из трех различных штатов и приладили их (временно) к своим машинам, полагая, естественно, что потеря будет замечена только через сотню-другую миль.

С Бонни за рулем они проехали вверх до перевала Черной горы. Выйдя их машины и вооружившись биноклями, они внимательно рассмотрели генплан системы добычи и транспортировки угля с удобной точки обзора у края дороги.

К востоку от них, за холмистой поверхностью гребня Черной горы, раскинулись непрерывно растущие угольные карьеры угледобывающей компании Пибоди. Они уже уничтожили четыре тысячи акров прекрасных пастбищ для овец и крупного рогатого скота; еще четыре тысячи взяты в аренду компанией «Народ Навахо» - официального представителя Управления по делам индейцев под юрисдикцией правительства США. Уголь добывался открытым способом с помощью гигантских электрических экскаваторов и драглайнов, самые мощные из которых имели ковш объемом 3600 кубических футов. Уголь доставлялся на обработку грузовиками к фабрике, находившейся неподалеку. Там его сортировали, мыли и складировали. Часть отправляли по специальному трубопроводу на тепловую электростанцию Лейк Мохейв в Неваде, остальное транспортировалось ленточным конвейером далее к складам башенного типа на конечной станции железной дороги, которая, в свою очередь, отправляла его еще дальше, за восемьдесят миль, к электростанции Навахо неподалеку от Пейджа.

Смита, Хейдьюка, Абцуг и Сарвиса более всего интересовал ленточный конвейер, который казался им самым слабым звеном всей этой системы. Он протянулся на девятнадцать миль – от карьера до железнодорожной станции. На большей части этой дистанции конвейер был легко уязвим – он тянулся над самой землей, полускрытый можжевельником и пиниями, никем не охраняемый. На краю откоса он опускался до уровня автострады, где затем поднимался снова – над дорогой и к верхушкам четырех складских башен – силосов. Конвейерная лента катилась по валкам, и весь механизм приводился в движении электроэнергией.

Они сели, чтобы понаблюдать в движении этот гигантский механизм, перемещающий каждый день 50 000 тонн угля через столовую гору, на равнину и вверх к силосным башням.

Пятьдесят тысяч тонн. Каждый день. Тридцать – сорок – пятьдесят лет. И все для того только, чтобы насытить электростанцию в Пейдже.

– Я думаю, мы имеем дело с серьезными людьми, – сказал Док.

– Это же не люди – ответил Смит. – Это же просто механический зверь.

– Да, это ты верно заметил, – согласился Док. – Мы имеем дело не с человеческими существами. Мы восстали против мегамашины. Мегаломаниакальной мегамашины.

– Никаких усилий, никакого пота. Нам тут все подготовили и оснастили. Мы используем этот чертов конвейер, чтобы взорвать эти паршивые башни. Не может быть ничего милее. Гляньте – это так чертовски просто, что я прямо нервничаю. – — Мы привезем наш товар сюда, поближе к конвейеру. Бросим его на ленту, подожжем запальный шнур, набросаем сверху немного угля, и пустим его через дорогу и в башню. *Ба-а-бах!*

– Как ты считаешь время?

– Это математическая задача. Нам нужно будет определить скорость этой штуки, измерить расстояние от нас до башен, и вычислить, сколько нам нужно будет запального шнура. Просто.

– Допустим, что кто-нибудь в это время работает в этих башнях, тогда что?

– Это просто риск, который мы, черт его дери, должны будем взять на себя, – сказал Хейдьюк.

– Кто это – мы?

– Ладно, там никого не будет наверху в этих башнях, но мы все равно позвоним в компанию, дадим им, может, минут десять, чтобы все оттуда убрались. Это будет справедливо.

Все замолчали. Тишина. Легчайший зефир коснулся сухой травы у них под ногами. В воздухе висел какой-то запах, четкий такой ... острый металлический дух ...

– Я не очень-то уверен во всем этом, – сказал Смит.

– Мне тоже это не нравится, – согласился и Хейдьюк. – В тысячу раз лучше забыть к черту всю эту штуку и идти рыбачить у Лошадиного ручья. Забудем эту Черную гору. Пусть эта компания обдерет ее догола. Кому какое дело, если через пять лет на пятнадцать миль вокруг Большого каньона ни черта не будет видно, так эти паразиты испоганят этот чертов воздух своими клятыми электростанциями? Лучше я буду цветочки собирать в горах над Теллуридом. Какого черта мы должны об этом беспокоиться?

– Да ясно, но только не нравится мне вся эта дурь со взрывами, – остановил его Смит. – Кто-нибудь может пострадать.

– Никто не пострадает. Если только они не начнут стрелять в меня.

– Это уголовное преступление, и, я скажу, нарушение федерального законодательства тоже, взрывать разные вещи. Верно, Док?

– Это правильно, – ответил Док. – Кроме того, – спокойно посасывая свою длинную сигару, поглядывая сквозь дым сначала на Хейдьюка, затем на Смита и снова на Хейдьюка – кроме того, это непопулярно. Испортим отношения с обществом. Анархия – не ответ.

– Док прав, – говорит Смит.

– Чертов мормон, – бормочет Хейдьюк. – Шел бы ты к своим Святым Последних Дней, откуда ты пришел. Ты, козел мормонский. Дерьмо последних дней.

– Ты не можешь оскорблять *мою* религию, – сказал Смит, ухмыляясь. – Это просто невозможно. И потом, я просто хотел сказать, – не думаю, что это хорошая идея. Этот твой тут динамит, я имею в виду.

– Это опасно, – поддержал его Док. – Мы можем кого-нибудь убить. И нас могут убить. Будут скверные *PR* (*public relations* – отношения с общественностью – прим. перев.)

– Все остальное они уже пробовали, – проворчал Хейдьюк. – Они пробовали судиться, большие ихние дурацкие агитационные кампании, политику.

– Кто – они?

– Да эти – Движение американских индейцев, Комитет защиты Черной горы, все эти типы с кровотокающими сердцами.

– Ну-ка, теперь попридержи своих коней, – останавливает его Смит. – Я же не говорю, что нам нужно прекратить все это. А я говорю, я не уверен, что нам нужно то, что ты прячешь там у себя в машине пол спальниками. Я говорю, мы можем парой стальных клиньев пустить под откос состав с углем. Можем перерезать ограды, выпустить овец и лошадей пастись у рельсов. Мы можем взять у Дока его пила и поспиливать опоры линии электропередачи вдоль железной дороги. Это ее остановит. Она же работает на электричестве, разве нет? Мы можем сделать то же и с опорами ЛЭП, что ведет к карьерам; там эти здоровенные драглайны с десятиэтажный дом, они же тоже работают на электричестве. Понавешивали тут этих ихних проводов. Мы можем старой хейдьюковой пушкой наделать дырок в ихних трансформаторах, выпустить охлаждающую жидкость. Мы можем бросить несколько бревен на ленту конвейера, устроить им хорошую пробку. Мне не нравится динамит. Он нам не нужен.

– Давайте проголосуем, – предложил Хейдьюк. – Что вы скажете, Док?

– Никакого голосования, – заявил Док. – Мы не собираемся устраивать тиранию большинства в нашей организации. Мы действуем по принципу единства. Либо мы делаем что-то все вместе, либо не делаем этого вообще. У нас тут братство, а не законодательное собрание.

– Хейдьюк взглянул на Бонни, ища поддержки. Его последняя надежда. Она ответила ему твердым, спокойным взглядом; продолжая смотреть на него, она погасила сигарету.

– Я ж не говорю, что я прямо-таки совсем против, – вел свое Смит. – Я просто говорю – я не уверен.

– Дурь, вот что, – обернулся к нему Хейдьюк. – Ты говоришь, что готов совершать преступления, но ты не уверен, что мы эту работу делаем правильно. Вот что ты говоришь, Редкий.

– Нет, Джордж, я говорю, что мы должны быть внимательны к тому, как мы это делаем. Мы не можем быть правы, если будем делать наше дело неправильно. Хейдьюк вяло пожал плечами. Этот спор был ему противен. Они постояли, слушая грохот угольного конвейера, визг и скрежет машин на шоссе, отдаленный стук колес на железной дороге. На востоке, в десяти километрах от них, от угольных карьеров к небу поднималась пыль, затмевая яркое утреннее солнце гигантским облаком угольно-черных и почвенно-серых мельчайших частиц.

Пауза угрожала перерасти в паралич. Поэтому заговорила Бонни.

– Мужчины, – сказала она. – Суть в том, что ...

– Иисусе Христе, – проворчал Хейдьюк.

– Суть в том, что мы все в этом деле вместе – к добру это или к худу. Мы уже натворили достаточно для того, чтобы угодить в тюрьму на всю оставшуюся жизнь, – если нас когда-нибудь поймают. Поэтому вот что я скажу: давайте продолжать то, что начали. Давайте использовать все, что нужно – и все, что у нас есть.

Смит улыбнулся, немного грустно, глядя на этот розовощекий, ясноглазый сосуд наслаждений, затерянный здесь, навсегда оторванный от далекого Бронкса. В этих ее современных облегающих джинсах, этих брючках, выцветших, рваных, изношенных, потертых так, что они стали мягкими, как фланель. Они тесно прилегают к каждой аппетитной выпуклости ее тела. Это уж слишком, думал Смит. Черт побери, это уж просто невыносимо для нормального мужчины. Срочно назад, в Баунтифул. В Сидар Сити. К Зеленой реке. Туда, в родные края, к моим женщинам.

Бонни, – говорит он, вырываясь из своей задумчивости. – Бонни, ты имеешь в виду динамит?

Бонни одарила его сладчайшей из своих улыбок. – Все, что скажете.

Смит растаял в слякоть. – Солнышко, – говорит он, – я с *тобой* – хоть на край света. Я весь – за Абцуг, от А до Я.

Слава тебе, Господи, – говорит нетерпеливый Хейдьюк. – Наконец-то мы дело говорим. Док?

Друзья, – говорит Док. – Я не верю в правило большинства. Вы знаете это. Я не верю также и в правило меньшинства. Я против всех форм руководства, в том числе и хорошего руководства. Я стою за консенсус в нашем сообществе. Каким бы он ни был. Куда бы он ни вел. До тех пор, пока мы следуем нашему основному правилу: никакого насилия по отношению к человеку. Обратите внимание – вон там, под *Juniperus osteosperma*, – это же *Verbesina*

enceliodes в полном цвету.

Который это бурьян? – спрашивает Бонни.

Вы имеете в виду *Juniperus monosperma*, Док, – говорит Смит. – Взгляните-ка еще раз.

Док Сарвис опустил очки и взглянул еще раз. – Ну, конечно, конечно. *Monosperma*. Совершенно верно. Не такие мохнатые листья. Ягоды коричневые и более крупные.

Поехали, – говорит Хейдьюк, ущипнув Бонни за плечо не слишком нежно.

Они поехали на восток через заросли кустарника, чтобы поближе взглянуть на открытую разработку угля. Они проезжали намывы песка, заросли полыни, хижины индейцев с дверными проемами, обращенными, как по команде, к восходящему солнцу; они миновали стадо овец, пасшееся под присмотром малыша на коне, и направились дальше, к огромной туче пыли, освещенной солнцем, в обширную сумятицу и суетливое движение больших машин. Первое, что они увидели, были параллельные отвалы вывернутой земли, камней и перевернутая почва – никогда уж больше она не будет возвращать и лелеять корни травы, куста или дерева (в пределах продолжительности жизни проданного с молотка, преданного и обманутого народа индейцев-навахо).

Потом они увидели могучий самосвал Эвклид с кабиной двадцать футов высотой. Он двигался прямо на них, сверкая фарами, изрыгая клубы черных отработанных дизельных газов и завывая сиреной, как раненый динозавр. За рулем сидел фермер, вывернутый с корнем из родной почвы, из Оклахомы или, быть может, из восточного Техаса, потянувшийся сюда в поисках сладкой жизни. Он пялился на них сквозь дымчатые защитные очки, грязный респиратор висел у него на шее. Бонни едва успела увести свою большую машину с дороги, чем и спасла их жизни.

Оставив машину в тени под прикрытием группы пиний, банда пошла пешком на ближайший холм, вооружившись полевыми биноклями.

То, что они увидели с холма, вряд ли возможно описать каким-нибудь из земных языков. Бонни подумалось о каком-то вторжении марсиан, Войне Миров. Капитан Смит вспомнил об открытом карьере Кеннесотта («крупнейшем в мире») неподалеку от Магны, Юта. Доктор Сарвис думал об огненной равнине, об олигархах и олигополии: угледобывающая компания Пибоди – только одна ветвь компании Анаконда Коппер; эта, в свою очередь, лишь сучок на гигантском дереве Юнайтед Стейтс Стил; а последняя сплетается в кровосмесительных объятиях с Пентагоном, ТВА, Стандарт Ойл, Дженерал Дайнемикс, Датч Шелл, И.Г.Фарбен-индустри и пр., и пр. Весь этот конгломерат компаний, этот картель, как гигантский спрут, охватил своими щупальцами половину планеты Земля. Его мозг – банк данных компьютерных центров; его кровь – денежные потоки; его сердце – ядерный реактор; его язык – непрерывный технотронный ряд цифр, напечатанных на магнитной ленте.

Что касается Джорджа Хейдьюка, его мысли были самыми ясными и простыми: он думал о Вьетнаме.

Сквозь тучу пыли, рев, суматошное движение они с трудом могли разглядеть карьер глубиной, пожалуй, футов двести, шириной футов четыреста и с милю длиной. С одной стороны его ограничивала стена угля, – там электрические экскаваторы с десятиэтажный дом, как сказал Смит, вгрызались в землю, вырывали окаменелой породы из ее ложа под почвой и песчаником, грузили десятитонные куски в кузова самосвалов. За этим первым механизмом, дальше по карьере, виднелась верхушка стрелы, кабели и шкив другого захватчика за работой, закопавшегося так, что его почти не было видно. В южном направлении видна была третья машина, еще грандиознее. Она не перемещалась на колесах, как самосвал, или на бесконечных гусеницах, как трактор; она «шагала» к своей цели, медленно переставляя одну «ногу», затем другую. «Ноги» представляли собою пару стальных плит, похожих на понтоны, каждая размером с корабль; машина поднимала ногу с помощью эксцентрической передачи, продвигалась вперед, ставила ее, и цикл повторялся. Переваливаясь, как утка, гигантская конструкция, включающая энергетический узел, кабину оператора, шасси, надстройку, кран, кабели и ковш для руды, раскачивалась из стороны в сторону. Как шагающий завод. Машина приводилась в действие электродвигателем; по мере ее продвижения вперед отдельная бригада занималась ее «пупочным питанием» - кабелями толщиной с мужское бедро, по которому подавалась энергия, приводящая ее в движение, - достаточная, хвалились конструкторы машины, для того, чтобы осветить город с населением 90 000 человек. Бригада кабельщиков, четверо мужчин с грузовиком, содержала в порядке линию электропередачи и трансформаторную подстанцию, смонтированную на стальных саях и следующую за драглайном. Гигантская Землеройная Машина: Аризонская ГЗМ.

Мы такие маленькие, думала Бонни. Они такие огромные.

– Ну и что из того? – спросил Хейдьюк, улыбнувшись ей сияющей белозубой улыбкой.

Смотри-ка, у этого грубияна есть интуиция, подумала она, приятно удивленная. Только вообрази: он – и интуиция? Или я сказала это вслух?

На обратном пути к железнодорожному полотну они ехали по неровной дороге, следуя за неподвижным змеем с перистальтирующим кишечником – угольным конвейером. Хейдьюк внимательно следил за каждым изгибом и поворотом, каждой промоиной и намывом, каждым оврагом и обрывом, каждой можжевелевой зарослью или дубовой рощицей, и наносил все это на свой план.

Доктор думал. Все эти фантастические усилия – гигантские машины, сети дорог, карьеры, бесконечная лента конвейера, трубопроводы, шламопроводы, загрузочные башни, железная дорога и электропоезда, теплоэлектростанции на угле стоимостью в сотни миллионов

долларов; уничтожение целых ландшафтов, разрушение исконных индейских домов и пастбищ, индейских святынь, их кладбищ и усыпальниц; отравление последнего источника и хранилища чистого воздуха для всех соседствующих сорока восьми Соединенных Штатов; истощение драгоценных запасов чистой воды – весь этот титанический труд, и головоломные расходы, и все это разрывающее сердце непоправимое оскорбление земли, и небес, и вод, и человеческой души, – для чего? Все это – для чего? Как, всего лишь для того, чтобы зажечь лампочки в пригородах Феникса, еще не построенных, включить кондиционеры Сан-Диего и Лос-Анжелеса, осветить парковочные площадки супермаркетов в два часа ночи, дать энергию заводам для производства алюминия, магния, винил-хлорида и меди, зарядить неоновые трубки рекламы, придающей смысл и значение (другого значения и нет) Лас-Вегасу, Альбукерку, Таксону, Солт Лейк Сити, всем этим метрополиям южной Калифорнии? Чтобы поддерживать эту фосфоресцирующую, как разлагающийся труп, славу (а больше никакой славы и не осталось), именуемую Центр Города, Ночь, Город Чудес, США.

Они остановились на минутку у железнодорожного полотна. Рельсы описывали огромную кривую через Землю Навахо по направлению к электростанции в Пейдже, семьдесят миль за горизонтом. Они крепились к бетонным шпалам, уложенным на полотно из щебня. Наверху, на кронштейнах деревянных опор, висело нечто вроде высоковольтных троллейбусных проводов. И экскаваторы, и ленточный конвейер, и железная дорога – все это требовало электроэнергии. Неудивительно (думала Бонни) что им пришлось специально построить целую новую электростанцию только для того, чтобы снабжать энергией электростанцию, которая была той самой электростанцией, обеспечением которой занималась эта электростанция – головоломные чары инженеров по освоению новых земель.

– Знаете, что я думаю? Проще простого. Разместим заряд здесь, заряд там, размотаем сотню ярдов провода, установим взрыватель, Бонни положит свои белые ручки на ударник –

– Не говори об этом, – перебил его Док. – Сенсоры ...

Летние туристы проносились в своих двухтонных пикапах всего в полумиле от них, буксируя прицепы на пневматике, катера на колесах, багги с широкопрофильными шинами или лодки на верхнем багажнике, некоторые ехали на мотоциклах Кавасаки ... Четверка махала им вслед. Леди с голубыми волосами, в темных очках с блестящими оправками тоже махали им, сверкая зубными протезами.

Вернувшись в лагерь а Национальном памятнике природы Навахо, они расстелили карты под вечно шепчущими пиниями на столе для пикников и начали разрабатывать планы. Можжевельник горел и мигал в камине, не давая остынуть кофейнику. Легкий, сладковатый аромат древесины, чудесное благоухание кофе, и запах чего-то еще: Хейдьюк снова уловил

запах травки.

Он глянул на Абцуг.

– Брось эту дрянь в огонь.

– Ты же пьешь пиво.

– Я всегда пью пиво. На меня пиво ни черта не действует. Оно не влияет на мои суждения. Кроме того, пить пиво разрешается законом. Нам сейчас как раз не хватает, чтоб нас поймали из-за наркотиков. Один из этих зрителей обязан появиться здесь в любую минуту. Запах этой горячей травки слышать за полмили.

– Бонни пожала плечами.

– Док, вы что, совсем не можете подействовать на эту женщину? Заставьте ее бросить эту проклятую сигаретку в огонь.

– Ладно, ладно, ладно уже. – Бонни погасила свою маленькую сигаретку о столешницу и припрятала остаток в трубочку от Тампакса. – Господи, ты так нервничаешь. Что с тобой?

– Что с *тобой*? – спросил Хейдьюк.

Док задумчиво смотрел в вечерний лес. Смит разглядывал свои ногти. Бонни опустила глаза.

– Мне страшно, – сказала она.

Наступила неловкая тишина.

– Ну, черт, мне тоже страшно, – ответил Хейдьюк. – Поэтому мы должны быть очень – очень – очень осторожны.

– Хорошо, – сказал доктор Сарвис. – Достаточно. Давайте продолжим нашу вечернюю программу.

Солнце садится. Старая луна взойдет около полуночи.

Это будет сигналом.

Док стал негромко напевать на мотив «Зеленые одежды»:

– О, скажу вам, Син О'Фаррел,

Быть готовы мы должны,

Чтобы быть во всеоружьи

В час стареющей луны.

– Верно. И не забыть бы нынче вставить синие линзы в наши фонарики.

– Зачем это?

– Свет фонариков сливается с лунным светом. Не так заметно. Дайте мне вон ту карту, Док.

Они еще раз обсудили возможные планы. Хейдьюк, стараясь извлечь максимум выгоды из их единственного явного преимущества – неожиданности – предлагал свой «Большой Удар»:

взять все сразу – железную дорогу, поезд с углем, экскаваторы, силосные башни, и ленточный конвейер – на восходе луны. Больше никогда, убеждал он, не будет уже такого шанса; все это начнут караулить и охранять: вооруженные мужчины станут патрулировать дороги, вертолеты – взрывать небо. Никогда уж не представится такая блестящая возможность. Остальные возражали, колеблясь, выдвигали разные трудности, предлагали альтернативы; Хейдьюк безжалостно разгромил их все.

– Слушайте, – говорил он, – это же так просто. Минируем мост через каньон Кайбито. Абцуг вовсе не нужно сидеть там одной всю ночь. Мина взрывается от давления: как только локомотив ее коснется – *ба-бах!* Это снесет одним ударом и мост, и состав с углем, и железную дорогу. Наверное, и линию электропередачи тоже; если нет, мы эту заразу обработаем позже цепной пилой Дока, как предлагал Смит. Тем временем в карьере я заложу заряды в двигатели этих драглайнов. *Тр-ра-ах!* Выведены из строя на месяцы. Простой, ребята. Пока я буду это делать, вы, старина Док, и Абцуг, и Смит, – вы, друзья, загружаете конвейер зарядом взрывчатки с пятиминутным запалом и посылаете его к силосам. *Та-ра-рах!* И возвращаетесь сюда в лагерь. Живете несколько дней. Ходите в походы, ездите на экскурсии в Бетатакин, Кит Сил. Потом тихонько уезжаете. Не привлекая внимания. Следите за полицейскими штата, переодетыми в индейских хиппи. Убедитесь, что за вами не следят. Никакой этой дурацкой травки в машине. Ведите себя, как туристы. Абцуг, ради Бога, одень платье. Док – ну, о Доке нам нечего волноваться: даже в детских ползунках он будет выглядеть гордо. (Док сердито нахмурился). Выбрось этот номерной знак Калифорнии. Если тебя остановит славный полицейский – улыбнись ему нежно. Попытайся запомнить, что полицейский – друг человека. Будь вежлива с этим сукиным сыном. Встретимся снова через месяц, когда пыль осядет. Там, в стране каньонов. Делать там нашу чертовски важную работу. Будут вопросы?

– Все это насилие, – сказал Док. – Мы же законопослушные граждане.

– Есть ли что-нибудь более американское, чем насилие? – Хейдьюк хотел получить ответ. – Насилие – это такое же американское блюдо, как итальянская пицца.

– Как китайская лапша, – сказала Бонни. – Мексиканское чили. Норвежские рогалики и лосось.

– Я не люблю возиться с динамитом, – говорит Смит. – Кто будет устанавливать заряд для силосов, пока ты будешь там валять дурака с этими драглайнами за девятнадцать миль к востоку оттуда.

– Я подготовлю заряд. Все, что вам с Доком нужно будет сделать – это положить его на ленту конвейера и поджечь запал. Абцуг будет караулить. Потом сразу в машину – и наутек. Когда заряд сработает, вы должны быть за две мили оттуда, по дороге сюда. Только убедитесь, что запал горит. – Хейдьюк глянул на них; огонь тихонько потрескивал. Снова сумерки.

– Джордж, – сказал наконец Док. – Вы *такой* энтузиаст. Вы меня пугаете.

Хейдьюк ухмыльнулся своей варварской улыбкой, принимая это за комплимент.

– Я и сам боюсь.

– Да, и, кроме того, ты не все продумал, – сказала Бонни. – Что ты скажешь, Лоуренс Аризонский, о том, когда –

– Зовите меня Рыжий Рудольф.

–... когда ходят поезда, Рудольф? Сколько человек в бригаде? А о них ты подумал? А если поезд доедет до моста прежде, чем мы осуществим остальную часть плана, что тогда? Вот тут наступает твой момент неожиданности.

– Я свое домашнее задание сделал. Грузеные поезда отходят от железнодорожного узла Черная гора дважды в день – в 6.00 и 18.00. Из Пейджа они уходят порожняком в полдень и полночь. Таким образом, поезд проходит любую точку трассы каждые шесть часов. Мост через каньон Кайбито приблизительно посередине между конечными станциями. Грузеные поезда проходят по нему где-то около 8.00 и 20.00

Говори по-человечески.

– То-есть в восемь утра и восемь вечера. Мы засядем там около восьми вечера, пропустим грузеный состав и посадим нашу мину. У нас будет шесть часов до того, как порожняк из Пейджа угодит на нее. Мы быстро рванем сюда, подготовим все и сразу начнем наш фейерверк около двух часов утра, как раз в то время, когда в каньоне взорвется порожняк. Три отдельных случая в трех разных местах; они решат, что это восстание индейцев. На самом деле –

– Мы во всем обвиним индейцев, – сказал Док. – Все очень любят индейцев теперь, когда мы их одомашнили. Вот мы и подкинем ключики кое-где. Тут – бутылку из-под Токая, там – книжку комиксов, или бутылку из-под бренди. И пошло. *Йа-та-хей*, Бюро по делам индейцев наследило на мосту. Средства массовой информации поднимут большой шум, и полдюжины индейских организаций кинутся заявлять о своей безупречной репутации и требовать доверия.

– Ты не ответил на все мои вопросы, – продолжала Бонни. – Что будет с бригадой поезда?

– Ага, – сказал он. – Вот как раз это понравится вам, пацифистам, больше всего. Эти поезда с углем – они автоматизированы. Никакой бригады. Состав никто не сопровождает.

– Вы в этом уверены? – спрашивает Док.

– Я читаю газеты.

– Вы прочли об этом в газете?

– Слушайте, вот уже год, как компания хвастает этими поездами. Компьютерное управление. Рука человека не касается контрольных приборов. Первый в мире

автоматизированный поезд с углем.

– Даже наблюдателя нет?

Хейдьюк помедлил. – Может быть, на испытаниях он и был, - сказал он. – А сейчас – нет. Эти поезда курсируют уже с год без единого прокола. Пока мы не явились.

Пауза.

– Мне это не нравится, - сказал Смит.

– О, Господи, неужто опять начнем все сначала?

Тишина.

Какая-то птичка запела невдалеке, во мраке сосновой рощи: *пу-ур-ви-ил ... пу-ур-ви-ил ... пу-ур-ви-ил ...*

Знаете, чего мне хочется? - спросила Бонни. – Прямо сейчас? Рожок мороженого Баскин-Робинс с двойным карамельно-ореховым десертом.

А знаете, чего я хочу? – спросил доктор Сарвис. – Я хочу ...

Да, да, мы знаем, – перебила Бонни.

Верно. Ты угадала. С пластинками на зубах, склонившуюся над мороженым с французской ванилью. Или с дикой вишней.

Нет ничего более предсказуемого, чем старый распутник. И более узнаваемого. Вечно забывает застегнуть ширинку.

Значительная пауза.

Трое мужчин в темноте, под столом для пикников, украдкой коснулись своих брюк. Последовал звук одной застегиваемой молнии.

От ближайшей занятой площадки, до которой было три свободных, послышался четкий и ясный звук топора. И снова птичка: *пу-ур-ви-ил ...*

И еще одно, – говорит Бонни, – и это, дорогие мужчины, очень серьезно. Я вот о чем: во имя какого чертова Господа Бога будем мы взрывать железнодорожный мост *вместе* с составом угля, если нас там не будет, чтобы увидеть, как это произойдет? А? Ответьте-ка мне на это, вы, остроголовые лидеры, выдающиеся умы.

Здорово излагает, - заметил доктор Сарвис.

Диалоги

– Док, – говорит Редкий Гость Смит, – мне бы хотелось знать – конфиденциально – что вы конкретно знаете об этом тут вот парне, о Хейдьюке?

– Не больше, чем вы.

– Он грубо разговаривает. Хочет взорвать к черту все, что ни увидит. Как вы думаете, может, он один из этих, – как вы их называете, – привыкаторов?

– Редкий, – говорит Док, минутку подумав, – мы можем верить Хейдьюку. Он честен. – Снова подумав, – он так разговаривает, потому что ... ну, потому что он озлоблен. У него есть отклонения, но они в правильном направлении. Он нам нужен, Редкий».

– Какое-то время Смит обдумывал его слова. Потом, преодолевая неловкость, сказал:

– Док, я хотел бы сказать, что и вы меня вроде как удивляете тоже. Вы старше нас всех здесь и знаете вы черт знает насколько больше, и потом – вы же доктор. Доктора не поступают так, как вы.

Док Сарвис обернулся, чтобы ответить. Обернувшись, сказал: – Осторожно, не наступите на *Cryptanta*. Уж больно она колючая. *Arizonica*?

– *Arizonica*. – Они не спеша пошли дальше.

– Что касается вашего вопроса: под микроскопом видишь слишком много пораженной ткани. Все эти примитивные кровяные тельца размножаются, как чума. Тромбоциты поедаются. Молодые мужчины и женщины, как вот этот Хейдьюк здесь или Бонни, умирают от потери крови безо всяких ран. Все больше случаев острой лейкемии. Рака легких. Я полагаю, вся беда в неправильном питании, в шуме, в скоплении людей, в стрессах, в воде, в воздухе. Я вижу слишком много этого, Редкий. А будет еще гораздо хуже, если мы позволим *им* осуществлять *их* планы. Вот почему.

– Вот почему вы здесь?

– Именно.

Хейдьюк – к Абцуг: – Как насчет Смита?

– А что насчет Смита?

– Почему он всегда старается кинуть гаечный ключ в мои планы?

– *Твои* планы? Что ты имеешь в виду под «*твоими планами*», ты, невежда, свиная башка, эгоцентрик несчастный! *Его* планы! А как насчет нас, всех остальных?

– Я не уверен, можно ли ему доверять.

– Ага, ты ему не доверяешь. Ладно, тогда послушай меня, Хейдьюк. Он – единственный порядочный человек во всей нашей ненормальной компании. Он – *единственный*, кому я

доверяю.

– А Док?

– Док – просто мальчишка. Совершенно *невинный*. Он думает, что он типа в крестовом походе.

Хейдьюк принял суровый вид. – А мы и есть в крестовом походе. Почему ты здесь, Бонни?

– Первый раз ты назвал меня по имени.

– Ерунда.

– Правда. Первый раз.

– Ладно, черт, в будущем постараюсь быть осторожнее.

– Как уж есть.

– Вот как уж оно к черту есть.

– Все еще думаю, что без этой ненормальной девчонки нам было бы лучше».

– Ты что, Джордж, с ума сошел? Она здесь, посреди всех этих дурацких коммунистических выходок, единственное, ради чего взрослому мужчине стоит тратить время.

– Они оба сумасшедшие, Док.

– Ну, ну.

– Пара ненормальных. Экцентрики. Неудачники. Полный анахронизм. Сумасброды.

– Ну, ну, они славные парни. Немножко странные, но славные. Этот Капитан Смит, он крепок, как, э-э ... стоек и упрям, как э-э ... как ...

– Кирпичный сарай.

– Юный Джордж, весь огонь и страсть, славный здоровый психопат.

– Явился из отстойника сточных вод.

– Я знаю, я знаю, Бонни. Он трудный. Но мы должны быть терпеливы. Мы, наверное, единственные друзья, какие у него есть.

– Иметь такого друга, так и врагов не нужно.

– Хорошо сказано. Но мы должны помочь ему понять, что мы не такие, как все.

– Ага, я уверена, что это уже слышал и прежде. А Капитан Смит?

– Хороший человек. Лучший. Отличная, здоровая американская основа.

– Ты, пожалуй, немного расист, а? Он вульгарен, он крестьянский сын, деревенщина здешних гор.

– Лучшие люди приходят с гор. Позволь мне уточнить это высказывание: лучшие люди, как и лучшие вина, приходят с гор.

– К тому же еще и женофоб. А откуда берутся лучшие женщины?

– От Бога.

– Ох, черт!

– Из Бронкса. Я не знаю – из спальни и, может быть, из кухни. Кто знает? Да и кому какая разница? Лучше этот холодный и горький мир с женщиной, чем Рай без нее. Перевернись.

– Именно это я и имела в виду.

– Перевернись.

– Иди к черту. Сам перевернись.

– Мужчина жаждет.

– Мужчина может пойти полетать при луне.

– Ну, Бонни ...

– Док, тебе придется сменить подход.

– Ты хочешь сказать, есть какой-нибудь другой способ?

– Нет, я совсем не это хочу сказать. Ты меня когда-нибудь слушаешь?

– Все время.

– Что я сказала?

– То же, что и всегда.

– Понятно. Док, мне нужно кое-что тебе сказать.

– Не думаю, что мне хочется это услышать.

– Редкий, ты чертовски хороший повар. Но, ради Господа Бога, почему мы должны, черт подери, каждый раз есть бобы?

– Так они же, бобы, очень питательные, Джордж. А тебе лучше дерьмо на вертеле? Заткнись и ешь свои бобы.

– Когда изобретут такие бобы, чтоб после них не пукать?

– Над этим работают.

– Но у них же есть все. Организация, и контроль, и средства связи, и армия, и полиция, и тайная полиция. Огромные машины. У них закон, и решетки, и наркотики, и тюрьмы, и суды с судьями. Они такие гигантские. А мы такие маленькие.

– Динозавры. Из литого железа. У них ни единого паршивого шанса против нас.

– Нас всего четверо. Их – четыре миллиона, считая Военно-воздушные силы. Разве мы можем с ними тягаться?

– Бонни, ты думаешь, мы одни? Могу поспорить, – слушай, могу поспорить, есть парни, которые вот в эту самую минуту делают то же, что и мы. По всей стране маленькие группы – по

двое, по трое, – оказывают сопротивление власти.

– Ты говоришь о хорошо организованном общенациональном движении.

– Вовсе нет. Вообще никакой организации. Никто из нас ничего не знает о другой маленькой группе. Поэтому они и не могут нас остановить.

– Почему мы никогда об этом не слышим?

– Потому что это *подавляется*, вот почему; они не хотят, чтобы про это все знали.

– Ты – отставной Зеленый Берет. Откуда мы знаем, что ты подсадная утка?

– Вы не знаете.

– А ты и есть подсадная утка?

– Возможно.

– А как ты знаешь, что я не подсадная утка?

– Я тебя изучал.

– А если ты ошибся?

– Для этого существует нож

– Хочешь меня поцеловать?

– Черт, да!

– Ну?

– Чего?

– Ну, чего же ты ждешь?

– Так ... черт! Так ты же – женщина Дока.

– Фиг я его женщина. Я – только *своя собственная*.

– Да? Н-ну, я не знаю ...

– Ну, я знаю. Поцелуй же меня, ты, урод дурацкий.

– Да? Пожалуй, нет.

– Почему – нет?

– Сначала нужно обговорить это с Доком.

– Можешь идти ко всем чертям в ад, Джордж.

– Я уже там был.

– Ты трус.

– Я трус.

– У тебя был шанс, Джордж, и ты его продул. Можешь теперь жалеть.

– Жалеть? Ни об одной женщине в жизни не жалел. Никогда не встречал женщины, из-за которой стоило бы волноваться. Есть, черт его дери, другие вещи на свете, поважнее, чем женщины, знаешь.

– Если бы не женщины, тебя бы просто *не существовало*.

– Я ж не сказал, что от них нету проку. Я сказал, что есть вещи поважнее. Оружие, например. Или хороший торцовый ключ. Или отлаженная лебедка.

– О Боже, целая куча. Меня окружают идиоты. Все трое – будущие пастухи. Свиньи из девятнадцатого века. Анахронисты из восемнадцатого века. Неудачники из семнадцатого. Абсолютные импотенты. Если не там – так и нигде, ну, просто нигде. Ты устарел, Джордж.

– Как приличная работа сантехника. Как приличный, - ну, я хотел сказать, как сцепка вагонеток. Как ...–

– Импотент. Импотент. Старик в свои двадцать пять.

– ...как хорошая охотничья собака на енота. Как хижина в лесу, где мужчина может пописать прямо с крыльца – погоди минутку – где мужчина может пописать прямо с крыльца в любой, черт подери, ей-богу, в любой момент когда ему этого захочется. Он остановился, не в силах найти никакого другого сравнения.

Абцуг одарила его своей фирменной, своей пренебрежительной улыбкой.

История прошла мимо тебя, Хейдьюк. – Она повернулась к нему спиной, резко взмахнув гривой своих прекрасных волос. Раздавленный, он молча смотрел, как она уходит.

Позже, вползая в свой засаленный спальник, он придумал (слишком поздно) достойный ответ:

Работа на железной дороге

Хейдьюк бродил, спотыкаясь, в темноте; мерцал голубой огонек его фонарика.

– Так, нормально, теперь подъем, подъем. Оторвали задницы, встали на ноги ...

Полная луна низко стоит на западном краю неба.

Господи Боже мой, он же *действительно* сумасшедший, подумала она. Он же *в самом деле настоящий* психопат.

Сколько времени? – сонно промямлил кто-то – Док, завернутый в свой спальник.

Четыре по звездам, – проворчал Хейдьюк. – Подъем, подъем, подъем. Всего час до рассвета.

Она перевернулась и открыла глаза. Увидела, как Капитан Смит склонился над походной печкой, услышала ободряющее шкворчание деревенской колбасы, почувствовала воодушевляющий аромат ковбойского кофе.

Хейдьюк с дымящейся чашкой в руке толкал Дока под ребра своим кованым туристским башмаком. – Давайте, Док, вставайте, пора за дело.

Оставь его в покое, – сказала она. – Я его разбужу.

Бонни вылезла из своего спальника, натянула джинсы и ботинки, подошла к доктору. Завернутый в уютную роскошь своего спального мешка на гусином пуху (который соединился молнией со спальником Бонни, – чего, однако, в этот раз не случилось), он, казалось, не очень-то хотел подниматься и снова сталкиваться с реалиями жизни. Бонни знала, почему.

Она распахнула нейлоновые створки капюшона. Он глядел на нее при свете звезд. Его налитые кровью глаза казались тусклыми и беспомощными без очков. Нос потерял свой блеск. Но Док улыбался.

Бонни мягко поцеловала его в губы, провела губами по носу, потеряла мочку уха.

– Док, – побормотала она, – я же люблю тебя, глупый. И, наверное, всегда буду любить. Что ж я могу с этим поделать?

Их слова превращались в пар в холодном утреннем воздухе. Он вытащил руки из мешка и обнял ее. Потихоньку от Хейдьюка и Смита, стоявших поодаль, она тоже обняла его и снова поцеловала. – Вставай, Док, – прошептала она ему в самое ухо, – я же без тебя ни один мост не взорву.

Он расстегнул молнию, не спеша выкатился из мешка, неловкий, неуклюжий со сна, и продемонстрировал ей свое крайнее возбуждение. – Грех же дать этому пропасть, – сказал он, глядя на нее. Теперь он стоял прямо, слегка покачиваясь на задних конечностях, – не мужчина, а большой толстый медведь в теплом нижнем белье.

Позже, – сказала она.

Такого может больше и не быть.

Да ладно тебе, одевай брюки.

Снова в бриджи, друзья. – Он нашел их, натянул и побрел в сторонку помочиться, босиком по холодному песку.

Бонни прихлебывала кофе за столом, дрожа, несмотря на теплый шерстяной свитер. Хейдьюк и Смит были заняты загрузкой автомобилей, перекладыванием багажа и грузов. План на данный момент, по-видимому, был таков: поехать к намеченной цели на Бьюике Дока и джипе Хейдьюка; пикап Смита остается здесь, загруженный и запертый.

Капитан Смит, старина Редкий Гость, казался не таким веселым и жизнерадостным, как всегда. Он выглядел задумчивым, и это выражение лица делало его неузнаваемым. Но Бонни знала его; она знала этот тип людей. Как и доктор, он был склонен мучиться угрызениями совести. Не больно-то полезное качество при такой работе. Бонни хотелось подойти к нему совсем близко, как к Доку, и прошептать ему на ухо что-нибудь успокаивающее.

Что до Джорджа Хейдьюка, то один вид этой лохматой обезьяны вызывал в ней тошноту. Минут через тридцать, когда они отъезжали – Бонни за рулем Бьюика, Док и Смит рядом с нею, – ей приятно было думать, что Хейдьюк, едущий за ними, глотает пыль из-под ее колес.

Время от времени она отрывала взгляд от баранки, чтобы взглянуть вверх, на одинокую, яркую звезду там, вдалеке, на темно-фиолетовом бархатном небосводе. Слова пришли ниоткуда: *Какую странную отвагу вселяешь ты в меня, одинокая звезда.*

Поверни направо во-он там, где написано Кайбито, – сказал Смит. Она повернула.

Они скользили по асфальту нового шоссе с безопасной и осторожной скоростью восемьдесят миль в час, оставив Хейдьюка с его пыхтящим джипом далеко позади. Только неясное желтое пятно его удаляющихся фар в зеркале заднего вида напоминало ей о его присутствии. Вскоре пропало и оно. В это раннее утреннее время, одни на пустынной автостраде, они, как рабы на галерах, спешили на запад сквозь тьму.

Мы вовсе *не обязаны* делать это, думала она. Мы *могли бы* избавиться от этого сумасшедшего, что едет там, позади, вернуться к пристойной, законопослушной жизни, иметь *какое-нибудь* будущее.

Ветер мягко посвистывал, проносясь мимо; большой автомобиль почти бесшумно вспахивал край ночи, привязанный к лучам четырех своих мощных фар и ведомый ими. За ними, из-за гребня Черной горы, появились тончайшие полоски зари. О них известил метеор, пролетевший по предрассветному роковому небу и умерший в нем, охваченный пламенем и паром.

Они мчались вперед, прямым курсом на встречу с бедою. Огоньки инструментальной панели освещали из-под козырька три торжественных, сонных лица: грозное, непреклонное (думала она) лицо Дока, бородатое, с красными глазами и рубиновым носом; лицо Редкого Гостя Смита, по-домашнему уютно честное, открытое, неисправимо деревенское, буколическое; и, конечно мое – этот необычайно элегантный профиль, эта классическая прелесть, которая сводит мужчин с ума. Да, конечно.

– Снова направо, солнышко, примерно через милю, – бормочет Смит. – Осторожно, там лошади.

Лошади? Какие лошади?

Тормоза. Визг резины. Две тонны стали, плоти, динамита промчались, как тень, через табун лошадей. Перепуганные глаза, большие, как бильярдные шары, мерцали в темноте, – от рождения недокормленные индейские лошадки маскировочной окраски, что бродят вдоль дорог среди бурьяна, консервных жестянок и колючек. Она не задела ни одну из них.

Док вздохнул. Смит улыбнулся.

– Надеюсь, я никого не испугала, – сказала она.

– Ни черта, – ответил Смит. – Задница вроде как помялась, только и всего.

– Их не видно, пока на них не наедешь, – объяснила она.

– Это верно, – согласился Смит. – Поэтому через каждые две мили стоят знаки **ОСТОРОЖНО ЖИВОТНЫЕ СЛЕДУЮЩИЕ ДВАДЦАТЬ МИЛЬ**.

– Я вполне прилично вела, – сказала Бонни.

– Проклятые краснокожие дикари, – сказал Док. – Не могут повесить вдоль дороги ограждения. Для чего мы платим им пособия? На этих аборигенов ни в чем нельзя положиться – ничего не сделают нормально.

– Это верно, – сказал Смит. – Сверни вон там на грунтовку, где написано «Шонто – тридцать пять миль».

Они поехали по грунтовке, похожей на стиральную доску. Маленькие голубые огоньки протянулись по горизонту: полностью автоматизированный электропоезд с углем компании *VM & LP*.

Их все еще окружала темнота. Они мало что могли видеть: дорогу прямо впереди, обрамленную полынью, несколько звезд да вон те голубые огоньки. Появилось что-то вроде туннеля.

– Так, – сказал Смит, – вон там железная дорога. – Как проскочишь через шлагбаум – резко сворачивай влево.

Так она и сделала, сменив дорогу в Шонто на песчаную тропу для телег.

– Жми крепче, – говорит Смит. – Тут глубокий песок.

Большая машина стонала, снижая обороты автоматически, когда колеса утопали глубоко в песке, и выскакивала, раскачиваясь, ныряя в песчаных холмах, скрежеща днищем о кактусы и бурьян.

– Отлично идешь, солнышко, – говорит Смит. – Давай, гони как можно дальше. Все правильно. Теперь, вон там, видишь развилку? Там остановишься, развернешь машину. Дальше пойдем пешком.

Она остановила машину в указанном Смитом месте. Мотор умолк (в воздухе – запах перегретого двигателя). Они вышли, потянулись, увидели плывущий им навстречу рассвет, подсвечивающий лиловые облака на востоке.

– Где мы?

– Примерно в миле от моста. Мы нашли это место пару дней назад. С железной дороги машину не видно, и никакого жилья, даже индейской хижины, в радиусе пяти миль вокруг. Никого вокруг, кроме нас, сумчатых крыс да ящериц.

Пауза. В тишине пустыни, под небом, усеянным звездами и слегка окрашенным поднимающимся солнцем, они смотрели друг на друга – трое маленьких, слабых, испуганных смертных. Время замерло, подумала она; время замерло, все стояли и думали. Чудовища еще даже и не видно. Есть еще время для рассудительного, спокойного размышления; есть время привести в порядок мысли; есть время соблюсти приличия, здравый рассудок, все доброе, безопасное, порядочное, *во имя Господа нашего Иисуса Христа*.

Они смотрели друг на друга, улыбки дрожали на их замерзших губах. Каждый ждал, что другой скажет, наконец, какое-нибудь осмысленное слово. Но никто не хотел быть первым.

Доктор Сарвис широко улыбнулся и, раскинув свои огромные руки в стороны, распахнул им просторные объятия. «Ладно, друзья. Подите-ка ко мне». Они подошли к нему вплотную, и он прижал их обоих – еврейскую изгнанницу, отверженного мормона – к своей могучей епископальной, анархо-синдикалистской груди борца за свободу воли. «Мы намерены противостоять Власти и подрезать ей когти. Мы станем героями и будем жить в славе».

Она прижалась к его широкой теплой груди.

– Да, – сказала она, дрожа от холода и страха, – ты чертовски прав.

И Капитан Смит:

– Почему бы и нет, черт подери?

За работу. Смит и Сарвис водрузили по ящику тончайшей взрывчатки на плечо и с трудом побрели по песку на запад. Бонни шла за ними с флягой, лопатой и киркой; на голове – широкополая шляпа в стиле Греты Гарбо.

Где-то позади, в сумраке, за дюнами, послышалось завывание джипа на двух ведущих осях. Демон появился, следует за ними.

Он догнал их около моста.

«Йа-та-хей!»

Ухмыляясь, как мальчишка на Хеллоуин, Хейдьюк выскочил прямо на них. Он доставил все недостающее оборудование: электрические взрывные капсулы, катушку провода, обжимные щипцы, взрывную машинку (надежная старая рабочая лошадка, Дюпон № 50). Пошатываясь, он добрал до них по песку в утреннем сумраке и остановился вместе с ними, и все четверо посмотрели на свою главную цель.

Это был мост балочного типа, сорок футов длиной, на стальных двутавровых балках, заделанных в бетон, залитый в стены каньона; пропасть под ним была глубиной футов двести. Внизу, на дне ее, во мраке и холоде, среди каменных плит текла по зыбучему песку тоненькая струйка воды, поблескивая, как жестянка, в последнем свете гаснущих звезд. Там росли ивы, приземистые тополя, кусты травы и тростника. Все было совершенно неподвижно, никаких следов животных, хотя овечий специфический дух ощущался безошибочно.

За мостом железнодорожное полотно изгибаясь, терялось из виду, уходя в глубокую прорезь в кряже. Оттуда, где они стояли, модно было увидеть не более полумили рельсового пути в обоих направлениях.

– Так, караульные, – сказал Хейдьюк. – Бонни, ты полезай на верх вон того крутого обрыва, – указал – на той стороне. Возьми вот этот бинокль. Док, –

– Ты же сказал, поезд появится здесь не раньше восьми, - перебила его Бонни.

– Ага, верно, а вот об этом ты подумала? Путьевые обходчики проедут здесь на своей маленькой дрезине, они, козлы, всюду суют свой длинный нос, проверяя линию перед проходом поезда. А? По местам, караульные. Не засните. Док, почему бы вам не пойти другой дорогой и найти себе удобное местечко под кедром. А мы с Капитаном Смитом сделаем всю грязную работу.

– Ты всегда берешься за грязную работу, – проворчала Бонни.

Хейдьюк улыбнулся хищной улыбкой.

– Нечего сразу нюни распускать, Абцуг. Я тут приготовил для тебя, черт подери, специальное угощение, вот оно, у меня в руках. Он поставил взрыватель на землю.

– Почему мы это делаем? – спросил кто-то из них еще раз. Не Док. Не Смит.

– И не забудь вот эту краску. – Он подтолкнул к ней распылители с краской.

– Почему? – снова спросила она.

– Потому что, – пояснил Хейдьюк в последний раз, тихо и терпеливо. – Потому что кто-то должен это делать. Вот почему.

Тишина. Впереди поднималось солнце.

Док начал карабкаться на свой пост на холме, оставляя глубокие следы в песке, как

альпинистские ботинки в снегу. Бонни пролезла через ограду полосы отчуждения и по пути на другую сторону принялась обрызгивать краской балки моста.

Хейдьюк и Смит прислушивались к утреннему штилю. Они наблюдали за растущей вспышкой сета на восточном горизонте. Тишина. Единственный звук – прошуршавшая мимо них в траве ящерица. Когда оба караульных добрались до своих мест и подали им сигнал «все спокойно», Смит и Хейдьюк взяли плоскогубцы, гирку, лопату и брусок и принялись за работу. Два дня назад они уже тщательно обследовали намеченную цель, поэтому они ясно представляли себе, что следует делать.

Во-первых, они перерезали ограждение. Затем выгребли балласт из-под ближайшей к мосту шпалы с той стороны, откуда должен был появиться поезд. Когда яма оказалась размером с ящик из-под яблок, Хейдьюк сверился со своей «Карточкой разрушения строений». Это удобное карманное пособие (*GTA 5-10-9*), небольшое, ламинированное, он освободил от службы в Специальных войсках, когда служил в них сам. Он еще раз проверил формулу: один килограмм равен 2,2 фунта; нам нужно три заряда по 1,25 килограмма каждый, ну, скажем на всякий случай, по три фунта каждый.

– Ну, так, Редкий, – говорит он, – размера этой ямы нам хватит. Копай вторую на расстоянии пяти шпал. А я уложу заряд.

Хейдьюк отошел от железнодорожного полотна, направляется к запечатанным ящикам, ожидающим на дюне. Вскрыл первый из них – взрывчатка, 60 процентов нитроглицерина, скорость 18 200 футов на фунт, быстродействующая; вынул шесть патронов – трубочек длиной восемь дюймов, весом восемь унций, завернутых в парафинированную бумагу. Затем подготовил запал, пробив отверстие в одном из патронов своим специальным ножом (не дающим искр), вставив в отверстие капсуль (электрический) и соединив его ножки. Дальше он связал вместе шесть патронов, поместив иницирующий посередине. Все это он с большим уважением поместил в яму под первой шпалой, присоединил провода к ножкам капсуля (все провода изолированные), вернулся на место и утрамбовал балласт, закрывая и маскируя заряд. Теперь видны только провода; их яркие желтые и красные виниловые оболочки блестят на полотне дороги. Хейдьюк засунул их пока что под рельс, так что их может заметить только пешеход.

Проверка караульных. Бонни выделяется на фоне неба на запад от моста. Она следит за изгибом железнодорожного пути к западу и северу. Он смотрит на восток. Док оперся на ствол кедра на самом краю обрыва, курит свою сигару и ободряюще кивает ему.

Хейдьюк подготовил второй заряд так же, как и первый, и заложил его во вторую яму, которую редкий Гость к этому времени уже подготовил. Вместе они готовят третью, на расстоянии десяти шпал от моста.

– Почему бы нам просто не взорвать мост? – спросил Смит

– Взорвем, – ответил Хейдьюк. – Но мосты – штука хитрая, требуют много времени, много взрывчатки. Я подумал, нам надо сначала справиться с поездом.

– Поезд придет с этой стороны?

– Да. Вниз с Черной горы, груженный углем. Восемьдесят вагонов по сто тонн каждый. Мы взорвем рельсы прямо перед локомотивом, и весь состав летит к чертям в каньон, будет мост или его не будет.

– Весь?

– Должен. По крайней мере, локомотив мы точно достанем, а это дорогая штука. Им там крепко достанется, старушкам Тихоокеанской компании газа и электричества и Аризонской компании по обслуживанию населения. Ох, как им достанется! Мы им здорово подпортим их энергосистемы.

Солнце поднимается – могучий огненный диск. Хейдьюку и Смигу становится жарко. Закончена третья яма; Хейдьюк закладывает третий заряд, прикрывает, трамбует. Отдохнув минутку, они улыбаются друг другу – белые улыбки на темных потных лицах.

– Какого черта ты улыбаешься, Редкий?

– Я жутко боюсь, вот и все. А вот *ты* какого черта улыбаешься?

– То же самое, *compadre*. Ты слышал уханье совы?

Бонни Абцуг повернулась к ним лицом, машет руками. Док тоже подал сигналы тревоги.

– Хватай инструменты. Чтоб ничего не было видно.

Хейдьюк засунул концы поводов от третьего заряда так, чтобы их не было видно. Смит помчался к дюнам с лопатой и киркой. Хейдьюк осмотрел свою работу, – вдруг что-нибудь не так; но все выглядело нормально.

Они побежали, чтобы где-нибудь спрятаться, таща свои инструменты, оставляя повсюду вокруг глубокие следы. С этим уж ничего не поделаешь. Они легли и ждут, прислушиваясь, и слышат шум и перестук колес электрической дрезины, спускающейся под уклон. Хейдьюк выглянул, краем глаза он увидел желтую кабину на колесах, окна открыты, внутри – трое мужчин, один внимательно оглядывает путь впереди, стоя за пультом управления.

Бонни и Док залегли в кустах. Бонни, лежа в песке на животе, увидела, как с ее стороны приближается дрезина, замедляет ход перед мостом, останавливается на мгновение на его середине, снова двигается и проезжает глубокое ущелье под нею. Слышен смех. Дрезина удалилась по дуге, с троллеев летят искры, звук двигателя постепенно замирает вдалеке, уходя в тишину. Дрезину не видно и не слышно. Прошла.

Бригада задержалась на мосту – внезапно понимает она, – чтобы поглядеть на ее граффити в духе модерн на бетоне берегового контрфорса, ее красно-черную декоративную

надпись: КАСТЕР НОСИТ РУБАШКУ СО СТРЕЛАМИ – К Р А С Н А Я В Л А С Т Ь !

Бонни расстегнула свитер, – солнце уже начинает припекать, – надела дымчатые очки, поправила поля своей огромной легкомысленной шляпы. Грета Гарбо на карауле. Увидела Хейдьюка: он выскочил из своего укрытия, неся в руках нечто, напоминающее большую металлическую шпильку. Приземистый, мощный, сейчас он более чем когда-либо напоминал человекообразную обезьяну. Дарвин был прав. Редкий Гость Смит вышел следом за Хейдьюком, длинный и тощий. Мутации; широчайшее разнообразие генофонда; беспредельное варьирование комбинаций, перестановок и сочетаний. Кто, как-то неотчетливо думалось ей, – кто станет отцом моего ребенка? В ближайших окрестностях – ни одного подходящего кандидата.

Глядя, как Хейдьюк склонился над рельсами, она заметила нож, блеснувший у него в руке, видела, как он срастил и заизолировал концы проводов. Подсоединив четвертый заряд, Хейдьюк подсоединил свободные концы взрывных капсулей к основному проводу, замкнув все заряды в единый контур. Затем он начал разматывать провод, отходя все дальше от моста вдоль края каньона к месту, укрытому нависающей скалой так, что его не было видно с места взрыва. Он поставил катушку и пошел вдоль проводов обратно к мосту, пряча их на ходу под нависающим краем обрыва, чтобы они не были заметны, – то есть, не были заметны для любой пары глаз, глядящих с востока. Подойдя к полотну дороги, он взял провода, которые еще не были спрятаны, и прикрепил их к ребру рельса, под его головкой, чтобы они тоже не были заметны.

Бонни наблюдала, как он разговаривал со Смитом; видела, как Смит слегка ткнул его под ребра, как они положили руки друг другу на плечи, как пара борцов сумо в боевой стойке. В том, как они улыбались друг другу, в том, как друг с другом обращались, было что-то, что раздражало и оскорбляло ее. Все мужчины в душе, думала она, – или в самой глубине души, следует сказать? – в самом деле какие-то странные. То, как футболисты похлопывают друг друга по заду, выбегая на поле или выбираясь из свалки. Греческие болельщики и их нервный центр. Странные, как улитки. Хотя ни один из них найдет в себе порядочности, или честности, или мужества, чтобы признать это. И уж, конечно, они все вместе – против женщин. Свинская порода. Кому они нужны? Она взглянула ласково на двух дурачков внизу, возившихся друг с другом. Неотесанные мужики. Пара клоунов. Чудные, как морское ушко. Док, у того хоть есть чувство собственного достоинства, светский лоск. Хотя и не слишком много. А где он, кстати? Она стала вглядываться очень внимательно и наконец различила его фигуру в тени дерева, – голова его поникла, он засыпал стоя. Господи, подумала она; ну и скучная же работа эта преступная анархия.

Ее имя взлетело в солнечном свете. Лица глядят на нее. Волны звуков прокатились по

воздуху, растекаясь во все стороны. *Бонни!*...

Бонни, Док и Хейдьюк суетились над катушкой провода. Смит работал на мосту. Док и Бонни смотрели, как Хейдьюк обрезал концы, разделил провода и оголил от изоляции по два дюйма блестящей медной стренги.

– Эти паразиты, – объясняет он, – идут сюда. – Он касается ими двух клемм на взрывателе. – А эта маленькая хреновина, – отложив провода в сторону и взявшись за рукоятку взрывной машинки, – поднимается вот так – он поднял ее до упора. – Когда подсоединим провода к клеммам, и ты сильно толкнешь вниз, толкнешь изо всех сил – не бойся повредить машинке, ты не можешь ей повредить, просто толкай, стараясь выбить дно; так вот, когда ты это делаешь, ты посылаешь ток в цепь, при этом взрываются капсули. Они детонируют взрыватель, те детонируют заряд, и – словом, сама увидишь. Но ты должна толкать эту ручку *изо всех сил*. Это как крутить старомодный деревенский телефон – если не будешь сильно крутить, не пошлешь никакого сигнала. – Взглянув на Бонни. – Ты меня слушаешь, Абцуг?

– Да, я слушаю, Хейдьюк.

– Что я сказал?

– Слушай, Хейдьюк, у меня степень магистра по французской литературе. И меня не исключали из института, как некоторых тут, которых я могла бы назвать по имени, но лучше не буду, хотя они и находятся всего на расстоянии плевка.

– Ладно, тогда пробуй. Он вывернул капсули из машинки и положил туда кончики пальцев. – Ну, давай. Захлопни ее как следует. Чтобы меня ударило током.

Бонни взялась за рукоятку и толкнула ее вниз. Она стукнулась о крышку деревянной обшивки.

– Я почувствовал толчок, – сказал Хейдьюк. – Легонький толчок. Попробуй еще раз. *Тресни* как следует. Выбей днище.

Она подняла рукоятку вверх, вдохнула полную грудь воздуха и снова толкнула ее вниз. Рукоятка с треском вошла в ящик, и рука Хейдьюка рефлекторно подскочила от резкого удара током.

– Это уже лучше. На этот раз я почувствовал. Ну, что, Бонни, хочешь быть взрывником на этой операции?

– Кто-то должен это делать.

– Док будет стоять рядом, проверять всю процедуру, поддерживать тебя. Я буду там, откуда можно видеть приближающийся поезд. Когда он будет в нужной точке, я подам тебе сигнал, вот так. – Он поднял руку. – Когда я подниму руку, поднимай рукоятку вверх. Не спускай с меня глаз. Когда я опущу руку, – он резко опустил ее вниз – рви рукоятку вниз. Сильно!

– А потом?

– Потом убираемся отсюда ко всем чертям. Вы с Доком – в Бьюике; мы со Смитом – в джипе. Нам нужен хотя бы час до того, как они пошлют самолеты, поэтому гони целый час вовсю, потом стань где-нибудь под деревом, подожди до вечера. Езжай по старой грунтовке на Шонто. Вечером встретимся в Бетатакине, отпразднуем нашу победу. Не смотри вверх на самолеты. Бледные лица хорошо видны сверху. Не бери в голову, спокойненько, если кто заговорит, – ведите себя, как туристы. Оденьте свои бермуды, Док.

– У меня их нет, Джордж, но я попробую

– А ты не снимай темные очки. Чтоб индейцы не увидели этот сумасшедший блеск в твоих глазах.

– Конечно, - сказала Бонни. – Где здесь туалет? – и она исчезла за дюнами.

– Глядя на нее, Док помрачнел.

– Что случилось? – спросил Хейдьюк.

– Ничего.

– Вы выглядите больным, Док.

– Док улыбнулся, пожал плечами.

– Маленькая чародейка уходит из моей жизни.

– Это вы о ней? Хотите поговорить об этом прямо сейчас?

– Может быть, позже. – Он вернулся на свой наблюдательный пункт.

Хейдьюк присоединился к Смиуту, который трудился на мосту над восточным береговым устоем с киркой и лопатой.

– Слушай, Джордж, это же тут рабский труд.

– Я знаю, – ответил тот. – Тут нужен перфоратор с компрессором, как у всех. Давай еще немного обмозгуем этот объект.

Опершись на свои инструменты, они рассматривали сделанную работу. Было очевидно, что с такой скоростью им потребуется не менее двух недель, чтобы вручную проделать зазоры между бетоном и стеной каньона. Хейдьюк решил попробовать более простую, но менее надежную тактику.

– Мы попробуем подрезать балки, – сказал он. – Вот здесь, в узлах. Оставь этот устой, у нас нет времени. – Он глянул на часы. – У нас осталось около получаса. Если поезд не придет раньше.

Он взглянул вверх, на наблюдательный пункт Дока – все спокойно. И кто знает, какие блуждающие токи – пришло ему в голову – текут в этих рельсах? Полностью электрифицированная железная дорога. Пятьдесят тысяч вольт у нас над головой. Ионизированный воздух. Господи Иисусе Христе. Надо было предохранители поставить. Но

нам же нужен точный отсчет времени. Строго по графику.

Он знал, что оставил токопроводящие провода разомкнутыми, отдельно от взрывной машинки. Но любой ребенок, даже Бонни Абцуг, мог легко замкнуть их. Где же эта девчонка, черт ее подери?

Нервы, нервы. Он вскарабкался на рельсы, отсоединил токопроводящий провод от проводов капсуля, разорвав электрический контур. Почувствовал себя немного лучше. Три человеческих жизни висят на волоске. Четыре, считая его собственную, если вам охота ее считать. Надо было все сделать самому, только со Смитом. Док и Бонни, эти невинные младенцы, – это была его настоящая ошибка. Не следовало тащить их сюда.

Но лучше поторопиться.

– Сколько? – спрашивает Смит.

– Сколько? Ах да, балки. Стенка двугавра около двух футов высотой. Надо было все это высчитать раньше. Дюймовой толщины. Он сверился со своей справочной карточкой – 9 фунтов. Ширина полки - 1 фут, толщина приблизительно – он заполз под мост и замерил толщину линейкой, напечатанной на карточке – приблизительно точно семь восьмых дюйма. Он заглянул в таблицу: 9.0 для стенки и плюс 8 для двух полок составит вместе 17 фунтов взрывчатки. На каждую балку. У нас их три. Это один полный ящик и еще, или приблизительно, – дай-ка подумать, если я нигде не ошибся в расчетах, – дай-ка подумать. Старина Смит стоит рядом, волнуется. Волнуется Док, что эта красotka Абцуг болтается где-то, черт, надо было взять что-нибудь гипотензивное, – итого 51 фунт. Тротила. Еще 10 процентов на динамит. Всего динамита: 56,1 фунта.

– Лучше возьмем оба ящика.

Они взяли оба, принесли и установили на бетонном уступе под мостом. Хейдьюк разрезал изолирующую ленту, поднял крышку ящика и раскрыл полиэтиленовую пленку. Патроны, скользкие, жирные в своих красных воощеных обертках, аккуратно упакованные – 102-106 штук в ящике; патроны эти, безусловно, выглядели внушительно. Чувствительные к ударам и трению, легко воспламеняющиеся – руки Хейдьюка слегка дрожали, когда он вынимал из ящика связки патронов. Смит открыл второй ящик.

– Не нравится мне эта дрянь, Джордж.

– Привыкнешь, – соврал Хейдьюк.

– Не уверен, что хочу.

– Я тебя не виню. Привыкать к этому опасно. Давай-ка я налажу заряды. А ты принеси из джипа мешки.

– Он сосчитал стержни динамита – тридцать четыре к каждой связке, добавил для большей надежности еще по пять и связал их.

– Какие мешки?

– Там в джипе, под передним сиденьем, с десятков джутовых мешков. Мы наполним их песком, чтобы прижать заряды. Где ящик с капсулями?

– Да вот же он, Джордж. – Смит поднялся и исчез.

Хейдьюк инициировал центральный патрон в первой связке, связал его, затолкнул на место и прикрепил всю связку с внутренней стороны первой двутавровой балки, оставив выводные концы снаружи, на бетоне. Прделав то же со второй и третьей балками, он подсоединил все выводные концы к основному проводу. Цепь была готова полностью, за исключением соединения со взрывной машинкой. Все грузы на месте. Смит вернулся с мешками. Они наполнили их и уплотнили ими заряды.

– Мы готовы стрелять, – говорит Хейдьюк.

К ним приближалась Бонни. Смит спросил, понизив голос: «Ты уверен, что хочешь позволить ей работать со взрывной машинкой?»

Хейдьюк помедлил с ответом, глянул сначала на Бонни, прежде чем обернуться к Смигу. Потные, дрожа от нервного изнеможения, они посмотрели друг на друга. Запах потных волосатых подмышек. Запах страха.

– Редкий, – говорит он, – зови это ... демократия.

– Кто? – Смит нахмурился.

– Демократия. Знаешь ... участие. Мы должны дать ей возможность принять участие.

– Смит не выглядит убежденным. Пот блестит, как смазка, на его небритой верхней губе.

– Н-ну, – говорит он, – я не знаю ...

– Соучастие, – добавляет Хейдьюк. – Правильно? Мы не можем больше позволить себе иметь в нашем деле невиновных. Правильно?

– Смит внимательно изучает Хейдьюка.

– Ты не доверяешь никому, а, партнер?

– Не сразу. Не слишком скоро.

К ним подлетает Абцуг, шляпа висит на спине, солнечное сияние просвечивает сквозь ее пышные волосы цвета красного дерева.

– Ну, хватит, – быстро говорит она, – кончайте базар. Нам тут надо кое-какую работу сделать.

– Где твоя каска? – ворчит Хейдьюк.

– Эта? – она показывает ему свою шляпу.

– Каска!

– Тебе не следует срывать с поводка, Хейдьюк. Что ты, в конце концов, какой-то маниакальный параноик? Когда ты последний раз видел ее на мне?

– Где она?

– Я не знаю.

– Смит стал на колени у колеи, положив на рельс руку и приложив к нему ухо.

Торжественная вибрация металла.

– Что-то точно приближается, Джордж. Вот прямо сейчас. Что-то большое.

Одинокое уханье совы. Они посмотрели вверх, на кромку обрыва, где вырисовывался силуэт доктора Сарвиса на фоне утреннего солнца. Обе его руки вытянуты высоко вверх, ладони трепещут, как безумные птицы. Бинобль болтается у него на шее, тревожно раскачиваясь.

– Поезд! – кричит он.

– Далеко? – кричит Хейдьюк.

Док поднимает бинобль, отлаживает фокус, изучает ситуацию на востоке. Затем опускает бинобль, снова оборачивается к ним.

– Около пяти миль, – кричит он.

– Хорошо, спускайтесь. Ты, – обращается Хейдьюк к Бонни, – надень это на свою треклятую башку. Отдает ей свою каску; она надевает ее на голову; каска садится по самые уши. – Возвращайся к взрывной машинке. Но не поднимай рукоятку, пока я не подам сигнал. И не выходи из укрытия, пока я не скажу.

Она глядит на него глазами, сверкающими от восторга и паники, тень циничной улыбки касается ее губ.

– Ну, – спрашивает он, – чего на меня уставилась? Давай, бегом!

– Ладно, ладно, *ла-адно*, не заводись. – Она уносится вдоль кромки обрыва.

Смит тем временем собирает инструменты и взваливает на плечо оставшиеся пол-ящика динамита. Ящик с капсулями, плоскогубцы, куски и обрывки поводов, моток ленты, все еще лежат на бетонном уступе под мостом, напротив устоя, на котором набрызгала роскошной красной краской с угольно-черной отделкой: **ХОКА ХЕЙ! ХОСКИННИНИ ЕДЕТ СНОВА!**

Зловещая вибрация неумолимо приближается.

– Пошли.

Доктор Сарвис все еще наверху, смотрит на них.

– Поезд идет! – орет он.

– Спускайтесь, Док, – вопит Смит. – Будем стрелять.

Док, прихрамывая, спускается по откосу, делая гигантские шаги по песку, утренняя тень его, чуть не двадцать футов длиною, свободно ложится на дубы Гембела, низкорослые колючие дикie груши и другие растительные организмы. Корона слепящего света сияет за его головой, одетой в блестящую каску. Авария. Он падает лицом в песок, ноги и башмаки запутались из-за

предательски возникшего – они слышат негромкое ругательство – невинного кустика. Он с трудом снова встает на ноги, идет дальше, вертикальный, полный чувства собственного достоинства, которое не может нарушить какая-то мелкая игра случая и гравитации.

– *Fallugia paradoxa*, – объясняет он, стряхивая песок с очков. – Мы готовы?

Конечно, они не выбрали подходящего наблюдательного пункта для Хейдьюка. Он решает забраться на то место, где был Док – как можно быстрее. Док и Смит будут рядом с Бонни у взрывной машинки; Смит – чтобы подсоединить провода передавать сигналы Хейдьюка, Док – чтобы следить за Бонни и контролировать ее действия.

Смит подхватывает провода под нависающей скалой, бежит вдоль них до самой взрывной машинки и обнаруживает, что они уже сплеснены и привинчены к клеммам.

– Святой боже, Бонни, ты уже их прицепила!

– Конечно, – говорит она.

– Ну, святые угодники, мы все трое тут были в каких-то десяти футах от сотни фунтов чистого динамита.

– Ну и?

Хейдьюк в это время карабкается вверх по склону, сползая и соскальзывая по глубокому песку, хватаясь за колючие деревца дикой груши и дуба. Он пробивается наверх, задыхаясь, как собака, смотрит на восток и видит широкую морду с пустыми глазами, слышит грохот локомотива всего в двухстах ярдах. Он приближается не быстро, но неотвратно. Вот-вот состав проедет под ним, через первые три заряда – и на мост.

Он оглядывается на команду взрывников – в поле зрения нет никого. О, *черт!* Тут из-за песчаникового пригорка выныривает Смит и подает ему сигнал готовности. Хейдьюк кивает. Автоматизированный поезд приближается, – слепой, грубый, мощный, раскачиваясь на повороте. Электрические дуги вспыхивают и потрескивают, когда троллеи проходят через стыки электролинии. За локомотивом следует основная масса – восемьдесят вагонов, груженных углем, катятся под уклон в Пейдж и на страницу истории со скоростью сорок пять миль в час. Замедляет ход на повороте. Хейдьюк поднимает руку.

Глаза – на пятнадцатой шпале от моста, рука поднята, как нож гильотины, он слышит, чувствует, как поезд проходит под ним. Он дает резкую отмашку рукой – энергичный жест, не оставляющий сомнений, и –

И видит, в тот момент, когда рука его хлопает по бедру, – в открытом окне кабины локомотива он видит лицо мужчины. Тот смотрит на него – молодой парень с гладкой, загорелой кожей, бодрым, приветливым и мирным выражением лица, здоровыми зубами и ясным взглядом. На нем кепочка с козырьком и коричневая рабочая сорочка с открытым воротом. Верный всем старым традициям, как бравый инженер, молодой человек машет

Хейдьюку в ответ.

Сердце остановилось, мозги отказали, Хейдьюк ныряет в песок, прикрывая голову руками, ждет – вот-вот вздрогнет земля, накатит взрывная волна, обломки засвистят мимо, как реактивные снаряды, пороховой дым забьет ноздри, оглушит пронзительный скрежет. Ярость ошеломила его больше, чем ужас.

– Они *наврали*, думает он, сукины сыны, они мне *врали*.

– Чего ты ждешь?

– Я не могу этого сделать, – стонет она.

Смит стоит в двадцати ярдах от них, не в силах им помочь, только смотрит на них – на Бонни, ссутулившуюся над взрывной машинкой, на Дока, согнувшегося над нею. Она вцепилась в поднятую рукоятку, костяшки пальцев побелели от напряжения. Глаза крепко зажмурены, в уголке каждого из-под века выдавилась жемчужная слезинка.

– Бонни: толкни ее вниз.

– Я не могу этого сделать.

– Почему?

– Не знаю. Просто не могу.

Док замечает блеск локомотива, грохочущего по мосту, исчезающего из виду, сопровождаемого непрерывным, монотонным рядом темных вагонов, перегруженных углем, с короткими проблесками дневного света между ними. Черная пыль поднимается в только что совершенно чистый воздух, сопровождаемая лязгом и скрежетом стали, запахом грязного железа, ревом индустриального чудовища, оскверняющего прекрасную пустыню – страну господню. Доктор Сарвис чувствует прилив страшной ярости, подступающей к горлу.

– Ты собираешься толкать эту штуку, Бонни? – Яростное напряжение в его голосе.

– Не могу я, не могу, – стонет, почти рыдает она, и слезы катятся по ее щекам.

Он становится прямо за нею; она чувствует, как живот его и пах тесно прижаты к ее спине. Обняв ее, он кладет свои большие, белые, чуткие руки хирурга поверх ее рук, быстро прижимает их к рукоятке взрывной машинки, и, вынуждая ее согнуться с ним и под него, он вбивает ударник сильно и глубоко, в самом деле до отказа, – на всю глубину, – через шейку в самое нутро матки подпружиненного ящика:

Тр-рах! и –

Б А АМ!

задерживает его там.

О, господи, соображает она несколько позже, когда обломки, куски и фрагменты, и осколки ископаемого топлива и неорганической материи описывают свои огненно-изящные параболические и гиперболические траектории в голубом небе над ее головой, – это же всегда

была его любимая позиция.

– Благодарю вас, мадам.

А Хейдьюк тем временем ждал. Ничего не произошло, – он открыл глаза и поднял голову как раз во время, чтобы увидеть, как локомотив прогрохотал через заминированный мост, миновал его и вошел в прорезь в скале, таща за собою весь состав. Облегченно вздохнув, Хейдьюк начал подниматься.

И в этот момент заряды начали взрываться. Поезд подпрыгнул над рельсами, огромные грибы огня пылали у него под брюхом. Хейдьюк грохнулся обратно, – куски стали, цемента, камня, угля и проводов полетели прямо на него, взмывая в небо. Грузенные вагоны в это время, завершая свой прыжок, грохнулись обратно на разрушенный мост. Балки и связи подались, и мост прорвался, как разогретый пластик, а вагоны, один за другим, связанные, как сосиски, покатались через край каньона и стали исчезать в пыли, и реве, и хаосе ущелья.

А на другой стороне моста?

Беда. Сплошная беда. Провода упали на землю, локомотив беспомощно остановился. Теперь он начал двигаться назад, медленно, неохотно, с зажатыми тормозами, бессильно соскальзывая в бедствие ценою не один миллион долларов. Состав, все еще сцепленный с локомотивом, теперь тащил его за собою силой веса всех своих вагонов, падающих в каньон.

Хейдьюк увидел, как молодой человек, кто бы он там ни был – инженер, эксперт, инструктор, – вылез из кабины, спустился по стальной лесенке и спрыгнул. Легко приземлившись, пробежал несколько шагов по насыпи и остановился в канаве. Руки на бедрах, он стоял, как и Хейдьюк, глядя на крушение своего поезда.

Под пронзительный визг и скрежет колес локомотив скользнул на вдребезги разбитый мост, опрокинулся и исчез. Из поля зрения. Прошло мгновение: гром его падения взметнулся к небесам.

Основная часть состава продолжала катиться под уклон, по искореженным рельсам, по обломкам моста, к своему крушению – вагон за вагоном, однообразно, бесконечно повторяясь, как массовое производство, падали в боль и неразбериху пропасти. Ничего нельзя было поделать, и ни один из них не уберется. Все до единого, как овцы во сне, они спотыкались о край каньона и исчезали.

Хейдьюк прополз через кустарник на локтях и коленях, скатился по склону дюны и приземлился на песок рядом со своими спутниками. Они не сдвинулись с места, – стояли, парализованные, ошеломленные, оглушенные ревом рушащихся вагонов и грандиозностью того, что они совершили. Хейдьюк растормошил их и заставил убежать. Схватив оборудование и инструменты, они помчались к джипу, загрузили его доверху и заторопились к машине Дока.

Там они разделились, как и планировали.

Всю дорогу к кемпингу Док и Бонни пели старые песни, в том числе и любимую песню всех времен «Я работал на железной дороге».

То же сделали и Джордж со Смитом.

Отдых и освобождение

Симпатичный рейнджер парка имел несколько вопросов. «Ну как, нравится вам, друзья, отдыхать в Национальном памятнике природы Навахо?» Огонь костра бросал блики на его честное, красивое, тщательно выбритое молодое лицо. Он выглядел так, как и должен выглядеть рейнджер парка: высокий, стройный, сильный, не слишком яркий.

– Великолепно, – ответил доктор Сарвис. – Великолепно.

– Могу я спросить вас, откуда вы?

– Из Калифорнии, – ответил Док быстро.

– У нас нынче много народу из Калифорнии. А из какой части Калифорнии?

– Из южной, – сказала Бонни.

– Не выпьете ли с нами? – спросил Док.

Спасибо, сэр, но я не могу пить при исполнении служебных обязанностей, однако очень любезно с вашей стороны предложить мне. Я обратил внимание, что на вашей машине номерные знаки Нью-Мексико, потому и спросил. Я ходил там в школу.

– Правда? – спросила Бонни. – Мы с мужем сейчас там живем.

– Ваш муж – врач?

– Вообще-то да, а как вы догадались?

– Увидел этот знак на машине – две перевитые змеи с крылышками, по нему и догадался. Я когда-то хотел стать врачом, но биохимия оказалась мне не по зубам, вот я и переключился на дикую природу, и сейчас стал просто рейнджером парка.

– Вот это правильно, – сказал Док, – для каждого есть свое место в жизни, хоть иногда и вполне скромное.

– В какой части Нью-Мексико?

– В южной.

– Простите, мне показалось, вы сказали, в южной Калифорнии.

– Я сказала, мы *родом из* Калифорнии. Вот мой дедушка – Док нахмурился – он из Калифорнии. А мой муж из Нью-Мексико.

– Мексиканец?

– Из Нью-Мексико. Мы не любим расистских выражений. Нужно называть их испаноговорящие мексиканцы или американцы с испанскими фамилиями. В Нью-Мексико мексиканец – оскорбление.

– Гордые, чувствительные люди, – пояснил доктор Сарвис, – с великими традициями и славной историей позади.

– Очень далеко позади, - сказала Бонни.

– Ваш муж, наверное, тот молодой парень с бородой, что водит голубой джип с лебедкой впереди и номерными знаками Айдахо.

Снова короткая пауза.

– Это мой брат.

– Что-то я его сегодня не видел.

– Он уехал в Калифорнию, в Баджу. Сейчас, наверное, уже в Каборке.

Рейнджер повертел в руках свою форменную шляпу с железными полями.

– Вообще-то Каборку обычно находят в штате Сонора.

Он светло улыбнулся; у него были ровные белые зубы, розовые, здоровые десны. Отблеск костра играл на его туго завязанном галстуке, медных эмблемах, золоченом значке рейнджера, пластинке с его именем на правом нагрудном кармане: Эдвин П. Эбботт мл.

Доктор Сарвис начал напевать, тихонько, на мелодию «Встретимся в Сан-Луисе, Луис» – «Встретимся в Каборке, Лорка».

– А что случилось со вторым вашим другом? – спросил рейнджер, обращаясь к Бонни.

– С каким вторым другом?

– Хозяином вон того автомобиля, - кивок в сторону большого пикапа Смита, стоящего неподалеку, едва видимого в слабых отблесках их небольшого костра. Наклейки с названием своей фирмы он, конечно, снял. Старина Редкий Гость – где он теперь? Там, далеко в глуши? Вдали, в пустынных местах? Скучает и томится без своих жен?

– Честно говоря, не могу сказать, – ответил Док.

– Не можете сказать?

– Он хочет сказать, что мы не знаем точно, - сказала Бонни. – Он говорил, что пойдет куда-то в поход и вернется через пять дней.

– Как его имя?

Колебание.

– Смит, – сказала Бонни. – Джо Смит.

– О, конечно. – Рейнджер снова улыбнулся. – Джо Смит. Как вам нравится Пейдж?

– Пейдж?

– Черная гора?

– Черная гора?

– Вы слышали новости сегодня вечером?

– Иногда.

– Что вы думаете об энергетическом кризисе?

– Устал, – говорит Док. – Пойду-ка я спать.

– Мы против, – сказала Бонни.

– А я – за, – заявил доктор после секундной паузы.

– Где это вы были прошлой ночью?

– Не могу сказать, - ответил доктор.

– Мы были здесь, у этого костра, - сказала Бонни. – А вы где были?

– Вроде как раненько вы уехали сегодня утром.

– Это верно. Ну и что? Мой брат хотел стартовать пораньше, и мы поехали вместе, чтобы проводить его, вот и все. А что, это запрещено законом?

– Ну, ну, – сказал Док.

– Простите, мисс, – говорит рейнджер. – Я вовсе не хотел совать нос в ваши личные дела. Просто интересно, вот и все. Не будете возражать, если я загляну в вон тот ваш автомобиль?

– Молчание.

– Так что вы подумали об этом сообщении в новостях? – спрашивает рейнджер.

– Бонни с Доком продолжали молчать, глядя в огонь. Молодой рейнджер, все еще стоя, все еще вертя в руках свою шляпу, глядел на них.

– Я имею в виду поезд, конечно.

Док вздохнул и мрачно передвинул свою сигару в другой угол рта.

– Н-ну-у ... – сказал он.

– Мы слышали об этом, - заметила Бонни, - и мы считаем, что это весьма прискорбно.

– Я уже сказал прежде, и сейчас повторю: анархия – это не ответ.

– Ответ на что? – спрашивает рейнджер.

– Сэр?

– Ответ на что?

– А какой был вопрос?

– Мы слышали, что это автоматизированный поезд, – вставила Бонни, – так по крайней мере, я полагаю, никто не пострадал.

– Автоматизированный, это точно, – ответил рейнджер, – да только на нем был эксперт. Ему повезло.

– А что случилось?

– Согласно сообщению, якобы произошел несчастный случай на мосту через каньон Кайбито. – Рейнджер наблюдал за ними. Никакого ответа. – Но вы же конечно, слушали последние известия.

– Когда-то мне приходилось обедать в автоматизированном ресторане, - говорит Доктор Сарвис. – Это тоже чертовски опасно. Я помню один «Автомат на Амстердам» - это еще когда я

был студентом в Колумбийском университете. Автоматические тараканы. Большие, хитрые, агрессивные *Blatella Germanica*. Устрашающие создания.

– А что случилось с тем экспертом?

– А вы не слышали?

– Не очень точно.

– Ну, якобы часть поезда уже переехала через мост до того, как он разрушился. У эксперта было время, чтобы выбраться из локомотива до того, как он покатился обратно и упал в каньон. В новостях сообщалось, что весь состав – локомотив и восемьдесят вагонов с углем, рухнули на дно каньона Кайбито.

– Почему этот эксперт, или инженер, или кто он там ни на есть, – почему он просто не нажал на тормоза, или там на газ, или на что там нужно нажимать у локомотива?

– Не было электроэнергии, – отвечает рейнджер. Это электрифицированная железная дорога. Когда мост обрушился, повода упали вместе с ним.

– Прискорбно.

– Пока не отключили электроэнергию, несколько овец убило током. Теперь индейцы бешутся от злости.

– На кого?

– На кого? На того, кто перерезал ограждение.

Пауза. В костре уютно потрескивал можжевельник. Стало прохладнее. Звезды засияли ярче. Бонни подняла капюшон своей парки. Док жевал погасший окурок своей сигары.

Рейнджер ждал. Ответа не последовало, и он продолжал:

– Конечно, ограждение мог перерезать индеец.

– Индейцы – никчемные люди, – сказал Док.

– Железная дорога понесла убытков на два миллиона долларов, согласно сообщению по радио. Электростанцию вынуждены будут остановить на несколько недель.

– Несколько недель?

– Так сообщили по радио. Пока не заменят мост. Конечно, у электростанции большие запасы угля. Не возражаете, если я загляну в вашу машину?

– Всего несколько недель, – удивилась Бонни, задумчиво глядя в огонь.

– Давайте, действуйте, молодой человек, – сказал доктор.

– Спасибо, сэр.

Бонни очнулась от своей задумчивости.

– Что? Погодите минутку. Покажите нам ваш ордер на обыск. Мы свои права знаем.

– Конечно, – отвечает рейнджер. – Я только спрашиваю. – И учтиво добавил: – Простите, если вы не против, что у вас там, внутри ... ?

- Вы должны иметь ордер на обыск. Подписанный судьей.
- Похоже, вы хорошо знакомы со всеми этими юридическими тонкостями, мисс.
- Для тебя – просто миз, приятель.
- Миз, простите. Миз – кто?
- Абцуг, вот кто.
- Простите. Мне показалось, вы сказали, что ваш муж – мексиканец.
- Я сказала, что он из Нью-Мексико.
- Панчо Абцуг, – объяснил Док.
- Ты уж лучше поверь, – сказала Бонни.

Рейнджер вытащил из чехла, пристегнутого к поясу, портативный радиотелефон на батарейках. Еще он держал там свой жезл и фонарик на пять батареек. (Не слишком полезно для почек, отметил доктор).

– Если хотите, я постараюсь раздобыть ордер. Но, мне, естественно, придется вас задержать вплоть до его получения. – Он вытянул телескопическую антенну.

– Где вы получаете ордер?

– Поскольку это собственность правительства США, то мы подпадаем под юрисдикцию ближайшего федерального районного суда, который в нашем случае находится в Фениксе.

– Вы намерены разбудить судью?

– Ему платят сорок тысяч в год.

– Мне показалось, вы сказали, что это национальный парк, – сказала Бонни.

– Говоря точнее, национальный памятник природы. Как Долина смерти или Органная труба. Есть некоторая формальная разница.

– Но все равно это же собственность всех американцев, – настаивала Бонни.

Рейнджер колебался.

– Формально говоря, это верно.

– Значит, это место – в самом деле народный парк. – Бонни добивалась своего. – И вы собираетесь обыскивать нашу машину в народном парке.

– Это не народный парк, это национальный парк.

– Стыдитесь, молодой человек.

Рейнджер покраснел. Потом нахмурился.

– Простите, но я должен выполнять свой долг. Поскольку вы отказываетесь дать согласие на обыск вашей машины, я должен получить ордер. – Он поднес свой радиотелефон к губам.

– Погодите, – сказал Док. – Рейнджер подождал. Док продолжал: – Сколько вам на это потребуется времени?

– Сколько? – Рейнджер произвел в уме кое-какие вычисления. – Если ордер доставят машиной, это займет часов восемь – десять, если, конечно, судья дома. Если самолетом – всего час-два.

– И мы должны будем здесь ждать все это время?

– Если его доставят сегодня вечером. Возможно, вам придется подождать и до завтра.

– Могу ли я спросить вас, какова цель этого вашего обыска без ордера?

– Просто рядовое расследование, сэр. Не отнимет и минуты.

Доктор Сарвис посмотрел на Бонни. Та посмотрела на него.

– Ну, что, Бонни ... ?

Она закатила глаза и пожала плечами.

– Ладно, – сказал Док. – Вынул изо рта мокрый окурок сигары, тяжело вздохнул. –

– Валяйте. Обыскивайте машину.

– Спасибо.

Рейнджер спрятал радио, вытащил свой фонарь и ринулся к машине. Бонни последовала за ним. Док остался сидеть, развалившись, на полотняном стуле у костра, потягивая свой бурбон. Он выглядел одиноким и несчастным.

Бонни открыла запыленную дверцу универсала. Включился верхний свет. Каскады красного песка и пылевидного ила посыпались на сияющие башмаки рейнджера.

– Ездили где-то по проселочным дорогам, а? – спросил он.

Бонни хранила молчание. Рейнджер включил фонарь, чтобы лучше разглядеть массу ящиков, стоявших в багажном отделении машины. Тяжелые, воцеленные фибролитовые ящики одинакового размера, плотно упакованные. Он прочел этикетки на них. Наклонился пониже и перечитал. Трудно ошибиться в знаменитом названии фирмы и овальной фирменной марке. Трудно не вспомнить этот знаменитый лозунг: «Лучшие вещи для лучшей жизни ...» Трудно игнорировать соответствующие данные, отчетливо напечатанные на каждом ящике: 50 фунтов ... мощность 60% ... 1,5 x 8, и т.д., и т.д., и т.д.

Теперь настало время вздохнуть рейнджеру. Он снова вытащил свою удобную маленькую Моторолу, а Бонни продолжала мрачно смотреть на него.

Доктор Сарвис поставил на землю свой стакан и поднялся со стула.

– Сэр! – резко сказал рейнджер. Док сделал шаг в сторону темной лесной чащи. – Вы там!

Док остановился, глядя на него. – Да?

– Оставайтесь на своем стуле, пожалуйста. Вот там, где вы сидели.

Рейнджер, как уже говорилось, был вооружен только своим жезлом, а добрый доктор был за пятьдесят футов от него, уж точно, вне досягаемости. Но твердый, авторитетный тон

молодого человека вынудил даже такого правонарушителя средних лет, как доктор Сарвис, постараться избежать прямой конфронтации. Он сел. Неохотно, ворчливо, вынужден был подчиниться.

Рейнджер, следя одним глазом за девушкой сбоку от него, а другим – за доктором Сарвисом, что было нелегко, учитывая, что он стоял между ними, быстро, но четко заговорил в микрофон своего радиотелефона:

–ДБ-3, это ДБ-5.

Он отпустил кнопку передачи, и из встроенного громкоговорителя послышался ответ:

– ДБ-3, продолжай.

– Нуждаюсь в помощи на стоянке 10, Старый кемпинг: 10-78, 10-78.

– 10-4, Эд, мы на подходе. ДБ-3.

– ДБ-5, ясно.

Рейнджер повернулся к Бонни. В его голосе появились теперь совершенно иные нотки. – Ну, мисс ...

– Миз!

– Ладно, миз –

Тон его голоса перешел в рычание. Он отвратительно скривил свою гладко выбритую верхнюю губу. Весь этот металл, и кожа, и бобровый мех в глазах Рейнджера Эбботта, в его сердце. Рейнджер парка, как же: мягкий пух кактуса, свинья на дереве.

– Он вытащил ближайший ящик на откидной борг. – Откройте этот ящик.

– Вы же сказали, что хотите только заглянуть в машину.

– Откройте этот ящик!

– Я возражаю

– Ты ... открой ... этот ... ящик!

Док угрюмо наблюдал за ними со своего стула, свет костра плясал на его блестящем носу, на лысом черепе его слишком большой головы. Он потягивал свое питье и ждал разоблачения.

Бонни сорвала ленту с крышки. Снова помедлила.

– Открывай!

Она пожала плечами, сжала челюсти (один каштановый локон упал, ласкаясь, на изгиб ее пылающей щеки; длинные темные ресницы опустились) и рывком откинула крышку ящика.

Рейнджер заглянул внутрь. Он увидел какой-то набор банок с крышками. Странно. Он выдернул одну банку и прочел наклейку: Арахисовое масло по старым рецептам. Торговая марка: Глухой Смит. Очень странно. Он отвинтил крышку. Внутри была какая-то маслянистая жидкость. Он понюхал, сунул в нее палец, вытащил его – он был покрыт густой, ярко-

коричневой, жирной субстанцией.

– Дерьмо, - пробормотал он, не веря глазам.

– Нет, арахисовое масло, – возразила Бонни.

Он вытер палец о ящик.

– Попробуйте, – говорит Бонни, – вам понравится.

Рейнджер закрыл банку и ткнул ее обратно.

– Открывай следующий ящик, - прорычал он. Бонни неторопливо открыла следующий ящик. И следующий. Подъехали еще два рейнджера. Она открыла все ящики, а Рейнджер Эбботт с подмогой стояли рядом и смотрели, угрюмо и молча. Она показала им свое арахисовое масло, свои тушеные бобы, и сладкую консервированную кукурузу, и блинную муку Тетушки Джемимы, и тунец в собственном соку, и мидии со специями, и сироп Каро, и банки с устрицами, и копченую селедку, и мешки с сахаром и мукой, свои кулинарные книги и чрезвычайно ценное первое издание книги «Солипсизм пустыни» с личным автографом автора, и свои очаровательные трусики бикини, и грязные носки Дока, и т. д., и т. п., – все аккуратно запаковано и сложено в удобные, компактные, прочные и надежные фибролитовые ящики из-под динамита.

– Где вы взяли эти ящики? – требовательным тоном спросил главный рейнджер.

– Оставьте ее в покое, – сказал Док от костра слабым голосом.

– А ты заткнись. Где вы их взяли, девушка?

– Нашли около вашего мусорного контейнера, – ответила Бонни, – вон там. Она неопределенно показала нетвердой рукой в сторону нескольких сильно захламленных, но свободных стоянок рядом с ними.

Рейнджеры посмотрели друг на друга с одной и той же мгновенной догадкой.

– Это *были они*, – сказал главный рейнджер и щелкнул пальцами. – Они, эти чертовы индейцы шушайны.

– Хочешь сказать – шошоны?

– Шошоны, точно, эти длинноволосые выродки. Поехали. Эд, звони в главный офис, а мы с Джефом запросим СОД.

Они торопливо направились к своим патрульным автомобилям, говоря быстро и тихо. Что-то о Движении американских индейцев, Сумасшедших собаках, Племени шушайнов и Возрожденной церкви коренных американцев последних дней.

– *КРАСНАЯ ВЛАСТЬ!* – крикнула Бонни им вслед, подняв сжатый кулак над арахисовым маслом, но рейнджеры, умчавшиеся с ревом в разные стороны, уже не слышали ее.

Пауза ...

Два грубых мужика вынырнули из тени. В запыленной одежде, украшенные

глуповатыми улыбками и усами, с банками пива в руках.

– Они уже ушли? – спрашивает старина Редкий Гость.

– Они ушли, – говорит Бонни.

– Долгонько ты с ними возилась, – замечает Хейдьюк.

Субботний вечер в Америке

Время тыловых маневров. Все согласились (включая и Дока), что Доку следует вернуться в Альбукерк и заняться на время своими пациентами, получить деньги по их чекам и пополнить запасы.

Бонни не хотелось возвращаться в офис, и кто бы ее упрекнул? Ей хотелось остаться со Смитом и Хейдьюком, чтобы принять участие в следующем приключении, каким бы оно ни было.

Но Док не умеет водить машину, или притворяется, что не умеет, или, наконец, просто не хочет ее водить. Поэтому было необходимо отвезти его в ближайший аэропорт – в данном случае в Пейдж, – к рейсу на Нью-Мексико. Он уезжал неохотно, с глазами, влажными от переполнявших его чувств, ворчал, слишком много пил. На прощание оДок обнял каждого из трех своих товарищей по очереди, Смита – первым.

– Смит, – говорит он, – старина Редкий Гость, я полагаюсь на тебя. Надеюсь, ты будешь присматривать за этими детьми. Ты же знаешь, они оба сумасшедшие, невинные и абсолютно беспомощные. Ты единственный взрослый в этих яслях. Заботься о них.

– С нами все будет в порядке, Док, несколько не беспокойтесь. – Смит похлопал Дока по спине.

– Постарайся следить за Джорджем, чтобы он не лез на рожон.

– Сделаю, друг.

– Присматривай одним глазком за Бонни, по-моему, она заражается от Хейдьюка его неистовством.

– Я обоих глаз с нее не спущу, уж тут можете не беспокоиться.

– Хороший ты человек. И запомни вот что: хотя путь наш труден, трудности – это наш путь. Наше дело правое, и Бог на нашей стороне. Или наоборот. Мы поднялись против сумасшедшей машины, Редкий, которая калечит горы и пожирает людей. Кто-то должен попытаться остановить ее. Это мы. Особенно ты.

– Это точно, Док. Давайте, зарабатывайте там денег и возвращайтесь скорее к нам. – Смит улыбнулся. – Не забудьте экскурсионные суда и дрессированных дельфинов.

– О, Господи, – говорит Док, – вы тут все сумасшедшие. Следующий!

Джордж Вашингтон Хейдьюк, крепкий орешек, мужик грубый и вульгарный, вышел вперед. Доктор Сарвис потащил его в сторонку от остальных. – Джордж, – говорит он, – отойдем на минуточку.

– Ладно, Док, я знаю, что вы хотите мне сказать, – Хейдьюк, крепкий, приземистый, как

пивная бочка, источающий, как всегда, запах пота, и пыли, и пива, выглядит почти ... почти взволнованным. – Слушайте, Док ...

– Нет, ты слушай меня.

– Нет, слушайте, это же была не моя идея. Я никогда не хотел, чтобы она занимала передовые позиции. От нее одни неприятности.

Док улыбнулся, обняв хейдьюковы загорелые плечи. Как медведь с буйволом. – Джордж, – говорит Док, – слушай внимательно. Мне сорок девять лет. С половиной. Уже за перевалом. Бонни знает это. Ты берешь ее. Теперь твоя очередь.

– Да я ее не хочу.

– Не лги мне, Джордж. Бери ее. То-есть, если сможешь, конечно. Если ты настоящий мужчина. Бери ее и мое благословение вам обоим. Не спорь со мною.

Хейдьюк опустил глаза, помолчал, чувствуя себя явно неловко.

– Старина Редкий, вот кто действительно хочет ее.

– У Смита есть голова на плечах. Он человек здравомыслящий и со вкусом. Не такой дурак, как ты. Тогда пусть он ее возьмет. Вот уж точно, сваляешь дурака.

Хейдьюк вспыхнул.

– Не собираюсь я бороться за нее. Какого черта? В мире есть кое-что поинтереснее, чем это.

– Нет ничего более интересного, чем женщина, Хейдьюк. По крайней мере, в этом мире.

– Они прошли еще один небольшой круг, а самолет Дока в это время готовили к вылету, – наполняли доверху топливные баки, проверяли турбокомпрессоры, крепили хвост и элероны.

Летнее солнце Аризоны освещало все своим неистовым светом – аэропорт, электростанцию, аэроплан, жителей Пейджа, провожающих и празднующихся, пассажиров, автомобили, но, безусловно, ярче их всех оно освещало мисс Б. Абцуг.

Док Сарвис, он знал; он знал драгоценность такого сокровища. Да и любой нормальный мужчина здорового естественного благочестия преклонил бы колена перед этой святыней, стелая, как больная гончая, и целуя кончики ее розовых пальцев с подобострастным обожанием.

Смит тоже знал; он таял, как сосулька. Точно, как говорил в свое время его отец – пальчики оближешь. Знали и индейцы, валяясь в тени, наблюдая за ней, как голодные зайцы, хохоча, рассказывая свои анекдоты плейстоценовой эры (более приличные). Только Хейдьюк, казалось, был безразличен к этому Высшему Знанию.

– Ну, хорошо, – сказал Док. – Кажется, все улажено. Теперь я попрощаюсь с Бонни.

Она заплакала – немножко.

– Ну, ну, родная, у тебя тушь течет. Не плачь.

– Если б она не плакала, он бы страдал, конечно. Он гладил ее по волосам, по дивным изгибам талии и бедер. Индейцы хихикали. К черту *их всех!* Дикари каменного века, разъезжающие в пикапах с галстуками из болоньи на шее, жующие хлеб Рейнбо, уставившись в телевизор, глядя каждый свой нудный вечер все тех же «Соседей мистера Роджерса».

– Я не плачу, – сказала она, орошая слезами новую элегантную замшевую жилетку Дока.

– Я вернусь через пару недель, – сказал он. – Ты тут смотри за этими идиотами, пусть они пьют витамины и чистят зубы после каждой еды. Не дай Джорджу упиться до смерти. Да, и пусть Джордж навещает своих жен время от времени.

– Конечно, Док, – она всхлипывала между его тирадами, плотно прижавшись грудью к его осанистому брюшку.

– Будь осторожна. Не проговорись Джорджу, что тебе понадобилась помощь со взрывателем. Он не знает. Заставь этих маньяков поупражняться в самоограничении. Не плачь, милая. Я тебя люблю. Ты меня слушаешь?

– Она кивнула в его объятиях, все еще всхлипывая.

– Ну, ладно. Чтобы никакой беды не случилось до моего возвращения. Делайте свое дело, но так, чтобы никто не пострадал. И смотрите, чтобы вас не поймали.

Она снова кивнула. Пилот прибавил обороты двигателя. Прерывистый рев поднялся волнами, достигая Башенной горы, Алых Скал, Одинокого Камня и далее, и далее, – сумасшедшая болтовня обезумевших поршней. Пассажиры направились к проходу: ковбои с чемоданчиками; богатые хиппи, увешанные бусами и лентами не хуже какого-нибудь индейца юта или пайюта. Они отправлялись на берега Ганга в поисках нового гуру. Служащие Бюро мелиорации земель США с головами, как турнепс, и глазами, как таблетки крысиного яда, придерживали поля своих шляп, сносимых потоками воздуха от двигателей; милые маленькие старушки в шالях летели в Феникс, чтобы сидеть с детьми (Сью снова разводится). В этот день, казалось, пол-Пейджа было здесь, и все куда-нибудь отправлялись, – и кто бы их осудил за это? В любой город, где больше баптистов, чем индейцев. Где больше любителей пива, чем скверного вина. Где больше моторных лодок, чем берестяных каноэ. Больше солнечного света, чем эмоциональности.

– Теперь тебе пора идти.

Он поцеловал ее щеки с дорожками от слез, прекрасный рот, тяжелые ресницы ее закрытых глаз

– Док... ?

– Да ... ?

– Все еще люблю тебя, Док, ты знаешь ...

– Конечно, Бонни ...

– До встречи ...

– Конечно ...

Доктор Сарвис с сумкой, газетой и плащом в руках, торопится к трапу, обшаривая по дороге все карманы в поисках билета. На верхней ступеньке трапа он театрально останавливается, оборачивается, чтобы помахать рукой, – не на прощанье, а до скорой встречи – своим друзьям и товарищам. Бонни, прислонившись к тощему костяку Редкого Смита, быстро прикоснувшись к щекам красным носовым платком, машет ему в ответ.

Они смотрели, как самолет, покачиваясь, двинулся по взлетной полосе, ведомый двигателями, завывающими, как раненое животное. Видели, как крылья снова совершили свою магическую работу, как колеса оторвались от асфальта и сложились в свои гнезда, как неуклюжая жестяная птица, накренившись, перелетела через линию электропередачи (едва не задев ее), поднялась, и, заложив вираж, взмыла в слепящем сиянии солнца.

Неясно чувствуя, что рядом стало как-то пусто, они удалились в укромный уголок знакомого бара, чтобы посоветоваться. Час пик: в подвальчике было полно жаждущих мужчин; за одним столиком сидело шестеро темнолицых ковбоев со своими пышными подружками. Бонни опустила монетку в музыкальный ящик, выбрав свои любимые вещи – сначала тяжелый рок в исполнении какого-то ансамбля нуворишей из Англии. Его терпеливо прослушали. Затем последовала другая рок-группа с истерическими завываниями какой-то певицы, имитирующий африканский стиль, затем блаженной памяти Дженис Джоплин. Это уж было слишком. Ближайший ковбой поднялся на ноги. Росту в нем было шесть футов восемь дюймов, и ему потребовалось некоторое время, чтобы выпрямиться во весь этот рост. На своих длинных ногах, напоминающих кронциркуль, он сделал несколько шагов к музыкальному ящику и пнул его, сильно; это не помогло, тогда он пнул его еще раз, сильнее. Это сработало. Игла поехала по бороздчатой поверхности винилового диска; жуткий визг, усиленный динамиками, как молния, пронзил уши, мозг и нервную систему всех присутствующих. Сильные мужчины вздрогнули. Рефлексы музыкального ящика активизировались, снова вошли в автоматический серво-механизм: рычаг возврата снял ненавистную запись и поставил ее на место. Пока ковбой бросал свою монетку в щель, настал момент драгоценной, благословенной тишины.

Только один момент.

– Эй! – завопила Бонни Абцуг грубейшим своим рыком, – это я поставила ту запись, которую ты пнул своими кривыми ногами, сукин ты сын.

Ковбой вежливо игнорировал ее. Спокойно поставив иглу, он выбрал Мерле Хаггард, Хэнка Сноу и (Боже ты мой!) Энди Вильямса, нажал соответствующие кнопки и опустил еще одну монетку.

Бонни вскочила.

– А ну поставь обратно мою Дженис Джоуплин! – Не обращая на нее никакого внимания, ковбой выбирал следующие три пластинки. Бонни наклонилась к нему, пытаясь отодвинуть его плечом. Он резко оттолкнул ее.

Тут поднялся Хейдьюк: три порции виски и кварта пива играли в его потрохах. Он почувствовал – момент настал. Выпрямившись во весь рост (что составляло целых пять футов восемь дюймов), он встал на цыпочки и похлопал ковбоя по плечу. Тот обернулся.

– Привет, – сказал Хейдьюк, улыбаясь. – Я хиппи, – и ткнул его с размаху в живот. Тот отшатнулся к стене. Хейдьюк обернулся к остальным пяти ковбоям (и их телкам), сидевшим за столом. Они стали подниматься из-за стола, тоже улыбаясь. Он начал свой номер.

– Меня зовут Хейдьюк, – ревел он, – Джордж Хейдьюк, и я счастлив, что я тут. Я слышал, что сексуальная революция добралась наконец и до Пейджа, дурацкой столицы графства Коконино. И я только хочу сказать – это чертовски подходящее время. Я слышал, что нынче даже ковбоя уже можно уложить. Я слышал ...

– Ну, блин. На этот раз не те ковбои.

Хейдьюк приходил в себя постепенно, болезненно, через бред и воспоминания, лабиринты кошмаров и галлюцинаций под нестерпимую головную боль, чтобы наконец обнаружить, что находится (Господи Иисусе Христе!) в комнате мотеля. Нежные руки обтирали теплой влажной тканью раны на его голове и лице. Сквозь розовый туман ран и боли он видел ее лицо, склонившееся над ним, нежное и прелестное, как лицо ангела.

– Идиот, – едва расслышал он, – тебя же могли убить. Их было шесть, а нас всего трое.

– Трое – кого? Шесть – чего?

– Бедный старина Редкий, – продолжала она – его едва не избили, когда он тебя оттуда вытаскивал. Они и его хотели убить.

– Кто?

Он попытался встать. Она навалилась на него, толкнув обратно на подушки.

– Расслабься, я еще не закончила. – Она вытащила кусок стекла из раны у него на макушке. – Это нужно будет зашить.

– Где Редкий? – крикнул он.

– В ванной. Обмывает свои травмы. Он в порядке, не волнуйся о нем. Тебе досталось больше всех. Они треснули тебя башкой о музыкальный ящик.

– Музыкальный ящик? Музыкальный ящик ...– А-а-а, теперь он припоминает. Эта запись Джаниса Джоуплина. Небольшая размолвка в баре. Ковбои десять футов ростом с соколиными глазами туманно замаячили перед ним. Ну, да. Не те ковбои. Человек восемнадцать. Или, может, сорок? Все на одного.

Редкий Гость Смит появился из ванной, тощий, обернутый полотенцем. На том месте, что когда-то именовалось его лицом – кривая усмешка, одно фиолетовое веко и явно сбитый на сторону нос. В ноздрях – окровавленные комки ваты. Шагая на своих слишком длинных ногах, он сейчас более чем когда-либо напоминал какую-то птицу – говорящего канюка, быть может, или светловолосого коршуна с гребня каньона.

– Какой фильм по программе «В понедельник вечером»? – спрашивает он, включая телевизор.

– «В субботу вечером», – отвечает Бонни.

Они провели вечер в оштукатуренном боксе мотеля «Отдых в тени» – небольшом домишке весьма преклонного возраста (без бассейна), который, однако, был гордостью Пейджа. Кондиционер не работал, телевизор снова и снова бормотал что-то невнятно и бессвязно. Смит зашил рану на голове Хейдьюка, заклеил пластырем. Вместе с Бонни они обработали раны поменьше и помогли Хейдьюку забраться в ванну. Смит ушел за пивом и едой. Бонни обмывала Хейдьюка своими нежными руками, и когда его пенис поднялся во всем своем великолепии, – чего и следовало ожидать, – она ласкала его любящими пальцами, щедро одаривая комплиментами. Хейдьюк быстро выздоравливал. Несмотря на свой ступор, он знал, – он был избран. Теперь уж он ничего не мог с этим поделать. Избитый, но благодарный, он покорился.

Вернулся Смит. Они поели. Смит – тактичный человек! – исчез, как только кончился фильм, уехал в пустыню на своем пикапе, спал под звездами на своем спальнике в компании с тарантулами и гремучими змеями, и снились ему, без сомненья, его покинутые жены.

Абцуг и Хейдьюк, оставшись, наконец, наедине, вцепились друг в друга, как вагонетки на сортировочной станции. Никто не вел счета в эту ночь, но шаткая гостиничная койка раскачивалась на ножках и ударяла в стену гораздо больше раз, чем подобало бы считать пристойным; стоны и выкрики Бонни звенели в темноте с непредсказуемыми, но достаточно короткими перерывами, вызывая недоброжелательные комментарии в соседних комнатах.

Поздним утром следующего дня, – было уже время выписываться из мотеля, – после грандиозного финала они лежали на влажных простынях, размягченные, как морские водоросли, она – переполненная, он – иссякший. Довольно долго они прислушивались к легкому стуку в дверь – это Смит скромно постукивал костяшками пальцев по пустой внутри фанерной двери, на которой было прикреплено следующее объявление, взятое в рамку:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Время выписки – 10 часов утра

Весь инвентарь вашей комнаты
пересчитан и внесен в список .

Ваше имя, адрес и номер водительского
удостоверения сохраняются в нашем
постоянном архиве.

Хорошего вам отдыха!

И – ПРИЕЗЖАЙТЕ К НАМ СНОВА!

Администрация

Мотель «Отдых в тени»

Американская лесозаготовительная индустрия:

планы и проблемы

Он сказал, что съездит ненадолго домой. Он сказал, что думал об этом всю ночь и решил, что ему действительно пора уже повидаться с жёнами, детишками, разобрать почту и другие дела и перенести несколько лодочных походов по Зелёной реке до возвращения к ним. Кроме того, он опасался, что епископ Лав и его поисково-спасательная команда отслеживают его в округах Сан-Хуан и Гарфилд. Он попросил Абцуг и Хейдьюка отложить следующую операцию хотя бы на неделю.

Они позавтракали втроем в кафе «У Мамы». Чрезвычайно экономное заведение – ничего съедобного, однако одно из лучших в Пейдже. Они выпили хлорированный апельсиновый «напиток», съели замороженные блинчики из пакета (клей с ватой) и сосиски с нитратом и нитритом натрия, запив всё это кофе с карболкой. Они сошлись на том, что это был типичный завтрак в Пейдже, и ни капельки не плохой, – он был плох весь целиком. Кроме того, они договорились о своём ближайшем будущем.

Смит совершит свой брачный тур по Юте в четыре сотни миль и исполнит свои супружеские обязанности. После этого они воссоединятся, чтобы осуществить намеченное нападение на Департамент автодорог штата Юта и его последние объекты.

А Бонни и Хейдьюк? Что ж, Джордж признался, что у него есть планы относительно предварительного предбрачного медового месяца в прохладных высокогорных лесах над Большим каньоном, на который Бонни давно уже хотела поглядеть с высоты. Кроме того, он хотел ознакомиться с деятельностью Лесной службы США и лесозаготовительных компаний на плато Кайбаб.

Мужчины скрепили договор крепким рукопожатием, а-ля Меллори и Ирвин на Эвересте'24. Бонни обняла Смита. Они расстались – Смит в своём пикапе направился к Сидар Сити, Баунтифулу и Зелёной реке, Джордж и Бонни в джипе поехали из Пейджа к Скалам Эхо, Мраморному каньону и далее.

Бонни вспомнила своё первое путешествие этим же маршрутом, когда они направлялись в Лиз Ферри и теперь уже ставший историей лодочный поход по каньону. Разве могла она забыть бородатого бездельника на пляже? Пороги и перекаты? Заговор у костра, обретавший плоть и кровь день ото дня и от ночи к ночи там, в докембрийском чреве Земли, всю дорогу от Лиз Ферри до Темпл БарНа пляже у балки Разлуки мужчины поклялись в вечном товариществе, скрепив свою клятву бурбоном и кровью, добытой из их раскрытых ладоней с помощью

охотничьего ножа Хейдьюка. Бонни, отделившаяся от них и возлежавшая в своём спальнике в бурьянах, улыбалась, глядя на эту церемонию, но была всё равно принята негласно. У костра под полуночными звёздами родилась в ту ночь Банда гаечного ключа ...

Любовники тем временем проехали ущелье, резко свернули вправо у Горьких ключей и понеслись на север по границе земли навахо к мосту через Мраморный каньон («И этот тоже, когда-нибудь», – пробормотал Хейдьюк) и дальше через Аризона Стрип. Они мчались на запад в джипе Хейдьюка, в виду плато Пария и Алых Скал к долине Хаузрок через красный ад камня и волн жары, мимо ворот в Ранчо Буйволов, вверх по массиву известняка, похожему на кита, что выбросился на берег посреди пустыни. Здесь трудяга-джип преодолел высоту четыре тысячи футов и добрался до жёлтых сосен и зелёных лугов Национального леса Кайбаб.

Как все порядочные туристы, они остановились в Джекоб Лейк, чтобы заправить баки, выпить кофе с пирогом и взять с собою пива. Воздух был сладок и свеж, и пахнул солнцем, сосновой смолой и травой, и был прохладным, несмотря на жуткий зной пустыни, поджидающий внизу. Прозрачные листья осин дрожали в солнечном свете, а белокорые их стволы на фоне хвойных были так похожи на изящных женщин.

От Джекоб Лейк они взяли к югу по дороге, которая оканчивается тупиком у Северного края Гранд каньона. Бонни мечтала о любви, и прекрасных пейзажах, и домике среди сосен; Хейдьюк, тоже романтик и мечтатель, думал, однако, о другом: о мазохистских машинах, об искорёженной, страдающей стали, о железе под неестественным давлением, о разных способах реализации того, что он называл «созидательным разрушением». Тем или иным способом они собирались замедлить, если не остановить, наступление Технократии, бесконечный рост РОСТА, Распространение идеологии раковой клетки. «Я поклялся на алтаре Бога, – орёт Хейдьюк навстречу свистящему ветру (поскольку матерчатый верх его джипа опущен), и моргает, пытаясь вспомнить слова Джефферсона, – что буду вечно бороться против *любой чёртовой формы тирании*, – излагая их не совсем точно, но абсолютно правильно, – над жизнью мужчины.

– А как насчёт жизни женщины?

– К чёрту женщин, – радостно вопит Хейдьюк. И пора об этом подумать – «И пора об этом подумать, – произносит он, сворачивая с автотрассы на неширокую аллею среди леса, под соснами и трепещущими осинами, незаметную с дороги, – к самому краю солнечной лужайки с разбросанными по ней коровьими лепёшками, – давай!»

Он останавливает джип, глушит двигатель, хватается за неё и тащит на траву. Она мужественно сопротивляется, вцепляется ему в волосы, рвёт на нём рубашку, пытается всунуть колено ему между ног.

– Ах ты, шлюха, – рычит он, – сейчас я тебя трахну!

– Ага, – отвечает она, – только попробуй, выродок чёртов!

Они катаются по зелёной луговой траве, запятнанной коровами, по опавшим листьям, сосновым иглам, по мечущимся в панике нервным муравьям.

Ей почти удалось вырваться. Но он ухватил её, снова повалил на траву, смял в мощных своих руках, зарылся лицом, глазами, губами в роскошь её пышных волос, кусал сзади за шею, теребил мочку уха ...

– Ах ты жирная еврейская шлюха.

– Мужик неотёсанный, пропойца, свинья ты необрезанная, гой!

– Чёртова шлюха.

– Тупой недоучка. Вербальный паралитик. Ветеран безработный.

– Хочу сейчас.

– После дождичка в четверг.

– Ну, ладно. Раз так – ладно. – Но она взяла верх. – Знаешь, твоя голова как раз в куче коровьего дерьма. Но тебе всё равно. Конечно, тебе безразлично. Ладно. Хорошо. Так где он там у тебя? Не могу его найти. Вот это? *Это?* Мама? Привет, мам, это Сильвия. Да. Слушай, мам, я не смогу приехать на Хануку. Да, да. Ну, потому что мой дружок – помнишь, Ихабод Игнац? – так вот, он взорвал аэропорт. Он тот ещё – оуууу! – орешек –

Он погрузился в неё. Она проглотила его. Ветры гуляли в жёлтых соснах, в трепещущих осинах, листья танцевали, журча, как крошечные водопады. Чирикание каких-то маленьких птичек, лай серой лисицы, свист шин по асфальтированному шоссе где-то вдалеке, все эти нормальные, умеренные, обычные звуки, – всё было смыто, сметено на грани мира, в отчаянном порыве страсти.

Вверх – вниз, через леса и луга, низины, ямы и блюдца волнистого ландшафта кавернозного известнякового плато (пористого, как губка, из-за бесконечных каверн), он вёл свой джип, всё на юг, на юг, к лесозаготовительным компаниям, их надеждам и страхам. Она уместилась позади него, наполовину на нём, и её длинные волосы развевались на ветру, как знамя.

Они остановились ещё раз у северной оконечности низины, именуемой Приятная долина, чтобы отредактировать и украсить официальный плакат Службы леса США. Плакат изображал пресловутого медведя Смоки в натуральную величину, в рейнджерской шляпе, синих джинсах и с лопатой, и написано на нём было то же самое, что обычно пишут на таких плакатах: «Только ТЫ можешь предотвратить лесной пожар».

За краски – и к плакату. Добавив медведю жёлтые усы, они определённо подправили его невыразительную морду, а когда остатки красной краски были использованы, чтобы придать

его глазам красноватый блеск, медведь стал похож на Роберта Редфорда в роли Санденса Кида. Бонни расстегнула медведю ширинку на джинсах, – фигурально говоря, – и пририсовала в паху обмякший половой член с волосатыми, но сморщенными яичками. К наставлению Смоки относительно пожарной безопасности Хейдьюк пририсовал звёздочку и сделал сноску: «Медведь Смоки – дерьмо» (потому что ведь всем известно, что большинство лесных пожаров вызывается этим бесплотным парообразным гоминоидом в небесах – Богом, искусно замаскированным под молнию).

Очень забавно. Впрочем, в 1968 году Конгресс Соединённых Штатов принял закон, по которому осквернение, искажение или иные изменения образа Медведя Смоки считается федеральным правонарушением. Зная это, Бонни потащила Хейдьюка обратно к джипу – и прочь оттуда, поскольку он непременно желал довести дело до конца и повесить несчастного мишку за шею на ближайшем дереве, скажем, *Pinus ponderosa*.

– Хватит, – пояснила Бонни, и она была права, как всегда.

В четырёх милях к северу от входа в Район северного кряжа Национального парка Гранд каньон они подъехали к перекрёстку дорог, где стоял знак БЕРЕГИСЬ ГРУЗОВИКА. Здесь Хейдьюк свернул налево, на немощёную, но широкую дорогу, что вела на восток к лесу и новым приключениям.

На протяжении всех сорока четырёх миль, что они проехали от озера Джекоб, они до сих пор не видели ничего, кроме зелёных долин, кое-где украшенных стадами коров или оленей, а за и над ними росли осины, сосны, ели и пихты, представлявшие собою национальный народный лес – нетронутый и неприкосновенный. Фасад. За этим фальшивым фасадом всё ещё растущих деревьев – каймою девственной поросли с четверть милю в глубину, было подлинное назначение национального леса: лесохозяйственные фермы, плантации лесозаготовителей, местные фабрики лесоперерабатывающей промышленности, изготавливающей брус, доски, пульпу и фанеру.

Бонни была поражена. Прежде она никогда не видела сплошной вырубki леса.

– Что случилось с деревьями?

– Где ж тут деревья? – спросил Хейдьюк.

– Об этом я и спрашиваю.

Он остановил джип. В тишине они оглядывали сцену опустошения. На площади более четверти квадратной мили лес был полностью очищен от деревьев, – от каждого дерева, большого или маленького, здорового или поражённого болезнью, сеянца или древнего, высохшего ствола. Не осталось ничего, кроме пней. Там, где были деревья, теперь были навалены гигантские кучи сучьев и сора, ожидающих зимы, когда их сожгут.

– Объясни мне, – потребовала Бонни. – Что здесь случилось?

Он попытался объяснить. Судьба Объясняющего нелегка.

При сплошной рубке, начал он, полностью сносят естественный, природный лес, – то, что на языке лесопромышленников называется «сорный лес», – и высаживают деревья одной единственной породы аккуратными прямыми функциональными рядами, как кукурузу, сорго, сахарную свёклу или другую сельскохозяйственную культуру. Затем в землю вгоняют массу химических удобрений, заменяющих естественный гумус, смываемый поверхностными водами, используют саженцы с гормонами – ускорителями роста, ограждают участок от оленей и получают урожай одинаковых деревьев, абсолютно идентичных. Когда деревья достигают определённой высоты (не зрелости – это требует слишком много времени), засылают комплекс лесоборочных машин и валят эти чёртовы ублюдки – все до одного. Потом сжигают хворост, сор, обрубки, вспахивают, удобряют, засевают всё сначала, снова, и снова, и снова, всё быстрее, и быстрее, и плотней, и плотней, пока, как сказочная малайзийская Концентрическая птица, летающая всё уменьшающимися концентрическими кругами, не исчезают в собственной заднице.

– Понятно?

– И да, и нет, – за исключением того, что, если это ... – она помахала рукой, обводя окружающую их пустошь – я говорю, если всё это было национальным лесом – *национальным* лесом – то он принадлежал нам, верно?

– Неверно.

– Но ты сказал, –

– Ты что, совсем ни черта не понимаешь? Чёртова нью-йоркская либеральная марксистка.

– Никакая я не либеральная марксистка, и не из Нью-Йорка.

Хейдьюк поехал дальше мимо пустоши. Хотя в Кайбабе оставалось уже мало природных лесов, всё же он выглядел более или менее как сплошной естественный лес. Рубки только начинались. Многое уже было потеряно, но многое ещё оставалось, – хотя многое уже было потеряно.

Бонни спросила, всё ещё сильно встревоженная: «Но они нам платят за наши деревья, верно?»

– Конечно, лесозаготовители участвуют в торгах за право валить лес на данном участке. Кто предложит самую высокую цену, – выписывает чек на имя Казначейства США. Служба леса берёт эти деньги – наши деньги – и тратит их на строительство новых трелёвочных дорог, таких, как вот эта, обустроенных и спланированных для того, чтобы им было удобно вывозить отсюда лес и поглядеть, сколько оленей, бурундуков и туристов они могут при этом убить. Олень – десять очков, бурундук – пять, турист – одно очко.

– А где лесорубы сейчас?

– Воскресенье. У них выходной.

– Но Америке же нужна деловая древесина. Людям нужно какое-нибудь жильё.

– Это верно, – ответил он раздражённо. – Людям нужно жильё. Так пусть строят свои дома из камня, ради Бога, или из глины и палок, как папуасы. Из кирпича или шлакоблоков. Из упаковочных ящиков или жестянок из-под Каро, как мои друзья в Дак Тхо. Пусть строят дома, что смогут простоять какое-то время, ну, скажем, сто лет, как хижина моего прадеда у нас в Пенсильвании. Тогда нам не нужно будет уничтожать леса.

– Всё, что тебе нужно – это антииндустриальная революция, только и всего.

– Точно. Только и всего.

– Как же ты предлагаешь её осуществить?

Хейдьюк задумался над этим вопросом. Хорошо бы, чтобы здесь был док. Его собственные мозги работали, как осадок в отстойнике в ветреный день. Как рябь на пруду. Как проза Председателя Мао. В его саботаже было много ярости, но мало ума. А джип тем временем углублялся всё дальше в Национальный лес Кайбаб и всё ближе к вечеру. Капли смолы выступали на сосновых стволах в пыльном солнечном свете, пели дрозды-отшельники, а над ними всё небо расцветало красками заката – голубой с позолотой.

Хейдьюк думал. Наконец пришла идея. Он сказал: – Моя работа – спасти эту чёртову дикую природу. Я не знаю больше ничего такого, что стоило бы спасти. Это просто, верно?

– Простачок.

– Мне и так хорошо.

Они добрались до разработок, которые искал Хейдьюк. Это была незавершённая сплошная вырубка, вся рабочая техника стояла вокруг, без дела, в вечерних сумерках. Бульдозеры, погрузчики, танкеры, трелёвщики, все машины застыли в ожидании, кроме грузовиков, сделавших последнюю ходку на лесопильный завод в Фредонии в пятницу вечером.

– А где сторож?

– Их здесь не будет. Они для нас не придут.

– Если ты не против, я бы хотела убедиться.

– Давай.

Хейдьюк остановил свой джип, вышел, закрепил втулку и перевёл его на четыре ведущих колеса. Они ехали вверх и вниз по трелёвочным трассам, по грязи и сору, вокруг уложенных брёвен и куч отходов, через многие акры изуродованных пней. Бойня, резня – ни одного живого дерева на площади в двести акров.

Они нашли контору участка – небольшой передвижной домик, запёртый и

неосвещённый: никого нет дома. КОРПОРАЦИЯ ДЖОРДЖИЯ ПАСИФИК, СИЭТТЛЕ, ВАШИНГТОН, гласила жестяная табличка на двери. Похоже, ребята работают далеко от дома, подумал Хейдьюк.

Он вышел. Постучал в запертую дверь, погромел висячим замком. Никто не отвечал; ничто не отвечало. Стрекотала белка, голубая сойка взлетела с дерева в лесу за вырубкой; однако поблизости всё было тихо. Даже ветер прекратился, и лес стоял неподвижно, как и мёртвая зона, окружавшая его. Бонни думала о Путнике. Скажи им, что он вернулся. Скажи им, что он вспомнил, и т.д. Хейдьюк вернулся.

– Ну?

– Я ж тебе говорил. Здесь никого нет. Все уехали в город на уикэнд.

Она обернулась, глядя через поле битвы на инертные сейчас, но мощные машины, стоящие совсем рядом, на беззащитные деревья за вырубкой. И снова на машины.

– Здесь оборудования, наверное, на миллион долларов.

Хейдьюк осмотрел расположение машин оценивающим взглядом.

– Около двух с половиной миллионов, – сказал он. Оба подумали одно и то же.

Помолчали.

– Что будем делать? – спросила она, вздрогнув от вечерней прохлады.

Он усмехнулся, обнажив клыки, блеснувшие в сумерках. Взметнулись большие кулаки большими пальцами вверх. «Время выполнять наши обязанности».

Доктор Сарвис у себя дома

Трудный день в операционной. Сначала – торакальная операция: сложное удаление нижней доли левого лёгкого у мальчишки четырнадцати-пятнадцати лет. Он приехал сюда, на Юго-запад, слишком поздно, – лет через десять лет после того, как старомодный свежий воздух девятнадцатого столетия заменило современное научное мышление, и умудрился завести пульмонит, осложнённый шрамами бронхоэктазии (расширения бронхов) – болезни, редкой у молодых млекопитающих, в свою очередь, осложнённой через несколько лет самым типичным на юго-западе хроническим заболеванием – коккоидиомикозом, или равнинной лихорадкой. Эта грибковая инфекция обычно связана со щелочными почвами и разносится чаще всего ветром в тех регионах, где естественная поверхность пустыни нарушена сельским хозяйством, строительством и добычей полезных ископаемых. У его нынешнего пациента эта активно распространяющаяся болезнь, спровоцированная экономическими причинами, привела к жестокому кровотечению, так что у доктора не было иных возможностей, кроме как удалить, наложить швы и зашить парнишке кожу.

Дальше, для отдыха и расслабления, Док выполнил удаление геморроя. Эту простую, как удаление сердцевины яблока, операцию доктор всегда проводил с удовольствием, особенно сейчас, когда его пациентом был вульгарный, белозадый, синеносый районный прокурор округа Бернал У.У. Динглайн (или *не* У.У.Динглайн? а-а, какая разница), преследовавший стриптизёрку. Гонорар Дока за эту десятиминутную операцию ректального развёртывания составит, в данном случае, ровно 500 долларов. Чрезмерно? Конечно; конечно, чрезмерно; но, собственно, его же предупреждали: прокуроров здесь не почитают.

Закончив, он сбросил свой запятанный кровью халат, ущипнул медсестру за попку и побрёл на дрожащих задних конечностях через боковую дверь по аллейке сквозь фотохимическое сияние слегка приглушённого, но безжалостного солнца Альбукерка. Спустившись по короткой, в несколько ступенек, затемнённой лестнице, он оказался в мягком полумраке ближайшего бара.

Официантка появлялась и исчезала, появлялась и исчезала снова – бесплотная улыбка, скользкая в сумраке зала. Док потягивал свой мартини и думал о парнишке с разрезом – теперь уже зашитом – длиной в восемь дюймов, и как у него печёт сейчас под левой лопаткой. Когда-то Юго-запад был местом, куда восточные врачи посылали на поправку своих самых серьёзных респираторных больных. Это время прошло; банкиры, промышленники, строители автодорог, поставщики коммунальных услуг, – все те, кто нынче занимается его освоением и застройкой, менее чем за тридцать лет преуспели в своих усилиях довести воздух городов Юго-

запада до «стандартного качества», то-есть сделать его таким же загрязнённым, как и повсюду в иных местах.

Док считал, что знает, откуда появляется яд, отравивший лёгкие этого мальчишки и съедающий слизистые оболочки ещё нескольких миллионов граждан, включая и его самого. От плохого зрения до раздражения глаз, от аллергии до астмы, до эмфиземы, общей астении – лежал прямой путь, патогенный на всём протяжении. Уже и здесь, в Альбукерке, бывают дни, когда школьникам запрещают играть на «свежем» воздухе, поскольку тяжёлое и частое дыхание оказывается более опасным, чем прилипчивые детские болезни.

Он заказал второй мартини, следя внимательным взглядом за всеми движениями безупречных по форме бёдер молодой официантки, мягко маневрировавшей зигзагообразным курсом между столиками обратно к стойке бара с хромированным ограждением. Он представлял себе их внутренние поверхности, нежно ласкающие друг друга в интимной близости, и куда они ведут, и как, и зачем. И вспомнил с внезапным уколом острой боли, пронзительной, как утренний сон, – о Бонни.

Хватит. Хватит об этом.

Док побрёл обратно, навстречу мощному солнечному свету, всё возрастающему рёву машин на улице, ирреальной реальности города. Нашёл свой велосипед, собственно, не свой, а Бонни, там, где он кое-как пристроил его в стойке у входа в хирургическое отделение. Сильно виляя, доктор Сарвис вёл своё транспортное средство, оснащённое десятью передачами, на первой скорости вверх по длинному подъёму Железной авеню. («Оголил ноги – сказали бы деревенские мальчишки, – чтобы прогулять свой зад»).

Сумасшедшие водители в своих заносчивых железных колесницах пронеслись в опасной близости от него. Он продолжал бороться, герой – одиночка, сдерживая самостоятельно весь их напор. Холоп какого-то подрядчика за рычагами сверхгабаритного цементовоза громко сигналил прямо за спиной у доктора, чуть не сталкивая его в сточную канаву. Док отказался уступить; продолжая нажимать на педали, он поднял одну руку с резко вытянутым указательным пальцем – жест решительного отказа – *Чинга!* Водитель грузовика объехал его, небрежно наклонился к правому окну своей кабины, чтобы высунуть оттуда своё мясистое предплечье, кулак и палец наружу и вверх: *Чинга ту мамре!* Док ответил знаменитым неаполитанским двойным выпадом: мизинец и безымянный вытянуты, как зубцы вилки для мяса: *Чинга штугац!* (Непереводимая и неестественная непристойность). О-о! Это уж чересчур: на этот раз зашло слишком далеко.

Водитель швырнул свой цементовоз к бордюру с жутким визгом тормозов, открыл дверцу кабины со своей стороны и вывалился из неё. Док въехал на тротуар и спокойнѐхонько поехал дальше по правой стороне, сидя в седле прямо и гордо, как истинный джентльмен, –

уже на третьей скорости. Водитель пробежал за ним несколько шагов, потом остановился и ретировался в свою кабину, под громогласный хор сирен всех автомобилей, выстроившихся за ним и сигналивших дружно *тутти фортиссимо*.

Док всё ещё ехал по Железной авеню, когда у него вдруг появилось неприятное ощущение, что его преследуют. Взглянув через плечо, он увидел, что его снова нагоняет тот самый цементовоз, ломящийся вперёд, как Голиаф. Сердце Дока забило быстрее; отчаянно жуя свою тлеющую сигару, он разработал план. На углу, который он имел в виду, находился свободный участок, с огромным сдвоенным щитом объявлений в металлической раме на высоких металлических опорах. Его уже было видно. Док слегка притормозил, держась как можно ближе к бордюру, и пропустил пару автомобилей, так что цементовоз оказался непосредственно за ним. Оглянувшись, Док снова бросил его водителю невыразимое двузубое калабрийское оскорбление. Сирена ответила пронзительным воплем ярости. Док прибавил скорость, переходя на шестую, а грузовик грохотал у него за спиной. Вот и угол; Док прицелился в узкую щель между бордюрными блоками, от которой шла грунтовая дорога к щиту (Док и Бонни однажды редактировали его). Предоставляя водителю спортивный шанс, Док учтиво показал ему, что намерен сделать резкий поворот направо. Пальцы, конечно, вытянуты.

Момент настал. Док заложил грациозный вираж, не теряя ни одного поворота педалей. Стремительный и элегантный, степенно сидя с прямой спиной на крошечном седле своего велосипеда, он проехал между стальными опорами и под нижним краем двойного щита всего в каких-нибудь шести дюймах от него. Цементовоз ринулся за ним.

Услышав грохот и треск, Док притормозил и сделал круг, озирая место крушения: эффектно, но не очень серьёзно. Оба щита опрокинулись на кабину и всё ещё вращающийся миксер цементовоза. Прямо посредине покорёженных обломков бил фонтан пара, свистя, как гейзер, из прорванного радиатора агрегата №17 Компании по производству цемента и гравия города Дьюк Сити.

Док смотрел, как водитель выкарабкивался из своей кабины в тень, под щиты. Он был, в общем, в порядке, если не считать кровоточащего носа и мелких ушибов, ссадин и шока. Раздался душераздирающий звук сирен, приблизился, появился и замер под хлопанье дверей патрульных машин. Происшествием занялась полиция. Док, невредимый и безнаказанный, спокойно поехал дальше.

С ужином всё было не так просто. Доктор Сарвис любил поесть, но не любил готовить. Побродив какое-то время по кухне в поисках чего-нибудь, кроме пакета мороженых котлет, твёрдых, как кварцит, после месяца в морозильнике, он, наконец, устроил себе ужин – *к чёрту*, где же моя *Бонни*? – из банки зелёной фасоли, салата из курицы, оставшегося ещё от Абцуг, и

бутылки пива. Он включил телевизор, чтобы посмотреть вечерние новости с Уолтером Кронкайтом и его друзьями, затем сел за стол и ещё раз внимательно прочёл открытку, которую он только что вынул из почтового ящика.

Дорогой папочка Док, мы тут замечательно проводим время в лесах, собираем цветочки любимся оленями, а генерал Хейвик повсюду нас сопровождает, мы все очень без тебя скучаем и увидимся в Пейджэ? В Сухом Каньоне? Через неделю? Две? Позвоним любим Грубиян Бонни Редкий Гость Спит.

Открытку отправили из города Джекоб Лейк, Аризона. На ней были изображены горы, и луга, и олени, и осины в яркой летней зелени.

Он доел свой одинокий холостяцкий ужин, чувствуя себя таким же холодным и заброшенным, как и этот куриный салат. Он скучал без них. Ему не хватало ясного, свежего воздуха, пустошей, мелких желтоватых цветочков, запаха можжевельного дыма, ощущения песка и песчаника в руках. Ему не хватало удовольствий, действия, удовлетворения от хорошо сделанной работы. (Поддержите ваших местных эко-воинов). Он скучал без всего этого. Но больше всего ему не хватало его Бонни. Самой боннистой Абцуг, – самой красивой, пышной, здоровой, самой хорошей на свете.

Он посмотрел новости. То же, что и вчера. Продолжается общий кризис. Ничего нового, кроме рекламы, полной незатейливых картинок и эко-порнографии. Озёра Луизианы, странные птицы в замедленном полёте, кипарисы с бородами испанского мха. Над девственно-прекрасными картинами звучал голос Власти, исполненный искренности, расточающий похвалы себе и нефтяной компании Эксон – её опрятности, её исключительной заботе обо всей дикой природе, её постоянному вниманию к человеческим нуждам.

Возвращаясь от холодильника со второй бутылкой пива, Док остановился на секунду перед экраном телевизора. Долгий кадр морской буровой установки. Громкая заключительная музыкальная фраза. Слова «Мы думали, вы бы хотели знать ...» проходят через весь экран. Это уж слишком для Дока. Внезапно всё вдруг стало невыносимо. Он размахнулся правой ногой, всё ещё обутой в ботинок, и дал этому чёртову экрану прямо в глаз. Он взорвался с громким хлопком, как будто лопнула грандиозная электрическая лампа. Голубое сияние залило кухню и тут же умерло в момент своего рождения; прозрачные осколки тонкого флуоресцентного стекла скользнули по стенам.

Док постоял, созерцая то, что он натворил. «Так я опровергаю МакЛюэна», - пробормотал он. И снова сел за стол. В воздухе плавал запах сернистого цинка. Покончив с ужином, он затолкал грязные тарелки посудомоечную машину, и без того уже переполненную грязной посудой; он втиснул их вовнутрь, навалившись на верхнюю крышку машины. Хруст и

треск раздавленного стекла. Он накормил кота Бонни и вышвырнул его за дверь, ушёл из кухни в гостиную и сел перед большим окном, закулив сигару. Перед ним расстился город в своём угрюмом величии, с рядами фонарей, как нитки янтарных бус. Над городом, за Рио Гранде, висела в вечернем небе молодая луна, бледная, как платина, освещающая город, и реку, и пустыню за ними.

Док думал о своих друзьях где-то там, далеко, на север и запад от него, среди камней, под этим простым светом. Они делали своё нужное дело, а он тут впустую тратил время. Дьявол найдёт работу праздным рукам. Доктор Сарвис потянулся за газетой. На обороте увидел объявление на всю страницу. Представление на судах, Ледовая арена Айс Сити. Он подумал, что нужно бы пойти посмотреть новые прогулочные суда. Завтра, или, может быть, на следующий день. В ближайшее время.

Путники в ночи

Хейдьюк спрятал свой джип среди сосен неподалеку от входа на участок вырубki и устроил Бонни на капоте, приказав держать глаза открытыми и уши промытыми. Она нетерпеливо кивнула.

Он надел каску, комбинезон, пистолет с кобурой, рабочие перчатки, взял небольшой фонарик и необходимые инструменты и исчез из виду в глубоких сумерках лесосеки, как тень среди огромных машин. Она хотела было почитать, но было уже слишком темно. Сначала она пела песни, мягко, негромко, и слушала крики птиц – птиц неведомых ей и невидимых где-то в глубине леса, устраивающихся на ночлег в своих гнёздах, засунув голову под крыло, уходя в простые, безопасные птичьи сны. (У птиц ведь нет головного мозга).

Лес казался вечным и неизменным. Ветер стих, затихли и птицы, и тишина стала более тонкой и глубокой. Бонни знала, об окружающем её высоком соседстве, о задумчивых жёлтых соснах, о тёмных мохнатых личностях ели Энгельмана и канадской белой ели, их высоких коронах, завершающихся шпильями, как кафедральные соборы, что повёрнуты под разными углами (поскольку всё, что растёт, должно различаться) к сияющему множеству звёзд первой величины, что, зажигаясь, прилагают все усилия к тому, чтобы украсить нашу обширную расширяющуюся вселенную. Бонни, однако, уже видела это; она перевернулась и закурила свою сигаретку с марихуаной.

Тем временем Джордж В.Хейдьюк под брюхом бульдозера пытался сдвинуть с места огромный гаечный ключ, чтобы открыть сливную пробку картера этого HD-24 Эллис-Чалмерс. Самого огромного из всех, которые выпускает Эллис-Чалмерс. Гаечный ключ был три фута длиной, – он только что достал его из инструментального ящика, – но ему не удавалось провернуть эту квадратную гайку. Он взял своё вспомогательное орудие – трёхфутовый кусок трубы, – надел его, как рукав, на конец гаечного ключа и снова потянул. На этот раз гайка подалась – на какую-нибудь долю миллиметра. Но этого было достаточно; Хейдьюк рванул снова, и гайка начала поворачиваться.

До сих пор он не делал ничего особенного, – обычные рутинные операции. Где было возможно, он выпускал масло из картеров машин, чтобы завести их непосредственно перед отъездом. (Фактор шума). У него не было ключей, но он надеялся найти их, взломав замок на домике конторы участка. Ещё один поворот ключа, и масло начнёт вытекать. Хейдьюк отодвинулся, перехватил поудобнее рукоятку ключа. И остолбенел.

– Как там дела, друг? – спросил мужской голос, низкий и глубокий, не далее чем в двадцати футах от него.

Хейдьюк потянулся за своим пистолетом.

– Не-е, не делай этого. – Мужчина щёлкнул выключателем, направив луч мощного электрического фонаря прямо в лицо Хейдьюку. – У меня вот что есть, – пояснил он, ткнув дуло своего явно двенадцатизарядного ружья в луч света, где Хейдьюк мог его хорошенько рассмотреть. – Вот, и он заряжен. И взведен. И он раздражительный, как гремучая змея.

Он помолчал. Хейдьюк ждал.

– Ладно, – сказал незнакомец, – а теперь ты полезай-ка обратно туда вниз и кончай там свою работу.

– Кончать?

– Давай.

– Я там кое-что искал.

Мужчина рассмеялся лёгким, приятным смехом, но не без угрозы.

– Правда? Ну и какого же чёрта ты там ищешь в потёмках под картером этого клятого бульдозера?

Хейдьюк внимательно обдумывал ответ. Это *был* хороший вопрос.

– Н-ну, – сказал он и умолк.

– Давай, заканчивай там всё. Делай своё дело.

– Н-ну ...

– Ты, должно быть, хорошо работаешь.

– Да. Ну, я искал ... ну, я пишу книгу о бульдозерах и решил, что мне надо посмотреть, как они выглядят. Снизу.

– Это не очень-то здорово. Так как же они выглядят снизу?

– Грязные.

– Что я тебе скажу, друг, чтобы ты перестал трепыхаться. Что это за трёхфутовая штука у тебя в руках. Ею ты, что ли, свою книгу пишешь?

Молчание.

– Ладно, – сказал незнакомец, – давай, кончай свою работу. – Хейдьюк колебался. – Делай, что сказано. Отвинти эту пробку. Выпусти масло.

Хейдьюк сделал, что сказано. После всех дебатов дуло пистолета, как прежде луч фонаря, было направлено прямо ему в лицо. А пистолет на близком расстоянии, знаете ли – мощный аргумент. Он работал, отвинтил пробку; масло, гладкое, плотное, освобождённое, полилось на взрыхленную почву и внутрь неё.

– Теперь, – приказал незнакомец, – брось ключ, положи руки за голову и типа выползай оттуда на спине.

Хейдьюк повиновался. Что было нелегко, – извиваясь, выползая из-под трактора на

спине, не помогая себе руками. Однако он вылез.

– Теперь ложись лицом вниз. – Снова Хейдьюк послушно выполнил приказание. Мужчина поднялся на ноги (до сих пор он сидел на корточках), подошёл вплотную, вытащил пистолет Хейдьюка, шагнул назад и снова присел на корточки.

– Ладно, можешь перевернуться и сесть. – Он осмотрел игрушку Хейдьюка. – Калибр .357. Мощная штука.

Хейдьюк сидел прямо напротив него. – Ты можешь не светить мне прямо в лицо своим фонарём.

– Ты прав, друг. – Незнакомец выключил фонарь. – Виноват.

Они глядели друг на друга во внезапно наступившей тьме, размышляя, вероятно, о том, кто из них лучше и быстрее видит в темноте. Но незнакомец держал свой указательный палец на спусковом крючке пистолета. Они достаточно хорошо видели друг друга в свете звёзд. Некоторое время оба сидели неподвижно.

Незнакомец откашлялся.

– Уж очень медленно ты работаешь, – пожаловался он. – Я следил за тобой, наверное, с час.

Хейдьюк молчал.

– Однако я вижу, ты молодец. Работаешь хорошо. Тщательно. Мне это нравится. Мужчина сплюнул на землю. – Не то что некоторые из этих дурацких пижонов, что я видел на Пороховой реке. Или вокруг Таксона. Или эти шизики, что пустили под откос – как тебя зовут?

Хейдьюк открыл было рот. Генри Лайткеп? Джо Смит? А если ...

– Ладно, оставь. Мне это знать не надо.

Хейдьюк старался разглядеть в свете звёзд лицо, находившееся в десятке футов от него, постепенно становившееся чётче. Он увидел, что на незнакомце была маска. Не чёрная маска на глазах, а просто большой платок, прикрывавший нос, рот и подбородок, как носят бандиты в кинофильмах. Над маской, из-под обвисших полей шляпы, сверкал на Хейдьюка один – правый – тёмный глаз. Левый оставался закрытым, как если бы человек зажмурил его навсегда. Хейдьюк в конце концов сообразил, что левого глаза у того просто нет, нет уже давно, он был потерян и забыт, потерян, несомненно в какой-нибудь драке в баре, в какой-нибудь легендарной войне.

– Кто ты? – спросил Хейдьюк.

Мужчина в маске ответил тоном и удивлённым, и обиженным. – Тебе этого знать не надо. Не очень-то приятный вопрос.

Тишина. Они смотрели друг на друга.

– Ты, небось, подумал, что я ночной сторож, а? И пот прошиб, должно быть?

– А где сторож?

– Там. – Незнакомец резко ткнул большим пальцем в сторону передвижного домика конторы. Рядом с ним стоял пикап с фирменными наклейками.

– Что он там делает?

– Ничего. Я связал его и сунул кляп в рот. Он в порядке. Продержится до утра понедельника. Лесорубы вернутся и освободят его.

– Утро понедельника завтра.

– Ну, да, я думаю, мне уже надо сматываться отсюда.

– Как ты добрался сюда?

– Для такой работы я люблю лошадь. Может, не так быстро, зато тише.

Снова молчание.

– Для какой «такой работы»? – спросил Хейдьюк.

– Для той же, что и ты делаешь. Уж больно ты много вопросов задаёшь. Хочешь взглянуть на мою лошадь?

– Нет. Я хочу получить обратно свой пистолет.

– Ладно. – Незнакомец вернул его. – В следующий раз лучше держи своего караульного поближе.

– Где она? – Хейдьюк положил свой пистолет обратно в кобуру.

– Там же, где ты её оставил, на джипе, дымит своей этой маленькой сигареткой Мэри Джейн. Или дымила. – Незнакомец помолчал, вглядываясь в окружавшую их ночь, и снова обернулся к Хейдьюку. – Вот ещё кое-что, это тебе понадобится, – сказал он, пошарив в кармане и протянув ему связку ключей. – Теперь ты сможешь завести эти моторы и сжечь их как следует.

Хейдьюк звякнул ключами и поглядел на контору. – Ты уверен, что сторож в порядке?

– Я его связал, напоил до смерти, надел наручники, заткнул рот кляпом и запер.

– Напоил до смерти?

– Он уже был полупьяным, когда я пришёл туда. Когда я на него насел, он допил свою пинту бурбона и отвалился, испуганный и довольный.

Так вот почему никто не пикнул, когда я стучал в дверь. Хейдьюк взглянул на незнакомца в маске, – тот уже нетерпеливо перебирал ногами, готовый уйти.

Высокий голос, напряжённо-испуганный, раздался из темноты:

– Джордж, у тебя всё нормально?

– У меня всё нормально, – прокричал он в ответ. – Оставайся на месте, Натали. Продолжай наблюдать. И потом – меня зовут Леопольд».

– Хорошо, Леопольд.

Хейдьюк снова звякнул ключами, глядя на тёмную махину трактора рядом с ним.

– Не уверен, что смогу его завести.

– Я тебе помогу. Я не так чтоб уж очень сильно торопился, – ответил этот, в маске.

Где-то в лесу лошадь заржала, забила копытом, зашаркала. Мужчина послушал, обернулся в ту сторону. – Спокойно, Роза. Я приду через пару минут. – Затем, обращаясь к Хейдьюку: – Давай.

Они взобрались на водительское сиденье большого трактора. Взяв у Хейдьюка ключи, незнакомец выбрал один из них и отпер лючок за педалями тормозов на полу кабины оператора; показав Хейдьюку рубильник, он включил его. В отличие от старого Катерпиллера в Хайт Марине, этот трактор заводился исключительно от блока аккумуляторов.

– Ну, ладно, – сказал одноглазый, – теперь нажми вон ту маленькую кнопку за рычагом скорости.

Хейдьюк нажал. ....

Хейдьюк был в восторге. Он потянул на себя рычаг газа, и двигатель плавно увеличил обороты, готовый к работе. (Однако начал очень быстро нагреваться).

– Сейчас я сотворю что-нибудь с этой машиной, – радостно объявил он незнакомцу.

– Да уж конечно.

– Я хочу сказать, растолкаю тут всё в разные стороны.

– Тогда тебе лучше поторопиться. Она не проработает и нескольких минут. – Незнакомец бросил взгляд на инструментальную панель: давление масла – нуль, температура двигателя повышается. Уже начал раздаваться странный нездоровый звук, вроде завываний больной собаки.

Хейдьюк отпустил стопорный рычаг и включил скорость. Трактор тяжело рванулся вперёд на опущенный нож бульдозера, сразу сдвинув тонну грязи и два пня жёлтой сосны в сторону конторы компании Джорджия-Пасифик.

– Не туда, – закричал незнакомец, – там человек внутри.

– Верно. – Хейдьюк остановил машину, навалив всю кучу на прогнувшуюся стену домика конторы. Он сдвинул реверс и наехал на пикап Джорджии-Пасифик; тот лопнул, как жестяная банка. Хейдьюк смял обломки бульдозером, раскатал их, смешав с землёй.

Следующий? Хейдьюк оглянулся вокруг, высматривая в свете звёзд очередную цель.

– Посмотри, что ты сможешь сделать вон с тем трелёвщиком Кларка, – предложил мужчина в маске.

– Проверим. – Подняв нож бульдозера, Хейдьюк развернул его и на полной скорости – пять миль в час – врезался в трелёвщик. Тот развалился; раздался громкий хруст стальной плоти и железных костей. Он развернул трактор на 200 градусов и нацелился в цистерну,

полную дизельного топлива.

Кто-то пронзительно кричал, обращаясь к нему. Или что-то?

Полный вперёд. Трактор рванулся вперёд на один оборот зубчатого колеса и остановился. Блок двигателя дал трещину; фонтан пара ударил вверх, нетерпеливо свистя. Двигатель боролся за жизнь. В коллекторе что-то взорвалось, и из выхлопной трубы вырвалась струя голубого пламени, запустив к звёздам сноп горячих искр. Двенадцать поршней, тесно связанных в своих камерах, превратились в одно спаянное целое с цилиндрами и блоком, одну добела раскалённую неподвижную энтропическую молекулярную массу. Всё есть Одно. Крик всё ещё раздавался. Пятидесятитонный трактор, кричащий в ночи.

– Мы его прикончили, – сказал человек в маске. – Больше мы тут ничего сделать не можем. Он выбрался из кабины назад под восьмитонными рипперами. – Пошли, – закричал он. – Кто-то идёт. – И растаял в темноте.

Хейдьюк взял себя в руки, выбрался из трактора. Он всё ещё слышал чей-то крик. Бонни.

Она дёргала его за рукав, указывая в сторону леса. – Ты что, не видишь? – кричала она. – Огни, огни! Да что с тобой?

Хейдьюк посмотрел туда и схватил её за руку. – Сюда!

Они побежали по вырубке между пней, под укрытие лесного шатра, и тут на вырубку, грохоча, выехал грузовик. Фары включены, фара-искатель осветила всё вокруг и почти поймала их своим лучом.

Но не совсем. Они уже были в лесу, среди дружественных деревьев. Нащупывая в темноте дорогу туда, где Хейдьюк надеялся увидеть свой джип, они вдруг слышали гром копыт. Кто-то во весь опор мчался галопом мимо них верхом на лошади. Из грузовика, остановившегося у свистящего бульдозера, высадилось несколько человек – один, два, три – невозможно сосчитать в темноте. Хейдьюк и Абцуг смотрели, как они освещали фарой вырубку, деревья в поисках лошади.

Опять слишком поздно: всадник мелькнул – и исчез в лесу, промчался по дороге к границе ночи. Грохнул выстрел – раз, другой, – в бессильном протесте, и всё стихло. Топот копыт замер вдали. Люди из грузовика поспешили на помощь кому-то, кто колотил изнутри в стены конторы. Тяжеленько им придётся вытаскивать его из-под той груды земли, что Хейдьюк навалил на искорёженную дверь.

Бонни и Джордж влезли в свой джип.

– Ради Бога, кто это был? – потребовала Бонни.

– Сторож, я думаю.

– Да нет, я говорю, этот всадник?

– Не знаю.

– Но ты же был с ним.

– Я ничего о нём не знаю. Закрывай дверь и давай уносить ноги отсюда. – Хейдьюк включил двигатель.

– Нас услышат, – сказала она.

– Да нет, за шумом бульдозера не услышат. – Он потихоньку повёл машину между деревьями, не включая фар, только в свете звёзд, потом по главной лесной дороге, направляясь обратно на автостраду к Северному кряжу. Почувствовав, что отъехал достаточно, и опасность миновала, он включил фары и газанул. Хорошо отлаженный джип мягко заурчал и плавно понёсся вперёд.

– Ты в самом деле не знаешь, кто это был?

– Я правда не знаю, милая. Я сказал тебе всё, что знал. Зови его Кемосабе.

– Что это за имя?

– Это слово на языке индейцев пайюта.

– Что оно значит?

– Дурная башка.

– Это логично. Подходит. Я есть хочу. Накорми меня.

– Подожди, пока мы ещё немного отъедем от этой лесосеки.

– А кто был в том грузовике?

– Я не знаю, и не хотел болтаться вокруг, чтобы узнать, а ты? – Он решил уколоть её этим. – А *ты*, мой лихой караульный?

– Слушай, – сказала она, – ты тут по этому поводу не выступай. Ты велел мне быть при джипе – и я была. Ты хотел, чтобы я следила за дорогой, – я следила.

– Ладно, – сказал он.

– Ну так и заткнись.

– Ладно.

– И развлекай меня, мне скучно.

– Ладно. Вот кое-что для тебя, настоящая головоломка. Какая разница между Одиноким Рейнджером и Богом?

Бонни думала об этом, пока они ехали лесом. Она скрутила маленькую сигаретку и думала, думала, думала. Наконец сказала: – Что за глупая головоломка. Сдаюсь.

– Одинокий Рейнджер существует на самом деле.

– Не понимаю, – сказала Бонни.

Он потянулся к ней, обнял, усадил уютно рядом с собою. – Неважно.

Возвращение к месту преступления

Хейдьюк и Абцуг устроились на ночь незаконно (не получив даже разрешения на розжиг костра), в нарушение всех правил, вдали от автострады, у давно закрытой пожарной дороги под сенью осинової роши.

Они проснулись поздно, и он подал ей завтрак в постель. Пение птиц, солнечное сияние, и т.д., и т.п. После чего она сказала: – Теперь я бы не против чего-нибудь поесть.

Он повёз её в Норт Рим Лодж позавтракать. Это был поздний завтрак, состоявший из апельсинового сока, вафель с пеканом, яичницы-глазуньи, жареной картошки, ветчины, тостов, молока, кофе, ирландского кофе и веточки петрушки. Всё было чудесно. Хейдьюк вывел её на террасу, чтобы показать вид на высокий утёс над Гранд Каньоном реки Колорадо.

– Безупречно, – сказала она.

– Кто видел Гранд Каньон, – видел их все, – согласился он. Они поехали в Кейп Ройал, Пойнт Империял и, наконец, в Пойнт Саблайм, где они снова незаконно устроились на ночлег. Когда солнце вполне законно село (на западе), они заглянули вниз, в ущелье глубиной шесть тысяч футов по вертикали, в разверстый зев пропасти.

– По-моему, эта пропасть зевает, – сказал Хейдьюк.

– Я хочу спать, – ответила она.

– Господи, ещё ж только закат. Что с тобой?

– Я не знаю. Давай вздремнём немножко, прежде чем окончательно ложиться спать.

У них и правда был очень активный конец недели. Они снова прилегли, чтобы отдохнуть ещё немного.

Из глубоких, глубоких глубин, оттуда, снизу, ветер донёс плеск стремнины Буше, как дальние аплодисменты. Сухой ствол и пустые оболочки семян юкки трещали на ветру, на краю обрыва, под звёздами. Летучие мыши ныряли вниз головой, летали зигзагами, преследуя насекомых, мгновенно ускользавших от них, спасая собственную жизнь. Где-то в сумраке леса подала голос ночная птица. На фоне празднично-яркого закатного неба взлетали козодои, парили, и кружили, и ныряли внезапно за насекомыми, при этом крылья их издавали звук, похожий на далёкий рёв быка, когда они взвивались вверх после очередного нырка вниз головой. В глубине леса под тёмной сенью сосен одинокий дрозд позвал – кого? – серебристым высоким зовом флейты. Сосновый поэт. И тут же ему грубо ответила другая птица – клоун, ворон, коростель, – словно фермер сильно высморкался в кулак.

Они передавали её плацебо друг другу, туда и обратно, нарочито медленными –

медленными – медленными движениями. Экстаз курильщика марихуаны. Я люблю тебя, Мэри Джейн.

– Слушай, – пробормотал Джордж В. Хейдьюк. Сердце его разрывалось, ум отказывался служить, переполненный всей этой чрезмерной красотой, любовью, нежностью, дурманом, закатом, прекрасным пейзажем, мелодичными звуками леса. – Знаешь, что я тебе скажу, Бонни?

– Что?

– Ты знаешь, мы *не должны* продолжать вести себя так. Ты знаешь?

Она подняла отяжелевшие веки. – Не должны продолжать – что?

– *Не должны* продолжать рисковать своими шеями, вот что. Они нас поймают, ты знаешь? Они меня убьют. Они будут вынуждены.

– Что? Кто? Кто это?

– Если мы будем продолжать. Мы можем поехать в Орегон. Я слышал, там есть человеческие существа. Мы можем поехать в Новую Зеландию, разводить овец.

Она приподнялась на локтях. – Ты это мне говоришь? Ты что, *с ума* сошёл? Ты *болен* или что, Джордж? Сколько – дай мне сюда косяк – кто ты *есть*, в конце концов?

Его затуманенные наркотиком глаза смотрели на неё из дальних далей, тёмно-карие зрачки были огромными, как шашки. Как фишки. Грибы. Магические сморчки. Широкая порочная ухмылка медленно расплывалась на его лице, злобная, как волчий оскал в дымно-голубых сумерках.

– Люди зовут меня ... – начал он; язык его был толст и неповоротлив, как клубень турнепса, – люди ...

– *Люди* зовут тебя? – спросила она.

Он попытался ещё раз. – Они зовут меня ... человеки зовут меня ... – Он положил палей на онемевшие губы. – Шшшшш ... Кемо ... сабе.

– Дурацкая башка?

– Да, – ответил он, кивая каменно-тяжёлой головой и счастливо улыбаясь. Он рассмеялся и снова утонул рядом с ней. Они погрузились оба, смеясь, развалившись на роскошном пуху её двойного спального мешка.

К утру он очнулся, снова был самим собою, грубым и льстивым, несмотря на то, что голова раскалывалась после марихуаны. – За работу, за работу, – ворчал он, поднимая её. – На этой неделе у нас три моста, железная дорога, карьер, электростанция, две плотины, ядерный реактор, один компьютерный центр, шесть стоящихся автострад и одна смотровая площадка. Мы должны позаботиться о них. Подъём, подъём, подъём. Приготовь мне кофе, чёрт тебя побери совсем, или я отправлю тебя багажом обратно в Бронкс.

– Ты и ещё кто, красавец?

Они поехали на север, из национального парка в национальный лес. Собственность всех американцев, которой управляет *для вас* ваши друзья (Американская лесохозяйственная ассоциация) лесные рейнджеры. Их медведя Смоки уже убрали. В Джейкоб Лейк они остановились, чтобы заправить топливные баки, пополнить запасы пива (до нормы, говорит Хейдьюк) и отправить несколько обвиняющих почтовых открыток с картинками. И вперёд. Выехав из лесу, Хейдьюк повернул направо, вдоль моноклинали на восток, к красной, как Марс, пустыне долины Хаузрок. Довольные собою и миром, они ехали вниз по пустыне и вверх к плато Кайбито, и на юго-восток мимо Пейджа, чтобы посмотреть, как поживает железная дорога Чёрная гора – Лейк Пауэлл. Спрятав джип у дороги неподалеку от пересечения с каньоном Кайбито, они прошли пару миль пешком под умопомрачительным солнцем страны навахо. Они увидели железную дорогу издали. Тщательно сориентировавшись, они прошли к высокой гладкой скале, с вершины которой с помощью бинокля можно было рассмотреть, как продвигается ремонт на мосту через каньон Кайбито.

– Электролинию уже восстановили, – отметил Хейдьюк.

– Дай посмотреть.

Она осмотрела в бинокль рельсы, ремонтный поезд, большой зелёный подъёмный кран, поднимающий двутавровые балки с платформы и укладываемый их на уже восстановленные береговые устои моста. Инженеры, технический персонал, рабочие суетились на строительной площадке, как муравьи. Опоры электролинии были восстановлены, сплеснённые провода уже висели над обрушенной частью моста, подавая высоковольтную энергию всем, кто в ней нуждался. Вагоны с углём, наваленные внизу друг на друга, как свалка негодного старья, ждали, когда их восстановят.

– Целеустремлённая организация, – сказала Бонни. Теперь мы знаем, подумала она, как были построены пирамиды, как появилась на свет Великая китайская стена, и почему.

– Электростанции нужен уголь, нужен позарез, – сказал Хейдьюк. – Нам придётся снова их остановить, Абцуг.

Бегом назад, через песчаниковые рифы, с трудом преодолевая песчаные осыпи. Назад, к замаскированному среди редких деревьев джипу. Стайка сосновых соек разлетелась, как конфетти, при их появлении.

– Инструменты, перчатки, каски, – рявкнул Хейдьюк.

– Какие инструменты?

– Кусачки. Электропилу.

Вооружённые и оснащённые, жуя на ходу вяленую говядину, сушёный инжир и яблоки, они зашагали к железной дороге, но на этот раз к другому её отрезку. Лёжа на животах на

гребне дюны, они видели, как ремонтный поезд отправился обратно в Пейдж за новой порцией груза и исчез за поворотом пути. Хейдьюк бросился работать, а Бонни осталась караулить в тени можжевельного дерева.

Он прошаркал по песку к железной дороге, разрезал ограждение для скота, отбросил в сторону накопившийся вал перекасти-поля и шагнул к ближайшей опоре ЛЭП. Она стояла на оттяжках, как и все остальные. Хейдьюк взглянул на Бонни. Она подала ему знак «давай». Он включил цепную пилу и шумно, но быстро сделал глубокий надрез в основании опоры. Выключив пилу, он снова взглянул на Бонни и прислушался. Она посигналила – «всё спокойно».

Хейдьюк побежал рысцой к следующей опоре, проделал ту же операцию и с нею. Окончив, он снова остановил пилу и взглянул на своего караульного. Всё в порядке. Он надрезал ещё три. Они теперь держались только на вантах. Он только было приступил к шестой опоре, как заметил краешком глаза, что Бонни, – она была слишком далеко, чтобы услышать её за визгом цепной пилы, – подаёт ему отчаянные сигналы руками. И в то же мгновение он почувствовал – раньше даже, чем услышал, – ненавистное и пугающее *уок! уок! уок!* вертолѐта. Он выключил пилу, нырнул вместе с нею под откос железнодорожного полотна в кучу мусора, сухого бурьяна и перекасти-поля, что скопилась там в канаве. Скрутившись и съёжившись, страстно желая стать невидимкой, он вытащил свой револьвер и стал ждать огненной смерти.

Вертолѐт перевалил через гребень горы, и его звук стал неожиданно гораздо громче, ужасным, безумным. Воздух дрожал, когда машина проходила в сотне футов у него над головой, треща и щёлкая, как птеранодон. Вихревым потоком воздуха Хейдьюка прижало к земле. Он думал, что уже умер, – однако эта штука улетела. Он выглянул сквозь бурьян и увидел, как вертолѐт удаляется вдоль полосы отвода на восток, туда, где сходились рельсы. Подпиленные столбы слегка качались ему вслед, но не падали.

Вертолѐта не стало. Он подождал. Никаких признаков Бонни; ей ведь тоже пришлось как-то спрятаться. Он подождал, пока не исчезли последние едва ощутимые вибрации – следы воздушной машины. По мере того, как ужас его испарялся, его место занимала старая, привычная, беспомощная и непреодолимая ярость.

Ненавижу, думал Хейдьюк под белым солнцем Аризоны; я их всех ненавижу. В тот момент, когда он услышал приближение этого дракона с пузырьѐм на носу, одно воспоминание прежде всех остальных чѐтко вспыхнуло перед его мысленным взором: в Камбодже, у пыльной дороги, женщина с ребёнком, спаянные напалмом в одну чѐрную горящую массу.

Он встал. Вертолѐт ушѐл. Он помахал Бонни, поднимавшейся из-под своего дерева. Иди обратно, посигналил он ей. Она, похоже, не поняла его.

– Иди назад, к джипу, – закричал он. Она энергично затрясла головой.

Он оставил её в покое. Освободившись из кучи перекасти-поля, бросился к полотну дороги и к следующему столбу. Дёрнул пусковой тросик цепной пилы; мотор взвыл. Пила урчала, как кот, легко вгрызаясь в нежное дерево. Сначала наклонный надрез под углом 45°, потом горизонтальный, пересекающийся с первым на полпути, в самой сердцевине столба. Восемь секунд. Восемь секунд. Легко выдернув пилу, он бросился к следующей опоре. И к следующей. Остановился, чтобы оглядеться и прислушаться. Ничего. Никого, кроме Бонни, высоко на краю обрыва, над железной дорогой, в пятистах ярдах от него, почти за пределом слышимости. Хейдьюк подпилит ещё три столба. Снова остановился, огляделся, прислушался. Не слышно никаких звуков, кроме его собственного сердцебиения, струящегося пота, пения крови в ушах. Он снова подал Бонни сигнал – уходи. И снова она проигнорировала его команду. Ладно, подумал он. Потом. Не до того.

Он подпилит одиннадцать опор. Должно быть достаточно. Пора отсоединять ванты. Он спрятал пилу под ближайшим можжевельником и схватил кусачки. С их помощью он начал отвинчивать талрепы, соединявшие ванты с якорем в земле. Двигаясь вдоль электролинии, он ослабил их все. Когда он дошёл до девятой опоры, вся линия подпиленных опор начала наклоняться. На десятой они упали.

Они упали вовнутрь, на пути, под весом проводов, висевших на кронштейнах. За мгновение перед этим Хейдьюк увидел голубую искру в 50 000 вольт, проскочившую одним огромным прыжком расстояние между кабелем и рельсом. Он вспомнил о Боге. И тут прозвенело огромное *клэнг!* их столкновения, так, словно пятьдесят тысяч роялей одновременно совершили самоубийство. Запах озона.

Вся их Энергия – вдребезги. Он вскарабкался на откос и через дыру в ограждении понёсся на юг, оскальзываясь на камнях, среди изумлённых можжевельников. В правой руке зажата цепная пила, в левой – кусачки. Время от времени он останавливался под прикрытием можжевельниковых деревьев, чтобы посмотреть и послушать. Кто-то где-то уже, должно быть, связался с вертолётком по радио, отдавая приказ. Общая тревога.

А где Бонни? Он вглядывался, но её нигде не было видно. Если она перепугалась хотя бы наполовину так, как он, то должна быть уже на полпути к джипу.

Испугана, конечно, но и счастлива тоже. Испугана, но счастлива, думает Хейдьюк, по-собачьи тяжело дыша с высунутым языком. Он продолжал бежать, проскакивая открытые места, задерживаясь под деревьями, чтобы передохнуть, глотнуть воздуха, прислушаться к звукам неба. Чрезвычайно довольный собой, он снова остановился, чтобы вдохнуть. Рядом запела большая чёрная птица с большим чёрным ртом:

Они тебя схватят, Джоуж Хейдьюк.

Они поймают тебя за зад, парень.

Ты не спрячешься. Ты от них не уйдёшь.

Ты не можешь сделать ничего такого, чего они не знают.

Они на дорогах, ищут тебя.

Они подъезжают по рельсам, ищут тебя.

Они в компьютерных центрах, отслеживают тебя.

Они в небесах, ищут тебя.

Ты пойманный гусь, Джоуж Хейдьюк. Ты сломанный бич.

Ты никчемный неудачник, вот. Да!

Он швырнул камень в большеротую птицу. Она снялась с ветки, взвизгнув, как клоун.

Тяжело хлопая крыльями, издавая тяжкий, тяжкий, тяжкий звук ...

Уок уок уок

Уок уок уок

УОК УОК УОК УОК УОК УОК УОУК УОК УОК

Они в небе.

Они ищут тебя.

Редкий Гость у себя дома

Зелёная река, Юта. Дом Сьюзан. Дынная ферма. Один недолгий день пути от дома Шейлы в Баунтифуле, от которого, в свою очередь, всего день лёгкого пути до дома Кэти в Сидар Сити. Он всё это спланировал заранее, конечно, с самого начала. Пророк Брайэм Редкий Гость Смит уважал пророка Брайэма и следовал его советам: тот был полигамным, как кролик.

Три часа утра, и спальня полна снов. О бесценный жемчуг! Через открытое окно в комнату вливается аромат зреющих дынь, сладкий дух скошенной люцерны. (Второй укос за лето). И ещё запахи, острые и неизменные, конского навоза, яблонь, дикой спаржи вдоль оросительных канав. С недалекого откоса – всего через одно поле – долетел шёпот ивы и звонкое *шлёп!* бобрового хвоста по речной воде.

Эта река. Эта золотая Зелёная, что берёт начало в горных снегах Винд Ривер и течёт через ущелье Флеминга и Эхо Парк, Расколотую гору и Ворота Лодоры, спускаясь с гор Оу-Уи-Йу-Куц, из Ямпы, Горького Ручья и Сладкой воды по каньону, именуемому Уединением, через плато Тавапуц, чтобы появиться из портала Скал Книги, который Джон Уэсли Пауэлл назвал «одним из самых замечательных фасадов мира», а оттуда катиться дальше по пустыне, названной её именем, в иной мир – мир каньонов, где река отдаётся Лабиринту и Штилю, и вливается в Гранд каньон под кряжем, что называется Мейз, и в ревушие глубины Катаракта ...

Смит лежал в постели рядом со своей третьей женой и видел свои беспокойные сны. Они снова гонятся за ним. Его пикап опознали. Его камни катились слишком быстро. Поисково-спасательная команда орёт в ярости. В округе Сан-Хуан уже выдан ордер на его арест. Епископ Блендинга свирепо мечется по всему штату Юта, как раненый бык. Смит спасается бегством в бесконечных коридорах потного бетона. Под Плотиной. Опять он в ловушке этого повторяющегося ночного кошмара о Той Плотине.

Вниз по мокрым внутренностям Мелиорации. Инженеры на скейтбордах скользят мимо него с досками для письма в руках. Пневматические панели раскрываются перед ним, затягивая Смита всё глубже и глубже в динамо-машину – сердце Врага. Магнитные сети тащат его во Внутренний Офис. Где находится Директор-распорядитель в ожидании Смита. Смит знал, что ему предстоит наказание, так же как и Доку, и Бонни, и Джорджу, тоже запертым где-то здесь.

Открылась последняя дверь. Смита тащат вовнутрь. Дверь скользнула, запираясь наглухо. Он снова стоял перед высшим и конечным оком. *В Его присутствии.*

Директор-распорядитель вглядывался в него из середины множества циферблатов, метрических шкал, искромеров, сейсмодатчиков, визиграфов и энцефалографов. Гудят катушки

с магнитной лентой, тихо жужжит электронная мысль за работой.

Директор-распорядитель был одноглаз. Красный луч его единственного, как у Циклопа, глаза без века играл на лице Смита, сканируя его мозг, его нервы, его душу. Парализованный этим гипнотическим лучом, Смит ожидал своей участи беспомощный, как дитя.

Директор заговорил. Его голос напоминал завывание электронной скрипки в крайнем регистре у верхнего «до», тот самый внутренний тон, который свёл с ума глухого Берджиха Сметану.

– Смит, – начал голос, – мы знаем, почему ты здесь.

У Смита перехватило дыхание. – Где Джордж?– хрипло спросил он. – Что вы сделали с Бонни?

– Это неважно. – Красный луч, шарнирно-подвижный в своём углублении, метнулся на мгновение в сторону. Магнитные катушки остановились, двинулись в противоположном направлении, остановились, завертелись снова, записывая всё. Закодированные послания вспыхивали в гладком электрическом потоке, передаваемые транзисторами через десять тысяч миль отпечатанной схемы. Там, пониже, динамо урчало, бормоча ключевые слова: Власть ... прибыль ... престиж ... наслаждение ... прибыль ... престиж ... наслаждение ... власть ...

– Редкий Гость Смит, – произнёс Директор-распорядитель; на этот раз в его голосе появились более человеческие интонации. – Где твои штаны?

Штаны? Смит глянул вниз. Господи Боже всемогущий!

Сканирующий луч вернулся на лицо Смита. – Подойди-ка поближе, приятель! – скомандовал голос.

Смит колебался.

– Подойди сюда, Джозеф Филдинг Смит, известный также под неофициальным именем «Редкий Гость», рождённый в Солт Лейк Сити, Юта, Дурацкой Столице Горного Запада, аки узрел я – не ты ли есть Тот, о ком говорит Нефи (2:1 –4, *Книга Мормона*): Господь наш заповедал ему, даже во сне, что должен он взять семью свою и отправиться в пустыню? С обильной пищей, как экологически чистое арахисовое масло, и со всею семьёю, известной как некто Док Сарвис, некто Джордж В Хейдьюк и некто Миз В.Абцуг?

Какой-то голос вышнего мира ответил за Смита словами, которых он никогда не знал: – Это я, босс.

– Хорошо. Но, к сожалению для тебя, парень, это пророчество не может исполниться. Мы не можем позволить это. Мы постановили, Смит, что ты должен стать одним из нас.

Что?

В Директорском лбу замигали четыре зелёных лампы. Голос изменился снова; на этот раз он стал сдержанно-таинственным, произношение – чисто окфордским. – Свяжите его.

Смит оказался мгновенно связанным какими-то невидимыми путами. – Э-эй – ? Он беспомощно попытался сопротивляться.

– Хорошо. Прикрепите электроды. Вставьте анод в пенис. Именно так. Катод идёт в прямую кишку. Полметра. Да, на всю длину. Не будьте такими брезгливыми. – Директор отдавал свои распоряжения невидимым помощникам, крутившимся вокруг парализованного тела Смита. – Хорошо. Впечатайте триггерную схему в его полукруглый канал. Под барабанной перепонкой. Так. Пять тысяч вольт должно быть достаточно. Прикрепите провода сенсоров стронциевой присоской к копчику. Прочно. Включите высоковольтный адаптер во фронтальные гнёзда его рецепторного узла. Голова, идиоты, голова! Да – именно в ноздри. Будьте тверды. Толкайте сильно. Именно так. Очень Хорошо. Теперь замкните цепь. Быстро. Спасибо.

Охваченный ужасом Смит пытался говорить, протестовать. Но язык его, как и его конечности, сжимал какой-то абсолютный, непреодолимый паралич. Он в ступоре смотрел на кабели, соединявшие теперь его голову и тело с компьютерным банком данных перед ним.

– Ну-с, теперь, Смит, – заговорил Директор, – или, может, мы будем называть тебя Редкий Сканированный – готов ли ты к выполнению программы? Что такое? Ну, ну, встряхнись. Вот и молодец. Тебе нечего бояться, если ты пройдёшь этот простой тест, который мы для тебя приготовили. Где магнитная плёнка? Хорошо. Вставьте магнитную плёнку. Нет щели для неё? Так сделайте. Между анодом и катодом, конечно. Прямо через промежность. Точно. Ну и что, что кровь? Смит уберёт всё это позже. Готово? Вставьте плёнку. На всю глубину. Держите вторую ногу на полу. Что? Так прибейте гвоздём. Хорошо. Именно так.

Единственный глаз Директора упёрся своим лучом в шишковидную железу Смита.

– Так, Смит, теперь твоё задание. Ты должен развернуть простую экспоненциальную функцию $Y=E^X$ в бесконечную серию. Последовательность операций: *Vn*: перенести содержимое участка памяти *n* в рабочий регистр; *Tn*: перенести содержимое рабочего регистра в участок памяти *n*; *+n*: прибавить содержимое участка *n* к содержимому рабочего регистра; *xn*: умножить содержимое рабочего регистра на содержимое участка *n*; *÷n*: разделить содержимое рабочего регистра на содержимое участка *n*; *V*: изменить знак содержимого рабочего регистра на положительный; *Rn*: перенести адрес *n* в аккумулятор, если содержимое рабочего регистра положительно; *Rn*: перенести адрес в ячейке *n* в аккумулятор; *Z*: остановить программу. Ясно, Смит?

Онемелый, как под новокаином, Редкий не мог сказать ни слова.

– Хорошо. Подготовься. У тебя есть 0,000012 миллисекунды для выполнения этой элементарной операции. Если тебе это не удастся, у нас не останется иного выбора, как трансплантировать твои жизненно-важные органы более адаптивному субъекту и переработать

остальное в термитном тигле. Ты готов? Молодец. Теперь развлекайся. Пожалуйста, установите таймер. На пальцах твоих ног, Смит. Поехали. Пять! Четыре! Три! Два! Один! Ноль! БРОСАЙ ЧЁРТОВ РУБИЛЬНИК!

«Аааааааааа ...» Смит вскочил на своей кровати в холодном поту, повернулся и вцепился в свою жену, как утопающий. «Шила, – простонал он, стараясь выплыть на поверхность сознания, – великий Боже всемогущий!»

– Редкий! – Она сразу проснулась. – Проснись, Редкий!

– Шила, Шила ...

– Здесь нет никого с таким именем. Проснись.

– О Господи ... Он щупал её в темноте, чувствуя тёплое бедро, мягкий живот. – Кэти?

– Ты был у Кэти прошлой ночью. Попробуй ещё раз, и лучше бы тебе отгадать.

Он стал щупать выше, погладил её грудь. Правую. Левую. Приласкал обе. – Сьюзен?

– Так-то лучше.

Когда глаза привыкли к темноте, он увидел, что она улыбается ему, тянется к нему обеими руками из мягкого тепла их законной супружеской постели. Её улыбка, её чудесные глаза, её лоно, её душа были полны любви. Он вздохнул с облегчением. «Сьюзен ...»

– Редкий, ты какой-то странный. Нет, ты что-то другое. Я никогда ...

Она утешала, нежно ласкала и любила его, своего дрожащего, испуганного мужчину.

А в летних полях, лениво развалившись в гнёздах своих плетей, зрели дыни, и неугомонный петух, стоя на одной ноге на крыше курятника, издал свой преждевременный крик на ущербную луну, и пасущиеся кони поднимали благородные римские головы, чтобы увидеть в ночи пустыни нечто, чего людям видеть не дано.

Далеко-далеко на ферме, в штате Юта, на берегу золотой реки с именем Зелёная.

И снова Джордж и Бонни.

Он сразу же заметил вертолет. Тот, однако же, преследовал не его. Пока. В полумиле к востоку, кружа над чем-то интересным на земле, он нацелил свои антенны-щупальца на Бонни Абцуг.

Он заполз на вершину песчаной дюны и посмотрел. Бонни бежала в сторону расселины в скале, которая вела, как туннель, в более глубокое ущелье позади, а оттуда в каньон Каибито. Он понял ее план побега.

Вертолет приземлился в пятидесяти ярдах от ущелья на ближайшей ровной площадке. Двигатель остановился. Двое мужчин выскочили из стеклянной кабины и побежали за Бонни. У одного в руках был карабин.

Но Бонни – что за молодец! Она скрылась из глаз в ущелье и бежала несомненно в сторону каньона. Один из мужчин полез вниз в ущелье. Другой, с карабином, бежал по краю, пытаясь увидеть ее. Хейдьюк видел, как он споткнулся и упал лицом вниз, и некоторое время лежал, оглушенный. Потом он медленно поднялся, поднял оружие и побежал снова. Через несколько минут он скрылся из виду.

Пустой вертолет ждал их, его большой винт вращался все медленнее.

Хейдьюк вытащил револьвер, открыл барабан и вставил шестой патрон, который он для безопасности держал в штанах. Оставив пилу и кусачки под можжевельником, он забрался на дюну, спустился в три прыжка и побежал к вертолету.

Он услышал крик одного из пилотов, с расстояния, вне видимости. Он бежал прямо к цели. Когда через пять минут он достиг цели, первое, что он сделал, это вставил дуло револьвера в панель передатчика. Он уже нажимал на спуск, но в последний момент выбрал менее шумный способ, огнетушитель, которым он разбил вдребезги радиопередатчик. Возможно все это зря, ведь еще один вертолет возможно уже в пути.

Какой выбор у него был? Надо было как-то увести Бонни от этого всего. Хейдьюк оглянулся по сторонам в поисках убежища. Под руками ничего не было. Понятно, что не в вертолете и не за ним, эта машина была практически без фюзеляжа, просто стеклянный скелет на стальных салазках. Были обычные заросли можжевельника, но можжевельник, скрывающий от наблюдения с воздуха, не спасает на земле с близкого расстояния. Листва была жидкой, багажное отделение маленькое, ветки тонкие. Трудно устроить засаду без густых кустов. Не имея большого выбора, он спустился в ту же расщелину, что и Бонни, ползя под обрывом, маскируясь за деревьями, и выжидая.

Вокруг была пыль, паутина, солянка, вызывающая аллергию, маячила перед его лицом. Под его животом землю покрывали веточки можжевельника и побеги кактусов, вперемежку с экскрементами. С нетерпением ожидая, с тошнотой от страха и вспотевшими ладонями, Хейдьюк увидел пару муравьев, карабкавшихся на барабан его револьвера. Откуда они взялись? Прежде, чем он успел их стряхнуть, они скрылись в стволе. Вот где можно спрятаться. Что они найдут в этом туннеле с нарезками и глухим тупиком в конце?

Хейдьюк вытер вспотевшие ладони о рубашку, по одной, держа револьвер в другой. Он прочистил горло, как будто собирался что-то сказать, плотнее сжал оружие в руке, это придало ему уверенности.

Голоса приближались. Он повернул носовой платок, который был на шее и подтянул его к глазам. Что обычно любил говорить Док? К вопросу: зачем нужна дикая местность? Док сказал бы: потому, что мы любим дух свободы, товарищи. Потому, что мы любим запах опасности. Однако, думал Хейдьюк, как насчет запаха страха, а, Док? В маске, как преступник с большой дороги, он был полон ужаса, он ожидал того, что должно было произойти.

Вот и они.

Трое шли все вместе, по узкому ущелью. С расстояния в пятьдесят футов он чувствовал запах их пота, ощущал их усталость. Первым шел пилот вертолета, краснолицый парень с усами, одетый в армейскую полевую форму, кепку с длинным козырьком, высокие сапоги, пистолет в плечевой кобуре под левой рукой.

Позади шел мужчина с карабином через плечо. Он был одет в форму охранника агентства Бернс: плотная рубашка со значком, повязка на плече, ковбойская шляпа, плотные брюки, ковбойские ботинки на высоких каблуках с острыми носками, не особенно подходящие, для походов по пустыне. Этот человек выглядел старше, больше, был более загорелым, чем летчик, и более уставшим. Он прихрамывал. Оба истекали потом, Бонни заставила их хорошо побегать.

Посередине шла пленница, не очень гордо, выглядевшая сердитой, напуганной и красивой. Шляпу она обронила, волосы скрывали пол-лица, руки были в наручниках.

Хейдьюк имел смутное представление о том, что делать дальше. Стрелять? Стрелять, убивая, или чтобы ранить? С этой пушкой, что у него, легко ранить трудно, любое попадание может быть серьезным. Док, Смит и Бонни вряд ли это одобряют. Тогда что? Они у него на мушке, у него преимущество. Остановить их сразу, или подождать, пока они не станут карабкаться по скользкому песчанику?

Троица приближалась. Пилот нахмурился.

– Все в порядке, детка, – сказал он, глядя вверх на выход из ущелья, – не говори ему ничего. Имя, звание и размеры, больше ничего.

Охранник сказал:

– Мне плевать какое у нее имя, но она обязана показать мне доказательство своего пола. Я думаю, что знаю свои конституционные права, а, малышка? – он пнул ее в зад двумя жесткими большими пальцами.

Бонни дернулась в сторону.

– Не распускай руки.

Охранник споткнувшись ушиб искалеченную ногу.

– О, черт! – простонал он.

Летчик остановился, оглянулся.

– Отстань от нее. Отвали.

Охранник сел на землю, массируя колено.

– О Господи, как больно. У тебя есть бинт в аптечке?

– Может да, может нет. Оставь девчонку в покое, – пилот оглянулся и посмотрел в сторону тени на краю обрыва где лежал Хейдьюк, в двадцати футах, в сторону сухого русла и на круглый холм из песчаника над головой.

– Ты не оттуда спускалась? – Скала была гладкой, удобной для спуска, но совсем не для подъема, она возвышалась на двенадцать футов от этой точки. – Что скажешь? – спросил он у Бонни.

– Я не знаю, – она потупилась.

– Мне кажется, это так. Я не вижу другого пути, если только мы не пойдем прямо назад, откуда великий любовник, – он показал пальцем на охранника, – пришел сюда.

Фальшивая улыбка появилась на лице парня из Бернс.

Летчик сделал попытку. Скала поднималась под углом около 30 градусов. Для пальцев и носков обуви были небольшие впадины. Его ботинки на кожаной подошве были не вполне удобны, но он был шустрым. Перемещаясь на всех четырех, он пролез полпути, когда вдруг он, и все внизу, услышали щелканье взводимого курка револьвера.

Держась на носках и пальцах, пилот оглянулся вниз. Охранник, удивленный, потянулся за карабином. Хейдьюк выстрелил вверх его головы, пуля задела верх шляпы охранника. Два муравья отправились в полет по баллистической траектории в голубую даль.

Выстрел ввел всех, включая Хейдьюка, в состояние ступора. Грохот 357 калибра был ему знаком. Эха не было. В воздухе с влажностью один процент звук летит со скоростью пули. Удар молота по наковальне – и тишина.

Никто не двигался, все смотрели в тень под обрывом.

Хейдьюк попытался подумать что делать дальше. Пилот, балансирующий на скале, был пока не опасен. Оставался мужик с карабином.

– Бонни, – прошептал он. Звук был как от падающего сухого листа. Он прочистил горло.

– Бонни, забери карабин.

Бонни уставилась в сторону голоса.

– Карабин? – сказала она. – Карабин?

Охранник был настороже. Его рука тихонько поползла к оружию. Хейдьюк взвел курок револьвера, с серьезным видом. Рука остановилась.

– Возьми у парня оружие, – сказал Хейдьюк. Он посмотрел на застывшего летчика. Два внимательных голубых глаза смотрели на него сквозь ветки в тени. Бонни подошла к охраннику и потянулась руками в наручниках к карабину. Его руки, лежащие на земле, нервно перебирали пальцами.

– Не становись между им и мной.

– Хорошо, – двигаясь за охранником она наступила на руку.

– Ой!

– Простите, – она сняла оружие с его плеча и отошла. Охранник нахмурился, глядя на отпечаток протектора ботинка на своей руке.

Хейдьюк вылез из-под карниза, встал на колени и навел револьвер в пах летчику.

– Так, теперь с тобой. Расстегни кобуру.

– Я не могу отпустить руку, я съеду вниз.

– Тогда съезжай.

– Ладно, хорошо. Одну минутку, – пилот поднял одну руку и стал возиться с пряжкой.

– Парень, – выдохнул он, мышцы его дрожали от напряжения.

Кобура, ремень и оружие покатались вниз со скалы. Хейдьюк встал, слегка дрожа, вынул пистолет из кобуры и заткнул себе за пояс.

– Бон.. Гертруда, стань за мной, – он подождал. Она подошла. – Так, а теперь спускайтесь, – он навел револьвер на пилота. Пилот поехал вниз. Двое мужчин смотрели на Хейдьюка. Что дальше? – Я думаю, я вас обоих убью, – сказал он.

– Минутку, дружище, – начал пилот.

– Он шутит, – сказала Бонни. Она выглядела более напуганной, чем мужчины.

– Черт возьми, я не знаю, почему я не должен это сделать, – сказал Хейдьюк. Опынение абсолютной властью, властью казнить или миловать, нашло на него. Несмотря на год в Монтаньярде, прошлое «зеленого берета» в отряде особого назначения, он никогда не убивал. Даже во Вьетнаме. Ни женщину, ни ребенка. По крайней мере, насколько он знал.

Ужас и жестокость этих лет бурлили внутри него, как болотный газ в трясине, как метан, на поверхности его сознания. Рядом был вертолетчик, презираемый больше всех, настоящий живой вертолетчик, возможно из Вьетнама, к его счастью. Возраст подходящий, он выглядел

как врач. Почему не убить этого гада? Хейдьюк как и многие мужчины хотел записать одно очко в актив своего оружия. Еще он хотел трагического конца. На совести кого-то другого.

Мог бы он и избежать этого. А мог бы стать законным убийцей.

– Почему бы мне не укокошить ублюдка? – повторил он громко.

– Ты этого не сделаешь, – сказала его любимая, повисая на его правой руке.

Он сбросил ее руки. Переложив револьвер в левую руку, но все еще держа его нацеленным на летчика.

– Сядь позади своего приятеля. Так, хорошо. Просто сидите на скале, – он забрал карабин у Бонни и проверил его. Патрон в патроннике, курок взведен. Он положил револьвер в кобуру, взял карабин, нацелил его на двух еще живых парней, сидящих внизу и дышащих воздухом, под веселым солнцем на великом американском Юго–Западе. Птичка запела кому-то в долину, и жизнь выглядела прекрасной. Отличный день, чтобы умереть, несомненно, но все, что было вокруг, желало отложить до завтра то что, они не должны были сделать сегодня.

– Как насчет... – начала Бонни.

– Почему, черт возьми, я не должен! – Хейдьюк вспотел, карабин дрожал в его руках.

– Не сходи с ума, – сказала она, – они не причинили мне вреда. Сними с меня эти штуки.

Он посмотрел на наручники. Два браслета из черного пластика, соединенных такой же лентой.

– Где ключи? – он повернул лицо в маске, с горящими красными глазами, горящими в тени козырька кепки, к охраннику. – Где ключ? – проревел он.

– Ключей нет, – пробормотал он, – нужно просто перерезать их.

– Не ври, скотина.

– Нет, он прав! – Бонни снова повисла у него на руке, – они одноразовые. Дай мне нож.

– Не видишь, я занят.

– Пожалуйста, дай мне нож.

Двое смотрели на него. Пилот, кусая ус, улыбался нервной улыбкой, его голубые глаза сверкали. Красивый парень, как с военного плаката. У него вероятно осталась мать и сестренка в Гомер Сити, штат Пенсильвания. Не важно, что он был убийца, в воспаленном воображении Хейдьюка, поджигатель домов, растлитель малолетних.

– Ладно, Леопольд, – сказал Хейдьюк, слегка смутившись, – и ты, парень, вы оба ложитесь на землю. Лицом вниз. Руки за голову, так, хорошо. Так и лежите, не двигаясь, – Хейдьюк засунул карабин между ног, вынул нож и перерезал оковы. – Пошли отсюда, – прошептал он, – быстро. Пока я никого не убил.

– Дай мне ружье.

– Нет.

– Дай сюда.

– Нет. Вылезай сюда, я дам здесь.

Бонни сняла наручники.

– Все в порядке, – она поднесла губы к грязному уху Хейдьюка, укусила мочку, прошептала, – я люблю тебя, сумасшедший придурок.

– Пошли.

Она легко вскарабкалась на склон, ее подошвы хорошо цеплялись за поверхность, как лапы ящерицы.

Хейдьюк дал ей карабин.

– Держи их на прицеле, – он взял револьвер, взвел курок. – Все, ребята, переворачивайтесь. Так, теперь снимите ботинки. Хорошо. Теперь бросьте их ... э-э... Тельме.
– Они послушались. – Так, хорошо.

Двое мужчин ждали, глядя на него, с полным вниманием. Как и следовало ожидать от человека, который смотрит в черное дуло «магнума-357», танцующего в неверной руке лунатика.

Сейчас их убить? Или потом?

– Снимите штаны.

Эта команда вызвала протесты. Охранник со слабой улыбкой сказал:

– Здесь же леди.

Хейдьюк поднял револьвер и выстрелил в двух футах от него, отбив кусок камня от стены. Воздух всколыхнулся. Невидимая пуля, смертоносный свинцовый астероид, срикошетил от скалы и полетел вниз в ущелье. Каскад брызг камня посыпался на шляпу охранника и попал ему за шиворот.

Хейдьюк перезарядил.

Довод показался им убедительным, оба без разговоров сняли штаны, торопливо и не очень грациозно. Пилот носил под брюками красные шикарно отделанные трусы, которые он возможно с удовольствием открыл на обозрение Бонни, которая смотрела с высоты. Охранник был более консервативен, возможно республиканец, носил традиционные среднеамериканские трусы, в пятнах от мочи. Он имел право протестовать.

– Хорошо, – сказал Хейдьюк, – теперь выньте ваши кошельки, или что там у вас, – бросьте штаны наверх.

Они послушались, хотя охраннику пришлось дважды бросать штаны, пока они достигли вершины.

– Теперь снова ложитесь на живот, руки за голову. Хорошо. Оставайтесь так лежать или я вас, болванов, отправлю к праотцам!– крикнул он, пряча оружие в кобуру и карабкаясь по склону.

Наверху они наспех посоветовались, затем Хейдьюк побежал к вертолету вместе со штанами и ботинками. Бонни осталась на месте, с карабином охранять узников. Солнце двигаясь на восток было в дюйме от горизонта.

Хейдьюк в вертолете зачихнул в кабину шмотки. Он посмотрел на раскуроченное радио и пожалел об этом. Неплохо было бы знать, кто и что летает здесь поблизости. Он поразмышлял над органами управления машиной, но потом решил, что нет времени. Надо идти назад, забрать пилота, заставить его... Нет! Нет времени, надо отсюда убираться, и побыстрее.

Он вытащил пистолет пилота из-за ремня и выстрелил по панели управления. Панель превратилась в кашу. Он повернулся к головке винта и выстрелил по двигателю, по лопастям, по поворотным элементам, по подшипникам. Три или четыре пули прошли мимо, он не хотел больше тратить боезапас. Последние пули он выпустил по топливному баку над двигателем, высокооктановый бензин полился вниз.

Он нашел летные карты в кабине, смял их, поджег спичкой и бросил горящий шар на песок за мотором и тут же отбежал от машины. Шар вспыхнул, загорелся и пламя перешло на топливо.

Хейдьюк забросил пистолет летчика в огонь и быстро вернулся обратно, пока пламя не добралось до баков. Взрыв сотряс воздух, начался пожар, яркое пламя полыхало в закатном солнце, после паузы оно достигло апогея и скрылось в вертолете, облизывая всю машину от кабины до хвостового винта языками тягучего, живого, энергичного огня.

Так, подумал Хейдьюк, удовлетворившись в конце концов, хоть одного замочил. Черт, черт, черт! Полный благосклонности он повернулся к Бонни.

– Пошли.

– Что с этими делать будем?

– Убей их, или расцелуй, мне-то что? – заорал он. – Пойдем.

Бонни посмотрела на Хейдьюка, затем вниз на пленников. Она колебалась.

– Вот твое ружье, – сказала она, бросив его в сумерки ущелья. Ручная винтовка армейского образца, грубо упала на скалы и поломалась. – Прости. Нам надо идти. Ты можешь –

– Пошли! – рявкнул Хейдьюк, взмахнув рукой.

– Ты можешь согреться на костре, когда мы уйдем, – она побежала за любимым. Бок о бок они бежали мимо оплавающегося вертолета в тень можжевельников.

– Где карабин?

– Я отдала его им.

– Что!?

– Это же их ружье.

– Ради Бога, – Хейдьюк приостановился, чтобы оглянуться. Никто не появлялся из темноты. Бонни тоже остановилась. – Беги, я догоню, – он вынул револьвер и выстрелил поверх кромки ущелья, чтобы там внизу поняли как себя вести. Ответа не последовало. Они побежали. Солнце зашло.

– Как насчет отпечатков пальцев? – спросил он, переводя дух.

– Каких... отпечатков?

– На карабине.

– Они не смогут... ими воспользоваться.

– Почему нет? Они могут ... найти кого угодно... ради Бога...

– Только не меня. – Бонни бежала, волосы ее развевались, дыхание было тяжелым, но ровным, – у меня не брали отпечатки пальцев.

Хейдьюк был впечатлен. Черт меня возьми, подумал он.

– Ни разу в жизни?

– Ни разу в жизни.

Все складывалось хорошо. Солнце зашло, сумерки перешли в вечер. На пурпурном небе появились точки звезд. Никаких летающих объектов не было. Хейдьюк раскопал кусачки для проволоки и бензопилу (собственность г-на Сарвиса). Они прошли всю ночь до джипа, который они нашли после нескольких кругов под вьетнамской маскировочной сеткой, в полной сохранности.

Когда они свернули сетку, они услышали ненужные сирены, увидели слишком много красных огней полицейского фургона из Навахо, он ехал по хайвэю в сторону горящего вертолета. Стоя на капоте джипа пока Хейдьюк упаковывал вещи, Бонни увидела, как полицейский фургон остановился, повернул и поехал сквозь проволочный забор к пожару через дюны. Пикап проехал несколько сот ярдов, пока не засел в песке. Она видела, даже при тусклом свете звезд, как он все глубже увязал пока человек за рулем (офицер Нокаи Бегай) продолжал упрямо гонять мотор пока его помощник (офицер Алвин Т. Пешлакай) стоял снаружи, размахивая фонариком и выкрикивая инструкции. Колеса вращались, мотор ревел, глотки кричали, пока Хейдьюк тихо вывел свою машину хайвэй.

Хайвэй вероятно полон *les flics*? Очень может быть. Хейдьюк не включал фары и когда первые фары встречной машины появились на пути он съехал на полосу для грузовиков и остановился. Машина проехала, за ней другая.

Он вернулся на хайвэй и проехал еще десять миль с потушенными фарами. Опасно? Возможно. Но не невозможно. Хейдьюк не считал трудным ехать. Бонни Абцуг кусала кулаки и приставала с дурацкими советами вроде:

– Ради всего святого, включи фары. Ты хочешь нас поубивать?

Единственное, что его беспокоило, были лошади: ночью их трудно увидеть даже с фарами.

Они выехали на грунтовую дорогу, ведущую к северо-востоку в Шонто и Бетатакин. Хейдьюк повернул и отъехав от трассы включил фары. Они хорошо провели время, остановившись в одиноком пустынном месте между двумя голыми, сухими можжевельниками, распаковали вещи, упакованные в тяжелые полотняные мешки, которые Банда спрятала здесь после операции с железнодорожным мостом. Это была идея Хейдьюка – он хотел спрятать динамит в мешках по, как он говорил, «санитарным причинам» для дальнейшего использования. Абцуг утилизировала пустые коробки, это была ее идея.

Когда Хейдьюк загрузил два мешка назад она снова стала ныть:

– Я не собираюсь ехать в этой самой машине с этим всем! – но в ответ прозвучало:

– Тогда иди пешком! – она притихла. Они поехали. Топливо заканчивалось. Хейдьюк остановился возле знакомого кемпинга Парк Сервис в Бетакине. Он пошарил под сиденьем и нашел свою кредитную карту из Оклахомы, кусок неопренового шланга, «мой маленький воровской шланг», как он его называл, и исчез в темноте с сифоном и двумя канистрами.

Бонни ждала, повторяя снова нудные вопросы по поводу ее здравого рассудка. Нет вопросов по этому поводу к ее товарищу, или этому многоженцу, джек-мормону, речному gidу, или бедному сумасшедшему Доку. Но что я-то делаю здесь? Я, чудесная еврейская девушка, со степенью магистра по французской литературе (sic!). С мамой, которая волнуется обо мне и отцом, зарабатывающим 40 000 в год. Сорок тысяч чего? Женских корсетов, чего же еще. Я, Абцуг. Нормальный, здравомыслящий человек. Бегающий вокруг этих сумасшедших *goyim* в центре Аравии. Мы никогда от этого не избавимся. У них есть свои правила.

Хейдьюк вернулся, бросил назад две полные канистры. Снова пошарил под передними сиденьями – он нашел лейку и залил десять галлонов в бак, затем снова пошел с пустыми канистрами.

– Куда ты?

– Залить запасную канистру.

О, Боже. Ушел. Она ждала, проклиная себя, то засыпая, то просыпаясь от страха.

Разбудил ее звук и запах льющегося бензина. Они снова двинулись в путь, в ночь, как любил Хейдьюк, заправленные и сильные. С новыми номерными знаками.

– Сегодня мы из Южной Дакоты, – сказал он.

Бонни застонала.

– Расслабься, – сказал он, – мы скоро проедем реку. Мы уезжаем из этого переразвитого гиперцивилизованного чертового индейского края. Возвращаемся к каньонам, где живут люди, похожие на нас. Они не найдут нас и через миллион лет.

– Надо позвонить Доку, – пробормотала она.

– Позвоним. Как только приедем в Кайенту. Остановимся в «Холидей Инн», закажем кофе и тортик.

Это ее на короткое время успокоило. Яркие огни, пластиковые столы, центральное отопление, нормальные американцы, платящие налоги, с бритвами! с прическами! поедающие нью-йоркские стейки с гарниром из овощей, салат, теплые рогалики в салфетке, вино в маленьких бутылках – как все это напоминало дом, нормальную жизнь, надежду.

Дорога прошла мимо туннеля железной дороги Блек Меса – Лейк Пауэлл. Хейдьюк остановился.

– Что?

– Это займет всего минуту.

– Нет! – закричала она, – нет. Я устала, я хочу есть и тут везде полно полиции, я боюсь.

– Всего минуту, – он исчез.

Она закрыла лицо руками и поплакала немного, затем отключилась. Во сне она слышала щелчки кусачек, злое рычание чего-то, похожего на тигра в джунглях ночью, погружающего зубы в беспомощную плоть. Она проснулась от звука аварии, резкого звона падающих проводов.

Хейдьюк вернулся, тяжело дыша, сдерживая болезненное удовлетворение. Он прыгнул на место, выжал сцепление и рванул вперед, повернул налево на хайвэй и поехал на север в сторону Кайенты, Монумент Вэллей, Мексикан Хат, бескрайние каньоны Юты – там было спасение.

Проезжая мимо развязки Блек Меса, среди машин туристов, пикапов навахо, и полицейских автомобилей они увидели огни пылающего склада. Автономный источник энергии горел. Угольный конвейер, проходящий в сорока футах над дорогой также двигался. Замедлив джип, Хейдьюк внимательно посмотрел на этот критический момент для электростанции.

– Не останавливайся, – сказала она.

– Да, конечно, – сказал он.

Но через милю ему пришлось остановиться. Он съехал на боковую дорогу, выключил фары и заглушил мотор. Он посмотрел на бледное лицо Бонни в темноте.

– Ну, в чем дело? – спросила она, проснувшись.

– Я должен.

– Должен что?

– Отлить.

– И все?

– И еще закончить дело.

– Так я и думала. Я знала. Слушай, Джордж Хейдьюк, ты этого не сделаешь.

– Надо завершить начатое.

– Ладно, я не пойду с тобой. Я устала. Мне надо отдохнуть. С меня довольно взрывов, пожаров, стрельбы и крушений. Я сыта всем этим по горло, меня уже тошнит. Просто тошнит.

– Я знаю.

Он взял свой рюкзак, наполнил его едой, водой, инструментами и дал девушке инструкции. Она поедет дальше и будет ждать его в «Холидей Инн» в Кайенте, кто может придумать место безопаснее? Сколько у нее денег? Сорок долларов. Она может воспользоваться карточкой отца, Галф Ойл, там ее примут. Открыть кредит и вызвать доверие. Не обращать внимание на риск. Уже слишком поздно. Принять горячую ванну. Позвонить Доку и Смигу, условиться о встрече в заброшенной шахте Хидден Сплендор, в Дир Флет возле Вуденшу Батте. Если он, Хейдьюк, не вернется в Кайенту послезавтра к вечеру, она должна оставить джип там и ехать в Хидден Сплендор с Доком и Редким. Напомнить Доку чтобы не забыл магний. Это очень важно. Что еще? Он вынул один из мешков из джипа, бензопилу, точило и канистру.

– Желаю, чтобы у тебя все получилось, – сказала она, – тебе тоже надо отдохнуть.

– Не беспокойся, я буду под деревом послезавтра и буду спать весь день.

– Ты не ел человеческой пищи с полудня.

– У меня достаточно солонины в рюкзаке, чтобы протянуть неделю. Кроме того у нас здесь тайник. Все, уезжай.

– Скажи мне, что ты хочешь сделать?

– Тебе не нужно это знать. Ты прочтешь обо всем в газетах.

Она вздохнула.

– Поцелуй меня.

Он нетерпеливо поцеловал ее.

– Ты любишь меня? – спросила она. Он ответил, что да.

– Сильно?

– Убирайся отсюда, твою мать! – зарычал он.

– Хорошо, хорошо, не надо кричать.

Сидя за рулем она завела мотор. Ее влажные глаза блестели в дымке огней приборов. Он не обращал внимание. Она поднесла согнутый указательный палец к глазам, чтобы предотвратить слезы. Меняя свою шляпу на кожаное сомбреро, он ничего не замечал. Она нажала на газ.

– Можно тебя на минутку?

– Да? – надевая перчатки, он смотрел на яркие огни башен погрузки.

– Единственное, что я хочу сказать тебе, Хейдьюк, перед тем, как уеду. На всякий случай, если вдруг мы больше не увидимся.

Он смотрел по сторонам, но только не на нее.

– Постарайся покороче.

– Ублюдок, сукин сын. Что я хочу тебе сказать, я тебя люблю, вонючий сукин сын.

– Здорово.

– Ты меня слышал?

– Да.

– Что я сказала?

– Что ты меня любишь, и я этому рад. А теперь убирайся к чертовой матери отсюда.

– Пока.

– Пока.

Глаза блеснули, она уехала. Одна, едущая по асфальтовой дороге в Кайенту, с бьющимся сердцем, ее поршни носились вверх и вниз в сумасшедшем темпе, Бонни Абцуг снова залилась сладкими слезами. Она едва видела дорогу. Попробовала включить дворники, но это слабо помогало.

В конце концов оставшись один (Господи, какое облегчение!) Хейдьюк расстегнул джинсы, и начал гордо мочиться, как жеребец, на твердой земле, все было позади, и банки пива, и бутылки с лимонадом, сминаемый алюминий и разбитое стекло, упаковки по шесть штук и забытые винные кувшины в Навахоленд, США (Господи, какое облегчение!). В этот момент он видел рассыпанные звезды в сотнях световых лет от солнечной системы, мерцающие коротко, но смело на дрожащих осколках его золотой росы. Он подумал в этот момент о вселенской общности вещей. Как говорят колдуны, мы все на самом деле одно целое. Целое что? Да и какая разница?

Великолепие его размышлений утешило его, когда он приступил к своим одиноким и неблагодарным трудам. Возродившийся, с бензопилой в одной руке, с мешком в другой и с восьмидесятифунтовым рюкзаком за широкими плечами, Джродж В.Хейдьюк пошел вперед – непоколебимый и стойкий – в сторону лязгающих машин, с красными глазами и железными

челюстями, прожекторами медные башни... Врага. Его врага? Чьего врага? Единственного врага.

В Хидден Сплендор.*

Бонни подняла свою палочку с можжевеловых углей, посмотрела на жареный алтей, насаженный на кончик. Она зубами стащила его и проглотила одним куском, как жареную устрицу.

– Я всегда думала, что это едят только дети, – сказал Смит.

– Мне нравится, – сказала Бонни, – и я старуха двадцати восьми лет. Док, дай мне еще.

Он дал ей сумку, она насадила еще один на палочку. Солнце клонилось к западу за Генри Маунтейнс. Прохладная тень потянулась от Елк Ридж. Внизу, в тысяче футов и в пяти милях южнее линии обзора, голые скалы Начурал Бриджес Нейшнл Монумент сияли тусклым золотом в вечернем свете.

Они ждали.

Она вздохнула.

– Дай мне посмотреть газеты.

Чавкая черным алтеем она четвертый раз – а может в десятый – читала отчет на одиннадцатой странице, о последних похищениях в Блек Меца. «Власти разоблачают широкомасштабный саботаж». «Поезд с углем второй раз сошел с рельсов». Стальные клинья нашли возле следов. Загадочные взрывы взорвали башни погрузки и склады. Имя на песке: «РУДОЛЬФ РЫЖИЙ, МСТИТЕЛЬ ВО ИМЯ ПРИРОДЫ». Расследование продолжается. Полиция подозревает, что работала организованная банда, по имени «Бешеные псы». Клан ренегатов из семьи Шошон. Транспортер угля был разрушен взрывами в четырех местах. «Джем ов Аризона», самый большой в мире экскаватор, был разрушен из-за пожара в двигателе. Ущерб нанесен на сумму порядка полумиллиона долларов. Единственный ключ – «РУДОЛЬФ ЗНАЕТ». Линия электроснабжения перерезана следующей ночью. Надпись на песке: «РУДОЛЬФ РЫЖИЙ ЗНАЕТ». Охлаждающие элементы изрешечены пулями, 80 000-вольтный трансформатор разрушен. Слесари по ремонту труб бастуют третью неделю. Линии электропередачи и железные дороги патрулируются с воздуха. Угледобывающие компании запуганы и возмущены актами вандализма, «Дело рук идиотов», заявил координатор природной компании общественной службы штата Аризона. Приборы слежения были установлены на угольный конвейер. Профсоюзы монтажников труб отказываются признать факт промышленного саботажа. «ПОМНИТЕ ФОРТ САМНЕР – РУДОЛЬФ». Семейный совет обещал провести расследование в группе диссидентов навахо, известной под именем «Сыновья

---

* Потаенная красота (прим.пер.)

Дьявола». «ПОМНИТЕ РАНЕНОЕ КОЛЕНО – РУДОЛЬФ РЫЖИЙ». Американское движение индейцев отрицает причастность к инциденту в Блек Меза. Отдел общественной безопасности, родовая полиция Навахо, офис шерифа округа Коконино просят помощи у ФБР.

Бонни сложила газету с отвращением.

– Я не понимаю, почему нас похоронили на последних страницах. Мы хорошо поработали, – она протянула руку к Доку, – покажи мне еще газету. Нет, старую. За последнюю неделю.

Она открыла газету за прошлую неделю («Аризона Рипаблик», Феникс) на семнадцатой странице и посмотрела на свою фотографию еще раз, на «словесный портрет» со слов летчика вертолета и охранника службы безопасности Бернс. Слабо похоже, подумала она. Волосы слишком темные, грудь слишком выпуклая.

– Почему они хотят, чтобы я выглядела как Лиз Тейлор? – пожаловалась она.

– Что не так? – спросил Док.

– Это не то, вот что не так. Лиз Тейлор – толстая матрона средних лет с двумя подбородками, а я изящная, молодая и красивая девушка.

– Я бы назвал рисунок идеализированным.

– Да, – она посмотрела на портрет Хейдьюка. Была нарисована голова и широкие плечи человека в каске и в маске, закрывающей лицо. «Вертолет разрушен в результате пожара». Пилот и охранник подверглись нападению и ограблены вредителем и его спутницей. (Именно так – «спутницей»). Застигнутая возле линии электропередачи, девушка пыталась скрыться, ее поймали пилот и охранник, но рабочий в маске под дулом пистолета увел ее, охранник и пилот дали показания. Вооружен и опасен. Монтеры труб отрицают свою причастность. Рудольф Рыжий – не индеец, заявил председатель племени навахо Джек – Сломанный Нос Ватахомагие, «вождь на тропе войны» племени Шушайн Бешеные Псы. Распространенные догадки. Индейцы, или не индейцы, эти грабежи были работой не одного человека, а хорошо организованной и широкомасштабной тайной организации, заявили частные источники. Угледобывающие фирмы имеют большой опыт проблем с профсоюзами.

Бонни сложила газету.

– Что за гадость. – Она сделала движение, намереваясь бросить ее в костер.– Нам это еще нужно?

– Оставь для Джорджа, – сказал Док, – ему там дали хорошего пинка.

– Не бросай больше ничего в костер, – сказал Смит, – темнеет. Пусть костер погаснет. Не хочется, чтобы П. Г. Дадли Лав заметил нас снизу.

– Он нас ищет? – сказал Док.

– Это то, что они называют дача показаний.

– Откуда он узнал мое имя?

– Я думаю он узнал его от пилота, который подобрал тебя в Фрай Каньон в тот раз.

– Этот пилот мой друг.

– Без комментариев.

Бонни посмотрела на часы в закатном солнце.

– Джордж опаздывает на четыре дня и пять часов.

Никто ничего не сказал. Они смотрели на догорающий костер, каждый думал о своем. Эти мысли были такие: может мы далеко уехали? Может Джордж ушел слишком далеко. Может пора остановиться. Но только Док признался в своих мыслях.

– Знаете, о чем я думаю, – сказал он. Все ждали. Он затянулся сигарой, выпустил плоскую голубую струю дыма. Птицы пели в дубраве. Летучие мыши летали, то сбиваясь в кучу, то разлетаясь, охотясь в сине-золотом небе. – Я думаю, что после того, как мы покончим с этим мостом... – если Джордж появится здесь, но эту мысль он не высказал, – то возможно, мы можем взять что-то вроде отпуска. Скажем, на несколько месяцев. Только несколько месяцев, – быстро добавил он, заметив, что Бонни нахмурилась. – Потом, когда все станет тихо и не так горячо в этом месте, мы можем, так сказать, возобновить работу.

Они подумали молча над этим предложением, повисла длинная пауза. Угли в костре светились, волны темноты двигались с запада над плато. Ночные ястребы выискивали жертву на ужин.

– Мы ничего не решим, пока не вернется Джордж, – сказала Бонни. Подбородок поднят, губы плотно сжаты, она смотрела в остатки костра.

– Конечно, – сказал Док, – но мы все должны иметь план на случай непредвиденных обстоятельств.

– Док, Вы знаете, что я нашел вчера среди шахт? – спросил Смит. – Вы видели этот большой бак над дорогой, в деревянной раме? Он наполовину заполнен соляром. Да, сэр. Пятьсот галлонов дизельного топлива в этой штуке, если организовать утечку.

Док не ответил.

– Просто подумайте, что мы можем сделать с этим, Док.

Док подумал.

– Да, ясно. Но позвольте сказать вам одну вещь, Редкий Гость Смит. Этот плавучий дом, который вы хотите, будет стоить мне по меньшей мере сорок пять тысяч долларов. Я ездил на выставку лодок на прошлой неделе.

– Нам нужно четыре. Четыре шестидесятифутовых, – сказал Смит.

– Это всего лишь сто восемьдесят тысяч, – сказала Бонни, – Док это потянет, да, Док?

Док улыбнулся тонкой улыбкой с сигарой в зубах.

– Да, Док, – сказал Смит, – я хочу сэкономить вам около ста семидесяти тысяч шестисот долларов, здесь и сейчас, – он подождал. Ответа не было. – Нам не нужно покупать никаких плавучих домов. Мы возьмем их в аренду на причале Вовип на сто дней. Мы выведем их из залива Вавип, мимо Лоун Рок, вынесем все из помещений и загрузим их нитратом аммония. Это мощное удобрение, Док. У меня есть все что нужно на арбузной ферме. Затем мы нальем соляр, запечатаем окна плотро и наш парень, который здесь... там... короче, где он есть, старина Джордж зарядит туда детонаторы и поздно вечером мы выйдем в залив и по каналу и перережем этот провод на воде и попадем к дамбе.

– Понятно, – сказал Док. – Я должен пойти в офис пристани и мне надо сказать клерку: послушай, парень, я хочу нанять четыре плавучих дома, сразу четыре, этот, этот, этот и вон тот, это я должен сделать?

Редкий улыбнулся.

– Мы все пойдем с вами, Док, вчетвером, и вы можете сказать: мне надо четыре дома для моих друзей, один для девушки, на шестьдесят футов, будьте любезны. Человек за стойкой вероятно будет озадачен, но он обязан выполнить заказ. Кроме того, деньги делают все. Вы будете удивлены. Они нас не любят, Док, они христиане.

– Вы оба ненормальные, – сказала Бонни.

– Ну, – сказал Смит, – мы можем пойти на разные пристани. Вовип, Буллфрэг, Рейнбоу Бридж, и Холлс Кроссинг. Это займет немного больше времени, но мы можем сделать и так. Затем мы приведем их на озеро.

– Взять напрокат лодку стоимостью сорок пять тысяч несколько сложнее, чем машину, – сказал Док.

– И затем, – подытожил Смит, – мы можем взять этот отпуск. Мы поедем во Флориду, посмотрим на аллигаторов. Моя Сьюзен всегда хотела посмотреть на них. Остановимся в Атланте по дороге, – Редкий улыбнулся, – мы сможем посадить семена арбузов на могиле Мартина Лютера Кинга.

– О, мамочка, – простонала Бонни, поднимая голову к бархатному небу, к лавандовому вечеру с первыми звездочками. – Что я здесь делаю? – Она посмотрела на часы.

– Постарайся расслабиться, – сказал Док, – выпей овалтин и не ной.

Пауза.

Бонни встала.

– Я пройдуся.

– Погуляй подольше, – сказал Док.

– Я именно это и хотела.

Она ушла.

Смит сказал:

– Девочка влюблена, Док. Она тоскует, поэтому так раздражается.

– Редкий, вы созерцающий исследователь человеческой природы. скажите, а я почему такой раздражительный?

– Вы врач, Док.

Они уставились на догорающий костер. Угольки мерцали, как огоньки в маленьком пустынном городе, с наступлением темноты, затерянного в бескрайнем Юго-западе. Док думал о Нью-Мексико, о своем пустующем доме. Смит думал о Грин-Ривер, штат Юта.

Сменим тему, доктор.

– Сначала мост, – сказал он, – затем, возможно, дамба. Затем передышка. Не важно, что скажет Джордж.

– Вы думаете мы сможем сработать с лодками как следует?

– Все что нужно, это сделать небольшую трещину в ней, Док. Одна трещина в дамбе и природа дальше доделает сама. Природа и Бог.

– На чьей стороне Бог?

– Вот это я хотел бы знать.

Далеко внизу, в пурпурном зареве пара фар светилась одной точкой в темноте, луч был тонкий, как карандаш – какой-нибудь поздний турист, несомненно, искал кеппинг. Они посмотрели за светом, двигавшемся по кривой, то скрывавшимся за деревьями, то вновь появлявшимся, пока он не исчез.

Выше на северо-востоке на склонах Норт Вуденшу Батте лаял койот на угасающий закат. Последний звук лая, модулированный *andante sostenuto* прозвучал длинным завыванием. Серенада пустынного волка, его ноктюрн.

Ожидание.

Док вынул изжеванный окурок сигары из зубов, посмотрел на него. Сигара «Конестога», свернутая вручную на телеге где-то на западе. Он бросил его в угли.

– Думаешь, у него получится?

– Да, получится. Этого парня никто не остановит, только он сам.

– Точно, – согласился Док.

В этом-то и проблема, подумала она. Что-то не то с его инстинктом самосохранения. Без меня он как ребенок. Слишком горячий, с поврежденным рассудком, эмоциональный ребенок. Гиперактивный тип. Подсознательная тяга к саморазрушению, и все такое прочее. Я не верю в этот бред из журнала «Психология сегодня». Случайные поклонники знаменитостей, да, нет.

Она шла среди выгоревших, продуваемых всеми ветрами лачуг. Двадцать лет назад здесь жили шахтеры из урановых рудников, непонятно как, в этой безводной местности, над

каньонами. Ржавые шахтные барабаны виднелись на фоне скошенных стен. Матрацы цвета карнотина, мочи, выпотрошенные крысами, скалистыми белками и полевыми мышами, лежали на гнилом полу. Туалеты в будках на задних дворах будто утонули в земле. Старая автопокрышка покачивалась на веревке с ветки пинии – когда-то здесь играли дети. Кучи мусора, как гигантские хвосты, разрастались по скалам, превращаясь в беспорядочную массу метала, пластмассы, дерева, бутылок из под кетчупа, старой обуви, банок из-под моющих средств, и автопокрышек со стертым протектором.

Она прошла вниз, по гальке дороги для грузовиков, под загрузочные желоба, мимо вагонеток, цистерн для воды, топливных баков. Она чувствовала запах серы, соляра, гнилого дерева, экскрементов летучих мышей, промасленных бревен, ржавеющего железа. Из черных горловин шахт выходили облака видений из неизвестных газов – радон? двуокись углерода? – похоже на дым, но без запаха, тяжелее воздуха, он стелился по земле. Хидден Сплендор. Чудное место ты выбрал для рандеву, Джордж Хейдьюк, свинья ты после этого. Рептилия. Жаба. Жабовидная ящерица. (Я могу быть с рогами, ответил Джордж, но я не жаба). Она осторожно ступала по туманным языкам, ползающим пальцам из газа, по ржавым узким рельсам, ведущим из шахт через дорогу в отвал.

Она уселась на край перевернутой вагонетки и смотрела вдаль в сторону юга, в вечерние сумерки, на сотни миль, как будто могла полететь над Овахомо Начурал Бридж, над Гранд Галч, Мали Пойнт к реке Сан-Хуан, мимо Орган Рок, Монумент Веллей, вулканической громады Ага-Талан, над Монумент Анворп и за грядой видимого мира в Кайенту, «Холидей Инн», где снаряженный голубой джип все еще ждет.

Побег разрушителя.

Хейдьюк съел банку бразильской солонины, консервант и все остальное (эти фашисты делали замечательную солонину), съел две полные банки ананасов на десерт. Немного передохнув, он запаковал остальные банки в ящик, который спрятал в запас провианта.

Он разобрал бензопилу, смазал все части, завернул ее в чехол из толстой ткани и положил вместе с едой. Он накрыл запас продуктов землей, валунами и кусками древесины; при свете звезд такая маскировка казалась достаточной. Оставшееся перекочевало в его рюкзак.

Он надел шапку и посмотрел на звезды. Ковш Большой Медведицы был с этой точки перевернут, было около часа ночи. Хейдьюк пошел по откосу чуть ниже кромки и направился севернее через поля в сторону огней Кайенты.

Он чувствовал себя неплохо. Его груз казался не таким уж тяжелым после нагрузки последних дней, ноги были в форме, сердце и голова наполнялись приятным чувством успеха. Он неплохо поработал, несмотря на собак, лаявших из каждого свинарника, полицейский контрольный пункт на хайвэе южнее кайентской развязки, заставивший его сделать крюк. В час ожидания рассвета он достиг комплекса с мотелем, заправкой и магазином возле развязки. Спрятав свой рюкзак в кустах, ибо нет ничего более подозрительного для глаз горожан чем бородатый мужик, белый или краснокожий, пешком с рюкзаком за плечами, он вышел к паркингу возле Холидей Инн. Джип был все еще здесь, со спрятанными ключами и запиской:

«Сэм, я ждала тебя целых три дня. Пришли Святые Последнего дня и мы поехали забрать его светлость в международный аэропорт Мексикан Хат. Будем ждать тебя в Плаза, как договаривались. Пожалуйста, поторопись, а то я не люблю ждать. Хватит валять дурака. И помоги облагородить Америку – прими ванну.

Твой друг и советник

Тельма.»

Никого вокруг не было, кроме нескольких местных, прошедших мимо бетонной стены, опорожняная бутылки здесь же. Хейдьюк завел свой джип, откопал свой груз и порулил на север через Кайенту к реке Сан-Хуан и деревни Мексикан Хат. Солнце встало, когда он переезжал мост. В Юте, в краю сумасшедших каньонов, он чувствовал себя спокойнее, лучше и по-домашнему. Здорово было снова оказаться в старой доброй стране Сан Хуан.

Он заметил, что кафе открылось, и несмотря на то, что он должен был по возможности избегать городов и асфальтовых дорог, он остановился. Хейдьюк истосковался по кофе и нормальному завтраку с яйцами и ветчиной. Пять дней одного лишь изюма, орехов, подсолнухов и шоколада, сплошного сухого молока, арахисового масла и консервированной

солонины, довели его до такого состояния.

Он припарковал джип за два квартала от кафе, за въездом Снежной Королевы (закрытого до полудня), прошел назад и уселся на табурет за стойкой. Прыщавая индейская девушка с раскосым лицом монгольской кинозвезды приняла у него заказ. Он прошел в туалет умыться и попытаться смягчить непослушную шевелюру.

Облегчаясь, он читал надписи на стенах. О чем пишут люди: «Свободная любовь ценится вернее», «Освободим женщин сегодня ночью», на потолке он прочитал: «Чего ты ищешь здесь, придурок? Ты льешь себе на туфли».

Хейдьюк вернулся в зал и обнаружил две широкие спины в ковбойских рубашках, сидящих рядом с его кофе и завтраком. Две серебристо-серых ковбойских шляпы и два широких важных зада в габардине. Он моментально заметил тот тип мужчин, которые носят галстуки и стреляют уток, едят сосиски по-венски из банок на рыбалке. Тип людей из народа, сделавших Америку такой, какая она сейчас.

–Доброе утро!- сказал Хейдьюк, садясь и глядя себе в тарелку. Широкая пола шляпы приподнялось, открыв верхнюю часть лица, опасную часть (красные глаза посмотрели на него устало в треснутое зеркало в уборной.) Он уселся, хотя в этот момент понял, что совершил серьезную ошибку. Уголком левого глаза он увидел ярко-желтый «Блейзер», который стоял возле кафе, на водительской двери он разглядел знак официальной службы. Он был более усталым, чем ожидал. Импульсы в его мозгу давали сбой или вообще отсутствовали. Его рефлексы не реагировали. Он знал, что он устал, но не знал, что слишком устал, чтобы видеть.

Сильные загорелые челюсти перед ним приостановили работу на мгновение. Шершавое лицо повернулось к нему, глаза, синие, как ягоды можжевельника, с расходящимися лучами морщин, следствие жизни под ярким пустынным солнцем, остановились на бородатом недружелюбном лице Хейдьюка.

– Как дела у малыша Редкого Гостя? – спросил епископ, уставившись тяжелым взглядом.

Испугавшийся, но слишком измученный, чтобы волноваться, Хейдьюк уставился в ответ, раздумывая. «Джордж, ты выглядишь как лошадиная задница... В этом твой шанс.»

–Я не знаю его, – пробормотал он полным ртом. – О'кей?

Огромные ручищи епископа, больше, чем у Дока, и наполовину не такие ласковые, возобновили движение по приему пищи.

–Да, но он тебя знает, малыш.

Мужик справа от епископа, выглядевший как младший брат Лава, на мгновение перестал есть, глядя на свою яичницу, и стал ждать реакции Хейдьюка.

Хейдьюк колебался совсем немного.

–Я не знаю никого с таким именем,– он добавил еще сахара в кофе.

–Уверен?

–Никогда не слышал.

Все три снова стали монотонно есть: Хейдьюк свою ветчину и яичницу, епископ то же самое, младший Лав четыре сосиски и болтуню. Чавканье и жевание заполнило пространство. «Мисс Юта» снова лежала между кухней и баром в своих подростковых туфлях. Стеклопанная дверь с шумом распахнулась. Два пожилых человека, выглядящих как директора школы или наследственные чиновники, уселись за стол возле двери, поставив свои дипломаты на пол. Они тоже носили галстуки. Хейдьюк почувствовал ощущение затравленного зверя. Уходить отсюда!

Епископ продолжил:

– Вот что, парень, я видел тебя с ним в тот день в Бриджесе. И я никогда не забываю лица. Особенно похожие на твое. Там был ты, он, молодая девчонка с приятным голосом и большой лысый мужик с седоватой бородой. И мы остановились спросить вас о похитителях на строительстве дороги. Кто-то оставил следы, размер 10 или 11, на всем пути от Комб Вош до развязки Холл Кроссинг. Если не ты, то это мог быть твой брат-близнец.

Брат епископа откинулся на спинку стула и уставился на обувь Хейдьюка.

Большой палец на ноге Хейдьюка согнулся внутри его горного ботинка.

–Должно быть то был мой брат-близнец, – сказал он, подбирая остатки желтка коркой тоста. Ладно, с Божьей помощью. Он повернулся к принцессе:

–Еще кофе.

Она налила, одарив его стеснительной улыбкой, которая, при обычных обстоятельствах запомнилась бы Хейдьюку на два следующих месяца.

–Ты ничего об этом не помнишь?

Хейдьюк добавил сахар в кофе.

–Не-а.

–Ты врешь, парень.

Хейдьюк отхлебнул из чашки, затем еще. Он почувствовал, как струйки пота потекли вниз по ребрам. Рубашка, которую он не снимал последние пять дней воняла достаточно и без этого дополнительного букета. Что же делать, что делать? Старый вопрос. Конечно у него был пистолет за поясом, под курткой, но его невозможно было быстро вынуть и уложить двух этих братьев Лав при стольких свидетелях. Выплеснуть кофе в лицо епископу и выскочить наружу? Да, неприятности не ходят по одной.

–Ты, слышишь, парень?

Есть идея, прикинуться глухонемым.

–Сэр?–сказал он, и обратился с улыбкой к официантке.–Чек, мисс.

Она выложила зеленый бланк счета.

–Посчитать вместе?–спросила она, глядя на Хейдьюка и двух других. Этот разговор сбил ее с толку.

Хейдьюк вспомнил «Отче наш».

–Отдельные счета, пожалуйста,–она была красива. Сконфужена, но ничего. Эти щеки. Глаза ацтеков. Но у него были более важные вещи в голове. –Отдельные счета. Мне пора.

–Никуда ты не уйдешь,– тихо сказал епископ. –У нас есть о чем поговорить.

–Сэр?– он нащупал деньги.

–Да, да. И бульдозер, сам собой прыгнувший в озеро Пауэлл,. И камни, которые кто-то набросал на мой другой «Блейзер». И местонахождение Редкого Гостя Смита. И еще несколько маленьких вопросов вроде этого, малыш.

Епископ и его брат продолжали пожирать еду, но были готовы вскочить в любой момент. Их бледные и едва удивленные глаза ни на миг не отрывались от Хейдьюка.

Все еще сидя у стойки он заплатил по счету, дал чаевые был готов удалиться. Но как? Он все еще рассчитывал уйти достойно, спокойно и не спеша.

–Ладно, отец,– сказал он, – ты меня с кем-то перепутал, это все, что я могу сказать,– он начал вставать. Епископ положил тяжелую руку на него и усадил на место.

–Сядь.

Младший брат епископа улыбнулся:

–Мы уйдем все вместе.

Страх окутал голову Хейдьюка. Он ненавидел тюрьмы. Они вызывали у него клаустрофобию. Чувство западни. Вздохнув, он сказал:

–В таком случае я хочу еще кофе.

Он подставил большую чашку, девушка наполнила ее. –Спасибо.

Пар шел от кофе, вычерчивая в воздухе вопросительный знак. Его волновал вопрос вооружены ли они, но, как и он, они не держали оружие на виду. Правда у Хейдьюка оно было нелегальным, но у этих парней наверняка были удостоверения заместителей шерифа. Еще один вопрос: сможет ли он не описаться, пока не выйдет отсюда свободным. Загадка сфинктера. Это был вопрос.

–Как тебя зовут?–спросил епископ.

–Герман Смит.

–Ты не очень-то похож на американца, как по мне. Уверен, что не Рудольф?

–Кто?

–Рудольф Рыжий.

Хейдьюк выплеснул остатки кофе в лицо епископу и рванулся к двери. Два чемоданчика стояли у него на пути. Одним прыжком он вывалился через стеклянную дверь.

–Счастливо!– крикнула ему вслед официантка, на автомате выполняя наставления начальства. – Заходите еще!

Хейдьюк пролетел мимо нового восьмицилиндрового «Блейзера», жалея о том, что не было времени стащить ключи или проколоть шины. Он заметил внутри заряженный пистолет Лава, флажок на антенне, до того, как он завернул за угол и помчался по дороге в сторону Снежной Королевы. Энергия, о наличии которой он и не подозревал, билась у него в венах, рождала искры в промежутках нервов, электризовала его мышцы. Ноги, выручайте. Гневное рычание, хлопанье двери, крики слышались позади, топот бегущих ног. Оглянуться? Нет, не теперь.

Въезд. Он забежал за угол и прыгнул за руль джипа. Запустив мотор, он позволил себе оглянуться. Младший Лав бежал позади во весь опор, покрыв половину дистанции. Большой мужик, но не такой быстрый, вытирал лицо полотенцем, шатаясь стоял в дверях кафе, крича своему брату, и нащупывал дверь «Блейзера».

Колеса джипа крутились, разбрасывая гравий, Хейдьюк петляя вел джип в сторону хайвэя. Младший Лав пробежал до стены Снежной Королевы, с трудом переводя дух, затем повернул и поковылял назад к рычащему брату.

План Хейдьюка: убираться отсюда. Он разгонял свой скрипящий джип до максимальной скорости. Недостаточно быстро. У него есть выигрыш около мили пока Лавы перестанут выяснять кому сесть за руль, заведут свою мощную машину, развернутся и сядут ему на хвост. Мало времени. Шанс у Хейдьюка был, если он свернет с дороги в лес. В какой лес? Он был в пустыне реки Сан Хуан, страны красных скал и пурпурной породы, где ничего не росло, кроме колючек. Высокое плато, где можно было найти убежище лежало в десяти милях на север. Круто вверх. Он никогда с этим не справится. Придумай что-то еще, парень.

Автостанция Мексикан Хат появилась в поле зрения, разрастающаяся груда старых, разбитых, брошенных и разграбленных автомобилей. Хейдьюк посмотрел в зеркало заднего вида: желтый «Блейзер» все еще не показывался. Он съехал с дороги и втиснулся в дыру в заборе, затем забился среди металлолома, остановился и стал ждать. Через полминуты братья Лавы выехали на холм и проехали дальше в пятидесяти ярдах от носа Хейдьюка. По звуку двигателя он понял, что они ехали на второй передаче, вынюхивая где он. Рулил епископ; его брат держал винтовку между колен.

Хейдьюк подождал, чтобы они удалились на милю, затем поехал за ними. У него не было иного пути, на юг, в Аризону. Там у него больше нет друзей. Ему нужно подняться на

плато и через леса к своим товарищам в Спрятанный Блеск. Так что он поехал за своими преследователями.

Через три мили от Мексикан Хат хайвей разветвлялся, основная дорога лежала на восток в Блафф и Блендинг, левая ветка – частично асфальтированная – вела на север, в горы, к каньонам, свободе, сексу и бесплатному пиву.

Епископ, преследуя невидимого беглеца, должен первым принять решение. Будет ли он достаточно тупым, чтобы выбрать восточную дорогу, оставив Хейдьюку чистую дорогу для побега? Или, может он свернет налево, связавшись по дороге по радиации с Блафф и Блендинг, подняв по тревоге дорожный патруль штата Юта, офис шерифа, службу спасения Сан Хуан? Епископ Лав, хотя и полный ярости и не слишком умный, выбрал дорогу налево.

Хейдьюк, держась позади, увидел куда поехал епископ и выбрал правую дорогу. Прямо в лапы ожидающим его «властям»? Возможно, хотя может быть и нет. Не настолько знакомый с этой местностью, как Редкий Гость, и как епископ, Хейдьюк изучал карту достаточно часто, чтобы запомнить, что через несколько миль должна быть грунтовка, ведущая налево в нечто, обозначенное торгово-промышленной палатой как Долина Богов. Ведет ли дорога в тупик? Забирается на плато? Снова выводит на хайвэй? Хейдьюк не знал, и не имел времени опрашивать местных жителей. Через несколько минут епископ должен был осознать, что его преследуемый как-то просочился мимо, и теперь вероятно не впереди, а позади его. Перемалывая хайвэй, глядя на абсолютно голую местность, Хейдьюк обнаружил грунтовку, съехал по ней влево, прыгнув в канаву, подняв брызги воды из кювета. Он ехал по дороге, которая была плоха, но все же не очень. Кто-то, видимо, недавно поработал здесь грейдером, чтобы сделать эту дорогу доступной для туристов.

Хейдьюк продолжал ехать, поднимая клубы пыли на открытой, пустынной местности. Если епископ не увидел его, то потому, что он был слеп от душившей его ярости.

Дорога шла в основном на север, повторяя контуры рельефа. Впереди была группа скал, маячившая впереди на фоне неба, обтесанные эрозией голые скалы с профилем египетских богов. Красная стена плато воздвигалась на пятьсот метров над пустыней в виде ровных, голых, обманчивых по размеру скал. Хейдьюку пришлось бы искать дорогу на вершину плато если он хотел встретить друзей в точке сбора.

Джип поднимал слишком много пыли. Хейдьюк остановился, чтобы осмотреться и отдохнуть несколько минут. Он начал думать, что возможно ему удалось убежать. Он нацепил бинокль на шею и полез на ближайшую скалу. Ничего вокруг, кроме дикой пустыни. Мексикан Хат, единственное населенное место в радиусе двадцати миль, лежало внизу на небольшом возвышении. Во всех направлениях он видел только пустыню, рыжие скалы, местами поросшие кустарником, с несколькими участками хлопка в болотцах. Горы и плато, плавающие в горячих

волнах, тянулись до самого горизонта.

Облака пыли простирались с юга на север. Он поднял бинокль к глазам. На дороге на запад за скалами и оврагами он увидел металлический, быстродвигающийся, объект – справа; один желтый «Шевроле Блейзер», прыгающий по колее и скалам, красный вымпел развевался на конце его антенны. С юга по той самой дороге, по которой приехал Хейдьюк, ехал еще один «Блейзер», сверкая металлом на солнце. Хейдьюк проследил за обеими дорогами и обнаружил, что они соединяются через несколько миль, к западу от богов торгово-промышленной палаты. Поисковики и Спасатели отрезали ему путь к отступлению и они приближались. Оставалось не более 10 – 15 минут.

–Но я не потерялся, - сказал Хейдьюк, - меня спасать не надо.

На мгновение паника охватила его: выбрось свой груз и беги. Забейся в нору и заплачь. Ляг на землю, закрой глаза, сдайся.

Но он подавил панику, и, повернув от своих преследователей, стал изучать местность к северу и северо-востоку. На севере он не нашел ничего, кроме плато, на северо-востоке он обнаружил след тропинки, вьющейся между богами, углубляющуюся в овраг и скрывающуюся из виду, затем снова выныривающую на узком, заросшем можжевельником, гребне и ведущую к пологой части склона. Тупик? Отсюда он не мог сказать.

Хейдьюк спрыгнул с бугра и влез в джип. Он завел двигатель, затем снова выпрыгнул, чтобы заблокировать ступицы передних колес и убрать ветки кустов, застрявших в лебедке. Снова усевшись в машину, он включил первую передачу и тронулся. Шлейф пыли снова поднялся, выдавая его расположение. Ничего невозможно сделать.

Громяхая на максимально возможной скорости, он осматривал местность впереди, выискивая тропу, которую он заметил с холма. Хотя отсюда был хороший обзор, она была невидима. Плиты обожженного солнцем камня в наложенных террасах блокировали видимость. Одинокий можжевельник простирался слева от него. Он помнил это; тропа в этом месте отклонялась. Хотя каждая секунда решала все, он остановился и вскарабкался на капот. Он увидел за своим радиатором колеи, ведущие по песку через высохшее русло и снова взбегающие на холм в восточном направлении. Вернувшись за руль, Хейдьюк порулил через песок к скалам. Наверху он притормозил, чтобы оглянуться. Три шлейфа пыли смыкали вершины десятимильного треугольника, в котором он был одной из вершин.

Он прибавил. Дорога вилась среди кустарников, огибая пьедесталы пятисотфутовых монументов. Несмотря на мелкие изгибы, дорога продолжала идти вверх; стрелка высотомера показала очередную сотню футов, еще несколько можжевельниковых кустов пронеслось мимо. Хейдьюк понял, что он приближается к обрыву, который он видел с места своей первой остановки – можжевельники стали больше по ходу дороги в восточном направлении. Двигаясь,

в основном, по скалам, его машина больше не поднимала шлейф пыли. Но особой помощи это не приносило. Хотя три мили позади не сократились, епископ и его команда могли видеть джип Хейдьюка в луче обзора.

Что надеялся найти Хейдьюк в конце этой встающей волны скал и можжевельника? Он не знал, у него больше не было плана. Он на что-то надеялся, и продолжал ехать. Один большой можжевельниковый куст, заякоренный на камне, живописно выглядел на фоне неба. За ним, очевидно, была пустота. Направляясь к этому дереву, Хейдьюк рулил вперед и вверх. Он уже не видел дороги, она исчезла полмили назад, и сейчас он ехал по гладкой скале.

Он доехал до дерева и остановился. Твердь закончилась. Через пять метров был край обрыва. Хейдьюк вышел из машины и оказался на краю скалы. Не совсем вертикальной скалы, но нависающей над обрывом. Хейдьюк не мог видеть саму скалу, ее величину, но он мог предвидеть падение в сто футов.

Нижний карниз, или кромка, плавно переходили в песчаное русло, которое переходило, в свою очередь, мимо бесплодных куполов, шишек и башенок из выветренного камня, в широкий проспект из песка, серо-зеленого от полыни, называемый Комб Вош. Он простирался с севера на юг на пятьдесят миль под стеной Комб Ридж. В сорока милях на север от этой точки должен был пройти хайвэй. Дальше была старая дорога в Нэчурал Бриджес, Фрай Каньон, Хайт – и на северной оконечности (брошенной) остатки урановых рудников Хидден Сплендор, в шестидесяти пяти милях отсюда.

Длинный переход пешком, и Хейдьюк опаздывал к месту встречи на четыре дня. Он мог бы удрать пешком, даже отсюда, где-то внизу должно быть место, откуда он мог бы спуститься по веревке с обрыва, но это означало бы бросить на произвол его призовой джип, со специальными дополнительными причиндалами, наклейкой «Гуру Магараджа», широкими колесами и приспособлениями для езды по пересеченной местности, топографическими картами, Библией, Книгой Мормонов (похищенной в мотеле «Пейдж»), и другими сокровищами, которые достались бы банде стражей порядка, охотящихся за ним. Не выйдет. Если бы только он мог удержаться от этого. А мог ли? Он снова посмотрел вниз со скалы. Это в самом деле был нависающий обрыв. И высота была действительно минимум сто пятьдесят футов. Он вспомнил поговорку доктора Сарвиса: «Когда ситуация безнадежна, волноваться не о чем.»

Он повернулся, чтобы посмотреть на своих преследователей. Епископ и его команда были в двух милях позади, поднимаясь медленно, но уверенно, на гребень. В тишине он мог слышать рычание восьмицилиндровых двигателей. Старые машины, зато мощные. Хейдьюк прикинул, что у него есть около десяти минут.

Епископ Лав был терпелив. Терпеливый, методичный и скрупулезный. Несмотря на то,

что его лицо и шея пекли от ожога кофе, он не мог позволить ненависти повлиять на его озабоченность, беспокойство об этом человеке. Он видел, что волосатый ариец был в западне, хотя и на расстоянии, поэтому связался по радио, чтобы получить инструкции, и остановился. Ожидая остальных, он вышел из машины, и изучал в бинокль место, где должен был находиться джип, но, к сожалению, джип был скрыт большим можжевельным деревом на краю скалы.

Лав знал, что лежит за скалой. Он сам когда-то обследовал эту самую дорогу, десятилетия назад, когда он участвовал в первой урановой лихорадке в 52-м году. Ты, дикий сукин сын, думал он, тут мы тебя поймаем. Он обнаружил какое-то движение в месте, где располагался беглец. Спокойно, сказал он сам себе, он вооружен и опасен.

Его люди подъехали и присоединились к нему. Они переговорили. Епископ Лав посоветовал приблизиться еще на милю, остановившись на дистанции ружейного выстрела. Отсюда они могли идти пешком, при оружии, идя широкой линией, чтобы избежать возможного побега беглеца вдоль гребня. Согласны? Его вопрос был простой формальностью, его предложения, учитывая иерархию церкви, имели силу приказа. Его напарники, все взрослые люди, имеющие свой бизнес, кивнули, как хорошие солдаты. Все, кроме младшего брата епископа, который, к сожалению, был джек-Мормоном.

–И будьте осторожны, эта грязная скотина может иметь оружие. И может в запарке выстрелить.

–Может связаться по радио с шерифом?– сказал брат. –Возможно неплохо будет иметь поддержку с воздуха. На случай если этот шельмец сподобится спуститься со скалы.

Пятидесятипятилетний епископ посмотрел с юмором и сарказмом на младшего сорокашестилетнего брата.

–Думаешь, нам нужна помощь, Сэм? Как он спустится вниз?

–Я не знаю.

–Может позвонить в полицию штата? ВВС? Национальную гвардию? Вертолеты? Танки?

Их напарник хихикнул, сбившись с шага от смущения. Крупные мужчины, сильные, сообразительные; двое из них держали бензоколонки и станции техобслуживания в Бландинге; один держал мотель в деревне Блафф; один держал ранчо и загон для откорма скота в засушливом месте возле Монтичелло; брат епископа работал главным инженером на насосной станции газовой компании Эль Пасо в Анет, юго-восточнее Блендинга (очень ответственный пост).

Что касается епископа Лава, поисково-спасательная деятельность была для него только хобби; он был не просто епископом в церкви, он также служил председателем в совете округа,

планировал быть избранным в Ассамблею штата Юта и выше, владел агентством Шевроле в Блендинге, несколькими урановыми шахтами – действующими и закрытыми (включая старую в Дир Флэт над Нэчурал Бриджес), и половиной акций в пристани для яхт в Холл Кроссинг. И восемь детей. Занятой человек, возможно, слишком занятой. Его врач, глядя на кардиограммы епископа, советовал ему дважды в год отдыхать, а он отвечал, что отдохнет, когда будет время.

– Ладно, – сказал младший брат, – я пошутил. Все равно надо звонить в офис шерифа.

– Мне не нужна ничья помощь, – сказал епископ. – У меня есть депутатские полномочия, которыми я собираюсь воспользоваться. Я хочу самому разобраться с этим патлатым хулиганом там наверху, и я сделаю это сам, если придется. Вы, парни, можете ехать домой, если хотите.

– Ладно, епископ, – сказал владелец мотеля, – не возвращаться же. Мы все идем с тобой.

– Точно, – сказал владелец ранчо.

– Только скажи что ты задумал, когда мы его возьмем? – спросил брат.

Епископ улыбнулся, и бережно, осторожно дотронулся до своего горящего лица.

– Сначала я возьму свои кусачки и удалю пару его ногтей с пальцев ног. Потом его задние зубы. Потом я спрошу его, где Редкий Гость, и доктор Сарвис, и та маленькая шлюха, которую они везде таскают с собой. Возможно мы поймаем всех на Манн Экт, подумайте – пересечь государственную границу с аморальными целями. Затем мы доставим всю банду сами, и нам не нужна ни помощь шерифа, ни полиции. Больше мне сегодня делать нечего. Вы, ребята, со мной?

Все согласились, кроме брата.

– А ты? – спросил епископ.

– Я иду, – сказал он. – Кто-то должен сдерживать тебя, Джей Дадли, или следующее, что мы услышим, это то, что ты баллотируешься в губернаторы.

Все, включая епископа, улыбнулись.

– Я вернусь к этому позже. Сейчас давайте выгоним кролика из кустов.

Они вернулись в машины и сделали, как планировали. Около мили до точки, где скрывался беглец, они вылезли из машин. Все были хорошо вооружены – винтовки, карабины, пистолеты. Лав отдал распоряжение, и все члены его команды растянулись цепью на всю ширину гребня. Он взял бинокль и посмотрел где дичь, но рельеф мешал обзору. Он посмотрел с другой стороны – его люди были готовы, глядя на него. Он сделал движение вперед правой рукой, сигнал капитана команды к началу действий. Все пошли вперед, пригибаясь, прячась за можжевельновыми кустами, держа оружие наготове. Брат епископа, Сэм находился ближе к нему.

Жара полудня в округе Сан Хуан – в воздухе пахло грозой, облака на юго-востоке были

чем-то бóльшим, чем просто декорацией, солнце отражалось в камне, деревьях, острых листьях юкки. Ни один не заметил пустынные бархатцы, пурпурные астры, цветущие подсолнухи там и сям, в песчаных островках среди скал. Команда была занята более интересной игрой.

– Ты взял свои наперстянки сегодня, Дадли?

– Да, Сэм, взял.

– Я просто так спросил.

– Ладно. А теперь заткнись.

Епископ Лав загнал патрон в патронник своего карабина и взвел курок. Он получал удовольствие; так он себя не чувствовал со времен дней зачисток в Окинаве. Тогда он был лейтенантом Лавом, командиром взвода, Бронзовой Звездой, завоевывая хороший военный стаж, чтобы потом использовать его. В глубине души он даже на мгновение испытал симпатию к пойманному японцу, который прятался на краю скалы, замочив штаны от страха.

Поисково-спасательная команда наступала тактически грамотно, двое шли впереди, крадучись, пока остальные стояли, готовые открыть огонь прикрытия в случае необходимости. Но никакой стрельбы со стороны, где скрывался беглец, не было. Команда приближалась, до края оставалось меньше четырехсот ярдов, деревья стали реже. Шестеро людей крались, видя друг друга, прислушиваясь, останавливаясь, выжидая.

– Я слышал мотор, – сказал брат.

– Это невозможно, Сэм, – ответил епископ. Он хотел использовать бинокль, но было так близко, что он не решился опустить оружие.

– Я ничего не слышу.

Они прислушались. Ничего не было слышно, ни одного звука, только шум ветра в можжевельника да случайное чириканье птиц.

– Мне кажется, я слышал, – сказал брат. – Ты сказал, что он за тем деревом?

– Да.

– Я не вижу джип.

– Он там, не волнуйся, – епископ посмотрел налево, затем направо на своих людей. Они ожидали, глядя на него. Все были вспотевшие, краснолицые, но твердые. Епископ повернулся в сторону края обрыва, к последнему можжевеловому дереву, которое было почти закрыто остальными деревьями. Он сложил ладони рупором и крикнул:

– Эй, наверху! Рудольф, или как там тебя! Слышишь меня?

Никакого ответа, кроме дуновения ветра, удаленной трескотни соек, мягкое уханье большой совы из-под обрыва.

Епископ снова крикнул:

–Спускайся лучше вниз, Рудольф. Нас шестеро. Отвечай, или мы будем стрелять, – он подождал.

Никакого ответа, кроме еще одного уханья совы.

Епископ поднял оружие, кивнул своим людям. Они прицелились и выстрелили, все, кроме брата, по высокому можжевельнику, который затрясся от попавших пуль.

Епископ поднял руку.

–Прекратить огонь.

Эхо от выстрелов прокатилось вдаль, вниз, через Долину Богов, затихнув перед стенами и выступом плато в пяти, десяти, двадцати милях отсюда.

–Рудольф!!!–крикнул епископ.–Ты спускаешься? – он подождал. Ничего в ответ, кроме птиц. –Прикрой меня, – сказал он брату. – Я хочу вытащить этого дьявола оттуда.

– Я пойду с тобой.

–Останься, – шепотом, – это приказ.

–Не говори ерунду, Дадли. Я иду с тобой.

Епископ Лав сплюнул на землю.

–Ну ладно, Сэм, убьют тебя, не обижайся.

Он крикнул остальным четверем:

– Прикройте нас.

Брату:

–Идем.

Они крались от дерева к дереву до последнего клочка земли, пока не дошли до края обрыва. Никого.

Не было сомнений в том, что он исчез. Рудольф скрылся. Его джип также испарился. Ничего не осталось, кроме одинокого можжевельника, потрескавшегося куска песчаника у его основания и несколько капель смазки, кусочков металла на земле.

–Его нет, –сказал брат.

–Это невозможно.

–Даже джипа нет.

–Я вижу, не слепой, черт побери.

Епископ Лав поднялся на колени, уставившись на определенное, явное, осязаемое, почти прощупываемое, очевидное наличие отсутствия. Пот капал у него из носа.– Но это же невозможно!

Они подошли к краю и заглянули вниз. Все видели то, что было внизу: уступ из голого камня футах в ста ниже, изрытая бесплодная земля, ущелья, овраги, сухие русла ручьев, пески и

валуны до Комб Вош, высокий отвесный фасад Комб Ридж за стеной, горы за грядой. Сэм улыбнулся брату:

–Ну что, губернатор..?

–Заткнись. Я пытаюсь понять...

–Впервые за это время...

–Заткнись. Давайте присядем здесь в тени и подумаем, что могло произойти.

–Может быть сейчас связаться по радио с шерифом?

Епископ Лав вырвал стебель травы и стал ковырять им в зубах. Сидя на корточках он чертил палочкой на земле.

– Я позвоню шерифу, когда поймаю этого гада, – сказал он. –Его и его чертовых друзей. Тогда я позвоню шерифу. Не раньше.

–Ладно, отлично. Давай поймаем их. Как?

Епископ прищурился на солнце, нахмурился, глядя на брата, еще раз посмотрел на дерево и снова на каменистую землю под своими ботинками. Он жевал, чертил на земле и думал.

– Я работаю над этим.

Остановка для отдыха.

–Эй, ну и что случилось потом?– она смотрела на него влюбленными глазами, разинув рот от изумления.

–Ты был там,– сказал Док, – в западне на краю стофудовой скалы...С епископом и шестью его фанатичными сторонниками, вооруженными до зубов и с местью в сердцах...

–Да, было дело,–Джордж откупорил шестую банку «Шлица» за последние полчаса.

– Нет пути вниз и нет пути назад...

–Да, точно. Шестеро против меня одного. Да. Дерьмо, – он опрокинул банку себе на лицо. Они слушали ужасные глотающие звуки, смотрели на его прыгающий кадык, Смит, поворачивая вертел с их ужином, задумчиво улыбался, глядя на пламя. Доктор Сарвис потягивал «Вайлд Терки» с дорожной водой, Бонни Абцуг курила свой «Овалтайн».

В вечерних тенях, под пятнами света и тени, отбрасываемой маскировочной сеткой с сосен, стоял припаркованный пикап Смита; рядом с ним был помятый, голубой джип, его багажник, крытый брезентом грузовой отсек был покрыт дюймовым слоем темно-рыжей пыли. Кроме того, в лобовом стекле была неровная зазубренная пробоина, размером с футбольный мяч.

– Ну?

– Что ну?

– Что ты сделал?

– Когда?

– Ладно, Джордж!

Джордж выпил банку пива. Смит смотрел на него. Он подмигнул Смицу, посмотрел на Бонни и Дока.

– О, Боже, это сложная история. Вам не понравится слушать ее целиком. Скажем так – я спустился оттуда, и доехал до Комб Вош, выехал на дорогу, и вот я здесь.

Они устали на него в тишине. Бонни передала сигару. Док закурил свежую «Марш-Вилинг». Редкий Гость повернул вертел.

– Ладно, – сказала Бонни, – забудем об этом. Поговорим о чем-нибудь еще. О чем мы поговорим?

– Но если вы настаиваете...

– Нет, нет, все в порядке.

– Если вы настаиваете, – сказал Смит, – ты спустил его вниз на лебедке.

– Конечно. Как же иначе.

Джордж гордо улыбнулся им всем после короткой паузы, последовавшей за очередной банкой пива. Он выглядел истощенным, грязным, голодным, его глаза были красными от солнца и переутомления, с кругами вокруг глаз, как у енота. Тем не менее он не был готов сдаться. Слишком устал, чтобы спать, объяснил он.

– Так что там насчет девушки?

– Лебедки, – сказал Хейдьюк, – вон та штуковина спереди. Там есть сто пятьдесят футов веревки. Больше ничего.

– Подожди-ка, – сказал Док. – Ты хочешь сказать, что спустил этот джип вниз на лебедке со скалы?

– Ага.

– С отвесной скалы?

– Не очень-то просто это было.

– Это то, что скалолазы называют «свободный спуск», – объяснил Смит.

– Свободный спуск? – сказал Док. – Что ты имеешь в виду?

– Спуск на веревке. *Rappel de corde*, – пояснила Бонни. – *C'est un moyen de descendre une roche verticale avec une corde double, récupérable ensuite.*

– Точно, – сказал Хейдьюк.

– Мы часто это делаем, – сказал Смит. – Но не с джипами. Вообще-то с джипом никто этого раньше не делал, насколько я знаю, и если бы я не знал, что Джордж – честный человек, я бы пожалуй был бы склонен подозревать искажение фактов. Не ложь, нет, я никогда не подозревал Джорджа в чем-то похожем, но, может быть, ну...

– Упрощение правды, – предложила Бонни.

– Да, может быть даже переупрощение в какой-то мере.

– Ага, – сказал Хейдьюк. – Не хотите верить, не надо. Но вот джип, перед вашими чертовыми глазами.

Он вернул Бонни ее косяк.

– Выглядит как тот самый джип, – признал Смит. – Но не должен быть. Это может быть один из тех, называемых *reasonable fact-similes*. Но я не говорю что это невозможно. Я вытаскивал на лебедке мой пикап вверх и вниз по крутым склонам, но я никогда не делал свободный спуск на веревке с пикапом.

– Отлично, – сказал Док. – Давайте допустим, только из-за новизны метода, что Джордж не врет. Но у меня есть несколько технических вопросов. Я не знал, что лебедку можно использовать в обратном направлении.

– Это не было бы большим недостатком, если бы даже и было невозможно, – сказал Хейдьюк.

– И ты закрепил трос за можжевельное дерево?

– Именно.

Бонни открыла рот, чтобы перебить его.

– Но... –Хейдьюк опустошил очередную банку и взял следующую.

– Слушай, ты хочешь услышать всю историю целиком? Тогда закрой рот и слушай.

Когда я увидел епископа и его людей и прикинул, что у меня есть время, я вынул мою горную веревку и измерил высоту спуска. Длина веревки сто двадцать футов. Высота обрыва была примерно сто десять. Если бы спуск был семьдесят пять футов или меньше, я не смог бы спустить джип. На лебедке было сто пятьдесят футов троса, запомните это. Я не мог перебросить трос за ствол можжевельника и зацепить крюком движущийся конец троса за раму и спустить джип вниз...

– И спилить дерево, – сказал Смит.

– Да. Возможно. И когда я спустился бы вниз, я не смог бы отсоединить трос и забрать его без проблем. Но было слишком высоко. Это значило, что мне пришлось бы оставить конец троса наверху, зацепленным за дерево. Это значило, что мне нужно было придумать что-то другое, чтобы забрать трос, когда я спущу джип вниз.

– Почему ты не захотел отсоединить трос от лебедки когда достиг бы земли?–спросил Док.

– Не уверен хватило ли бы мне времени. Кроме того, этика скалолаза не разрешает оставлять трос наверху когда ты достиг низа. Кроме того, я не хотел, чтобы епископ Лав узнал где я, или как я спустился, или спустился ли я вообще. Я хотел бы, чтобы он подумал над этим несколько следующих лет. Поэтому мне нужно было забрать веревку с собой. Единственный вопрос был как именно. Пока я над этим думал, я прочно закрепил все внутри джипа, и повернул джип, чтобы он стоял между деревом и обрывом. Все это время епископ и команда приближались к краю скалы, но у меня было как минимум пять минут времени. Они не спешили. Затем они остановились в миле от меня, вышли и начали трепаться, затем пошли к скале, готовые к бою, но не очень ловко, я мог бы убить любого из них, если бы захотел. Но, вы знаете.. плохой ПиАр.

– Заканчивай свой сказ, –сказала Бонни, – и давай поедим.

– Так вот, время у меня было. Я зацепил трос лебедки вокруг ствола можжевельника. Привязал конец моей веревки к крюку троса – там такой большой крюк, можете посмотреть, если все еще не верите мне.

– Не отклоняйся от мысли.

Улыбаясь, сияя от нескрываемой любви, Бонни обглодала рыбину и спрятала остатки в коробку из-под «Гампакса».

– Продолжай.

– Я перевел джип на нейтральную, завел мотор и подал джип назад к краю достаточно, чтобы подтянуть провисшую часть троса – около четырех футов. Лебедка сейчас на замке, посмотрите, и джип повис так, что передние колеса были на скале, а задние нет, двигатель на холостом ходу. Затем я запустил лебедку на реверс и поехал вниз.

– Ты поехал вниз? По воздуху?

– Да.

– А если бы лебедка отказала?

– Она не отказала.

– Нет, ну а если бы отказала?

– Я бы спустился по веревке.

– Понятно, – сказал Док. – Сколько весит твой джип?

– Около трехсот пятидесяти футов со всем барахлом и топливом.

– И лебедка выдержала?

– Это хорошая лебедка. Боевая. Конечно, мы слегка вращались по ходу спуска и это меня очень беспокоило. Я боялся, что трос перекрутится дважды, но мне повезло.

Смит свернул себе кебаб (мясо, дольки помидоров, перец, лук – не слишком хорошо для людей с деревянной обувью) посмотрел вниз на края каньона, поросшие лесом плато, удаленную дорогу, ведущую с востока.

– Джордж, – сказал он, – ты – это что-то с чем-то.

Хайдьюк открыл еще пива. Предпоследняя банка. Была еще одна. Каждая следующая банка была предпоследняя. Он сказал:

– Я слегка вспотел, могу вам сказать. Мы шлепнулись прилично о землю, но ничего не поломалось. Я затормозил джип, дал лебедке отмотать трос, чтобы он ослабел, хорошо дернул за мою веревку, освободил крюк и отпустил веревку. Трос брякнулся, как тонна кирпичей, и веревка упала следом. Падая, крюк пробил мне ветровое стекло и разбил кое-что внутри, но я не жалуясь.

Может мне следовало спрятать джип под карнизом, но я не мог тогда думать ни о чем. Я чувствовал себя чертовски хорошо. Когда трос упал, я закатил джип под карниз, чтобы сверху не было видно, и втащил трос. Потом мы ждали. Долго ждали.

– Кто это мы? – спросила Бонни.

– Я и мой джип.

Смит стал снимать ужин с вертела.

– Угощайтесь, друзья.

Док сказал:

– Они тебя там внизу не могли увидеть?

– Там была такая ниша в скале. Как пещера. Они никак не могли увидеть меня или джип со скалы. Но они торчали там целый день. Я слышал как они там ругались, в основном больше всех говорил, конечно, Джей Дадли. Моя основная проблема была сдержаться от смеха. Под вечер они уехали. Я слышал шум их моторов. Потом я намотал трос на лебедку и поехал вниз в Комб Вош. Это заняло у меня остаток ночи. Утром я спрятался под тополями. Когда ничего не случилось до обеда, я приехал сюда. Давайте ужинать.

– Джордж, – сказал Док.

– А?

– Джордж...

– Ну?

– Джордж, ты что, в самом деле думаешь, что кто-то поверит твоей истории?

Хейдьюк улыбнулся.

– Конечно нет. Давайте есть. Но когда ты увидишь сыщика, спроси, что случилось с Рудольфом Рыжим.

– *Deus ex machinn* – сказала Бонни.

Они ели и пили, смотрели на зарево заката в сумерках. Доктор Сарвис прочел лекцию о мегамашинах. Огонь стал угасать. Самодовольный и победительный Хейдьюк, погрузившись в раздумья, смотрел на тлеющие угли можжевельника и вспоминал лицо епископа. Он рисковал своей жизнью для смеха? Да, и это того стоило. Редкий Гость был спокоен, но внимателен, он смотрел на запад на спокойный закат, южнее в сумеречные каньоны, восточнее в ночные холмы, Элк Ридж, горы Эйбахо. Не боясь, не волнуясь, но будучи настороже.

Слишком уж было хорошо, и это ему не нравилось.

Хейдьюк зевнул, наконец успокоившись. Бонни открыла еще одну банку пива для него.

– Есть время отдохнуть, старик.

Доктор Сарвис вытер руки тряпкой и пристально посмотрел на красно-золотистое облачное небо.

– Молодец, Яхве.

– Погода налаживается, – сказал Смит, проследив за взглядом доктора. Он послюнил палец и выставил его на ветер. – Ветер в порядке. Будет небольшой дождик, а может и нет.

Нельзя зависеть от погоды, как говорил мой отец, когда ему не о чем больше было говорить, что случалось довольно часто.

– Я иду спать, – сказал Хейдьюк.

– Что я хотел сказать, – продолжил Смит, – считаю, мы должны быть настороже с этого момента, я буду сегодня первый на карауле.

– Разбуди меня в полночь, – сказал Хейдьюк, – и я тебя сменю.

– Джордж, ты лучше поспи, я подниму Дока.

– Как насчет небольшой дружеской игры? – сказал Док. – Очко, орлянка, кости? – Ответа не последовало.

– Док пьян, – сказала Бонни, – разбуди меня.

– Вы с Джорджем будете сторожить завтра ночью.

Бонни уложила Хейдьюка в гнездо, любовно приготовленное ею накануне – их спальные мешки, застегнутые молниями вместе на паре шкур под сладким воздухом сосен.

– Я не знаю, – сказал Хейдьюк.

– Не знаю что?

– Нужно ли нам делать это. Сегодня.

Голос Бонни задрожал.

– Почему нет?

Хейдьюк колебался.

– Ну... Док здесь.

– Ну и?

– Ну, не будет ли ему... Я хочу сказать – Док ведь все еще тебя любит, да? Я имею в виду... о Господи Иисусе!

Бонни насмешливо посмотрела на Хейдьюка, глаза ее широко раскрылись. Он мог почувствовать запах ее одеколона – как она это называет – *L'Air du Temps*. Это значит – северный край. Кейп Ройал. Пойнт Саблим.

– Такая деликатность, – сказала она. Она сгребла его за рубашку. – Слушай, Хейдьюк, ты слюняй, дурачок. Док не такой как ты, он – взрослый мужик и принимает тот факт, что мы – любовники, нам нечего прятаться.

– Ему что, все равно?

– Все равно что? Ему не все равно, что со мной и что с тобой. Он достойный человек. Чего ты боишься?

– Я не знаю. Он не ревнует?

– Нет, он не ревнует. Давай, ты или спишь со мной, или трратишь весь вечер на

разговоры. Определяйся быстрее, мне противны хлипкие мужики.

Хейдьюк обдумывал ситуацию еще пару секунд. Грубое и жесткое лицо смягчилось, он застенчиво улыбнулся.

– Ладно, черт... Я малость устал.

Позже, среди ночи, когда Док варил кофе, медленно доводя его до кипения на тлеющих углях, Хейдьюк внезапно проснулся оттого, что несколько легких капель упало ему на лицо. Он очнулся от беспокойного сна и уставился на чернильное небо без звезд. На мгновение он почувствовал ужас. Потом он почувствовал мягкое теплое тело Бонни возле себя, и покой и мир вернулись к нему вместе с чувством юмора.

– В чем дело, Рудольф?—сказала она.

– Дождь.

– Ты с ума сошел, какой дождь? Спи.

– Был дождь, я чувствовал.

Она высунула голову из мешка.

– Темно, все в порядке, но дождя нет.

– Минуту назад был. Я уверен.

– Тебе приснилось.

– Я Рудольф Рыжий, или нет?

– Ну и?

– Ну и, черт побери, Рудольф Рыжий знает, что такое дождь, дорогуша.

– А ну повтори?

Рано утром, в облачном солнечном небе они слышали звук самолета.

– Не двигайтесь, – сказал Смит. Все, за исключением Хейдьюка, завтракали под деревьями, под углом маскировочной сетки.—И не смотрите вверх. Где Джордж?

– Спит.

– Он под сеткой?

– Да.

Смит посмотрел на угли вчерашнего костра. Холодные и потухшие. Завтрак они готовили на примусе. Он прогудел, пролетел мимо на небольшой высоте в сторону Хайт Марина на Лейк Пауэлл, Смит проводил его глядя в бинокль.

– Ты что-то увидел?—сказал Док. Он думал об инфракрасных датчиках на самолете. Он них не спрячешься.

– Не смог прочесть опознавательные знаки. Но это не полиция или Эс Оу. Возможно кто-то из поисково-спасательной службы. Элдон летает на самолете. Лав тоже, подумайте об

этом.

– Так что нам делать?–спросила Бонни.

– Оставаться под деревьями и смотреть за дорогой внизу. Прислушиваться к самолетам.

– Я бы сказал, нам надо как-то развлечься, чтобы убить время, –сказал Док. Как насчет поиграть в карты?

Ответа от жертв не последовало.

– По 25 центов? Тут есть стол...

Смит вздохнул.

– Три правила, которым учил меня мой отец. Сынок, говорил он, во первых, никогда не ешь в заведении под названием «У мамы». Во-вторых, никогда не играй в карты с человеком по имени Док, –он остановился. – Сдавай на меня.

– А третье правило?–спросила Бонни.

– Я никогда не могу его вспомнить, и это меня беспокоит.

– Хоть изредка, положи свои деньги себе в рот и заткнись.

Док смешал карты, они шелестели, как осенние листья, как шторы в испанском борделе, венецианские жалюзи, в пятницу вечером в Тонопа, журчащий ручей, приятный и невинный.

– Нам нужно еще одного игрока.

– Пусть парень поспит. Поиграем, пока он не проснется.

Десять минут спустя самолет вернулся, медленно пролетел в двух милях к северу и скрылся над Елк Ридж, полетев в сторону Блендинга или Монтичелло. Тишина восстановилась. Игра продолжалась, в жаре и влажности в тени деревьев под мрачным небом, вдали от поросшей лесом равнины за дорогой в Хидден Сплендор. Хейдьюк присоедился к ним около полудня.

– Где магний?

– Похоронен.

– Кто?!

– Док.

– Все равно, сдавай.

Тот же, или другой самолет снова пролетел мимо и возвратился, в четырех милях к югу.

– Сколько еще раз этот долбаный самолет будет тут летать?

– Спорим. Четыре раза.

– Десять центов.

– Повышаю.

– Согласен. Что у тебя?

- Тузы.
  - Флеш. Кто смотрит за дорогой?
  - Я смотрю. Сдавай.
  - Сколько?
  - Три карты.
  - Три.
  - Одну.
  - Сдающий берет две.
  - Смотри за этим ублюдком. Твоя ставка, Абцуг.
  - Не трогай меня, я нервничаю.
- Итог игры: Абцуг проиграла все.

– Это нечестная, скучная, дурацкая игра, – сказала она, – и если бы у меня был мой набор «Скраббл», я бы вам, пижонам, показала настоящую игру.

Следующим должен был сторожить Хейдьюк. Было время сиесты.

Все, кроме Смита спали. Он поднялся на холм над рудником, сел на валун в тени сосен, достал бинокль и стал смотреть.

Он мог видеть пространство миль на сто. Воздух был чист, небо было покрыто тяжелыми облаками, было безветренно. Покой впечатлял. Пятна солнца лежали на незнакомой земле, волны тепла, дрожащие как вода, плыли над каньонами. Было около ста десяти градусов в тени там внизу. Он видел Шипрок, гору Ют, Монумент Вэллей, Навахо Маунтейн, Кайпаровиц, рыжие стены каньона Нэрроу, темный желоб реки Дёрти Девил Ривер. Он видел пять пиков гор Генри – Эллсворт, Холмс, Хиллерс, Пэннелл и Эллен – торчащих позади лабиринта каньонов, куполов песчаника и башенок Глен-Каньона. Гиблое место потерять здесь корову. Или сердце. Гиблое место, думал Редкий Гость, что-то здесь потерять... точка.

Мост: пролог перед финальной погоней.

–Ладно, ладно, ладно, давай устроим это чертово шоу на дороге. Подними задницу, Док, вылезай на солнце, Абцуг, сваргань нам поужинать. Где Смит?

–Сам сваргань, если так спешишь.

–Черт подери, где Смит?

–На холме, сейчас придет.

–Сколько можно спать, солнце садится.

–Что ты хочешь, чтобы я сделала? Спрыгнула с холма или еще что?

–И то и другое.

Хейдьюк, лихорадочно возвращаясь к жизни после двадцати четырех часов реабилитации, качал примус, чтобы зажечь горелку. Он заглянул в их большой голубой общественный, выдавший виды, кофейник, высыпал оттуда мусор и остатки кофе и мокрую дохлую мышь.

–Как она попала сюда? Не говори Бонни.

–Бонни – это я.

–Не говори ей.

Он всыпал восемь столовых ложек кофе, залил воду, поставил кофейник на огонь.

–Химикаты, химикаты, мне нужны химикаты.

–Ты даже не собираешься промыть кофейник?

–Зачем?

–Там была дохлая мышь.

–Я выкинул эту дрянь. Ты видела меня. О чем волноваться? Она была дохлая. Давай, почисти картошку. Открой банку чили. Нам надо как-то поесть, в конце концов, – вытащив похожий на армейский нож из ножен, Хейдьюк порезал двухфунтовый кусок бекона ломтями, положил их на сковороду. Они тут же начали шипеть.

–Кто это все будет есть?

–Я. Ты. Мы все. Нам предстоит трудный вечер.

Он начал открывать четыре банки чили.

–Ты откроешь чили, или я должен все делать сам? Свари яйца, ты женщина, должна в этом понимать.

–Почему ты в таком паршивом настроении?

–Я нервничаю. Я всегда в таком настроении, когда я нервничаю. Ты меня заставляешь

нервничать. Скажу больше, выводишь из себя.

–Извини.

–Извини? Я не верю своим ушам, это первый раз, когда я от тебя слышу это слово. Это все, что ты можешь сказать?

–Я забираю его обратно.

К ним присоединились Редкий Гость Смит и доктор Сарвис. Они начали обсуждать План. Для Хейдьюка и Смита предполагалась работа с мостом, или мостами, в зависимости от времени, материалов и «местных условий», для Абцуг и Сарвиса – работа на карауле, по одному с каждого края. Какой из трех мостов разрушить вначале? Они сошлись на наименьшем – мост через Белый Каньон. Второй, если хватит времени – будет мост Дёрти Девил. После этих двух обрушенных мостов центральный мост через Нэрроу Каньон, Лэйк Пауэлл, вышедшую из берегов Колорадо, станет бесполезным – к нему невозможно будет проехать. С ним или без него дорога – хайвей 95, соединяющий Хэнксвилл с Блендингом, восточный и западный берег озера Пауэлл, западный и восточный края каньона будут эффективно отрезаны друг от друга. Разделены. Разломаны. На несколько месяцев. Возможно лет. Возможно навсегда.

–А если людям эта дорога нужна?–спросила Бонни.

–Эта дорога нужна только местным, –сказал Смит, –а также буровым фирмам и людям, вроде епископа Лава. И департаменту дорог, ведь строительство дорог – их религия. Никто больше никогда не слышал о ней.

–Я просто спросила, – сказала Бонни.

–Вы закончили свою дурацкую философию?– сказал Хайдьюк. –Окей. За работу. Док и Бонни, найдите что-нибудь, из чего можно изготовить дорожные знаки. Нам нужно четыре больших знака «ДОРОГА ЗАКРЫТА: МОСТ». Нам не нужны туристы в Виннебагосе, сующие нос в Дертти Девил Ривер. Не хотелось бы увидеть поисково-спасателей в своих летающих жестянках над Уайт Каньон Гордж, правильно? Или мы хотим? Краски нам хватит?

–Почему мне вечно поручают нудную и неинтересную работу?–заныла Бонни.

–У нас целый ящик аэрозольных красок, – сказал Смит.

–Хорошо. Я и Редкий начинаем работать с термитным тиглем. Нам понадобится примерно около...

–Почему?–заныла она.

–Потому, что ты женщина. Около четырех картонных круглых коробок. Возможно, шесть. Где барахло?

–В тайнике.

–Так я и думала, –сказала Бонни.

–Послушай, – терпеливо объяснил Хейдьюк, – господи, ты бы лучше ползала там под мостами, внизу, где крысы и скорпионы.

–Я лучше буду рисовать.

–Тогда заткнись и работай.

–Хорошо. Кто будет мыть посуду?

–Все этим всегда кончается,– сказал Док, – я помою тарелки. Хирург должен иметь чистые руки... как-нибудь.

–Надо спрятать наш лагерь, –сказал Хейдьюк, – чтобы никто не знал, что мы здесь были.

–На чем поедем?–спросил Смит.

Хейдьюк подумал.

–Возьмем оба. Возле Каньона разделимся, если нас засекут. И будем иметь замену, если один сломается. Нам много чего надо тащить с собой.

Спокойно, без спешки и хаоса, они погрузили свои вещи в пикап Смита, оставив напоследок огромную камуфляжную сетку. Они сожгли и расплющили консервные банки и бросили их в яму на месте костра (удобрили землю). Они зарыли угли в эту же яму, подмели это место и прикрыли его можжевельником. Почерневшие камни они побросали в пропасть.

Бонни и Док слезли возле старой шахты, держа молотки и краски в руках. Они нашли листы фанеры и фибролита и изготовили знаки, шесть на десять футов, гласящие: «ВНИМАНИЕ! ДОРОГА ЗАКРЫТА, СПАСИБО.»

Они сделали несколько стоек, два на четыре фута, чтобы повесить на них знаки и привязали знаки к трубам каркаса джипа Хейдьюка.

Хейдьюк и Смит выкопали материалы для термита из тайника под деревьями: 45 фунтов стружки оксида железа, 30 фунтов алюминиевой пудры, 10 фунтов перекиси бария, 22,5 фунта порошка магнезия, все это упаковали в круглую коробку с металлическими торцами.

–Это все, что есть?–спросил Хейдьюк.

–Этого что, не хватит?

–Надеюсь.

–Что ты имеешь в виду?

–Я имею в виду, что я не знаю, сколько понадобится, чтобы прожечь секции моста.

–Почему бы не взорвать их?

–Для этого понадобилось бы в десять раз больше динамита, – Хейдьюк поднял две картонки. –Давайте перенесем это в джип. Нам понадобится что-то вроде большой кастрюли с крышкой, чтобы перемешать в нем состав.

–Банки из тайника подойдут?

–Да.

–Почему не смешать все здесь?

–Безопаснее будет смешать состав на месте, – сказал Хейдьюк.

Они запихнули, сколько влезло, в джип Хейдьюка – порошок, взрыватели, остатки динамита, остальное сложили в пикап Смита. Солнце зашло, закат угасал на темно-сером горизонте. Они сложили маскировочную сеть. Хейдьюк замел последние следы можжевельным веником.

–Поехали, – сказал он.

Смит и Док ехали в пикапе впереди, они вели машину очень медленно, с выключенными фарами, на протяжении десяти миль по грунтовке к хайвэю. Хейдьюк и Бонни ехали позади на перегруженном джипе. Разговоров не было, все было предусмотрено заранее. Если одна группа попадает в переplet, она предупреждает другую световыми сигналами.

Бонни переживала тяжелое чувство фатализма, вновь поселившееся в ней, оно отдавалось в сердце, под ложечкой. Она радовалась, что сегодняшней ночной рейд будет последним на долгое время. Я не чувствую ничего, кроме опасности, повторяла она про себя. Она покосилась на Хейдьюка, и не смогла подавить в себе рефлекс, выбросив банку из-под пива в окно. Она услышала, как алюминий звякнул о камень дороги. Ты, дрянь, подумала она, грязная падаль. Она вспомнила ночь и утро в застегнутом спаренном спальнике: другие ощущения. Принимала ли я таблетки сегодня? О, Боже! Короткое мгновение паники. То, что нам не нужно сейчас – маленький сбой с небес.

Она стала рыться в своей вышитой аптечке, нашла то, что нужно, бросила маленькую таблетку в рот и взяла открытую банку пива, открытого Хейдьюком. Его рука – чувствительное растение – неохотно выпустила банку.

–Что ты приняла?–подозрительно спросил он.

–Кусочек радости, –ответила она, полоща рот «Шлицем».

–Лучше бы ты шутила.

–Волнуюсь.

–Мне бы твои заботы.

Фанатик зла. Никто никогда не говорил Джорджу о Большом Плане. План приостановить операции после сегодняшнего нападения на станцию энергоснабжения. Не прекратить, а приостановить. Никто никогда не осмеливался. И сейчас, определенно, было не время.

Также был вопрос межличностных отношений. Бонни не могла помочь им, с таблетками

или без; она думала о днях и неделях, даже о месяцах и годах, которые пройдут. Что-то глубоко внутри нее жаждало смысла того, что предстоит впереди. Чего-то созревающего, такого, как свой дом, если такое могло прийти ей в голову. С кем? Действительно, с кем? Абцуг нравилось жить одной, часть времени, но она никогда не представляла, что она может провести остаток жизни в таком невыносимом изгнании.

Мы одиноки. Я одинока, думала она. Только ее нищета и любовь защищали ее от одиночества – темнота, окружавшая костер лагеря, это горькое страдание утраты. Джордж... если только этот гад захочет говорить со мной.

–Скажи мне что-нибудь, – сказала она.

–Отдай мое пиво.

Громадные стены песчаника выростали слева от них, к югу от дороги. Дорожное покрытие закончилось; они ехали сквозь пыль от пикапа Смита, следуя за ним на запад сорок миль по грунтовой дороге, ведущей к трем мостам. Не было машин на этой заброшенной дороге, хотя вагонетки с рудой из урановых рудников оставляли изрытую как стиральная доска поверхность. Шум от джипа и грохочущего груза делали беседу затруднительной, но, поскольку беседы все равно не было, она знала, что он не возражал бы, угрюмый и погруженный в себя, сукин сын.

Они проехали заправку Фрай Каньон, продуктовый магазин, купающийся в мертвенно бледных огнях ртутных паров «огней безопасности». Никого. И езда по ветреному уступу из пустынных скал и песков в сторону Глен Каньона, Нэрроу Каньона, скалистой пустыни. Появились звезды, немного, в дымке облаков. Она с трудом видела дорогу.

–Может фары включить?

Он не обратил внимания, или не расслышал. Хейдьюк смотрел на что-то впереди, вне дороги. Большие черные силуэты чего-то стального на фоне зеленого заката. Он включил и выключил фары четыре раза. Сигнал остановки. Он съехал с дороги и припарковался за небольшой группой деревьев. Он выключил двигатель, и услышал унылый монотонный звук далеко впереди.

–Что это?–спросила она.

–Бульдозеры,–он снова ожил, мрачность пропала. –Два. Большие.

–Ну?

–Помножим их на ноль.

–О, нет. Не сейчас Джордж. Как же мосты?

–Подождут. Это ненадолго.

–Ты всегда это говоришь. А потом исчезаешь на неделю. Черт!

–Бульдозеры, – хрипло пробормотал он, сверкая глазами, потянулся к ней, воня «Шлицем», – это наш долг.

Он потянул к себе ящик с инструментами из-под сидения, поцеловал ее и вылез из машины.

–Джордж!

–Скоро буду.

Она сели и стала ждать в безумном отчаянии, глядя на голубой свет его фонаря в кабине бульдозера, который казался гигантом. Железные тиранозавры... Смит подошел к ней.

–Что случилось?

Она качнула головой в сторону бульдозеров.

–Так и думал, – сказал Смит. –Я думал...

Его голос прервался рычанием двенадцатицилиндрового «Камминса».

–Извини.

Смит испарился. Она слышала как они переговариваются: двое мужчин, кричащих под рев огромного двигателя. Смит спустился из бульдозера, где был Хейдьюк и залез в кабину другого; она видела свет его фонарика возле панели управления и услышала рев второго мотора. Через минуту оба трактора погромыхали параллельным курсом в темноту. Они были в пятидесяти футах друг от друга. Между ними была автоцистерна, рекламный щит фирмы БЛМ на столбах, и что-то вроде металлического ангара на салазках. Эти объекты внезапно ожили, приводимые в движение невидимой силой, и поехали между двух тракторов, как будто связанные невидимыми оковами. Рекламный щит упал, ангар покачнулся, автоцистерна покатила в сторону, все это уменьшалось по дороге к краю пропасти (как она узнала позже) каньона Армстронга.

Сумеречные силуэты, пыльные Хейдьюк и Смит сидели за рулем тракторов, двигаясь вперед. Внезапно они оба очень быстро выпрыгнули из кабин, трактора уже неуправляемые, грохоча как танки, поехали в сторону каньона и неожиданно исчезли из вида. Цистерна, ангар, рекламный щит последовали за ними. Пауза для свободного падения. Яркая вспышка взрыва за обрывом, затем еще одна и еще. Бонни слышала грохот катящегося железа, деревьев, вырывающихся с корнем, камней и скал, падающих в каньон. Облака пыли поднимались над краем, превращались в пылающие красные и желтые огни, растущие откуда-то снизу.

Хейдьюк вернулся в джип, его слезящиеся от дыма глаза сияли от счастья. На голове у него была кепка с безобидной надписью, вышитой спереди:

CAT®

DIESEL POWER

–Я хочу такую!–она выхватила у него кепку и примерила на себя. Она сползла ей на глаза. Он открыл еще одно пиво.

–Подтяни ленту сзади.

Он завел двигатель, вернулся на дорогу, и повел в холодную темень.

–Ладно, – сказала она, – что там произошло? Где Редкий?

Хейдьюк объяснил. Они натолкнулись на лесоповал. Два бульдозера были связаны якорной цепью, прочной настолько, чтобы корчевать деревья.

Таким простым способом правительство очищало сотни тысяч акров можжевельниковых лесов на Западе. Этой самой цепью, таким точно способом Хейдьюк и Смит очистили и сбросили в каньон все оборудование, которое было там. Что до Редкого, он ехал впереди в своем пикапе.

–Хорошо, – сказала Бонни, –но я не уверена, что этот фокус был очень умно выполнен.

Она оглянулась. Огонь пожара в каньоне становился ярче, в темноте ночи.

–Этот пожар виден за пятьдесят миль. Команда сейчас примчится сюда, это точно.

–Нет, –сказал Хейдьюк, – они будут очень заняты расследованием пожара. И пока они тут будут заниматься этим, мы будем за тридцать миль в черной лагуне, занимаясь у них под носом плавкой мостов.

Они подъехали к первому мосту. Наконец-то. Смит и Док ждали их в темноте. Под мостами было по-видимому бездонная пропасть Белого Каньона. Перегнувшись через парапет Бонни услышала шум воды внизу, но ничего не увидела. Она взяла валун двумя руками и бросила вниз с моста, но слышала только бурлящую воду внизу. Она уже пошла было прочь, как вдруг снизу раздался грохот удара камня о песчаник, и несколько всплесков донеслось из ущелья. Склонная к боязни высоты, Бонни задрожала.

–Абцуг!

Голубой свет затанцевал перед ней, выписывая восьмерки. Она повернула голову в сторону, чтобы глаза привыкли к свету.

–Да?

–Дай нам руку, детка.

Она нашла Хейдьюка и Смита, смешивающих состав в большой закрытой канистре: три части оксида железа к двум частям алюминия. Затем зажигающая смесь – четыре части перекиси бария к одной части порошка магния. Крепкое блюдо. Док Сарвис стоял поблизости, сигара дымилась у него в зубах.

Бонни была напугана этим безрассудством. Ее мальчики, казалось, забыли об опасности,

окаменев от иллюзии власти.

–Кто на часах?–спросила она.

–Ждали тебя, моя радость, – сказал Док. – Ты у нас как катализатор для этой пока не потревоженной смеси. Эта реторта порочит доброе имя этих химиков.

–Давайте что-то делать, – сказала она, – кто установит дорожные знаки?

–Мы, – сказал Док. –Ты и я. Но, одну секунду, я хочу посмотреть доктора Фауста за работой.

–Эта партия готова, – сказал Хейдьюк. – Сейчас мне нужен караул. Мне нужно прожечь пару отверстий в проезжей части над основной аркой моста, по одной с каждой стороны. Идея в том, что мы доберемся до арок, установим термиты в отверстиях, подожжем их и дадим им протечь вниз на сталь. Они должны прожечь их, если смеси окажется достаточно. Может не получиться, так что будем смотреть внимательно.

–Ты не уверен сработает или нет?

–Я не уверен в том, что именно произойдет. Но должен быть шум и белое пламя.

–Какая температура горения?

–Три тысячи по Цельсию, около шести тысяч по Фаренгейту, правильно, Док?

–Нет-нет, – сказал Док. –Формула пересчета выглядит так: градусы по Фаренгейту эквивалентны девяти пятых градусов Цельсия плюс тридцать два. Три тысячи по Цельсию будет, так, прикинем, будет пять тысяч четыреста тридцать два по Фаренгейту.

–Все правильно, – сказал Хейдьюк. –Я хочу чтобы по всему периметру было безопасно. Караульные, ставьте дорожные знаки.

Команда начала работать. Док и Бонни вытащили два дорожных знака из джипа Хейдьюка и погрузили их в пикап Смита. Хейдьюк достал все, что ему было нужно – динамит, воспламенители, огнепроводные шнуры – из джипа, затем Смит увел его на запад. Док и Бонни проехали около мили на восток от моста на пикапе, и установили первый знак, затем еще четверть мили, где они установили второй. Они ждали.

Звук трех отрывистых свистков: опасность. Через секунду они услышали звук, сильный глухой удар – хорошо заглушенный – сильного взрыва.

–И что теперь?– спросил Док. –Это значит что мост уже взорван? Как мы вернемся назад?

Бонни снова объяснила план. Они с Доком охраняют эту точку, с которой видно десять миль пустыни. Они будут ждать сигнала Хейдьюка что термиты приведены в действие и готовы к воспламенению. Смит, тем временем делает то же самое на западе от моста. После этого – звук второго взрыва.

–После этого, – продолжила Бонни, – мы подбираем предупреждающие знаки с западной стороны и перевозим их через средний мост, через мост Дерти Девил и ставим их к западу от моста Дерти Девил. Затем Джордж работает с мостом Дерти Девил.

–Просто, – сказал Док, –просто.

–Что за средний мост?

–Мост через реку Колорадо.

–Мне кажется Джордж сказал, что Колорадо временно перенесли.

Горящий глаз Дока, горящая дешевая сигара, огонек и затем расплзающиеся клубы дыма, летящие к звездам.

–Река все еще там, но она сейчас течет через водохранилище.

–Что ты имеешь в виду?

Молчание.

–Бонни, детка, что мы здесь делаем?

Молчание. Они смотрели на дорогу, на пыльный пикап на черном фоне земли, плато, гор. Старый месяц на небе позже, чем обычно. Вокруг ни одного огня человеческого жилья, ничего, ни звука. Только шепот ночного ветерка в перегретых за день скалах. Далекий-далекий звук реактивных двигателей на высоте 29 тысяч футов в небе на севере. Никуда не убежать от этого звука. Бонни посмотрела в сторону, откуда доносился звук и увидела маленькие движущиеся огоньки между звездами Кассиопеи. Возможно он летит в Сан-Франциско, может даже в Лос-Анджелес! Она почувствовала внезапный приступ желания.

Свист. Длинный, короткий, длинный. Надо возвращаться.

Оставив свои знаки на месте, Бонни и Док влезли в пикап и поехали обратно к мосту Белого Каньона, Бонни за рулем. Они нашли бетонную дорогу, по которой Бонни повела пикап вниз.

Посредине моста она остановилась, чтобы посмотреть на два стержня арматуры, вывернутых наружу как наэлектризованные волосы – черные, изогнутые, дымящиеся и горячие, воняющие нитратами и испаренной древесной массой. В этих кратерах силовые элементы моста выглядели незащищенными, огромные балки, которые должны были прослужить века. Здесь Хейдьюк установил свои «тигли», пятигаллоновые картонные коробки наполовину выглядывающие из отверстий. Каждая коробка на две третьих была полна термита, на верху каждого термита был двухдюймовый слой зажигательной смеси. В центре смеси был конец зажигательного шнура, примотанный лентой к краю коробки, чтобы он случайно не оторвался. Шнуры были отдельно протянуты к западному краю моста, где Джордж делал знаки фонариком вверх-вниз, а эти два идиота припарковались в центре моста. Зажигалка для шнуров была в его

левой руке, сверкая как бенгальский огонь на 4 июля.

–Где Джордж?– сказал Док, оглядываясь вокруг сквозь очки.

–Может быть это он там машет фонарем.

–Чего ему надо?

–Эй, – заорал Хейдьюк, – валите оттуда!

–Это Джордж, – сказала Бонни, нервничая. Она переключилась на пониженную передачу, но слишком быстро отпустила сцепление. Пикап дернулся и заглох.

–Давай же!– снова крикнул Хейдьюк, гневный, как живая бомба. Где-то позади него Редкий Гость Смит ждал, смотрел, слушал.

–Дорогая Бонни, – сказал Док с симпатией.

Она завела пикап и поехала по обломкам. Они остановились в нескольких футах позади Хейдьюка посмотреть как он зажжет шнур.

–Отъедьте, – сказал он.

–Мы хотим посмотреть.

–Отъедьте!!

–Нет.

–Ну ладно, Бог с вами.

Хейдьюк поднес зажигалку к первому шнуру, затем ко второму. Струйка дыма поднялась от каждого конца; порошок внутри лакированной оплетки горел быстро приближаясь к цели.

–Что случится потом?–спросила Бонни.– Оно взорвется?

Хейдьюк пожал плечами.

–Ты раньше не пользовался термитом?

Хейдьюк нахмурился, не ответив. Док курил сигару. Бонни ломала пальцы. Они втроем смотрели на две трубы термита в центре моста. Шнуры были не видны, только тусклый след горящего воска показывал движение огня.

Губы Хейдьюка двигались, он считал секунды.

–Сейчас, – сказал он.

Сначала из одного, затем из другого контейнера появилось пламя. Зашипело. Пламя усиливалось, становилось ярче, стало ослепительно белым как сварочная дуга, так, что было больно смотреть глазам. Мост по всей длине осветился. Они слышали один за другим два глухих хлопка, крышки цилиндров вылетели наружу. Поток расплавленного металла, чистый и яркий как солнечный свет полился вниз на стальные балки. Было хорошо видно все внизу, каждая деталь скал была ярко освещена, вплоть до воды на дне каньона. Куски и брызги шлака

падали в пропасть, ярко сверкали, разгоняясь, и падали в поток воды, поднимая брызги. За ними последовали куски горячего бетона и стали.

Расплавленная масса росла, как ужасная опухоль на балках моста, затем постепенно она начала охлаждаться, свет стал угасать, снова стали видны звезды.

Мост стоял по-прежнему, невредимый, простираясь над водой, над темной пропастью каньона.

Красный отблеск, похожий на огонек сигары Дока, оставался виден под мостом, как два красных глаза сквозь глазницы дороги. Были слышны звуки шипения, тихое потрескивание, сопровождаемое плеском огненных частиц, падающих в воду.

–Ну, – сказал Док, – выдыхая дым, на мгновение два красных светлячка мелькнули в стеклах его очков, – что ты думаешь, Джордж? Получилось или нет?

Хейдьюк нахмурился.

–Мне кажется, что мы влипли. Пойдем, посмотрим.

–Не ходи туда, – сказала Бонни.

–Почему?

–Может он вот-вот рухнет, весь мост.

–Это именно то, что я хочу узнать.

Хейдьюк ступил на мост, попрыгал, прошел к тлеющему центру и заглянул в один из рукотворных вулканов, его лицо стало розовым. Бонни пошла туда же, за ней медленно шел Док.

–Ну?

Далеко на востоке в небе зажглась зеленая звезда, упала и медленно погасла.

–Падающая звезда, – сказала Бонни. Она загадала желание.

Они стояли и смотрели, как дети.

–Больше похоже на ракету, – сказал Хейдьюк. –Мне интересно, что там у нас, черт побери...

Они смотрели вниз в дыру на красный бледный шарик тепла и стали, глядя на светящуюся массу жевательной резинки на арке моста.

–Не прожегся, – пробормотал Хейдьюк, – не прожегся насквозь.

Он посмотрел в другую дыру.

–Все, что мы имеем, это всего лишь два пятна на балках моста. Мне кажется, я сделал сильнее, чем раньше, – он пнул дымящийся стальной прут.

–Ладно, ладно, – сказал Док, – не горячись. Прочность этой стали уже не будет такой же. Вдруг кто-нибудь попытается перевезти трактор по мосту? Или бульдозер?

–Сомневаюсь. Вряд ли. Нужен пластид, пластид, около двухсот фунтов пластида.

–А если еще попробовать термит? Сколько осталось?

–Я использовал ровно половину, остальное оставил для другого моста.

Бонни увидела пару фар, приближающихся с запада, со стороны плато Грязного Дьявола.

–Это Редкий.

–Так вот, – продолжил Док, – почему бы не сделать еще одну попытку с термитом? Полное и интенсивное лечение термитом? Лучше иметь один мост, чем ни одного. Прокатим по нему большой грузовик. Дорожный грейдер, возможно. Что угодно, что мы сможем найти со стороны Хайта.

–Попробуем, – сказал Хейдьюк, глядя на приближающиеся огни. – Это не мой джип.

Три длинных сигнала прозвучали в воздухе со стороны поста Смита, сопровождаемые миганием фар. Потом еще один сигнал фар, и еще.

–Пошли, – сказал Хейдьюк.

–Куда? – спросила Бонни, – С другой стороны тоже кто-то едет.

Они повернулись и посмотрели. Две пары фар прыгали с восточной стороны.

–Я думал, вы сказали, что тут нет движения по этой дороге ночью, – сказал Док Хейдьюку, смотревшему на огни.

–Мне кажется нам лучше убраться отсюда, – сказал Хейдьюк. Он нащупал кобуру своего револьвера. –По моему мнению, нам лучше будет уехать, – он побежал к пикапу.

–Куда?!– закричала Бонни на бегу, спотыкаясь об острый кусок бетона.

Док трусил сзади, держа свою шапку, сигару, очки, его большие ноги шлепали по дороге.

–Нет причин для паники, нет причин для паники.

Хейдьюк и Бонни попрыгали в пикап, Хейдьюк завел мотор, Док залез последним и хлопнул дверью.

–Куда?

–Спросим Редкого, – сказал Хейдьюк, руля в темноту не включая фары, в сторону описывающего круги фонаря Смита.

Они нашли его стоящим на дороге возле работающего джипа, с тревожной улыбкой на лице, напоминающем клюв хищной птицы.

–Как мост?

–Все еще на месте.

–Но ослабленный, – настаивал Док, – структурно ослабленный и на грани разрушения.

–Может быть, – сказал Хейдьюк, –но я сомневаюсь.

–Эти люди приближаются, – напомнила Бонни, – обсудим мост позднее.

–Какой план побега?– спросил Хейдьюк у Смита.

Смит улыбнулся.

–План побега?– сказал он. –Я думал Бонни отвечает за план побега.

–Это не смешно, – огрызнулась Абцуг, – как отсюда уехать, Смит?

–Не нервничай, –он посмотрел на дорогу на запад. Огни, мигающие за возвышенностью, медленно приближались. – У нас есть пара минут, так что мы сделаем петлю туда и подождем, пока они проедут мимо. Затем мы вернемся на дороге и доедем до Мейз и Робберз Руст. Там мы может прятаться хоть десять лет, если придется, или мы спрячемся где-то еще, где вам больше нравится. Или мы можем разделиться за средним мостом и половина из нас позаимствуют лодку в Хайт и спустятся в лагуну со сточными водами, – он уставился на огни, приближающиеся с востока. –Будь я проклят, если это не целая миссионерская бригада, епископ Лав, который баллотируется в губернаторы, болтливый сукин сын. Что скажешь, Бонни?

–Я бы сказала: давайте ехать. И я не хочу, чтобы мы разделялись.

–Могла бы и поумнее сказать, – сказал Хейдьюк.

–Что скажете, Док?–спросил Смит.

Доктор Сарвис вынул сигару.

–Давайте останемся вместе, друзья.

Смит счастливо улыбнулся.

–Это мне подходит. Теперь следуйте за мной. И без фар.

Он залез в джип и поехал вниз, срезая изгиб дороги. Хейдьюк поехал следом. Через пятьсот ярдов, на дне сухого русла, Смит остановился. Хейдьюк остановился тоже. Все ждали в темноте, широко открыв глаза, с учащенным сердцебиением, не глуша двигателя.

–Погасите лучше сигару, Док.

–Конечно.

Огни обогнули холм – первый, второй. С востока от моста приближалась другая группа, но медленно, проехав первый знак ОПАСНОСТЬ. В середине моста было видно красное свечение. Охлаждающееся, умирающее, 5432 °С горячего термита, пятно магмы в ночи и ничего больше.

Передние и задние фары двигались по дороге дальше. В неясно освещенных кабинах были видны винтовки, глаза мужчин смотрели вперед. Был слышен шум моторов, поршней и клапанов, колес по камню и песку. Пятна света от фар плясали по мосту, откосам холмов над их

головами.

Третья машина не поехала за остальными. Она свернула влево от реки, съехала с основной дороги вниз и поехала по другому маршруту. Медленно но верно по *этому* пути. Исчезла.

– Придется стрелять, – пробормотал Смит, который вылез из джипа и присел за передней решеткой пикапа.

Хейдьюк вытащил свой ствол, зарядил.

– Что случилось?

– Третья группа думает, что умнее всех. Положи пистолет назад. Он едет прямо по этой дороге.

– Ну, – сказал Хейдьюк, – я думаю нам просто придется размазать его, раздавить, как виноградину.

Смит смотрел в темноту, его умные глаза койота прочесывали пространство.

– Вот что мы сделаем. Ему придется ехать по этому холму спереди от нас, и он нас не увидит, пока не окажется над нами. Но он нас и потом не увидит, потому, что в этот самый момент мы включим фары и проедем прямо за ним слева, сквозь кусты до того, как он заметит кто мы.

– Какие кусты?

– Те кусты. Просто рули за мной, ты, Джордж, старая лошадь. Включите полный привод, включите фары-искатели, направьте на него и держите пока мы не проедем оба. Затем мы съедем в каньон. Просто делай как я.

Смит вернулся в джип.

Хейдьюк вышел, закрыл ступицы колес, включил полный привод, завел двигатель.

– Какой фонарь? – спросила Бонни. – Этот?

– Это управляющая ручка.

Он показал ей как светить вперед.

– Свети в глаза человеку возле водителя, если что, стрелять будет он.

– А мне что делать? – спросил Док.

– Возьми это, – Хейдьюк дал ему свой «Магнум – 357».

– Нет.

– Возьми, Док. Ты будешь со стороны огня.

– Мы договорились давно, – сказал Док, – что не будем применять физическое насилие.

– Я сделаю это, – сказала Бонни.

– Нет, нет, – сказал Док.

–Держитесь, мы готовы ехать, – сказал Хейдьюк.

–Ежи!–крикнул Док.

–Что?

–Они сзади в багажнике. Вот что я сделаю – разбросаю ежи,–пикап уже ехал, –пустите меня назад.

–Используй люк, Док.

–Что?

–Ничего.

Смит спереди включил фары джипа и стал подниматься на дальний берег сухого русла. Хейдьюк ехал следом сквозь клубы пыли, включив свои собственные фары.

–Включи фару-искатель, Бонни.

Она нажала выключатель; мощный луч упал на шею Смита.

–Убери луч с него.

Бонни направила луч точно между парой огней, приближающихся с другой стороны. Они достигли верха, огни ударили им в лицо. Хейдьюк повернул пикап влево, с дороги приближающегося автомобиля. Свет фары ослепил водителя – Хейдьюк мельком увидел перекошенное лицо епископа Лава – и затем человека рядом с ним, в надвинутой на глаза шляпе. Треск кустов, визг тормозов, Лав остановил свой «Блейзер», ослепленный.

–Вырубите свой чертов фонарь!–заорал епископ, когда они пронеслись мимо него.

Вспышки металла ружей, сыпавшиеся проклятия, щелканье затворов смешались позади. Даже сквозь рев двигателей Хейдьюк услышал знакомый шум.

–Пригнитесь!–крикнул он.

Что-то горячее, тяжелое и злое, просвистело в кабине пикапа, оставив пару звездочек на заднем и переднем стекле и рваную дыру в шторе. След от выстрела.

–Пригните головы!

Хейдьюк взял ручку управления фарой-искателем и повернул его на 180 градусов в лицо преследователя. Вторая звездочка появилась на небьющемся лобовом стекле, в шести дюймах от правого уха Хейдьюка. Паутина трещин легла поверх следа от первого выстрела. Хейдьюк переключился на пониженную передачу, вдавил газ так, что чуть не обогнал Смита.

Он посмотрел в заднее стекло и увидел сквозь плотную завесу пыли и плавающий свет от фар машину епископа, которая дергалась взад-вперед, пытаясь развернуться на узкой дороге.

Так, думал Хейдьюк, они едут за нами. Естественно. Радио здесь не работает. Это стадо возле моста, получит приказ и поедет сюда. Точно. Что еще? Вот что: погоня началась. Снова началась. А чего ты ожидал, цветов, лент и медалей? Док что-то говорил насчет ежей? Ежи?

Пешком. Погоня начинается.

Да, ежи, средневековое оружие времен Эры Чести. Доктор Сарвис пытался объяснить Хейдьюку о чем он говорит, но затем сдался и полез назад. Его голова скрылась, затем плечи, спина, широкая задница, ноги, ботинки. Они слышали как он рылся в багажнике пока пикап прыгал, качался, трещал и грохотал по грунтовой дороге за джипом Смита.

Бросив взгляд в зеркало, Хейдьюк видел всю поисково-спасательную команду на хвосте у себя: восемь пар фар в четверти мили позади. Он сильнее нажал на газ, но тут же сбросил, чтобы не протаранить джип. Может быть надо как-то поддержать его, он приблизился ближе, осторожно коснулся передом пикапа задний бампер джипа и нажал на газ. Смит в джипе почувствовал поддержку сзади как будто у джипа появилось второе дыхание, выросли крылья.

Снова появилась голова Дока в люке.

– Дайте мне фонарь.

Ему дали фонарик, он снова исчез.

– Где бы там они ни были, лучше бы он нашел их побыстрее, – сказал Хейдьюк.

– Он тебя не слышит, – сказала Бонни.

– Держи фонарь направленным на переднюю машину сзади, – сказал Джордж, – ослепи ублюдков.

– Я пытаюсь, но они нас нагоняют.

Хейдьюк дал девушке свой револьвер.

– Если они приблизятся, стреляй.

Она взяла.

– Я не хочу никого убивать, хотя я и не думаю, что смогу попасть, – она повертела оружие в руках, заглянула в ствол, – он заряжен?

– Конечно заряжен. На кой черт нужен незаряженный револьвер? Что ты делаешь? Не делай этого! Господи, Боже! Целься по фарам, по колесам.

Джип и толкающий его пикап ехали вместе сквозь изгибы дороги, по колеям, над скалами, сквозь песок. Бамперы щелкали, бряцали, сцепились и сомкнулись. Хейдьюк с глубокой досадой внезапно понял, что они сцепились, и стали одной плотью. Возник вопрос о том, чтобы разъединиться в Дерти Девил. Их преследователи становились ближе, ближе, сквозь облака пыли до конца длинного подъема перед спуском в Колорадо.

Бонни высунула пистолет из окна со своей стороны, прицелилась видимо в горы и нажала на спуск. Ничего не произошло. Она не могла нажать на спуск.

–Что-то с оружием, –крикнула она, – оно не работает.

Она втащила его назад, направив ствол в пах Хейдьюка.

–С ним все в порядке и ради Бога, держи его нацеленным в сторону.

–Я не могу нажать на спуск, смотри.

–Надо взвести курок сначала, о господи!

–Какой курок?

–Дай сюда, – Хейдьюк выхватил револьвер, –сюда, порули за меня.

В этот момент грунтовка закончилась, началась асфальтовая дорога. Они приближались к мосту Колорадо. Больше никакого шума и грохота сцепившихся машин, никакой пыли – и никакого шанса спастись.

–Вперед, – скомандовал Хейдьюк.

–Все в порядке.

–Подождите.

Хейдьюк заметил как задняя дверь пикапа открылась и Док начал горстями сыпать что-то черное, он напоминал человека, кормящего в парке голубей. Он закрыл дверь, влез обратно в кабину поверх хаотично разбросанных вещей, весел для каноэ и банок от арахисового масла. Его голова показалась в кабине. Со стороны Хейдьюка он казался отрубленной головой – лысой, потной, бородатой, с блестящими зубами и очками, видение, которое можно было терпеть так как голова была знакомая.

–Мне кажется я их остановил, – сказал он.

Они посмотрели. Огни все еще были там и приближались.

–Не похоже, – сказала Бонни.

–Сейчас, потерпите, – Док повернул голову посмотреть сквозь пробитое пулями окно задней двери.

Через несколько секунд стало ясно, что команда в самом деле стала отставать. Их фары замигали, свернув на обочину. Было смешение разных цветов фар – белых, красных, оранжевых посередине дороги. Постепенно преследователи остановились, очевидно для перегруппировки. Хейдьюк и Смит в пикапе и джипе, со сцепленными бамперами, неслись вместе как сиамские близнецы по асфальту между опорами центрального моста. Они не останавливались еще около мили до поворота, ведущего на север, грунтовки в сторону Мэйз и того, что было за ним. Съехав с асфальта и проехав немного Хейдьюк остановил пикап, вынудив и Смита тоже затормозить. Они выключили фары, вышли отдохнуть и осмотреться, они видели огни за средним мостом, где целая команда почему-то остановилась.

–У них не могло одновременно закончиться топливо, – сказал Смит. Он подозрительно

посмотрел на Хейдьюка.–Ты стрелял по ним, Джордж?

–Нет.

–Шины, – сказал доктор. – У них у всех пробиты шины.

–Что?

–Спущенные шины, – Док развернул свежий «Морш-Виллинг», глядя с удовлетворением на хаос, произведенный им.

–Ты имеешь в виду, что у них у всех одновременно спустили шины?

–Именно, – он покрутил сигару во рту, откусил кончик, прикурил. –Может и не у всех.

–Как это случилось?

–Ежи, – Док вынул из кармана нечто, размером с шар для гольфа с четырьмя шипами. Рыба-еж. Терновый венок. Он дал его Смигу.–Древняя штука, старо, как войны. Оружие против кавалерии. Как бы он не упал, один шип обязательно будет торчать вверх. Это проколёт любую шину, до десяти витков корда.

–Где вы это взяли?

Док улыбнулся.

–Заказал у одного друга.

–Давайте отцепим эти дурацкие бамперы и поехали скорее отсюда.

Бонни и доктор повисли на одном бампере, пока Смит и Хейдьюк подняли другой. Машины освободились от своей неестественной сцепки. Водители поменялись местами; Хейдьюк сел в свой джип, Смит вернулся в пикап, к великому облегчению доктора Сарвиса, который сидел рядом. Бонни села в джип.

–Этот парень заставляет меня нервничать – признался Смигу Док.

–У Джорджа не все в порядке, – признал Смит, –это ясно, и меня радует, что он на нашей стороне, а не с епископом. Хотя, если посмотреть на это все с чисто практической стороны, надо признать, что лучше держаться от них обеих подальше. Пристегните ремень, Док, дорога ухудшается.

–Избыток весьма отчаянного... пижонства.

–Точно, Док. Чего он ждет?–Смит посмотрел назад в сторону моста. Две пары фар отделились от обездвиженной группы и поехали.

–Поехали, Джордж, – сказал Смит мягко, заведя мотор

Хейдьюк тронул джип. Без фар, следуя колеям при свете звезд два автомобиля ехали на север, медленно и осторожно в темноте, по дороге, которая после грунтовки казалась шелковой лентой.

–Получится ли у нас?–спросил Док. –Почему бы не включить фары и не ехать как

можно быстрее?

–Может да, а может и нет, – сказал Редкий.–Старик Лав остановится и найдет наши следы на повороте и будет у нас на хвосте через пять минут. Но мы не можем ехать намного быстрее по этой дороге.

–По какой дороге? Я не вижу никакой дороги.

–Я тоже, Док, но я знаю, что она здесь есть.

–Ты был здесь раньше?

–Несколько раз. Это было недели три назад, ты вспомнишь, я и Джордж привели нашего друга Лава сюда наверх. Я слышал, что Лав до сих пор с болью в душе говорит об этом. Никакого чувства юмора у этого епископа. Подлый, как пес со свалки, когда имеешь с ним дело. Смотри!

Гора пыли поднялась, когда Хейдьюк и джип угодили в выбоину на дороге. Смиту пришлось нажать на тормоза, и сзади вспыхнули красные фонари. Хейдьюк остановился чтобы переговорить.

–Поломал что-то?–спросил Смит.

–Вроде нет. Видел огни за нами?

–Пока нет. Лав видимо поехал вниз к пристани для пластырей для шин своих парней. Но он знает, что мы тут, наверху. Он глупый, но не так глуп, как мы.

–Может попробуем дорогу на старую шахту, как в прошлый раз?

–Нет, если только ты не хочешь провести полночи разгребая скалы, которые ты набросал. Кроме того, ты хотел спрятаться в Мэйз.

–Ладно. Хорошо. Но как мы узнаем, что епископ не пригонит сюда отделение национальной гвардии или заместителей шерифа из Флинт Трейл, чтобы они нас встретили? Или пару рейнджеров из Лендс Энд?

–Мы не знаем, Джордж, но это шанс, которым надо воспользоваться. Если это кто угодно, кроме парковой службы, им придется проделать весь путь от Зеленой реки или Хэнксвилла, так что мы их сделаем до развилки Мейз без проблем, если только сукины дети не прилетят на своих чертовых вертолетах. Кроме того, старик Лав слишком упрям, чтобы звать на помощь, он хочет поймать нас самостоятельно, если я хорошо знаю этого дубоголового барана, а я думаю, что знаю. Чего мы тут стоим?

–Где холодильник?

–Зачем?

–Мне нужно пива, пару банок. Сколько еще ехать до Мейз?

–Около тридцати миль по воздуху или сорок пять по дороге.

–Я вижу огни, – сказала Бонни.

–Я тоже, малышка, и я сказал бы, что это намек на то, что мы должны ехать наверх по колее.

Хейдьюк уже ехал. Включив фары, Смит следовал за красными задними огнями джипа, которые мигали, когда Хейдьюк время от времени нажимал на тормоз.

Дорога становилась хуже и хуже. Песок. Скалы. Кустарники. Ухабы, колея, выбоины...Сорок пять миль по такой дороге?–думал Док. После легкой победы с помощью ежей, он чувствовал как усталость наваливается на его веки, мозговые клетки, позвоночник. Смит говорил...

–Что это?–сказал Док.

–Я сказал, – говорил Редкий Гость, – что очень хорошо, что у нас был день, когда мы отдохнули, в тени в Дир Флэт. Сколько времени прошло, а, Док?

Док посмотрел на часы. Они показывали 16:35. Время Роки Маунтайн. Это не могло быть точное время. Он поднес часы к уху, они стояли. Конечно, он опять забыл завести часы. Подарок Бонни ко дню его рождения. Девчонка должно быть сэкономилла месячную зарплату, чтобы купить эту безделицу. Он завел часы.

–Не знаю, – сказал он Смиту.

Смит высунул голову наружу и посмотрел на луну.

–Около полуночи, – сказал он. Он посмотрел назад. –Парни повисли у нас на хвосте. У тебя этих ежей не осталось?

–Нет.

–Мы могли бы еще ими воспользоваться, – сказал Смит и начал напевать под нос мелодию.

Это сумасшествие, думал доктор. Белая горячка, бред. Ущипни себя, Док. Это я, доктор медицины Сарвис, Американский Колледж Хирургов. Хорошо известный, хотя и не очень любимый член врачебного братства. Принятый, хотя и без доверия, в двадцать второй округ, Дьюк Сити, штат Нью-Мексико. Скорбящий вдовец с двумя взрослыми сыновьями, стартовавшими в свою жизнь. Шалопайи и никудышные люди, оба, как и их отец. Но когда я стану старым, лысым, толстяком и импотентом, будете ли вы меня любить, мои малыши? Это было ясно, так ведь? Док смотрел на пыльный зад машины Хейдьюка, парень и девушка, скрытые за кучей багажа под брезентом. Он посмотрел в сторону, увидел затаившиеся кусты среди неясных очертаний скал, пыли и песка. Он оглянулся и увидел две пары фар, сверкая как пожар в плывущей пыли, довольно далеко, но ползущих за ними, не теряя и не увеличивая дистанцию. Что это?–думал Док про себя. Чего я боюсь? Если смерть это в самом деле

наихудшее, что может произойти с человеком, то бояться нечего. Но смерть это не самое худшее. Он задремал, проснулся, задремал и снова проснулся.

Они ползли вперед, милью за милей, по камням и бороздам. Неприятеля следовали на осторожной дистанции, довольно далеко, хотя и все видимости. Смит, изучая упрямые огни в зеркало, сказал:

–Ты что-то знаешь, Док. Я не думаю, что парни хотят нас здесь поймать, они хотят просто не терять нас из виду. Может кто-то нас ждет в Флинт Трейл. Что означает, что я не удивлюсь, если увижу кого-то, ждущего нас впереди на рассвете.

–Ты сказал, что мы их обгоним возле поворота на Мейз?

–Правильно, но они не думают, что мы поедем на Мейз.

–Почему?

–Потому, что Мейз, это тупик, Док. Конец дороги. Большой соскок. Никто и никогда не ездит в Мейз.

–И поэтому мы туда едем?

–Док, ты сам догадался.

–И почему никто никогда не ездит в Мейз?

–Потому, что там нет бензина, нет дорог, нет людей, нет пищи, большую часть времени нет воды, и нет пути оттуда, вот почему. Как я сказал, это тупик.

Здорово, подумал доктор. И это место, где мы будем прятаться следующие десять лет.

–Но у нас будет там немного еды, – продолжил Смит. Мы спрятали часть в Лизард Рок и часть в Френчи Спринг. Мы будем в порядке, если доберемся до них раньше, чем команда доберется до нас. У нас будут проблемы с водой, хотя если будет дождь сегодня или завтра, а я уверен, он будет, то на несколько дней нам хватит. Если команда нас не прижмет слишком сильно.

Не так плохо, подумал Док. Наполовину не так плохо. Я боюсь эта ночь не кончится никогда. Он посмотрел на восток, на полную выпуклую луну. Там было не много надежды. Он увидел кролика, перебежавшего дорогу сквозь пыльные колонны света фар. Смит дернул рулем, чтобы не сбить его. Док подумал, что он не видел ни коров, ни лошадей многие мили.

–Почему? – спросил он.

–Нет воды, – ответил Смит.

–Нет воды? Но целая река Колорадо вон там справа, около двух миль на восток.

–Док, река внизу, но если ты не жук и не бабочка, ты не сможешь спуститься вниз. Если ты не лебедь, который ныряет с высоты двух тысяч футов со скалы.

–Ясно. Нет дороги вниз.

–Едва ли есть хоть одна, Док. Я знаю одну дорогу вниз с Лизард Рок в Спаниш Боттом, но больше я не видел, – Смит посмотрел в заднее зеркало. –Все еще на хвосте. Эти ребята просто так не сдадутся. Подумай, может стоит спрятать наши машины здесь и дальше пойти пешком.

Док повернулся на сидении, посмотрел назад сквозь люк и пробитое пулями стекло и заднюю дверь пикапа. В миле, возможно в пяти милях позади, точнее определить дистанцию, ехала пара фар, поднимаясь и опускаясь на скалистой дороге. Он уже было повернулся вперед, как вдруг увидел зеленую ракету.

–Ты видел это?

–Да, я видел, Док. Они сигналият кому-то еще. Нам лучше оглянуться вокруг.

Смит мигнул фарами. Хейдьюк остановился, выключив фары, но оставив мотор работающим. Смит сделал то же самое. Все четверо вышли.

–В чем дело?– спросила Абцуг.

–Они пускают ракеты.

–Где мы, вообще, черт возьми?–сказал Хейдьюк. Он выглядел усталым и подавленным, его глаза были красными, руки тряслись. –Мне нужно пиво.

–У меня тоже пересохло, – сказал Смит, глядя вперед в сторону темных стен плато, затем в сторону преследователей. Огни на мгновение остановились. –Дай мне тоже одну, Джордж, –он посмотрел в небо, прикрывая глаза ладонями, на запад, на север, на восток, – так и есть. Забудь про пиво, Джордж, у нас нет времени.

–Что ты там увидел?

–Самолет, я думаю.

Они посмотрели в сторону, куда он показал пальцем. Один маленький красный огонек проблескивал в темно-синей темноте ночи, пролетая сквозь ручку ковша Большой Медведицы. Слишком далеко, чтобы услышать, он кружил в небе на северо-востоке.

–Это вертолет, – сказал Хейдьюк, – я чувствую вибрацию. Он будет здесь через минуту. Вы услышите.

–Так что нам делать?

–Я выпью пива, – сказал Хейдьюк, открывая заднюю часть багажника. Он вынул теплую упаковку. Льда в холодильнике не было.–Кто-нибудь еще будет?

Еще одна зеленая ракета поднялась от врагов сзади, описав красивую параболу. Все посмотрели, на мгновение застыв.

–Почему ракеты? Почему они не используют радио?

–Не знаю, дорогая. Может быть разные частоты.

Шпок! Фонтан теплого «Шлица» поднялся, как ракета, и обрушился душем на Дока, Бонни и Смита. Хейдьюк уgomонил фонтан пива, припав губами к отверстию банки. Послышался звук всасывания.

–Ну, давайте что-то делать, – сказала Бонни. Тишина.–Что-нибудь.

–Я вижу, – начал доктор.

Чап-чап-чап-чап: лопасти в воздухе. Сюда, товарищи.

–Нам видимо лучше продолжить дорогу пешком, – сказал Смит. Он обеими руками залез в багажник и начал вытаскивать разнообразные пакеты, свертки, сумки и рюкзаки, полные еды и вещей. Кое-то думал об этом (Абцуг); по меньшей мере одно было правильным. Он выбросил солдатские фляги, с полдюжины, большей частью наполненные. Он отыскал маленький походный ботинок и дал его Бонни.

–Это твой ботинок, малыш.

–У меня две ноги.

–Вот еще один.

Хейдьюк тупо глазел, открыв рот, на Бонни, надевающую ботинки, на Дока, возившегося с шестидесятифунтовым рюкзаком, на Смита, закрывающего тент на багажнике. Хейдьюк держал пенящуюся банку пива в одной руке, остальные пять из упаковки – в другой. Что делать? Чтобы работать ему нужно было положить пиво. Но чтобы работать, надо выпить пиво. Тяжелое положение. Он поднес пиво ко рту и залпом выпил, попытался всунуть оставшиеся пять на верх своего рюкзака. Не получается, нет места. Он привязал их снаружи.

–Надо спрятать машины, – сказал он Смицу.

–Я понимаю, но куда?

Хейдьюк махнул в сторону черного каньона Катаракт.

–Там, внизу.

Смит посмотрел на вертолет, выписывавший большой круг в нескольких минутах от них к северу. Охотится за кем-то.

–Я не уверен есть ли у нас время, Джордж.

–Но мы должны. Все наше барахло здесь – оружие, динамит, химикаты, арахисовое масло. Это все нам понадобится.

Смит снова посмотрел на кружащий вертолет, снижающийся на дорогу в нескольких милях к северу, на огни машин, приближающихся с противоположной стороны, в двух или трех милях от них. Засада в процессе подготовки, закрывающиеся челюсти.

–Ладно, давайте отгоним их так далеко от дороги, как сможем. В эту сторону, где скала, и колеса не оставляют следов. Может мы найдем густые кусты, куда мы сможем загнать

машины.

–Хорошо, поехали, – Хейдьюк смял пивную банку в руке. – Ты и Бонни ждите здесь, – сказал он Доку.

–Мы останемся вместе, – сказала Бонни.

Хейдьюк бросил смятую банку на дорогу, где епископ Лав удобно ее подберет.

–Быстро в пикап.

–Нет повода паниковать, – сказал Док, вспотев, – нет повода для паники.

Снова все на борту. Смит ехал впереди, объехав Хейдьюка и его джип, с дороги по сказал между пустынными кустами на открытую площадку из песчаника. Хейдьюк ехал за ним. Без фар, они ехали вниз по склону в сторону края каньона. В лунном свете расстояния и глубины были неясными, неопределенными, но не дающими защиты.

Нет убежища, думал Хейдьюк, ища в небе вертолет; нас опять поймали на открытой местности. Сейчас пойдет напалм. Смит медленно остановился перед ним. Не желая жать на тормоз, чтобы не засветились задние фары, он притормозил ручным тормозом и слегка стукнулся в заднюю часть пикапа Смита.

Смит вылез посмотреть на окрестности. Посмотрел, вернулся за руль, снова поехал. Хейдьюк ехал близко от него на пониженной передаче. Они ехали в поисках места для убежища. Вертолет, видимо приземлившийся на дороге и выключивший огни, больше был не виден.

Хорошо, подумал Хейдьюк. Они ждут нас там. Ладно. Пусть подождут. Он открыл еще один «Шлиц». Когда ты без «Шлица», ты без «Шлица». Впереди длинный марш без жидкости, когда нарастают камни в почках, которые невозможно растворить пеной от пота и дорожной водой.

Что еще? Он быстро прикидывал в уме. Что тащить: рюкзаки, пистолет и двадцать боевых патронов, снайперский прицел, карабины, веревка, крепеж.. что еще? что еще? Сейчас нельзя забывать ничего важного. Все должно быть с отличием, любой ценой. Что еще?

Смит снова затормозил. Снова Хейдьюк ткнулся ему в бампер. Не глуша двигатель он вылез, подошел к худощавой руке, висящей со стороны водителя из окна. Шесть глаз и огонек сигары смотрели на него в темноте кабины пикапа.

–Ну?

Смит показал.

–Прямо там внизу, старина.

Хейдьюк посмотрел вниз, куда показывал Смит. Ущелье разрезало скалу, может десять а может и тридцать футов глубиной, трудно сказать в лунном свете. Песчаное дно. Много кустов – можжевельник, полынь, карликовый дуб. Отвесная стена с той стороны, закругленный

склон с этой. Может получится, подумал Хейдьюк, может быть.

–Ты думаешь, мы можем спрятать их там внизу?

–Ага.

Пауза. В тишине они слышали только... тишину. Никаких огней не было видно. Все джипы, «Блейзеры», грузовики, вертолеты стояли и не работали. Команда в этот раз уже не даст так просто себя обмануть. Там, в темноте, в этих тенях под стеной плато ждали поисковики-спасатели. Или не ждали.

Возможно уже послали группу добровольцев в обе стороны дороги, и они смотрят, ищут.

–Слишком тихо, – сказала Бонни.

–Они примерно в миле от нас, – сказал Хейдьюк .

–Ты надеешься.

–Я надеюсь.

–Мы надеемся, – сказал Док, красный огонек вспыхнул.

–Окей, – сказал Хейдьюк, – давайте опустим их в ущелье. Хотите, чтобы я вас спустил?

–Нет, – сказал Смит, – нельзя заводить мотор, они могут нас услышать. Я съеду на тормозах.

–Тормози ручным тормозом.

–Слишком круто, можно сорваться.

–Тормозные фонари зажгутся, – сказал Хейдьюк, – разбей их.

Сделано. Смит спустил пикап вниз, двадцать футов до песчаного дна, и пристроил его в тень дубов и можжевельника. Хейдьюк сделал то же с джипом. Неясный свет падал на стену наверху, свисающую округлость камня в пятнах окислов марганца и железа, но внизу под отвесом была темнота. Они развернули маскировочную сеть, натянули ее над деревьями и привязали, спрятав пикап и джип от наблюдения с воздуха. Хейдьюк сложил в коробку запасное оружие и спрятал в гроте в стене, над линией подъема воды. Потоп? Песок был сухим, как пудра, скала была безводной. Однако, это место, где течет вода.

–Нам ужасно не повезет, если это место затопит, – сказал Хейдьюк.

–Мы понесем потери, – сказал Смит,– и жаль, что у нас нет времени найти место получше. Ясно, что дождь собирается.

–Сейчас довольно ясно.

–Видите кольцо вокруг луны? Завтра вы увидите сплошную облачность, а послезавтра будет дождь.

–Это что, прогноз погоды?–спросила Бонни.

–Ну, –уклончиво ответил Смит, – как ты могла заметить, есть две вещи от которых

человек не может зависеть. Одна из них это погода, и я не могу сказать, какая вторая.

Три низких совиных крика раздались от Дока, который стоял на карауле.

–Надо идти, – сказал Джордж, взваливая рюкзак на спину и застегивая поясной ремень.

Хейдьюк закинул ружье на спину и рюкзак сверху. Ружье легкое, переламывающаяся спортивная модель, но оно делала груз неудобным, вклиниваясь между ключицей и рамой рюкзака. Он мог бы взять его на плечо, но сейчас ему нужны были свободными обе руки, чтобы карабкаться по песчанику. Он думал: Готов, я надеюсь, если человек вообще может быть к чему-то готовым.

Подкрепление подъехало к Команде. Еще три пары фар приехали с юга. Шины у них были в порядке. Остальные машины были закрыты, невидимы, их экипажи были не видны. То же самое с вертолетом.

–Я думаю, они рассредоточиваются, – сказал Смит, – нам лучше держаться этого ущелья и потом повернуть на север, одной группой, если вы пойдете за мной. Ступайте по камням и не оставляйте следов, и все будет в порядке, по крайней мере пока под ногами будет скала, а на всем пути будет разная земля. А?

–Я сказала, – сказала Бонни, – как далеко до Мейз?

–Недалеко. Смотри не уколись о кактус, милая.

–Это сколько?

–Ну, Бонни, мы сейчас в двух – трех милях от поворота.

–Ты имеешь в виду поворот на Мейз?

–Да.

–Ладно. Какое расстояние от поворота до Мейз, сколько миль?

–Приличный конец пешком, но сейчас красивая ночь.

–Какое расстояние?

–Мейз, это приличная по площади территория, и если ты имеешь в виду его ближайший пункт и дальний конец, то будет очень серьезная разница. И это без учета спусков и подъемов.

–Каких спусков и подъемов?

–Склоны каньонов.

–О чем именно ты говоришь?

–Я имею в виду, в основном это неровная местность, иногда ты стоишь на ровной поверхности, но чаще ты либо спускаешься, либо поднимаешься. Ты можешь упереться в стену или быть окруженной стенами, что очень часто случается. Это означает, что обычно длинный путь вокруг и есть самый короткий. Обычно, это единственный путь.

–Как далеко, скажи пожалуйста.

–Идешь десять миль, чтобы пройти одну, если ты понимаешь, о чем я говорю.

–Сколько?

–Тридцать пять миль до Лизард Рок. Там мы спрятали немного воды. Мы может быть срежем часть дистанции, но я не знаю таких путей. Это сложная территория, и никогда не знаешь, что ты найдешь.

–Так мы сегодня туда не доберемся?

–Не будем и пытаться.

Хейдьюк, замыкающий группу, остановился, чтобы снять рюкзак и перевесить ружье. В рюкзаке он нет еду, шесть кварт воды, амуницию и еще много чего. Плюс ружье на плече, патронташ и револьвер, нож в ножнах на поясе. Полная выкладка и это тяжело, но он слишком упрям, чтобы хоть что-то оставить.

Они шли след в след в неясном свете луны, ступая по камням, по краю обрыва, тянувшегося справа от них. Смит часто останавливался, чтобы послушать и посмотреть, затем снова шел. Никакого признака врагов вокруг, тем не менее, враги были где-то там, в тени стапятидесятифутовых скал, среди шуршащего можжевельника.

Голова Бонни была полна вопросов. Кто прилетел на вертолете – полиция, шериф, служба парка, другие члены поисково-спасательной команды? Если мы не доберемся до Мейз сегодня, что мы будем делать когда взойдет солнце? Еще я голодна и мои ноги начинают натираться, и кто положил чугун в мой рюкзак?

–Я проголодалась, – сказала она.

Смит остановился и цыкнул на нее. Он прошептал:

–Здесь вокруг люди, Бонни. Мы приближаемся. Потерпи минутку.

Он положил свой рюкзак и пошел, как фантом, тень, через море замороженных дюн в сторону дороги. Бонни смотрела на его тощую фигуру, удаляющуюся в лунный свет, теряющуюся в лунном свете, исчезнувшую совсем. То его видно, то нет. Редкий стал отсутствующим. Бонни и остальные сняли рюкзаки. Она расстегнула боковой карман и достала мешочек с ее личной смесью из изюма, орехов, M&M's, подсолнечных семечек. Док жевал травинку. Хейдьюк стоял и смотрел, глядя на Смита. Он снял ружье, ослабил резиновую накладку на своем ботинке.

–Зачем ружье?–прошептала Бонни.

–Это? – Хейдьюк уставился на нее,– это ружье, –он улыбнулся. –Это мое оружие.

–Не груби.

–А ты не задавай дурацких вопросов.

–Зачем ты взял это ружье?

Док вмешался, чтобы успокоить их.

–Ну, ну, перестаньте.

Минуту или около того они стояли тихо, прислушиваясь. С неопределенного расстояния раздался крик совы. Один крик. Большой совы. Они услышали второй крик.

–Два крика?–сказала Бонни.–Что это значит, я забыла.

–Подожди.

С далекого расстояния, или не очень далекого, но с другой стороны донесся крик еще одной совы. Вторая сова крикнула три раза. Это означало опасность, внимание; тревога, нужна помощь. Или на совином языке: я знаю, что ты здесь, маленький кролик, под кустом, и мы оба знаем, что я тебя поймаю.

Иди сюда.

Который из криков был настоящий? Какая сова фальшивая? Ни одна? Обе? У них не было плана по поводу настоящих сов.

Послышался легкий шум шагов по скале, Редкий Гость появился из лунного света, глаза его сияли, зубы и уши, кожа и волосы, часто дыша, он тихо сказал:

–Пошли.

Ахая и охая они надели рюкзаки.

–Что ты видел?–спросил Хейдьюк.

–Поисково-спасательная команда все здесь и они не будут ждать рассвета, чтобы ловить нас. Я видел шестерых, и я не знаю сколько еще прилетело в этом зловонном вертолете. У каждого было ружье или карабин, у всех рации и они рассредоточиваются цепью. Как при охоте на кроликов.

–Мы кролики.

–Да, мы кролики. Мы не можем вернуться на дорогу, так что давайте поищем путь через это ущелье. Идите за мной.

Смит прошел немного назад откуда они пришли и скрылся в ущелье. Остальные, Хейдьюк замыкая группу, полезли вниз за ним и нашли Смита впереди в песчаном русле, оставляя следы. Ничего нельзя было сделать. С другой стороны был почти отвесный склон, от двадцати до сорока футов высотой. Они брели в тени, вслепую следуя за провожатым.

Через некоторое время Смит нашел дыру в стене, второе русло. Они пошли по песку и через сто метров нашли выход, покатый купол из камня. Они полезли наверх как обезьяны, цепляясь пальцами и ногами, Док слегка сопел, и вылезли на открытую площадку, залитую лунным светом. Смит свернул на северо-восток в сторону зубчатого горизонта. Он шел, как ходили до войны индейцы, размеренными широкими шагами, ступни направлены точно вперед,

абсолютно параллельно. Остальные торопились, чтобы успевать за ним.

–Сколько еще... таких каньончиков будет впереди?–задыхаясь спросила Бонни,

–между этим... Я имею в виду... Там, где мы будем идти?

–Семьдесят пять, а может, двести. Береги дыхание, малышка.

Длинный переход продолжался. Каждые сто шагов Смит останавливался, слушал, смотрел, оценивал движение воздуха. Хейдьюк, замыкая колонну, держал тот же ритм, сменяя Смита, останавливаясь, пока остальные шли, для еще одного взгляда вокруг. Он думал о том вертолете: какая удача могла бы быть. Если бы только оторваться от группы на полчаса...

Хейдьюк шел позади, останавливаясь, чтобы отлить. Увлеченный, почти удовлетворенный, он с удовольствием наблюдал, как струя барабанит по камню. Очищенный «Шлиц» в свете луны. Слава Богу, я мужчина. Плоская скала, брызги на ботинках. Он попытался стряхнуть последнюю каплю, хотя знал, что она неизбежно попадет ему на ногу, уже готовый было застегнуть штаны, как вдруг он услышал звук. Незнакомый звук, чужой в этом пустынном мире. Металлический щелчок.

Мощный луч света – от фонаря вертолета?– проехал по скале и высветил Смита и Абцуг. Они застыли на мгновение, пронзенные белым копьём, затем кинулись бежать в сторону можжевельника. Луч света следовал за ними, теряя, снова находя, высвечивая Дока, который бежал позади. Хейдьюк вынул револьвер. Он встал на колени, прицелился в прожектор. Выстрел. Грохот выстрела на мгновение оглушил его, как обычно. Он промахнулся. Освобожденный луч, как гигантский глаз, начал двигаться в сторону Хейдьюка. Он выстрелил и снова не попал. Следовало снять ружье, но на это не было времени. Он вот-вот собирался выстрелить третий раз, но внезапно луч погас, тот, кто им управлял, осознал, что он слишком близко от цели, что он *сам* стал целью.

Хейдьюк неловко побежал за остальными, огромный рюкзак на спине. Сзади он слышал топот ног, крики, стрельбу. Хейдьюк остановился, чтобы выстрелить три раза, не целясь, все равно в неясном лунном свете трудно было куда-либо попасть. Но шум остановил преследователей, заставил их притаиться. Крики затихли вдали, Команда была занята своей рацией. Крики перебивали друг друга, скрипела трансмиссия.

Неловко передвигаясь из-за рюкзака Хейдьюк догнал Дока, который сопел, как паровоз, далеко позади Абцуг и Смита. Он заметил, что они бросили свои рюкзаки. Сзади он слышал крики приказов, инструкций, топот ботинок. Прожектор снова заработал. Два прожектора.

–Нам надо оставить рюкзаки, – сказал он Доку.

–Это точно.

–Но не прямо здесь, подождите...

Они достигли края очередного начинающегося каньона, типичный шрам в скале, с

отвесными стенами и недостижимым дном, трещина слишком широка, чтобы перепрыгнуть, слишком глубока и обрывиста, чтобы спуститься.

–Здесь, – сказал Хейдьюк, остановившись. Док остановился за ним, отдуваясь, как лошадь.

– Мы бросим их здесь, – сказал Хейдьюк, – под стеной. Позже вернемся и заберем.

Он снял рюкзак, вынул веревку, залез в большой карман за ружейной амуницией. Сразу он не смог ее найти, мешали шестьдесят фунтов других вещей. Звуки погони приближались. Слишком близко. Хейдьюк взял рюкзак за раму и отпустил его: он упал на что-то твердое, пролетев пятнадцать футов. Сильный удар. Он повесил веревку на спину, взял ружье в руку.

–Быстрее, Док.

Доктор Сарвис возился с чем-то в своем рюкзаке, пытаясь вытащить черную кожаную сумку из глубины.

–Давай, давай, что ты делаешь?

–Одну секунду, Джордж. Мне надо взять мою сумку.

–Выбрось ее!

–Я не могу идти без моей сумки, Джордж.

–Что это?

–Моя аптечка.

–Ради всего святого, нам сейчас она не нужна. Пошли.

–Секунду, –Док в конце концов вытащил свою аптечку, остальное забросил вниз.– Я готов.

Хейдьюк оглянулся. Тени прыгали на скале, между можжевельниками, быстро приближаясь. Сколько до них? Сто, двести, пятьсот ярдов? В лунном свете сказать было невозможно. Прожектор мелькал, яркий луч искал жертву.

–Бегом, Док.

Они тяжело побежали по каменистой террасе, где в последний раз видели Бонни и Смита. Там они их и нашли, ждущих их. С собой у них было только пара флагов.

–Они за нами, – задыхаясь сказал Хейдьюк, – вперед.

Без слов Смит побежал рядом с Хейдьюком.

–Джордж, – сказал он, – давай используем эту веревку, пока нас не окружили....

–Хорошо.

Док снова отстал, тяжело дыша, сумка болталась у него в ногах. Бонни подхватила ее и понесла сам.

Они добежали до края небольшого каньона, Хейдьюк искал дерево, или пень, или

камень, что-нибудь, за что можно было бы перебросить веревку. Снова настало время свободного спуска. Но ничего подходящего под руками не было. Сколько футов до дна? Десять? Тридцать? Сто?

Хейдьюк остановился возле точки, где стена была не отвесная, а слегка выпуклая, хорошая точка для спуска. Он заглянул вниз. Дна не было видно. Темнота и тишина внизу, слабо видные кусты и можжевельник.

–Здесь.

Он размотал веревку, встряхнул ее, Док и Бонни подошли, задыхаясь в отчаянии, лица пылали и блестели от пота, он не говоря ни слова обвязал их веревкой и завязал их незатягивающимся узлом.

–Что дальше?–сказала Бонни.

–Мы спускаемся в каньон. Вы с Доком первые.

Бонни посмотрела в пропасть.

–Ты с ума сошел.

–Не беспокойся, я буду тебя страховать. Все будет в порядке. Редкий, дай мне руку. Все, спускайтесь.

–Мы разобьемся.

–Нет, мы тебя держим. Давай, спускайся спиной вперед. Откинься назад, черт возьми. Вы оба, держите ноги на скале. Так, так, уже лучше. Переступайте вниз, задом. Не надо ползти, это не поможет. Откинься назад, черт, или я тебя прибью! Ногами по скале, отпусти веревку! Легче, легче. Так. Еще, еще. Так, где вы там? Внизу?

Приглушенные звуки из тени, ломающиеся кусты, шарканье ног.

Хейдьюк посмотрел вниз.

–Развяжи узел, Бонни, освободи веревку. Живее!

Веревка провисла. Он вытащил ее наверх.

–Так, Редкий, твоя очередь.

–А как ты спустишься, Джордж? Кто тебя будет страховать?

–Я спущусь, не волнуйся.

–Как?–Смит продел веревку между ног, вокруг себя и через плечо, готовясь к спуску.

–Увидишь, – Хейдьюк снял с плеча ружье, – захвати это для меня. Подожди минутку.

Он посмотрел назад в направлении откуда они пришли, пытаясь найти своих преследователей. Мутный лунный свет лежал на песке и камне, на можжевельнике и юкка, на скалах позади, ненадежное и переменчивое освещение. Были слышны голоса людей, топот шагов по песчанику.

–Видишь их, Редкий?

Смит посмотрел, прищурясь, в том же направлении, прикрыв глаза от света луны.

–Вижу двоих, Джордж. Трое позади них

–Надо выстрелить разок, чтобы затормозить их.

–Не надо, Джордж.

–Ладно, нагоним страху на них от Рудольфа Хейдьюка. Выстрел заставит их остановиться и подумать.

–Отдай мне ружье, Джордж.

–Я выстрелю вверх их голов.

–Было бы безопаснее, если бы ты целился в них.

–Они стреляли по нам. Стреляли, чтобы убить.

Смит вытащил ружье из рук Хейдьюка и повесил на плечо.

–Подстрахуй меня, Джордж, – он попятился к краю.

–Тестовая страховка, Джордж.

Хейдьюк взял конец, плотно поставил ноги, веревка вокруг бедер.

–Окей. Поехали.

Смит попятился к краю и исчез. Хейдьюк легко держал веревку в руках, пока Смит быстро спускался вниз. Вес Смита, передаваемый веревкой, удерживался ногами и тазом Хейдьюка. Когда он почувствовал, что веревка ослабла, он услышал голос Смита из темноты снизу.

–Все, Джордж, я внизу.

Хейдьюк оглянулся. Враги были ближе. Вдруг прожектор включился и ослепительный луч ударил прямо в него.

Некуда бежать, нет ничего, кроме воздуха, за который можно зацепить веревку.

–Сколько до низа?

–Около тридцати футов, – ответил Смит.

Хейдьюк бросил веревку, теперь бесполезную для него, в каньон. Луч света пролетел над ним, вернулся назад. Замедленная реакция глаза циклопа.

Луч дернулся и остановился на скорченной фигуре Хейдьюка.

–Эй, ты! – прорычал чей-то отдаленно знакомый голос, усиленный мегафоном. – Стой там и не двигайся, сынок.

Хейдьюк лег на живот на краю скалы. Луч оставался на нем. Что-то жестокое, тихое, быстрое как мысль, острое, как игла, коварное, как змея хлестнуло его по рукаву рубашки, ужалив тело под ней. Он вытащил свой пистолет, свет сдвинулся в сторону. Он услышал звук

второго выстрела с той же дистанции (на востоке, звук рассвета).

Он сказал вниз остальным.

– Подо мной можжевельник? – свет снова нацелился на него, прижав к земле.

– Да, – услышал он теплый и домашний голос Смита, – но я бы не рисковал... – его голос притих в сомнении.

Хейдьюк спрятал револьвер в кобуру и пополз на животе к краю, глядя на стену, чувствуя прохладную твердую выпуклость грудной клеткой и бедрами. Он повис на последней точке, держась руками. Спуск соскальзыванием, так это называется. Он посмотрел вниз, но увидел только тень, ничего внизу.

– Я передумал, – сказал он безнадежно, сам себе, ослабляя хватку, – я этого не сделаю, это безумие.

Но его вспотевшие пальцы знали лучше, и они его отпустили.

Падая вниз, он закричал. Он подумал, что закричал. Слова больше никогда не выйдут из его рта.

Жара. Погоня продолжается.

Гриф парит над Финз, Страной Стоящих Скал. В парении жизнь грифа, в смерти – его обед. Злой грязный черный мусорщик, охотящийся за мертвыми, за смертью, его плешивая красная голова и голая шея – так лучше вонзать жадный клюв в кишки жертвы – питается разлагающейся плотью. Cathartes aura, его латинское наименование, происходит от греческого katkarsis, что значит очищение, и aura, что значит воздух, пар. Очиститель воздуха.

Птица солнца. Созерцатель. Единственная философствующая птица, и его безмятежное и невыносимое спокойствие. Покачиваясь на своих угольно-черных крыльях он наблюдает за стальной стрекозой, которая методично движется туда-сюда над горами, над Стоящими Скалами, создавая жуткий неподходящий шум.

Гриф поднимается кругами все выше и склоняет свою морщинистую голову, чтобы посмотреть с живым интересом на три тысячи футов вниз, на четырех жалких бескрылых двуногих, которые суетятся, как мыши в замкнутом лабиринте, меж двух красных каменных стен. Они украдкой перебегают из одной тени в другую, как будто песок внизу слишком горяч для их ног, как будто спрятавшись от солнечных лучей они спрячутся от внимательных глаз в небе. Двое из этих существ хромают, и у грифа возникают мысли о закуске, вызывая воспоминания о мясе. Хотя все четверо пока живы и движутся, всем ясно, думает гриф, что там, где есть жизнь, есть также и смерть – и надежда. Он снова кружит над ними, чтобы получше рассмотреть.

Но их уже нет.

–Я не знаю как они смогли посадить такую штуку в такой маленький каньон,– сказал он, – и что бы я еще сказал, – это вредно для нервной системы. Я весь на нервы изошел.

–Я проголодалась, – сказала она, –и натерла ноги.

–Когда они еще раз попробуют, я их собью, – сказал Хейдьюк. Он держал ружье в руках. Гордое надежное оружие. Приклад орехового дерева отполирован его руками, снайперский прицел иссиня-черный, ствол, затвор и ствольная коробка мягко блестели. Спуск, предохранитель, рукоятка, точность движений когда он заглядывал в пороховую камеру, щелчок при закрытии и возврате курка. Щелк. Семь патронов в магазине, ни одного в затворе.

–Я проголодалась, сбила ноги и мне скучно. Не очень-то тут весело вокруг.

–Я надеюсь только на то, что они не заметили наши следы. Смогут ли они определить, что мы здесь внизу?

Смит, без шапки, с прилипшими волосами, выглянул из-под тени карниза в жару, в свет

и посмотрел в сторону горячего камня, наклонной рыжей стены.

–Если бы они могли, я думаю, нам пришлось бы искать другую щель и весьма быстро. – Он вытер свое потное заросшее лицо красной косынкой, которая сразу потемнела от пота.

–Как насчет этого, Джордж?

–Не здесь. Может сверху, за изгибом. Или внизу, в каньоне. Эти сволочи могут подкрадываться к нам прямо сейчас. Винтовки заряжены картечью.

–Если они нас видели.

–Они видели нас. Если не видели, то увидят в следующий раз.

–Сколько человек могут поместиться в эту штуку?

–В эту модель – трое.

–А нас – четверо.

Хейдьюк горько улыбнулся.

–Да, четверо. С одним пистолетом и ружьем, –он повернулся к расслабленному доктору Сарвису.–Если только у Дока в аптечке тоже нет пистолета.

Док хмыкнул и отрицательно покачал головой.

–Может мы должны, – добавил Хейдьюк, – выстрелить по ним одним из шприцов Дока. По уколу димедрола в зад каждому, – он потер ушибленные суставы и содранную кожу ладоней.

–Тебе самому бы не помешал укол, – сказала Бонни.

–Не сейчас, – сказал Хейдьюк, – эта дрянь делает меня сонным. Сейчас спать нельзя, –после паузы, – как бы там ни было, вы можете поставить свой последний доллар на то, что они нас не видели и не вызвали по радио Команду. Эта компания в полном составе будет здесь через час, – после паузы. – Нельзя ждать заката.

–Я немного понесу ружье, – сказал Смит.

–Я сам.

–Как ты?–спросила Бонни у Хейдьюка. В ответ она услышала бурчание. Бонни сама была на грани теплового удара. Ее лицо пылало, влажное от пота, глаза были слегка сонными. Но она выглядела лучше, чем разбитый Хейдьюк, в лохмотьях и перевязанных коленях и локтях, так что он шел, как собранный из деталей человек, сотворенный доктором Сарвисом монстр.

–Джордж, – сказал он, – давай я тебе сделаю еще один укол.

–Нет,–он умерил рычание. – Не сейчас. Подожди пока мы найдем щель получше, – он посмотрел на Дока. –Док?

Нет ответа; доктор лежал на спине, вытянувшись в самом глубоком углу ниши под

скалой, его глаза были закрыты.

–Дай ему отдохнуть, – сказала она.

–Нам надо идти.

–Хоть десять минут.

Хейдьюк посмотрел на Смита. Смит кивнул. Они оба посмотрели вверх на узкую голубую полосу неба между стенами каньона. Солнце медленно плыло высоко в полуденном небе. Метлы и конские хвосты пара висели в жарком воздухе. В один из дней будет дождь. Должен быть.

–Я не сплю, – сказал Док с закрытыми глазами. – Через минуту встану, – он зевнул.

–Расскажи нам о войне, Джордж.

–О какой войне?

–О твоей войне.

–О *той* войне? – Хейдьюк улыбнулся. –Вам это не понравится. Редкий, где мы, черт возьми, находимся?

–Ну, я не уверен, но если мы в каньоне, а я думаю, это так, то мы в центре того, что называется Финз.

–Я думала мы в Мейз, – сказала Бонни.

–Еще нет. Мейз отличается от этого места.

–И как?

–Хуже.

–Эта война, – сказал Джордж Хейдьюк ни к кому конкретно не обращаясь, – ее хотят забыть. Но я им не позволю. Я никогда не позволю этим сволочам забыть ее. – Он говорил как во сне, как лунатик, говоря не с собой, а с каменной тишью пустыни. –Никогда, – повторил он. – Никогда.

Остальные ждали. Когда продолжения не последовало, Бонни сказала Смигу:

–Ты думаешь, мы сможем найти воду? Скоро?

–Бонни, детка, она и сейчас недалеко. Мы найдем воду где-нибудь наверху, а если нет, то вода ждет нас на теневой стороне скалы Лизард Рок. Вода и пища.

–Как далеко?

–Что?

–Как далеко до Лизард Рок?

–Если в милях, то я затрудняюсь сказать, учитывая, что придется обходить эти каньоны. Кроме того, я не уверен, что мы выберемся из этого каньона на другом конце, потому, что там тоже может быть отвесная стена. Возможно нам придется вернуться и обследовать все края

каньона.

–Мы попадем туда сегодня?

–Нет, –сказал Хейдьюк, глядя на песок между своими толстыми былыми коленями, обмотанными слоями грязного бинта, – никогда, – он почесал себе в паху, – никогда.

Смит молчал. Бонни посмотрела на него, ожидая ответа. Он покосился, нахмурился, скривился, почесал обожженную шею, повернул свои зеленые глаза вверх на стену каньона.

–Ну...–сказал он. Послышался звук крапивника.

–Ну?

–Ну, мне бы не хотелось обманывать тебя, Бонни.

–Не обманывай.

–Мы не попадем туда сегодня.

–Ясно.

–Может завтра к вечеру.

–Но мы найдем воду? Я имею в виду, скоро. В этом каньоне.

Смит слегка расслабился.

–Очень может быть,– он предложил ей свою флягу. –Сделай несколько хороших глотков. Там еще много воды.

–Нет, спасибо.

–Давай, давай, – он отвинтил пробку и дал ей флягу. Бонни выпила, вернула ему.

–Нам нужно подобрать наши рюкзаки.

–Возможно, – сказал Смит, –и если у нас получится. мы окажемся в ледяном мешке Фрай-Каньона у епископа Лава, ожидая фургона шерифа. И епископ Лав, этот сдвинутый сукин сын, в одном шаге от губернаторского кресла, как будто этот гад, из-за которого мы тут сидим, и который тут же распродаст штат, еще недостаточно оскотинился.

–Что ты имеешь в виду?

–Я имею в виду, что такие люди, как Лав и губернатор, не имеют совести. Они продадут родную мать углеработчикам Экссон и Пибоди, если это им будет выгодно, и сделают из старушек нефть. Вот такие люди, малышка, заправляют штатом: христиане, как и я.

–Не позволить им, – пробормотал Хейдьюк. –Я не позволю.

Смит потянулся за шляпой.

–Нам надо идти, друзья, идти на север.

–Я был в плену, – бормотал Хейдьюк. Док приоткрыл глаза, зевая. –Я был в плену у вьетнамцев, – продолжал Хейдьюк. –Четырнадцать месяцев в джунглях, постоянно в движении. Они привязывали меня цепью к деревьям, кроме случаев авианалетов. Я был в худшем

положении у этих чурок, чем журналист из французской газеты. Меня кормили заплесневелым рисом, змеями, крысами, котами, собаками, ветками лиан, побегами бамбука, всем, что попадалось под руку. Даже хуже, чем ели они сами. Четырнадцать месяцев. Я был у них санитаром, у маленьких желтомордых ублюдков. Нам приходилось обнимать друг друга в бункерах, сбиваться в кучу, как котяткам, когда прилетали Б-52. Это вроде как помогало смягчить удары. Мы обычно знали, когда они прилетят, но никогда не слышали, они летали очень высоко. Только бомбы. Мы были в десяти, иногда в двадцати футах под землей, но поле этого эти малыши бегали вокруг с кровью из ушей от воздушных ударов. Некоторые сходили с ума. В основном дети, подростки. Они хотели, чтобы я помог им планировать налеты. Я хотел, но у меня не вышло. Тогда они сделали меня своим фельдшером. Половину времени меня тошнило. Однажды я увидел, как они стреляли по вертолету из двадцатифутового арбалета. Сделанного из сбитого вертолета. Они все смеялись, когда сукин сын упал. Я тоже хотел засмеяться, но не вышло. У нас была вечеринка в тот вечер, солдатские пайки и Будвайзер для меня и всех Чарли (вьетконговцев – прим. пер.). Ветчина и фасоль вызвали у них рвоту. После четырнадцати месяцев они выгнали меня, сказали, что я – обуза для них. Неблагодарные коммунистические роботы. Сказали, что я слишком много ем. Что я тоскую по дому. Это была правда. Я сидел в этих гниющих джунглях, играя цепью, и единственное, о чем я мог думать, это дом. И я не имею в виду Тусон. Мне приходилось думать о чем-то чистом и достойном, либо сойти с ума, и я думал о каньонах. Я думал о пустыне вдоль побережья залива. Я думал о горах, от Флагстаффа до Винд Риверз. В конце концов меня отпустили. Потом было шесть месяцев в психушке – Манила, Гонолулу, Сиэтл. Моим родителям понадобились два адвоката и сенатор, чтобы меня отпустили. В армии считали, что я не приспособлен к гражданской жизни. Я – сумасшедший, Док?

–Абсолютно, – сказал Док. –Засвидетельствованный психопат, если я когда-нибудь видел такового.

–Я получил пенсию. Двадцать пять процентов инвалидности. Травма головы. Лунатизм. У меня должна быть дюжина чеков, ожидающих меня в доме у стариков. Армия не хотела меня отпускать. Сказали, что я должен «пройти курс реабилитации». Сказали, что я не могу носить медаль «За отвагу». В конце концов я сказал, то что должен был, сенатор нажал на Пентагон и меня комиссовали по здоровью. Они в самом деле хотели меня судить, но мать этого бы не пережила. В общем, я освободился из этих тюрем-больниц и узнал, что они делают здесь на Западе то же, что делали в той маленькой стране. И я снова потерял рассудок, – Хейдьюк улыбнулся, как лев. –И вот я здесь.

Тишина. Абсолютная, совершенная. Слишком ясно, слишком спокойно, слишком

хорошо. Редкий Гость привстал с корточек, опустил на колени и приложил ухо в земле. Бонни открыла рот; он предостерегающе поднял руку. Остальные ждали.

–Что ты слышишь?

–Ничего, – он посмотрел вверх, на небо. – Но я что-то чувствую?

–На что это похоже?

–Не знаю. Просто что-то. Надо сматывать удочки и лить отсюда.

Док, все еще лежавший в углу, снова зевнул и сказал:

–Я слышу кото (японский щипковый муз. INSTR. – прим. пер.). Один кото, одну бамбуковую флейту и барабан. Путь отселе в сердце пустыни. Под дедов можжевельник. Изум-Каи играют Хару-Но-Куоку. Нехорошо, – он вытер свою потную физиономию носовым платком. –Но с абсолютным безразличием. Что соответствует месту и положению.

–Док сходит с ума, – объяснила Бонни.

–Это жара, – сказал Док.

Смит посмотрел в каньон.

–Пойдемте отсюда, ребята.

Повесив флягу на одно плечо, Хейдьюк перебросил через другое веревку. Они встали, Док последним со своей особо ценной черной сумкой, и они побрели в ослепительный свет, сияние полудня, под бесконечный хохот солнца. Смит вел их вверх по каньону, ступая где возможно по камням. Хотя стены каньона были в сотни футов высотой, была небольшая тень. Слишком сухо для тополей. Единственное растение, которое им попадалось, это дурман с увядшими цветками, высохшие пинии, горец змеиный и скалистый лишайник.

Каньон изгибался влево, вправо, поднимаясь постепенно – надеялись они – к спрятанному роднику, неизвестному источнику, где прохладная вода сочится сквозь поры песчаника, стекает сквозь заросли плюща, плауна, водосбора в ручеек, чтобы напиться, налить в флягу. Они не могли дожидаться момента, когда услышат звук падающих капель, лучший из звуков в этом перегретом коридоре из красных гигантов и камней.

Смит указал на нишу в стене каньона, в пятидесяти футах над ними. Они остановились и уставились на него.

–Я ничего не вижу, – сказала Бонни.

–Ты не видишь маленькую стенку, малыш, с торчащей из нее балкой и маленькую прямоугольную дыру в центре?

–Это что, окно?

–Скорее дверь. Дверь, сквозь которую можно пролезть на четвереньках.

Они смотрели на остатки пещерного города Анасази, брошенного семьсот лет назад, но

хорошо сохранившиеся в суши пустыни. Пыль и глиняные черепки ждали там наверху, обожженные кукурузные початки и закопченный потолок в пещере, и старые, старые кости. Четверо бродяг на наклонных плитах песчаника, на безводных скалах, в бесконечных песках, в жаре.

–Может мне стоит вернуться и жить здесь, – рассуждал вслух Хейдьюк.– В пещере с привидениями.

–Я бы не смог, – сказал Смит. Никто не ответил. Все устало тащились вперед. –Фермеры здесь нечего делать, – продолжил Смит. – И бахчеводу тоже. До того, как изобрели земледелие, мы все были охотниками или скотоводами. Мы жили на открытом воздухе, и на каждого было минимум десять квадратных миль. Потом они изобрели земледелие и человеческая раса сделала большой шаг назад. От охотников перейти к земледельцам было падением. Даже хуже. Не бродяга Каин убил сборщика помидор Авеля. Этот сукин сын получил, за то, что он наделал.

–Ерунда, – сказал Док, но он был слишком усталым, жаждущим, изможденным, чтобы прочитать свою знаменитую лекцию о цивилизации и колыбели разума. Никакого шума, кроме шлепанья четырех пар ног.

–Здесь мокрый песок, – сказал Смит, –где-то впереди должна быть вода.

Он вел свою колонну в обход вокруг предательского песка, по нагромождению скал мимо входа в боковой каньон.

Хейдьюк, идущий сзади, остановился и посмотрел в боковое ущелье. Узкое и ветреное, с плоским песчаным дном без растительности, с отвесными стены около пятисот футов высотой, оно выглядело как путь в лабиринт Минотавра. Небо уменьшилось до узкой полоски облачной голубизны, зажатой между стен.

–Куда этот проход ведет?–спросил он.

Смит встал, оглянулся.

–Куда-то наверх, в Финз, это все, что я могу сказать.

–Это вроде бы куда нам надо?

–Да, но этот каньон побольше и тоже ведет туда, но скорее всего не в тупик. Эта маленькая трещина скорее всего тупик, я их повидал. Отвесные стены в сто футов в конце.

Хейдьюк заколебался, глядя в боковой каньон, затем в душную жару и извивающиеся повороты большого каньона.

–Возможно этот тоже тупиковый.

–Все может быть, – сказал Смит, – но он больше, и скорее всего ведет к воде.

–Откуда уверенность?

Редкий Гость поднял свой длинный беспокойный нос в потоки воздуха.

–Я чувствую ее запах, –он снова показал на влажный песок возле слияния двух каньонов. –Основная утечка воды идет из этого каньона.

–Мы могли бы найти воду прямо здесь, – сказал Хейдьюк.

–Но воды будет мало, разве что смочить горло, но копать будешь полчаса. Здесь поверхностные воды там, куда мы идем, я чувствую и я ее найду.

–Ладно, Джордж, – сказала Бонни, – если мы не найдем воду в ближайшее время, Док упадет. И я за ним.

Вода. Они все думали только о воде. Она была вокруг. Над ними громадились кучевые и дождевые облака были полны ее в виде пара. Цистерны воды. Над краями плато в трех тысячах футов над Краем Земли за каньонами плыли громадные облака с ниспадающими полосами ливня, которые испарялись не достигая земли. Две тысячи футов ниже и всего в нескольких милях, в глубине каньона Катаракт, Грин и Колорадо несли свои объединенные воды через пороги ревущими тоннами, способными утолить любую жажду, облегчить любую скорбь. Но только если до нее добраться.

Хейдьюк согласился со Смитом. Банда шла дальше, по скалам и гальке, песку и гравию, по террасам гладкого песчаника. Они прошли еще один крутой поворот каньона. Смит остановился осмотреться. Остальные сгрудились позади него.

В трехстах ярдах, где каньон делал поворот, они увидели кучу валунов, размером с небольшое бунгало, наваленных как попало, поперек дна каньона. В дальнем конце этой кучи камней, на верхнем уровне, выделяясь зеленью и живостью, между стен стоял большой прямой тополь. В этом красном лабиринте оно было как дерево жизни. Сеянцы тополя, ивы, тамариска и лаванды очерчивали незаметный отсюда ручей. Слабое благоухание витало в воздухе.

Свет в каньоне, хотя и не прямой, был золотой и теплый, отраженный и преломленный монолитными стенами, где ласточки летали под обрывом кромки каньона.

–Греки, –хрипло произнес доктор Сарвис, безнадежно, пересохшим горлом и сухим языком, – были первыми, кто начал мыслить, –он попытался прочистить горло. Смит взял его за руку.

–Док, –сказал он так тихо, что остальные приблизились, чтобы слышать его, –ты слышишь то, что я слышу?

Они прислушались. Каньон, казалось, был полон абсолютного покоя. Идеального, кристального и вневременного совершенства. Кроме одного слабого изъяна, который нарушал тишину, сопровождал ее но не противоречил. Звук как будто кто-то или что-то дергает басовую струну соль у контрабаса, плохо натянутую. Ритмичное кваканье.

–Что это?–спросила Бонни.

Смит улыбнулся.

– Это звук воды, милая. За теми скалами, за топодем.

– Больше похоже на лягушку.

– Где лягушки, там и вода.

Все уставились на великолепную зелень дерева.

– Ну так пошли, – сказала Бонни, – чего же мы здесь стоим? – Она сделала шаг вперед, Док подался вперед.

– Подождите, – прошептал Хейдьюк.

– Что?

– Не ходите туда.

Что-то в его голосе и позе заставило их замереть. Они снова прислушались. Сейчас тишина стала абсолютной. Лягушка, контрабас, остановилась, и даже нежные листья большого дерева перестали шелестеть.

– Что ты слышишь?

– Ничего.

– А видишь?

– Ничего.

– Так почему?

– Мне это не нравится, – прошептал Хейдьюк, – что-то здесь не так. Там что-то шевельнулось. Я думаю они там, за поворотом, следят за родником.

– Кто они.

– Люди с вертолета. Кто-то. Давайте лучше уберемся.

Бонни смотрела на тополь, тамариск и иву, кучу валунов, ждущих освобождения временем и геологическими процессами, ожидающие следующей катастрофы. Она посмотрела на Смита, оглядывающегося назад, туда, откуда они пришли.

– Что скажешь, Редкий?

– Кто-то спугнул лягушку. Джордж прав.

На красивом лице Бонни появилось страдание.

– Но мы же хотим пить, – пролепетала она, на глаза ей навернулись слезы.

– Небольшое стратегическое отступление, – сказал Смит, ведя их в обратном направлении, по обожженным выгоревшим камням русла, которое не видело воды видимо около семнадцати лет.

– Мы найдем воду, не волнуйся, дорогая. Иди по камням, мы не должны оставлять следов. Мне очень жаль, что так вышло, ребята, но у меня такое же чувство, как у Джорджа,

когда лягушка замолчала. Это не просто лягушка, что-то там не так, и нет ничего странного в том, что они могли посадить несколько человек там за поворотом.

Бонни посмотрела назад.

–Почему они нас не преследуют?

–Возможно они знают, что им этого делать не надо.

–Я не понимаю.

–Возможно, мы в ловушке.

–О, нет.

Смит вел их в темпе, то широко шагая, то перебегая, его большие ноги (12 размер) двигались параллельно, слаженно, не теряя ни сантиметра драгоценного расстояния. Бонни и Док волочили ноги за ним, Бонни хлюпала носом, Док все еще бормотал что-то о греках, Пифагоре, пропорциях, нервных центрах, его разум был вне его ног. Хейдьюк охранял тыл, с ружьем в левой руке, его желтая кепка потемнела от пота.

Мы повернули от воды, думала Бонни. Настоящей, жидкой H₂O, в полуквартале впереди. Я видела дерево. Живое дерево, первое за этот день. Дерево с зелеными листьями, как на картинке в книжке. С зеленой лягушкой в зеленом пруду. О Боже, у меня крыша едет. Мой язык стал как, да, как лягушка в горле. По имени Пьер. Слава Богу, мы зашли за поворот. Интересно, язык становится черным, как говорят? Или бордовым? Зубы выпадают, глаза проваливаются, черви заползают сквозь бордовую кожу и так далее, короче, я устала от всего этого дерьма, если мне не дадут большую чашку чая со льдом и долькой лимона, я закричу.

Но она не закричала. Только солнце кричало, в девяноста пяти миллионах миль от них, этот безумный непрерывный вопль водородного пекла который мы никогда, никогда, никогда не услышим, потому что, думал Док, мы рождены с этим ужасом, звенящим у нас в ушах. И когда он прекратится, мы опять же его не услышим. Мы будем... в другом месте тогда. И мы никогда не узнаем. А что мы знаем вообще? Он облизал свои потрескавшиеся губы. Мы знаем о голой скале под ногами, о догматичном солнце над головой. Мир снов, агония любви и осознание будущей смерти. Вот все, что мы знаем. И все, что должны знать? Я оспариваю этот тезис. Чем? Я не знаю.

Мне плевать, думал Хейдьюк. Пусть попробуют. Пусть попробуют что-нибудь, паршивые свиньи. Что бы они не сделали, я с собой заберу семерых на тот свет. Семеро последуют за мной, извините, таковы правила. Он ласково потрогал отполированную рукоятку ружья, которая так удобно лежала у него в руке. Кому нужны их кровавые вонючие законы? Кому нужна их зараженная грязная вода? Я буду пить кровь, если придется. Пусть попробуют, ублюдки, долго будут меня помнить. Здесь я им не позволю хозяйничать, это моя страна. Моя, Редкого, Дока, да, и ее тоже, и пусть только попробуют, я им зубы обломаю, у них будут

проблемы. Реальные, серьезные проблемы, у придурков. Придется им провести границу где-то в другом месте, и мы тоже могли бы проложить ее вдоль Комб Ридж, Монумент Анворп, и Блок Клиффс.

Тем временем Смит, сосредоточившись на стоящей перед ним задаче, думал о трех невинных людях, идущих за ним, зависящих от его умения найти воду, пройти сквозь лабиринт Финз, найти путь к Лизард Рок где находится тайник с водой и пищей, а оттуда найти дорогу в Мейз, в безопасность, свободу и счастливый конец.

Внезапно он остановился. Док и Бонни, склонившие головы, Хейдьюк, смотрящий назад, натолкнулись на его спину, как три клоуна в немом кино, три марионетки. Все остановились, никто не произнес ни звука.

Проходя мимо ответвления в боковой каньон справа, Смит заглянул в основной каньон в направлении первого поворота в этом направлении, в пятистах футах. Он вслушивался с напряжением охотничьей собаки в разгар сезона. Тишина, кроме насмешливого крика крапивника, сидевшего сверху на стене каньона, в парализующем застое жары. Но Смит снова услышал звук, скорее даже почувствовал. Топот ног, многих ног, больших ног, шагающих по скале и шуршащих по песку. Может быть эхо? Задержанный каким-нибудь странным акустическим эффектом звук их собственных ног? Не похоже.

–Они идут сюда, – пробормотал он.

–Кто?

–Эти парни.

–Какие парни?

–Команда.

Смит показал им участок темного песка за ними, и прошептал:

–Смотрите, что я буду делать и делайте то же самое.

Он посмотрел на Бонни, на ее горящее лицо и возбужденные глаза, обнял ее за плечо, посмотрел на Дока, пытавшегося сфокусировать взгляд на чем-то невидимом, на Хейдьюка, глядящего по сторонам, сжатого как кугуар и переспросил:

–Всем понятно?

Бонни кивнула, Док кивнул, Хейдьюк прорычал:

–Скорее, – и снова оглянулся назад.

–Хорошо, идем, – Смит повернулся задом и начал пятиться, лицом к ним, по полосе влажного песка. С каждым шагом он делал небольшое усилие на каблук ботинка, погружая его глубже, так что отпечаток оставался как от человека, идущего нормально. Он шел по кривой, идя в сторону входа в боковой каньон, пока не дошел до камня. Там он остановился, ожидая остальных.

Все последовали за ним, пятась задом.

–Быстрее!–прошептал Хейдьюк. Тяжело ковыляя, подошел Док, глядя на свои большие ноги. Бонни шагала да ним, грациозно и осторожно оставляя следы. Последним шел Хейдьюк. Он присоединился к друзьям. Все четверо стояли на камне и наслаждались следами, которые они изобрели. Было ясно, что четверо вышли из этого каньона.

–Вы думаете, ловушка вроде этой одурачит толпу взрослых людей?–спросила Бонни.

Редкий позволил себе осторожную улыбку.

–Видишь ли, дорогая, если бы Лав был один, я сказал бы, что нет, его так просто не обмануть. Но с его Командой немного иначе. Один человек может иногда сделать глупость, но настоящая тупость бывает при совместной работе, – он сделал паузу, прислушавшись опять. – Слышали?–прошептал он.

Сейчас даже Док услышал шаги ботинок из–за поворота каньона, гулкий неясный звук, но определенно звук голосов, доносящийся сквозь каменное эхо.

–Это они, –сказал Смит, –пойдемте отсюда, друзья мои.

Наполовину на солнце, наполовину в тени они поспешили по голым камням, по тормозящему песку, карабкаясь по разломанным плитам, вверх по бесплодному боковому каньону, который поднимался полого вверх, внезапно сужаясь до почти очевидного тупика. Ловушка внутри западни. По обеим сторонам были голые отвесные стены, с меньшим количеством зацепок и выступов, чем у офисного здания. За каждым очередным поворотом каньона Смит надеялся увидеть выход, он думал, что у него есть десять минут, чтобы найти выход и уйти, десять минут до того, как Лав и Команда решат исследовать эти следы, ведущие оттуда, куда они по всей вероятности должны были пойти. Даже человек, который хочет стать губернатором, не может быть таким тупым.

Каньон вился, петляя в разные стороны. На внешних сторонах каньона стены выгибались, образуя пустоты, глубже и выше, чем голливудская Чаша. На внутренних сторонах изгибов стены были настолько отвесные, гладкие, закругленные, что Смит не видел ни единого пути для подъема. Возможно, человек-муха... А может, человек -Хейдьюк...

Внезапно они уперлись в конец коридора. Отвесная стена преградила им путь – битва выветренного песчаника в шестьдесят футов высотой, извивающаяся наружу над их головами, со стоком или сливом из желоба где ливневые воды, уже собранные на высоком плато, ринутся вниз во всем великолепии, неся с собой землю, грязь, выкорчеванные деревья, валуны и обломки скал. Чтобы залезть на эту преграду человек должен сначала идти под 90 градусов вверх, затем вылезти на карниз, цепляясь, как паук, пальцами рук и ног, бросая вызов не только гравитации, но и реальности вообще. Вызов брошен. Хейдьюк оценил угол наклона.

–Я поднимусь туда, –сказал он, –но это займет некоторое время. Это довольно сложный

подъем. Мне понадобятся жумары, стремяна, шестигранные гайки, молоток, звездчатый бур, и так далее, короче, все, чего у нас нет.

–Это вода?–сказала Бонни, держа флягу в руке, спустившись на колени и вытянув губы к небольшой впадине под обрывом. Мокрый песок вокруг ее колен был зыбучим, но она этого не замечала. В центре воронки была лужа шириной восемнадцать дюймов, с содержимым, похожим на густой бульон и с запахом гниения. Несколько мух и блох повисли над супом, несколько червей и личинок комаров изгибались в нем, на дне тенистой впадины едва видимый лежал труп утонувшей сороконожки, восемь дюймов длиной.

–Это можно пить?–спросила она.

–Конечно,–сказал Смит, давай, быстренько наполни флягу, малышка, и мы перецедим ее в мою.

–О, Господи, тутдохлая сороконожка! И меня засасывает... Редкий!–песок, вязкий как желатин, дрожал, булькал и сочился.–Что это?

–Все нормально,–сказал он,–мы тебя сейчас вытащим, наполняй флягу.

Пока Бонни наполняла флягу, Хейдьюк снял веревку с плеча Смита и отступил чуть назад от стены. Он заметил отслоение породы в стене, трещину, идущую вверх достаточно, чтобы зацепиться за извилистый купол над ним, где трение подошв будет достаточным, для последующего подъема. На сто футов у него над головой стена нагибалась, так что он не видел верха, и понять что там можно было только поднявшись.

Перебросив перлоновую веревку через плечи, оставив оружие, он испробовал скалу. Вертикальная у основания стена имела трещину, ширина которой позволяла уцепиться руками, одна над другой, и носком ботинка. Он нажал на пальцы, вставил носок ботинка в щель, уперся коленом, перенес вес на ногу. Подтягиваясь кончиками пальцев он пополз вверх. Правая нога болталась без дела, ей некуда было опереться. Он всунул пальцы выше, внутрь трещины, снова приложил усилие вбок, освободил левую ногу, поднял ее выше и снова оперся на нее. Это позволило ему подняться на два фута. Снова он всунул пальцы, один за другим, почувствовал опору.

Нужно было бы размотать веревку, она ему мешала, но было поздно. Он поднял левый ботинок, заклинил его в трещине. Сил едва хватало, чтобы удерживать его вес. Он повторил способ с пальцами и закрепился лучше. Еще, и еще.

Сейчас он был в пятнадцати футах от подножия стены, песчаник начал закругляться, отходить по градусу от вертикали. Он карабкался все выше... Двадцать футов. Тридцать. Трещина сужалась над ним, сходя на нет, но наклон становился все заметнее. Наконец наступил момент, когда уже невозможно было вставить кончик пальца.

Пора было развернуться лицом к стене, которая закруглялась, как купол собора, под углом около 50 градусов. Иного пути не было. Хейдьюк ощупывал скалу, его пальцы бегали по камню, не находя никакой опоры, никакого уступа, бугорка, трещинки, впадинки. Ничего, кроме шершавого, равнодушного камня. Единственное, что оставалось, это сила трения. Если бы я имел клинья, и все, что нужно... Но ничего нет. Надо рассчитывать на трение. Надо выдергивать ногу из трещины. Хейдьюк колебался. Естественно. Он посмотрел вниз, и это была ошибка. Три бледных лица в тени шляп, три крошечные человеческие фигуры, глядящие на него. Они, казалось, были далеко-далеко внизу. В руках у них были фляги с водой. Никто не говорил. Они ждали его сползающего, раскоряченного, падающего вниз чтобы разбиться вдребезги о скалы внизу. Никто не говорил, легкое дуновение даже от слов могло сбросить его. Несколько раз Хейдьюк испытал характерную панику альпиниста без страховки. Тошнотворный страх. Невозможность двигаться, невозможность спуститься, невозможность оставаться на месте. Мышцы левой икры начали дрожать, пот капля за каплей стал стекать с бровей в глаза. Щекой и ухом, прижатым к стене каньона он почувствовал, услышал, разделил биение массивного сердца, тяжелое бормотание, похороненное в горах, старых, как Мезозой. Его собственного сердца. Тяжелый, удаленный ископаемый звук. Страх. Доктор Сарвис, кричал кто-то, много лет назад, голос-призрак, как рычание Минотавра в лабиринте каньонов из красного камня. Доктор...

Подняв голову, Хейдьюк потянулся от купола, перенес вес на правую ногу в ботинке с закругленным носком, ботинок уперся в закругляющуюся скалу – и больше ничего. Он медленно освободил левую ногу, и уперся чуть ниже правой, две ноги держали его вес на склоне. Он стоял, трение действовало. Сейчас ему можно только подниматься. Звук вертолета – вок-вок-вок – раздался из-за стен и куполов, башенок и шпилей. Плевать, это подождет. Двигаясь вверх, шаг за шагом, Хейдьюк думал: мы будем жить вечно. Или узнаем причину, почему нет. Это так много. Безопасность. Сейчас нужна точка опоры для страховки. Он нашел ее сразу же, узкая, но основательная кромка обрыва, где сто или двести лет назад плита не выдержала и упала, нагромоздив кучу камней, возле которой стояли друзья Хейдьюка. Он посмотрел вверх. Вверху был длинный скалистый склон, покрытый скалами в форме гамбургеров на пьедесталах, галечные развалы, островки кустов – скалистая роза, юкка, полуживой можжевельник. Путь лежал сквозь наверх мимо застывших Финз, в сторону (как он надеялся) Лизард Рок и в конце Мейз.

–Следующий!– крикнул Хейдьюк, обмотав один конец веревки вокруг пояса и бросив другой вниз. Веревка опустилась на девяносто футов, тридцать осталось наверху.

Он почувствовал какое-то сопротивление среди новичков внизу, но в конце концов Бонни и Смит уломали запуганного Дока подняться. Смит продел веревку под мышками Дока,

привязал его аптечку к ремню, и помог ему сделать несколько первых шагов. Док, естественно, был в ужасе, но чувствовал себя несколько лучше, напившись воды внизу, хоть и теплой и грязной. Он попытался вначале ползти по скале как амеба, но ничего не вышло. Они убедили его просто идти по скале, откинувшись назад, чтобы Хейдьюк просто вытащил его на веревке. Как-то он с этим справился и уселся возле ног Хейдьюка, вытирая лицо.

Следующей была Бонни, нагруженная булькающими флягами.

–Это смешно, – сказала она, –абсолютно смехотворно, и если ты меня уронишь, Джордж Хейдьюк, ты будешь последней свиньей, я с тобой никогда не буду говорить, – бледная и дрожащая, она села возле Дока.

Звук вертолета был слышен на близком расстоянии, меж пиков, куполов и башен, вертолет что-то искал, может место для посадки, но ничего, кроме неземного пейзажа со стоящими скалами, рядами параллельных конусовидных трехсотфутовых камней – Финз. Но, по крайней мере, это не Мейз, думал, наверное, пилот, ведь он, Хейдьюк, тоже не знаком с этими местами, но все же он стоит на своих двоих на твердой опоре. Плюс прочная веревка, соединяющая его с Редким Гостем Смитом, который ждал внизу под полусферой из песчаника.

–Не забудь мое оружие,–крикнул вниз Хейдьюк.

«Доктор Сарвис!»,–крикнул кто-то голосом, искаженным мегафоном, разносясь по каньону из какого-то невидимого источника, гораздо ближе, чем раньше. Голос приближался. «Доктор, вы нам нужны!»

Доктор сидел позади Хейдьюка, вытирая лоб, все еще бледный от напряжения и страха, дрожа, как павшая лошадь, дрожащими руками он пытался зажечь сигару, обжег пальцы, Бонни ему помогла.

–Боже милостивый.

«Доктор Сарвис, где вы, сэр?»

Никто не обращал никакого внимания на бестелесный голос. Кто ему поверит? Каждый из них думал, что он один и в одиночку сходит с ума.

Бонни зажгла спичку, прикурила сигару доктора.

–Бедный Док, –оба акрофоба легли прислонились друг к другу.

–Спасибо, сестра, – пробормотал он, восстанавливая самообладание, –странное место, – оглянувшись вокруг, – голая скала, ничего больше, куда ни глянь. Сюрреалистический мир, да, сестра? Дали. Танги. Точно, Ив Танги, его пейзаж. Что Джордж делает с этой веревкой? Если он не будет осторожен, кто-то может сдернуть его со скалы.

–Он ждет Редкого, любимый. Попей еще воды.

–Смит, – заорал Хейдьюк, – какого рожна ты там ждешь?

–Иду, иду. Страховка готова?

–Давно готова, – Хейдьюк напрягся и ждал.

–Пробую, –веревка натянулась. Хейдьюк стоял прочно.

–Няняни.

–Есть.

Смит полез по стене, перехватывая руками веревку, подтягиваясь, переступая по стене ногами, присоединился к ним и отпустил веревку. Тяжело, но с облегчением дыша.

–Чего ты там внизу делал, – спросил Хейдьюк.

–Нужду справлял.

«ДОКТОР САРВИС, ПОЖАЛУЙСТА, ДОКТОР САРВИС!»

–Что за чертовщина?–сказал Хейдьюк.

–Выглядит как голос господи, –сказала Бонни, – с западным акцентом. То чего я всегда боялась.

–Дай мне ружье, –сказал Хейдьюк, – и пушку.

С неохотой Смит дал.

–Остальные все, идите наверх по склону, –Джордж застегнул пряжку ремня ружья.

–Но Джордж!..

–Идите!!!

«ДОКТОР САРВИС!»

Никто не двигался. Они смотрели вниз, в каньон, туда, откуда доносился голос. Звук тяжелых ботинок шлепающих по гравию и по песку, треск кустов.

«Эй, ДОКТОР САРВИС!»

–Кто-то с мегафоном, – пробормотал Хейдьюк, – какая-то злая шутка епископа.

–Да, но голос не похож на епископа.

–Смотри назад, они послали кого-то сюда. Спрячьтесь все.

Хейдьюк прицелил ружье вниз, нервно передернул затвор, загнав патрон в патронник.

Тишина. Они ждали, глядя вниз, слыша приближающиеся шаги. Появился человек, большой, тяжелый, двести фунтов, шесть футов, потный, небритый, красномордый, возбужденный. Большая фляга болталась на его плече. Он остановился, в одной руке мегафон, грязная футболка на палке в другой, и уставился в тупик каньона, не подозревая о людях сидящих наверху и смотрящих на него. Он был похож на Лава, но не очень. У него не было оружия.

–Чего хочет этот ублюдок? – прошептал Хейдьюк.

–Это не епископ, –сказал Смит, –это его братишка Сэм.

Шепот донесся до человека, он поднял глаза сначала налево, там он увидел только

карниз, высотой в двести футов.

–Мы здесь, Сэм, –сказал Смит. –Что ты там делаешь? Заблудился, что ли?

Сэм заметил их, поднял свою футболку на палке как флаг парламентаря. Он поднес мегафон к губам.

Смит поднял руку:

–Мы слышим тебя и без этой чертовой штуковины. Что у тебя на уме, Сэм?

–Нам нужен врач, –сказал брат.

–Я знаю, – пробормотал со злостью Хейдьюк.

–Зачем?–спросил Смит.

–Я знаю, это западня. Смотри назад, Бонни.

Бонни не шевелилась.

–У епископа инфаркт. Или приступ. Я не знаю точно, что это, но по-моему инфаркт.

Доктор с интересом поднял голову.

–Вызовите вертолет, –сказал Смит, –и отвезите его в больницу.

Вертолет летит, но ближе, чем за милю отсюда он не сядет, а врач нужен сейчас.

–Опишите симптомы, – пробурчал Док, роясь в своей черной аптечке.

Бонни положила руку ему на плечо.

–Не надо.

Человек внизу обращался непосредственно к доктору.

–Доктор, – кричал он, – вы могли бы спуститься? Вы нам действительно очень нужны!

–Конечно, – пробормотал Док, моргая, ища свою сумку. Она была привязана у него сзади, – сейчас.

–Нет!–закричала Бонни, –скажи им, что не принимаешь вызовы на дом, а ведешь прием в клинике!–кричала она Сэму.

–Сейчас спущусь, –пробормотал Док, поднимаясь на ноги. Он потянул свою сумку за собой. Его глаза на мгновение прояснились, – Джордж, – сказал он, – веревка...

–Это ловушка, – ошеломленно прорычал Хейдьюк.

–Где веревка, Джордж? – Док взял за конец и стал завязывать большой старушечий узел на животе. Руки тряслись, сигара дымила, – сейчас спущусь, – пробормотал он человеку внизу, но тот не услышал.

–Док!

–Доктор Сарвис, – кричал человек внизу.

–Сейчас спущусь, скажите ему, кто-нибудь. Джордж, дай мне руку. Нам нужен скользкий узел, правильно? Я не помню, как ты его завязывал...

–О, Господи!–Джордж подошел, развязал бабий узел, завязал беседочный, – слушай

внимательно, Док, – начал он, – они не смогут доказать твоё участие в этом.

– Конечно, нет.

– Нет, слушай меня, – отрезала Бонни. – Это неправильно. Тебя посадят. Я тебя не пущу. Мы все должны, – Бонни сделала широкий отчаянный жест в сторону каменных истуканов; город мертвых, морг Юрского периода, – идти туда. Как–нибудь. Затем в Мейз. Редкий говорит, что нас там никогда не найдут.

– Ничего, Бонни, – сказал он, обняв ее, – у меня хороший адвокат. Дорогой, но очень хороший. Так или иначе, это не может долго продолжаться. Кроме того – я через минуту спущусь! – крикнул он человеку внизу, – есть мой долг, присяга и тому подобная чепуха. Гиппократ не может быть двуличным, так ведь? Я готов, Джордж, опускайся.

– Все в порядке, – сказал Хейдьюк, готовясь страховать, – но не говори им ни слова. Не сознавайся ни в чем, пусть сволочи докажут хоть что–то.

– Да, да, конечно. Извини, что нет времени для, хотя, ладно, – Док качнул головой в сторону Смита, – хороший парень. Держи этих придурков подальше от неприятностей. Пока, Джордж. Бонни...

– Ты не пойдешь!

Док улыбнулся, закрыл глаза, попятился назад и слез со скалы. Болтаясь на веревке, с сумкой на ремне, обе руки отчаянно сжаты до белизны костяшек пальцев, Док не раскрывал глаз, слушая наставления Хейдьюка:

– Откинись назад. Редкий, держи меня сзади. Откинись, Док, ступай по скале, отпусти эту чертову веревку, что ты в нее вцепился, идиот! Расслабься, так, так. Двигайся, Док. Вот так.

Бонни смотрела на них, заворожено.

– Док, – пробормотала она.

Док достиг, вернее его опустили вниз. Сэм Лав отвязал его сумку, веревку и помог доктору пройти через камни к днищу каньона. Док помахал на прощанье друзьям и поплелся через каньон бок о бок с Сэмом, который тащил его сумку.

– Скоро увидимся, Док, – крикнул Смит, – будь осторожен и позаботься об этой скотине, епископе, и возьми с него наличными за лечение. Не принимай чеков.

Док плелся, не оглядываясь.

– Пошли отсюда, – Хейдьюк начал сматывать веревку.

– Подожди, – сказала Бонни. – Я пойду с ним.

– Что?

– Ты слышал.

– Вот, дерьмо! Какого-растаккого дьявола, мать твою так!

– Не ругайся, пожалуйста. Подстрахуй меня как следует, и все.

–Сейчас, вытащу веревку.

–Меня не надо опускать, как ребенка, я спущусь по веревке,–Бонни зачихнула смятую косынку в джинсы под зад, и обхватила веревку ногами (счастливую веревку, подумал Смит).– Просто заткнись и держи веревку крепко,–она продела веревку между ног, забросила ее на плечо, – держи меня, ну же!

–Так у тебя не выйдет. Ты неправильно держишь веревку. И вообще, что ты, черт возьми, делаешь?

–А куда я, по-твоему, иду?

–Ты моя женщина, –голос Хейдьюк стал звучать, как любовный шепот. –Черт!– снова пришел в себя он.–Что с тобой, черт побери?

Бонни повернулась к Смигу.

–Редкий, –скомандовала она, –подержи веревку.

Смит заколебался, пока Хейдьюк тянул веревку, затянутую на хрупкой фигуре Абцуг.

–Черт, Бонни... – сказал Смит, и прочистил горло.

–Боже мой, – сказала Бонни, –ну что вы за пара слизняков и слюнтяев, в самом деле, – веревка в правильной позиции, один конец на плече у Хейдьюка, она попятилась к обрыву. –Либо вы меня боитесь, либо лезете вместе со мной.

–Господи Иисусе!–фыркнул Хейдьюк, ступая на твердую скалу, расставив ноги для упора.

–Секунду! Не делай этого, – он сердито посмотрел на нее.

–Я не знаю как вы двое выживете без меня. Или как я выживу без элегантного и утонченного изыска разговоров с Хейдьюком, – после паузы.–Деревня! Я иду с Доком.

–Ну ты и стерва! – он потянул за веревку.

–Нет, черт возьми, – она попятилась.

–Джордж, отпусти ее, – сказал Смит.

–Не вмешивайся.

–Отпусти ее.

–Не лезь не в свое дело, Редкий, –сказала Бонни, – я сама справлюсь с этим щенком, –рывок веревки. –Проверка!

–Готово, –ответил Хейдьюк, натягивая веревку. Половина ее длины была свернута у его ног.

Бонни начала спуск по кромке купола, туго натянутая веревка шуршала по ее джинсам и рубашке. Девяносто футов до низа. Восемьдесят. Семьдесят. Только шляпа. Затем ничего. Она исчезла из вида.

–Потрави веревку!– донесся тонкий испуганный голосок.

Хейдьюк потравил веревку.

–Надо было подержать ее там, пусть повисит, упрямая маленькая дрянь. С тех пор как я ее встретил у нас были сплошные неприятности. Черт возьми, Редкий, не говорил ли я с самого начала, что нам не нужно никаких девок в этом предприятии? Правильно, говорил! Ничего, кроме проблем и несчастий.

Веревка дрожала у него в руках, как тетива, прямая линия по Эвклиду, от его бедра до стены каньона.

–Где ты там, – крикнул он. Тишина. – Редкий, посмотри, что эта тронутая там делает?

Снизу донесся жалобный голос:

–...конец веревки. Отпусти веревку, ты, козел!

Смит заглянул вниз.

–Она почти уже внизу, опусти ее на двадцать футов.

–Боже, – Хейдьюк продолжил отпускать веревку, слезы покатались по его щетинистым щекам, как растаявший жемчуг, вниз к подбородку, – когда вспоминаешь все, что мы сделали для нее, черт бы ее побрал, и вот, когда мы уже почти у цели, она бросает все просто из жалости к Доку. Ну и черт с ней, вот все, что я могу сказать, черт с ней, Редкий, просто пойдем без нее. Черт с ней.

Веревка ослабела в его руках, но он, казалось, этого не чувствовал.

–Она внизу, Джордж, – сказал Смит. –Тяни веревку, она отпустила свой конец. Пока, малышка!–крикнул он Бонни, уходящей к центру дна каньона, в сторону, куда ушел Док.

Бонни остановилась и послала воздушный поцелуй Редкому, с широкой улыбкой на ее милом личике. Она сияла, ее глаза блестели, солнечные лучи играли на ее волосах, она помахала Хейдьюку.

–Пока.

Он мрачно сматывал веревку, не ответив ей. Маниакально-депрессивным психопатам трудно угодить. Он даже не посмотрел на нее.

–Тебе тоже, дурачок, – сказала она весело, посылая ему светлый поцелуй. Он пожал плечами, сматывая свою драгоценную веревку. Бонни Абцуг засмеялась и побежала догонять Дока.

Наступила тишина. Долгая тишина.

–Я вспомнил третье правило, – сказал Смит, улыбаясь угрюмому, злому, чумазому Хейдьюку, – никогда не ложись в постель с девчонкой, у которой больше проблем, чем у тебя.

Лицо Хейдьюка разгладилось, на нем появилась неприязненная, но широкая улыбка.

–Или почти столько же..., – добавил Редкий, говоря сам с собой.

Вок, вок, вок, вок...

Солнечные лучи играли на лопастях, отражались в стекле кабины разведывательного вертолета, который пролетел быстро, как запоздалая мысль, мелькнув в узкой полоске облачного неба между двумя вздымающимися стенами каньона, примерно в миле от них. Вибрация приближалась к ним, круги над ними смыкались, как прозрачное лассо, падающее с небес.

Смит схватил флягу, Хейдьюк подобрал ружье, они полезли вверх на каменистый склон, цифры минут на гигантском лице скульптуры из песчаника, два маленьких человеческих существа, затерянные в безразмерном царстве башен, стен, пустынных улиц, позаброшенных мегаполисов скал, скал и ничего, кроме скал и камня, не знавших человека тридцать миллионов лет. Можно слышать их голоса в этой бесплодной пустыне в четырех милях, как они уменьшаются, удаляются ниже и ниже, жукообразные микротела в глазах грифа.

Джордж, сказал чей-то тихий голос, не постижимо далекий, но понятный, *Джордж*, я не думал, что ты сможешь сделать это, когда придется, я думал, ты просто свернешься, как горная устрица, и уползешь как больная змея.

Почему Редкий Гость ты чертов мормон с клювом как у орла, я могу сделать все, что захочу, если я захочу, и более того, они никогда, никогда, абсолютно никогда не поймут меня. И тебя тоже, если я тебе помогу.

Микроголоса угасали, но не полностью, невнятное бормотание длилось миля за милей, миля за милей.

Гриф улыбался своей кривой улыбкой.

–Вы арестованы, доктор Сана, я полагаю, что должен это сказать перед тем, как вы осмотрите Дадли.

Док пожал плечами, возвращая Сэму его флягу.

–Конечно. Где пациент?

–Мы положили его под тем тополем, где остальные люди. Вы тоже, сестра.

Сестра? Бонни на мгновение призадумалась.

–Не называйте меня сестрой, брат, если только вы именно это не имеете в виду. Кроме того, я все еще хочу пить и изрядно голодна, я требую соблюдения моих прав как обычный преступник и если мне их не предоставят, ничего, кроме проблем, здесь не будет.

–Успокойтесь.

–Я не оставлю вас в покое, имейте в виду.

–Хорошо, хорошо.

–Ничего, кроме сердечной боли.

–Хорошо. Вот он, Док.

Пациент сидел возле ствола дерева, большой и тяжелый человек с квадратным англосаксонским лицом скотовода. Джей Дадли Лав, епископ блендинский. Его глаза сверкали, кожа была красная, его распирала радость, волнение, он был как-бы не здесь.

–Здравствуйте, Док, где вы были? Сэм, – сказал он брату, –что я тебе говорил? Я же говорил тебе, что он придет. Я стану губернатором великого штата Юта, так ведь? Промышленность, Доктор, вот девиз нашего штата, «промышленность», и наш герб – пчелиный улей, большой золотой сорокакаратный улей, и с Божьей помощью мы все маленькие пчелки, так ведь, Сэм? Кто эта девица? Так стану я губернатором или нет?

–Вы станете губернатором.

–Стану я губернатором в этоме чертовом штате?

–Да станете, ясное дело, Дад.

–Ну ладно, а где остальные? Мне нужны все, особенно этот ренегат джек–мормон Смит. Ты их поймал?

–Пока нет, Дадли. Но мы ждем помощи. Мы связались с полицией, шерифом и ФБР и со всеми, с кем только можно, кроме парковой службы.

–Нет Сэм, я не хочу никакой помощи, я могу поймать этих парней сам. Сколько мне еще тебе говорить?–будущий губернатор Юты посмотрел рассеянно на Бонни, на стетоскоп, висящий у нее на шее, закатал рукав и обмотал руку манжетой аппарата измерения давления. Кровь сочилась из его ноздрей Док посмотрел на свет шприц, набрал лекарство из ампулы.

–А вы красивая. Вы тоже доктор? Как вас зовут? У меня болит рука, левая, до кончиков пальцев. Мы все здесь не хотим, чтобы работники парка возились здесь. Они здесь вообще лишние. Мы трансформируем этот так называемый национальный парк в собственность штата, как только я займу кресло, запиши мои слова, Сэм. Что вы уставились на меня? Валите отсюда. Найдите Смита, скажите ему, чтобы он появился на следующем заседании Общества Взаимного Совершенствования, иначе мы поменяем ему родословную. Хуже нееврея может быть только проклятый джек–мормон. Вы ведь не еврейка, девушка?

–Я еврейка, – пробормотала она, вставляя стетоскоп в уши и глядя на шкалу прибора. Систола, диастола, ртуть и миллиметры, – сто шестьдесят на восемьдесят пять, – сказала она Доку. Он кивнул. Она размотала манжету.

–Вы не похожи на еврейку, вы похожи на Лиз Тейлор, когда она была моложе.

–Вы очень любезны, епископ. Расслабьтесь.

Док вогнал иглу, положив свою большую, спокойную, уверенную руку на влажный лоб епископа.

–Будет немножко больно, губернатор.

–Я еще пока не губернатор, я всего лишь епископ. Но скоро стану. А вы – ой!– вы

доктор? Вы похожи на доктора. Сэм, я же говорил тебе, что доктор придет? Так не со всеми получается. Сэм, мне нравится эта девушка. Как ваше имя, красотка? Абцуг? Это что еще за имя, на американское не похоже. Кто спер мой мотоцикл? Сэм, дай объявление по радио. Внимание всем постам. Описание: в темной одежде, грязный, прыщ на заднице, шрам на мошонке, мешковатые брюки, вооружен и опасен. Кличка Рудольф Рыжий. Кличка Герман Смит. Смит? А где Редкий Гость? Обвиняется в вооруженном ограблении, похищении людей, повреждении частной собственности, промышленном саботаже, незаконном использовании взрывчатых веществ, тайной порче государственного имущества, похищении лошадей и сбросе камней. Сэм? Где ты, Сэм? Где, во имя Морони, Нефи, Мормона, Мосии, и Омни ты ходишь? Что? Что вы сказали, доктор?

–Считайте от двадцати в обратном порядке.

–Со сколько?

–С двадцати.

–Двадцать? Двадцать, так, хорошо. Почему бы и нет? Двадцать... Девятнадцать... Восемнадцать... Семнадцать... Шестнадцать...

На Краю Земли: последний герой.

Темный и противоречивый сумрак восхода. Небо в массах фиолетовых грозовых облаков. Это все они видели, глядя со скалы над Финз в сторону Лизард Рок. Выглядело это все не хорошо и не плохо. Новый вертолет, больше предыдущего, костер, четыре грузовика, две больших палатки, то ли скатки, то ли люди, лежащие на песке и камне, то ли мертвые, то ли спящие, то ли те и другие. Но это были не единственные трудности.

–Почему они решили устроить лагерь здесь? – сказал Хейдьюк, – столько пустого места, а они здесь. Почему именно здесь?

Надо возвращаться к моей люцерне и дыням, думал Смит. К обоим. Зеленая река нуждается в тебе. Начнутся дожди. Дети скучают по отцу. Покататься на отцовской лодке. Ковчег Редкого.

Утренняя звезда загорелась на востоке, в окошке сплошной облачности. Юпитер Дожливый, планета дождя, сияет как хром в небе цвета слоновой кости, лиловый рассвет, сумрак свободы.

–Нет, ну почему именно здесь? Почему прямо на нашем тайнике с едой?

–Не знаю, Джордж, – сказал он, – не повезло просто. У нас есть еще один возле Ручья Френчи.

–Мы туда не пойдем, мы идем в Мейз.

–Я не уверен насчет Мейз, Джордж. Может быть трудно найти дорогу вниз в этот Мейз. Еще труднее найти дорогу оттуда. Нет источников воды, нет еды, нет ничего. Я думаю, может нам залезть наверх, пойти на север к Зеленой реке.

–Ты с ума сошел, это восемьдесят миль. В твоём доме засада. Ты хочешь попасть домой, а попадешь в тюрьму.

Смит жевал травинку.

–Может быть. А может и нет. Моя жена умная, она может обойти епископа Лава.

–Епископ Лав? Там будет не только он и его Команда. Будет полиция, возможно ФБР. Возможно, ЦРУ, кто их знает. Нам надо где-то спрятаться и переждать. Хотя бы зиму.

Смит тихо смотрел на лагерь внизу, в полумиле от них. Никаких признаков движения. За лагерь и за Лизард Рок есть много тенистых каньонов в Мейз.

–Ладно, Джордж, я не знаю. Ты можешь сделать это там внизу. Если ты достигнешь реки, это неплохой шанс. В реке полно сомов, их легко поймать, на сторонах каньона водятся олени, немного, но есть. Есть дикие лошади, канадские бараны, и обычно плавают по реке дохлые коровы. Может я сам могу послать одну вниз для тебя, и для себя. Плюс целая

флотилия арбузов в конце августа.

–Ты не ответил на мой вопрос, – сказал Хейдьюк. Ответа не последовало. Хейдьюк продолжил с другой стороны.

–Если я добуду одного оленя в месяц, я не умру. Я могу заготавливать мясо. Если одного в две недели, я буду толст и счастлив как бобер. Я построю коптильню для рыбы. Кроме того, то, что в тайниках с едой – хватит бобов на месяц. Мне не нужны дохлые коровы. Арбуз был бы кстати, я думаю, если ты хочешь сплавить мне несколько. Но лучше оставайся.

Смит улыбнулся грустной улыбкой.

–Я все это уже проходил, несколько раз. Еда – это не проблема.

–Да я тоже, черт возьми, не волнуюсь о зиме. Я приведу в порядок одну из этих старых руин и устрою там уютную пещеру, запаса там достаточно можжевельника и пиний, чтобы встретить во всеоружии любой буря. Когда эти «члены комитета бдительности» смоются отсюда, я заберу мой рюкзак с теплыми вещами. Не о чем волноваться.

–Да, это не зима.

В наступившей тишине они лежали на скале, глядя на врагов. Спать днем, двигаться ночами. Но голод урчал у них в желудках. Обе фляги снова опустели. Хейдьюк, до смерти утомленный своими ранами и бинтами, весь в лохмотьях, оставил с собой только нож, револьвер, ружье и веревку, несколько спичек в кармане. Смит похудел, осунулся, выпачкался, очень скучал по дому и начал ощущать свой средний возраст.

–Ты думаешь, я остаюсь один? –сказал Хейдьюк.

–Да.

–Думаешь, я не вынесу одиночества?

–Это может быть трудно, Джордж, – пауза.

–Может ты и прав, посмотрим, – Хейдьюк потер на шее комариный укус, – я хочу попытаться. Ты знаешь, есть что-то, что я всю жизнь хотел сделать. Я хотел жить один, вне цивилизации, –он погладил приклад ружья. Коснулся рукоятки.–Я думаю, с нами все будет в порядке, может быть, черт побери, все будет нормально, Редкий. И когда-нибудь, следующей весной, я приду к реке и навещу тебя. Или твою жену. Ты, вероятно, будешь в тюрьме.

Смит улыбнулся бледной улыбкой.

–Всегда тебе рад, Джордж. Если меня не будет, ты можешь помочь с детьми и домашними делами, пока Сьюзан будет водить трактор. Чтобы была какая-то жизнь в этом старом доме.

–Я думал, ты не собираешься заниматься сельским хозяйством.

–Я речной гид, – сказал Смит, – лодочник. Ранчо, это то, что называется социальное страхование. Сьюзен хорошо разбирается в фермерстве, я не особенно. Как бы там ни было, я

бы хотел побыть там несколько дней.

– Там тебя уже будут ждать.

– Всего несколько дней. Потом, возможно, я загрузу одну из лодок и спущусь по реке, пока не найду тебя. Через несколько недель. Я привезу тебе арбузов и газет, чтобы ты прочел все о себе.

– Как насчет твоей другой жены?

– У меня три жены, – с гордостью сказал Смит.

– Что с ними?

Смит задумался.

– Сьюзен – единственная, кого я хочу видеть, – он посмотрел на восток, где светало, – надо прятаться, Джордж, и поспать. Наши друзья скоро примутся нас искать.

– Я до чертиков проголодался.

– Мы оба, Джордж, но надо прятаться.

– Если бы был какой-нибудь способ увести этих ребят из лагеря. Чем-то отвлечь хоть на несколько минут, пробраться туда и вырыть тайник...

– Давай отдохнем, Джордж, а потом подумаем об этом. Дождемся дождя.

Они прошли пятьсот ярдов назад в темноту Финз, ступая по скалам, не оставляя следов, и легли под глубоким карнизом, укрытым обломками камня, найти это место можно только подойдя вплотную. Урча и бормоча, с болью в желудках, слабые от недостатка пищи, с сухими от жажды глотками они пытались заснуть, и через некоторое время им удалось задремать, полуспя, полубодрствуя, вздрагивая от кошмаров, постанывая.

Далеко над плато, в трех тысячах футов сверху, молний освещала пинии, и раскаты грома прокатывались через каньоны, сквозь облака, врываясь в тяжелую тишину сумрачного рассвета. Несколько капель упал на скалу возле их убежища, оставив темные следы, которые быстро исчезли, испарившись в сухой воздух. Смит, скорчившийся на боку, забылся глубоким сном.

Хейдьюк размышлял, мечтал и не мог уснуть. Слишком устал, чтобы спать. Слишком голоден, зол, возбужден и напуган, чтобы спать. Ему показалось, что осталось только одно препятствие между ним и зимой и осенью в пустыне внизу в Мейз, там, где он в конце концов потеряется, забудется навсегда, станет настоящим хищником, чья жизнь направлена на выживание и ничего больше, ничего кроме ясной, трудной и яркой игры. Весь этот мир, думал, или, скорее, мечтал он, конечный мир мяса, крови, огня, воды, скал, дерева, солнца, ветра, неба, ночи, холода, рассвета, тепла, жизни. Эти короткие, грубоватые и непреодолимые слова символизировали для него почти все, что, как ему казалось, он потерял. Хотя, наверное, нет. И одиночество. Одиночество? Неужели это все, чего он должен бояться? Но оставалось еще одно

препятствие: вражеский лагерь в Лизард Рок, на месте его тайника.

Вспышка внезапного света проникла сквозь закрытые веки. Беспокойство. Затем последовали яростные удары грома, рев, как будто небо расколосось пополам. Ядра пушек, бомбардирующие камень. Еще одна бело-голубая вспышка, обжегшая стену каньона. Проснувшийся Хейдьюк ждал удара, считая секунды. Одна, две.. Ба-бах!

Это было рядом, две секунды, около двухсот двадцати футов. Стена дождя обрушилась на них, сияя как бисерная штора за балконом уступа. Он повернулся посмотреть на Смита, чтобы поговорить с ним, но сдержался.

Старик Редкий Гость лежал на боку и спал, несмотря на гром (знакомый и возможно успокаивающий звук для него), голова лежала на руке, улыбка проносилась на его невзрачном лице. Этот сукин сын улыбался. Хороший сон. Он выглядел таким безмятежным в этот момент, таким беспомощным и счастливым, что Хейдьюк не смог побеспокоить его. Он подумал – зачем его вообще будить? Все равно нам надо прощаться, а Хейдьюк ненавидел прощания.

Он снял ботинки, вывернул носки, погладив горячие пятна на ногах. Нет смены носков, нет присыпки для ног, нет ванны, эти ноги должны потерпеть еще несколько часов, пока мы не откроем тайник. Он снова надел носки и ботинки. Снова молнии, барабанные раскаты, скатывающиеся по скалам. Хейдьюк нашел временно стимулирующий эффект. Добавка сил. Дождь обрушился, как водопад. Отлично, именно то, на что они так надеялись.

Хейдьюк застегнул ремень ружья и кобуру от револьвера, повесил ружье и веревку на плечи, взял одну из оставшихся пустых фляг и выполз наружу. Дождь барабанил по его голове и плечам, стекал с козырька кепки на кончик носа, он заставил себя рысью побежать вверх. В сером свете, озаряющемся время от времени вспышками молний, Финз выглядели как старый кубок, четыреста футов стен из мокрого серебра, громоздились в дымке, истекали водой.

Он встал на несколько минут посмотреть на мир, значительно меньший, чем раньше, со зловещими каменными формами, стоящими в простыне дождя, стены плато терялись во мраке, Лизард Рок больше не был виден. Но он знал дорогу. Натянув кепку сильнее, он побежал в грозу.

Смит не удивился, проснувшись и не найдя своего приятеля. Не удивился, но слегка огорчился. Хотя бы сказал «до свидания» (да пребудет с тобой Бог), «прощай», или просто «пока», старый друг, пока мы снова не увидимся. На реке, возможно. Или в Аризоне во время славного конца кампании, когда будет разорвана, убрана, снесена эта плотина Глен Каньона. Мы никогда не соберемся вместе по этому поводу.

Смит просыпался медленно, не спеша. Нечего спешить, раз Хейдьюк ушел. Дождь лился постоянно и монотонно за кромкой карниза, струйки воды сочились в пещеру, затекая под его плечо. Проснулся он от воды, а не от дождя или молний. Переползая в сухое место он

обнаружил отсутствие Хейдьюка, вместе с его пожитками, и без удивления, но с чувством потери, осознал, что он, Смит, остался один, с его точки зрения. Ну, как и Хейдьюк, он воспользуется дождем по максимуму. Надо обойти поисковиков и спасателей, пойти по дороге до Золотой Лестницы, подняться до Дороги Флинта до Края Земли, Пещеры Флинта, Источника Флинта, затем легкий десятимильный переход на равнину, через лес к Источнику Френчи, и еще одному тайнику с едой. Сейчас ему нужна была еда. Говядина, бекон, фасоль, печенье, сыр, и он будет готов к шестидесятимильному маршу домой, к Зеленой реке.

Бормоча себе под нос, Смит выполз из пещеры в скале и погрузил лицо в дождь. Здорово. Сладкий прохладный дождь. Спасибо большое, там в небесах. Но сложил ладони в горсть, подставил под струю и напился. Хорошо, Боже, как хорошо, но есть захотелось еще сильнее. Освеженный, но голодный, он наполнил флягу и отправился дальше, вверх по изрытым камням между башнями Финз, так же как сделал Хейдьюк. Но на выходе, где Хейдьюк пошел прямо в сторону Лизард Рок, Смит срезал налево, южнее и западнее, идя вдоль контура скалы вокруг начала ближайшей стороны каньона. Он мог только догадываться о времени дня, он чувствовал, что было около полудня, хотя небо было закрыто облаками, он чувствовал, что проспал несколько часов.

Сильный дождь продолжался. Видимость была не больше двухсот ярдов. Смит шагал через пустыню, по красным скалам, красному песку, редким кустарникам горной розы, можжевельника, юкки, полыни, каждое растение отделялось от соседнего десятью и больше футами голого песка и камня. Никакого человеческого жилья, кроме гребней, ущелий, столбов и каменных углублений слева от него. Он не пытался скрывать свои следы, где кратчайший путь шел по песку, Смит шел. Он знал, что вскоре он снова выйдет на твердую скалу, на Лестницу, и через разрыв в сторону Тропы Флинта.

Вскоре он вышел на грунтовую дорогу, которую он пересек и шел параллельно некоторое время, пока дорога не оказалась зажата между началом очередного тупикового каньона и стеной плато. Выбора не было, Смит пошел по дороге, оставляя на мокром песке большие следы. Ничего нельзя было сделать. Дорога шла по единственно возможному для него пути, пути, который впервые проделали олени и бараны двадцать тысяч лет назад, вдоль извивающейся террасы к широкой земле, где он оставил дорогу с облегчением, надеясь, что дождь смоет его следы до того, как их заметит очередной патруль.

Если же нет, думал он, значит нет. Смит пошел наискосок через контуры земли к более высокой точке, в сторону разрыва в гряде, известному как Золотая Лестница, единственная тропа, ведущая из земель скалистых террас на плато. Сумасшедшая страна, половина перпендикулярна другой половине, в основном это недостижимо для человека, идущего пешком, потому, что состоит из вертикальных стен. Страна Редкого Гостя Смита была

единственным местом, где он чувствовал себя комфортно, безопасно, и вообще, как дома.

Как настоящий автохтонный патриот, Смит был предан только той земле, которую знал, а не тому разбухшему пузырю, состоящему из недвижимости, промышленности и суестьемуся населению переехавших британцев, европейцев, африканцев, называющих себя Соединенными Штатами. Его лояльность простиралась до границ плато Колорадо.

Он увидел фары внизу, сквозь дождь, один, два, три автомобиля, похоже на военный конвой, ползущий по мокрым скалам, через болото, скрываясь из виду за очередным поворотом. Он услышал грохот падающих камней. Отдельные машины живыми отсюда не уйдут, подумал он, покидая свое укрытие подо можжевельником и продолжая двигаться. Бог тоже двигал скалы. Надо бы еще. Он нашел дорогу и пошел вверх, карабкаясь по четырехсотфутовым «американским горкам» на очередную террасу. Здесь дорога делала длинный траверс на северо–восток, идя вдоль кромки, до очередного провала в стене. В трехстах футах выше и в миле от того места Смит вышел на перевал. Внизу был верхний край водостока, известный под названием Элалерит; он был на полпути от подножия Тропы Флинта. Дальше, еле видный сквозь дождь, был Бэгпайп Батте, дальше и выше были Оранжевые Скалы, кромка высокого плато на тысячу футов выше и в пяти милях отсюда. Солнце блеснуло в разрыве облаков.

Смит передохнул минутку, расслабился. Он услышал выстрелы, очень далеко, на большом расстоянии, краем сознания. Он посмотрел назад, в сторону Лизард Рок, Мэйз. Может ему послышался этот звук.

Дождь прекратился. Снова раздалась стрельба, повторяющийся заградительный огонь.

Ты слышал, сказал он себе. Парень не может быть таким тупым. Даже Джордж не будет настолько глуп, чтобы ввязываться в перестрелку с ними, кто бы там ни был, полиция, чертовы департаменты шерифов округов Вэйн, Эмери, Гранд и Сан Хуан, не говоря о епископе и его команде бобовых фермеров и продавцов подержанных машин. Нет, это не он, он должен быть в Мейз и сдирать шкуру с оленя, которого он подстрелил, это его выстрелы я слышал. Хотя, если честно, по звукам, напоминало войну среднего масштаба.

Слишком поздно чтобы возвращаться. Хейдьюк хотел остаться один, и остался. Два вертолета грохотали, направляясь в Мейз. Смит встал и пошел и шел до вечера. Лучи солнца расходились от светила как гигантские золотые прожектора, в обновленном небе. Он с трудом протащился последние несколько футов до вершины Лестницы Флинта.

Измощенный, мокрый, с пузырями на ногах, замерзший, Редкий проковылял мимо туристов, сгрудившихся на смотровой площадке на гребне. Вид на Мейз. Четыре пожилые женщины, водя биноклями туда–сюда тарачились на Смита со страхом и подозрением, затем снова стали смотреть а что–то более интересное, видневшееся со стороны Мейз. Они смотрели

на панораму огромного цирка, из десяти колец, в несколько миль глубиной и шириной, над ним кружился самолет. Красный огонь, изгибы дыма и тумана, выплывающие из тумана, бронзовый водопад из жидкой грязи, с громохотом скатывающийся из обрывистого края тысячефутовой скалы пока двигались небесные лучи, исходящие из этой точки, той точки, что осталась в тени облаков

Смит не обратил внимание на туристов, желая поскорее уйти из общественного места в пиниевые леса. Еще десять миль к роднику Френчи, и к еде. Срезая угол он прошел мимо припаркованного автомобиля и стола для пикников, на котором они оставили переносной холодильник, а в нем – зубную пасту? Обогащенный водород? А может, еду?

Подкашивающиеся ноги Смита едва не отказали ему. Он почувствовал запах мяса. Он заколебался, идя мимо стола, не в силах устоять, открыл крышку холодильника, взял пакет сверху, оглянулся на женщин. Они оторопело смотрели на него, солнце отразилось в стеклах их очков. Он положил пакет в карман – два жирных куса, более чем достаточно. Он положил квотер на стол и забрал два холодных бумажных пакета.

Одна женщина пронзительно крикнула:

–Положи на место, подлый ворюга!

–Извините, леди, – пробормотал Смит. Он положил пакеты в свой ящик и побежал в заросли, уронил один из них, побежал дальше, шлепая через грязь, сосновые иголки, гальку на солнечное место возле большого валуна. Он прислушался, погони не было слышно.

Боже, как я устал. Он опустился на землю, развернул пакет. Два фунта гамбургеров, воняющих белком. Он начал чавкать, как голодающая собака, вгрызаясь в сырое мясо, пока не съел все. Насыщаясь он слышал машину, которая остановилась у дороги. Никаких звуков, кроме трескотни белок, хора голубых соек среди пиний. Вечерний летний солнечный свет. Мир. Изнеможение.

Набив живот, Смит прилег на нагретый за день камень и закрыл усталые глаза. Хор вечерних птиц праздновал окончание грозы, певчие птички, сойки, дрозды, пересмешник, и дятел пели среди деревьев, в высокогорном воздухе, в семи тысячах футов над уровнем моря. Солнце плыло в архипелаге облаков, разбивающих небо.

Смит заснул. Сны его были странные, тревожные, скупая и мимолетная имитация реальности. Бедный Смит спал... Или думал, что спал. Какой-то сукин сын пнул его ботинком.

–Проснитесь, мистер.

Вок, вок, вок.

–Просыпайтесь!

Смит открыл один глаз, его взору открылись зеленые защитные брюки ит сверкающий ботинок. Открыв другой, он увидел розовощекого парня в шляпе, который держал в одной руке

ощипанного цыпленка. Другой парень был вооружен пистолетом и жезлом, постукивал по дереву дубинкой, серьезно глядя на Смита. У обоих была форма рейнджеров парковой службы.

–Вставайте.

Смит огляделся в поисках шляпы, нашел и надел ее на голову. Затем раздражение охватило его. Он не поднялся.

–Идите своей дорогой, ребята, я хочу спать.

–На вас поступила жалоба, мистер.

–Какая еще жалоба?

–Эти женщины сказали, что вы похитили у них гамбургер и цыпленка.

–Какого цыпленка?

–Вот этого.

Смит поднял голову и уставился на голую птицу.

–Никогда его раньше не видел.

–Вы уронили его, когда бежали, мы нашли его здесь.

Смит поднял глаза и прочитал на нагрудном знаке: Эдвин П. Эбботт, Мл. Он вспомнил.

–Скажите, вы не были в Национальном парке Навахо в Аризоне пару месяцев назад?

–Меня перевели. Они сказали, что вы украли у них два фунта гамбургеров.

–Это правда.

–Вы признаете это?

–Да.

–Вы не отрицаете это?

–Да.

Два рейнджера посмотрели друг на друга, кивнули, затем серьезно посмотрели на Смита.

–Так вы сознаетесь в этом?

–Я был до смерти голоден, – объяснил Смит, –и я оставил женщинам денег. Пусть что хотят, то и делают с ними. У вас ребята, много важных дел, так что дайте мне поспать.

–Вы арестованы, мистер. Вы едете с нами.

–Зачем?

–За кражу и оборудование лагеря в не предназначенном для этого месте.

–Это моя страна.

–Это национальный парк.

–Я здесь живу, я житель штата Юта.

–Объясните это судье.

Смит зевнул и повернулся на другую сторону, закрыв глаза.

–Хорошо, только дайте мне немного поспать. Я очень устал, ребята, хоть чуть-чуть...–

пробормотал он, погружаясь в сон.

–Вставайте.

–Идите к черту, – прошептал он сквозь сон.

–Вставайте!

–З-з-з-з... – Смит съехал в сторону, расслабившись в теплом и уютном углу камня.

Рейнджеры посмотрели на спящего Смита, затем друг на друга.

–Может врезать ему дубинкой, – сказал второй рейнджер, – сразу проснется.

–Подожди, – рейнджер Эбботт вынул новые пластиковые наручники из чехла на поясе, – давай наденем на него браслеты. Незачем его бить дубинкой.

Привычно и быстро он нацепил наручники на запястья Смита, этому его хорошо научили в Академии Рейнджеров имени Хораса П. Олбрайта в Саут Рим, Гранд Каньон. Смит ворчал сквозь сон, но не сопротивлялся. Он даже не проснулся. Ему на все было плевать. Рейнджер Эбботт и его напарник поставили пленника на ноги и потащили на слабых ногах через заросли к патрульной машине. Куда его девать? Они посадили его на сиденье между собой. Смит, улыбаясь во сне и похрапывая, осел на бок.

–Тяжелый засранец, – сказал напарник.

–Не волнуйся.

–Что делать с курицей?

–Забрось ее в лес.

–Нам она не нужна? Как вещдок?

Рейнджер Эбботт ухмыльнулся.

–Забудь о курице. У нас тут птица покрупнее. Ты что, не понял кто это?

Другой, ерзая под весом навалившегося Смита, сказал:

–Ну, мне интересно, кто это. Я думал, кто это может быть. Поэтому я думал, что надо вначале врезать ему дубинкой. Ты думаешь мы поймали Рудольфа Рыжего?

–Именно.

Рейнджер Эбботт завел мотор, взял микрофон и доложил начальству о поимке.

–Поздравляю, Эбботт, – ответил начальник сквозь треск в динамике, –но это не Рудольф Рыжий. Час назад Рудольфа Рыжего застрелили. Вы поймали кого-то другого. В любом случае везите его сюда. И не забудьте отчет о дежурстве.

–Да, сэр.

–Дерь-мо, – сказал напарник.

Они собирались было развернуться и поехать своей дорогой когда туристская машина затормозила вблизи. Семейная пара внутри выглядела озабоченно.

–О, рейнджер, – позвала жена.

–Да, мэм?–сказал Эбботт.

–Скажите, пожалуйста, –женщина смущенно улыбнулась, – где ближайшее место отдыха?

–Да, мэм, ближайшее место для отдыха за паркингом возле Панорамы Мейз и также возле обзорной площадки Лэндз Энд. Вы их не пропустите.

–Большое спасибо.

–Не за что.

Посетители уехали, осторожно (из-за мокрой дороги). Рейнджер Эбботт завел двигатель и со скрипом развернулся, вызвав брызги грязи на пинии вдоль дороги.

–Я люблю эту работу, – сказал он, с ревом набирая скорость в сторону офиса участка.

–Я тоже, – сказал напарник.

–Столько возможностей помочь людям.

Десять тысяч квадратных миль вне цивилизации, снилось Смигу, и ни одного унитаза. Место для отдыха! Старина Джордж Хейдьюк, ты нам нужен сейчас. Рудольф Рыжий мертв.

На краю Мейз. Погоня завершена.

Да, все зависит от точки зрения, думал Хейдьюк, идя сквозь дождь в сторону видимой части Лизард Рок. Если посмотреть на нее с точки зрения канюка, дождь – это обуза. Ничего не видно, нет еды. Но с моей точки зрения, с точки зрения партизана...

Ему оставалось пройти полторы мили, обогнув ответвления ущелий в голой скале, маленьких глубоких каньонов, все они начинали бурлить от воды, красно-коричневая масса пульпы была слишком густая, чтобы пить и слишком жидкая, чтобы идти по ней.

Он остановился за мокрым грязным кустом скалистой розы, чтобы пропустить пару джипов, их янтарные огни фар мелькали сквозь стену падающей воды. Восстановив дыхание и силы, почувствовал прилив сил, он побежал трусцой через грязную грунтовку и вокруг лагеря с приземлившимся вертолетом, направляясь к тайнику. Когда палатка, машины и вертолет стали видны сквозь дождь, он встал на колени и локти, прополз еще пятьдесят ярдов и остановился.

Вглядываясь сквозь дождь из-за кучи валунов, сорвавшихся со скал Лизард Рок, он оценил обстановку. Двое вооруженных людей в пончо сидели возле костра, наблюдая за варившимся кофе. Другой высунул голову из оливкового цвета военной палатки. Большой серый вертолет – департамент общественной безопасности, штат Юта, стоял на салазках, бесполезный в дождь. Департамент общественной безопасности – новое, более мягкое название государственной полиции, что было слишком громко и грозно.

–Кофе готов?

–Почти.

–Принесешь, когда будет готов.

Голова скрылась в палатке. Хейдьюк посмотрел направо; двое с винтовками курили в одном из полицейских вездеходов. Другие машины были пусты. Он посмотрел на откос Лизард Рок, на небольшие заросли, возле этого криво растущего можжевельника, где они спрятали припасы. Вода и пища, аптечка, чистые носки. И патроны, две полные коробки, он сам их положил, не испытывая судьбу.

Что делать, что же делать? Все тот же старый вопрос. Тайник, такой близкий и ценный, оставался все его досягаемости, в каких-то ста ярдах от палатки и костра. Что делать? Надо что-то придумать. Дождь барабанил по его терпеливой голове, сливаясь водопадом с козырька кепки. Да, он мог подождать, пока они что-то не начнут делать, пока они не уйдут, оставив его в покое. Но было ясно, что они не сядут в вертолет, пока дождь не закончится. Или бросят его здесь без охраны. Таким образом было потеряно слишком много вертолетов. Он мог подползти с другой стороны, сделать пару выстрелов, отвлечь внимание, вернуться и атаковать

оставшихся.

Он попятился, ползя по-пластунски по мокрому песку пока не лагерь не скрылся из виду, затем влез на откос под скалой и нашел убежище под нависающим карнизом. Там он сел среди пыли, костей и окаменевшем дерьме койотов и думал что ему делать. Надо было заставить Смита пойти с ним. Как? Нужно было не бросать рюкзак, а нести его, как положено. Но пришлось бросить. Но бросать не следовало. Но он бросил. Да, не о том он думает. Но шанса вернуть время назад нет. Он не мог убедить себя. Ни в чем. Голод в его пустых руках и ногах, эхо в желудке делало все нереальным, умозрительным, не важным. Академичным.

Нужно поесть. Он пососал сустав пальца. Боже, думал он, человек может в самом деле получить облегчение, если будет сосать свои пальцы. Можно нормально обойтись одной рукой, если надо. Возможно. Если есть помощь. Но только не здесь, внизу. Он посмотрел на Мейз и увидел сквозь серебряный экран дождя безжизненную страну скал: купола, слоновьи туши, рытвины и воронки, изрезанные и изрытые каньонами, боковыми каньонами, они извивались как черви, с неровными стенами и видимо без дна. Что за бардак, подумал он, человек может потеряться здесь.

Чувствуя себя в безопасности, хотя и страдая от голода, и не имея плана, голодный Хейдьюк отстегнул ружье, снял с плеча веревку и прилег отдохнуть. Он тут же погрузился в забытье. Сны были быстрые, отрывочные и дискомфортные, он проснулся. О Боже, я должно быть ослабел, подумал он. Не могу не спать. Он снова погрузился в дремоту.

Он проснулся от звука работающего мотора. Дождь приутих, возможно это его и разбудило. Тишина, последовавшая за шумом. Слабый и неуверенный, Хейдьюк взял ружье и поднялся на ноги. Полицейский лагерь был закрыт стеной Лизард Рок. Он споткнулся о камень, чуть не упав, и достиг точки наблюдения.

Он видел их, людей, палатки, тлеющий костер, машины и вращающийся винт вертолета. Они его прогревали. Двое сидели возле открытой дверцы, проверяя оружие, куря. На них были камуфляжные костюмы цвета хаки, как у боевых солдат. У одного на шее болтался бинокль. Оба были в шлемах, и, судя по выпуклости костюмов, в пуленепробиваемых жилетах.

Хейдьюк наблюдал за ними сквозь снайперский прицел ружья, перекрестье нацелилось вначале на одного, затем на другого. Один из них был небрит, с красными глазами и уставший, у другого были густые усы, мокрый нос, тонкие губы, густые брови, острые глаза охотника. Эти глаза в любой момент были готовы прицелиться и посмотреть в его сторону. И когда он поднимет глаза, получит гостинец прямо в шею.

Хейдьюк подкрутил прицел, чтобы прочесть имя на груди. У всех были нашивки с именами. Одного звали Джим Крамбо, у него в руке был «Браунинг», трехдюймовая двенадцатизарядная полуавтоматическая винтовка (вот гад!) наготове. Его личный номер был,

видимо, на браслете, и на левом кармане. Он был похож на офицера.

Снова Вьетнам... Ни о чем он не скучал, кроме марихуаны, Уэстморленда, шлюх и Союзных флагов. Со мной, последним, получившим медаль за отвагу в джунглях. Или я первый? В джунглях тишины и камня. Вставай, свинья, чего ты ждешь? Хейдьюк, с нетерпением, рыскал прицелом по лагерю, как любопытный созерцатель, ища что бы подстрелить, что бы поесть.

Дождь уменьшился. Видимость до пяти миль. Пилот появился в кабине. Крамбо и его приятель залезли в вертолет, закрыли двери, и машина, с ревом набрала высоту в серо-зеленой измороси. Хейдьюк вжался в камни, глядя сквозь прицел на пилота. Бледное лицо за стеклом. Шлем, микрофон перед ртом, солнцезащитные очки. В этой экипировке он выглядел наполовину человеком, и определенно не был другом.

Вертолет слился с морозящей дымкой, и скрылся в южном направлении в сторону Финз. Хейдьюк переключил свое внимание на лагерь.

Двое уезжали в полноприводном пикапе, по скользкой дороге в сторону Кендлстик Спайе и Стендинг Рокс. Неужели никого не осталось? Он внимательно осмотрел лагерь. Две машины остались, палатки, дымящийся огонь. Людей не было видно, возможно остальные ушли патрулировать пешком.

Он подождал, хотя желудок уже давно пел песни. (О Боже, арахисовое масло! вяленое мясо! бобы!) Подождав с полчаса, он никого не дождался. Ждать дальше было выше его сил.

С ружьем наперевес он пошел вниз через склон, в сторону тайника. Где возможно, он прятался, под можжевельниками или за валунами, но это получалось слабо.

Оставалось буквально несколько ярдов до цели, как вдруг – о, Господи! – из палатки выскочила собака и лая, как сумасшедшая, понеслась на него. Молодой пес был похож на эрдельтерьера, коричневый с черными пятнами. Он побежал к Хейдьюку, затем остановился на полпути, в замешательстве, помахивая обрубком хвоста. Хейдьюк проклиная чертового пса заметил двоих, вылезших из палатки с чашками кофе в руках. Они оглянулись, и заметили его.

Он среагировал молниеносно, выстрелив с бедра, и разбив вдребезги окно в ближайшем пикапе. Двое нырнули в палатку за оружием и рацией.

Хейдьюк отступил. Пес побежал за ним еще около ста метров и остановился, виляя своим дурацким хвостом.

Хейдьюк рванул в сторону, гребня Мейз, единственное убежище, которое он видел или думал в тот момент. Он там до этого не был, но ему было не важно. Чертовы домашние собаки! Скормить бы их всех койотам, думал он на бегу. Обходя открытый гребень, он бежал сквозь можжевельник, вниз к каменному полуострову, который был похож на указательный палец, показывающий в сердце Мейз. Палец был длинный, мили две длиной, но укрытия почти не

дававший. На полпути к краю скалы он услышал знакомый звук лопастей вертолета. Оглянувшись, он не увидел его, продолжал бежать, хотя его ребра трещали от боли, горло горело, требуя больше воздуха, больше пространства, больше энергии, больше любви, больше чего угодно, только не этого.

Но было именно это, думал он, набирая скорость по сверкающей скале, освещенной одиноким лучом, пробившимся сквозь облака, как луч Божий, и движущимся по каменной эспланаде, за последнее дерево, площадку левее, галерею скал внизу в открытом театре пустыни.

Хейдьюк был единственной звездой этого шоу, гвоздем программы, единственным и неповторимым. Он бежал по голой скале в сторону оконечности, носа, конца полуострова. Сплошные каньоны были по каждой стороне, сто, четыреста, пятьсот футов глубиной, со стенами, настолько гладкими и ровными, что Бонни называла их Вэмпайр Стейт Билдинг (вэмпайр (vampire) – вампир, прим. пер.)

Безнадега? Тогда не о чем беспокоиться, вспомнил он, отдуваясь, как марафонец в конце забега. Вот мы и приехали, я на краю, сейчас они меня пристрелят, как собаку, отсюда никуда не деться, нет выхода, у меня даже нет моей веревки, ситуация абсолютно тупиковая, так что не о чем беспокоиться, более того, у меня шесть патронов в ружье и пятьсот двадцать для револьвера.

Пока Хейдьюк размышлял таким образом, сзади раздалась стрельба, возвратился вертолет, дюжина мужчин пешком и дюжина на патрульной машине с радиосвязью остановились и повернули в его сторону, объединяясь против одного измученного, голодного, загнанного у угол психопата.

Полуденное солнце засветило ярче, сквозь дыры в облаках лучи играли в стране каньонов, а Хейдьюк, замеченный с вертолета, спотыкался и покачивался, балансируя на краю скалы.

Он посмотрел вниз с обрыва и увидел, в пятиста футах внизу полужидкую пенистую массу грязи, бросающуюся вниз на дно каньона, струящаяся в его изгибах, грохочущая на переливах, рычащая и бурлящая где-то внизу, впадая в невидимую Зеленую реку в пяти, а может, в двадцати пяти милях отсюда, он не мог оценить дистанцию. Катящиеся булыжники стучали и грохотали внизу, бревна плыли мимо, выкорчеванные деревья качались на волнах, он подумал – было бы не хуже прыгнуть в реку лавы.

Вертолет заложил большой круг. Хейдьюк пролез в трещину в скале, затаился, свернулся, щель была едва широка, чтобы он поместился туда, глубокая и искривленная, что дна ее он не видел. Скалистая роза на одной стороне, кустик можжевельника на другой. Не на что опереться ногой, он расклинил себя в трещине, упершись спиной в одну стену, а коленями в

другую, как в дымоходе. Зжатый в массе камня весь, кроме глаз и рук с ружьем он ожидал первого из нападавших.

Были ли ему страшно? Нет, Хейдьюк был вне страха. Напуганный до смерти на финише, он слишком устал, чтобы бояться, слишком измотан, чтобы думать о сдаче. Ужасная вонь из джинсов и теплая полужидкая субстанция, вытекающая из правой штанины едва ли казалась ему продуктом, произведенным им самим. Он был занят другим, он посмотрел в прицел, сосредоточился на спусковом крючке, на поправке на снос, его ум был ясен, как кишечник.

Вертолет с грохотом пронесся мимо, в поисках жертвы. Не раздумывая, как учили, Хейдьюк выстрелил в кабину пилота и чисто случайно не попал в лицо пилоту. Вертолет резко повернул и вспышки выстрелов показались в боковой двери. Осколки камня полетели вблизи места, где сидел Хейдьюк. Вертолет повернулся хвостом к нему, он выстрелил в главную передачу хвостового винта. Вертолет более напуганный, нежели поврежденный полетел обратно в лагерь для ремонта и перерыва на кофе для экипажа.

Хейдьюк выжидал. Люди на земле держались на безопасной дистанции, в шестиста ярдах, на открытом месте, и ожидали подкрепления. Хейдьюк нашел более безопасную нишу в расселине скалы и снял свои зловонные джинсы. Он верил, что сегодня умрет, но умирать, барахтаясь в собственном дерьме, ему не очень хотелось. Первой мыслью его было выбросить их со всем дерьмом вниз на склон позади него, но потом у него возникла мысль получше. Все равно делать было нечего. Он отломал небольшую ветку розы, яркие цветки пахли, готовые выбрасывать семена.

Он выскреб дерьмо из штанов. Зачем? При данных обстоятельствах, зачем беспокоиться? Это вопрос достоинства, думал Хейдьюк. Оставив штаны проветриться он ждал очередного нападающего. Четыре патрона в ружье, два для вертолета, два для двух, кто подойдет, и заряженный револьвер для оставшихся. Долго он не продержится.

Сэм Лав прибыл последним, но он успел к концу концерта. Особой разницы не было, он уже ни за что не отвечал, просто удовлетворял свое любопытство. Прошло двадцать четыре часа с того времени, как он отправил брата на вертолете под присмотром Дока и Бонни в реанимацию больницы Моаб.

Сэм был просто зритель, сторонний наблюдатель, и был этому рад. Он и репортер из Солт Лейк Сити сидели на валуне и наблюдали за полем боя. Заходящее солнце освещало широкую панораму Мейз, как огромную сцену, с красными башнями, пурпурными бороздами и голубыми горами, служащими задним планом. На авансцене, внизу был слышен винтовочный огонь, доказывающий, что где есть жизнь, там есть и надежда. Два вертолета и самолет барражировали безо всякого толку, расходуя топливо.

–Которого из них он подстрелил?–спросил Сэм.

–Того здорового, из общественной безопасности. Они зовут его «штатский Хью», по моему. Только он его не подстрелил, просто повредил хвостовой винт и проделал дыру в стекле. Никто не пострадал, но им пришлось сесть на время.

–Где именно он сидит?–спросил Сэм.

–На самом краю, – журналист посмотрел в бинокль, Сэм сделал то же самое, – он забился в трещину в скале, между вон теми кустами. Около пятисот ярдов.

Сэм навел бинокль. Он видел два куста, оба почти без листьев, и почти без веток, видимо ружейным огнем их побивало, но он не видел беглеца.

–Откуда вы знаете, что он все еще там?

–Час назад он выстрелил, когда они пытались забросать его гранатами. Чуть не попал в пилота, гаденыш.

–Куда они стреляют?

–По кустам, может будет удачный рикошет, чтобы его задел. Да и просто убить время.

Никого не ранили, подумал Сэм.

–Сколько он уже там торчит?

–Шесть с половиной часов, дьявол его побери.

–Похоже у него кончились патроны. Неплохо было бы поймать его пока не стемнело.

Репортер улыбнулся.

–Хотите возглавить операцию?

–Нет.

–Никто тоже особенно не рвется. Перед ними в трещине опытный снайпер, может у него еще остались патроны. Они просто ждут, чтобы он вышел.

–Лучше бы они подошли ближе, – сказал Сэм, – этот Рудольф умеет лихо исчезать с краев каньонов. Они уверены, что он уже не внизу, в Мейз?

–Они поставили двух людей на холме с другой стороны каньона. Там отвесный обрыв в пятьсот футов высотой, голый песчаник, никак не слезть вниз. Даже если он попытается, они это увидят. Если он упадет, он попадет в такой поток, которого тут не видели за последние сорок лет, как сказал шериф. Я бы сказал, этот твой Рудольф по уши в дерьме.

–Спасибо, он не мой. Но у него длинная веревка.

–Уже нет, они нашли веревку.

Выстрелы повторились, снова с одной стороны.

–Могу спорить, у него нет патронов, – сказал Сэм, – может он сдастся.

–Может быть. Если бы он был обычный уголовник, то так видимо и было бы. У него, должно быть, прилично пересохло горло. Но ребята из общественной безопасности сказали, что это настоящий псих.

–Верю.

Сэм опустил бинокль. Он играл с ним, думая, что он там делает, вдруг он услышал выстрел вблизи. Поток выстрелов понесся по всей длине линии огня, дюжина или больше автоматических винтовок палила что ест мочи. Лавина пуль понеслась в цель.

–О, Боже, – пробормотал Сэм. Он снова поднял бинокль, нашел интересующий его объект в нескольких футах от края скалы, растерянная неловкая получеловеческая фигура, поднявшаяся по пояс из того, что выглядело с точки наблюдения Сэма каменной массой. Он увидел желтую кепку, щетинистую лохматую голову, плечи, грудную клетку, и торс чего-то, одетого в голубой линялый хлопок, точно как тогда, когда он удирал от них. В руках у человека было ружье. С такого расстояния даже в бинокль он не мог уверенно сказать кто это был – однако это должен быть он. Должен быть. Но с одной оговоркой – этого человека у него на глазах разорвало на куски.

Сэм Лав прожил тихую жизнь, думая в основном о бизнесе, он никогда не видел своими глазами физического разрушения человеческого существа. Ошеломленный, ослабевший от ужаса, он увидел, как фигура Рудольфа двинулась или сползла в сторону, половина внутрь, половина вне трещины, (почему, Господи!), и под ливнем пуль тело разлетелось на куски, щепки, обломки, обрывки, руки повисли, как обрубленные, ружье упало, голова разлетелась на куски и обломки, и то, что только что было живым американским парнем секунду назад, стало прахом.

Сэм смотрел, не в силах оторваться. Изрешеченное тело повисло на краю скалы, и под градом пуль, как под ударами молотка, упало вниз. Остатки Рудольфа Рыжего упали, как мусорный пакет, в бурлящую бездну каньона, скрываясь от человеческих глаз (и от женских тоже) навсегда. Тело точно никогда не найдут.

Сэм это чувствовал. Через несколько минут, когда репортер и все остальные подбежали с криком, он подумал (как сказала бы его дочь) что сейчас вернёт назад съеденное печенье. Но нет, приступ тошноты прошел, хотя память об этом ужасе останется на месяцы и годы. Он отхлебнул воды из фляги, съел пару крекеров из своего пакета с ланчем, и, спустя несколько минут, почувствовал себя лучше. Он присоединился к полицейским, шерифам из трех округов с заместителями, ассистенту главы национального парка, рейнджерам, журналистам и оставшимся членам поисково-спасательной команды округа Сан Хуан.

На краю скалы они не нашли следов плоти и костей. Был след крови поперек камня, ведущий к краю пропасти. Они нашли ружье Рудольфа, разбитые остатки когда-то великолепного Ремингтона со снайперским прицелом, с одним патроном. Кто-то бродил вокруг, кто-то изучал изрешеченные кусты можжевельника и розы, которые давали преступнику хоть и небольшое, но убежище, откуда он стрелял на протяжении долгого дня. Кто-то изучал избитый

пулями песчаник, обгоревшие пятна огня и пыль от разорвавшейся гранаты, бросал камни в трещину, которая разделяла основную часть гребня и ее окончание. Камни падали в тень, исчезали, со стуком падая на дно.

Капитан полиции связался по радио со своими людьми на противоположном холме и подтвердил, что Рудольф абсолютно точно упал в каньон. Два человека наблюдали падающее тело до самой воды. Они видели куски тела, в обрывках рубашки, которые плыли, пока не скрылись за поворотом.

Пилот вертолета попытался проследить за останками, но не смог.

Капитан собрал осколки ружья и гильзы от патронов. Все шли очень медленно и задумчиво, почти ничего не говоря, к лагерю в Лизард Рок. Все, кроме Сэма Лава. Прибывший последний к сцене смерти, он был последним, кто ушел. Он медлил, колебался, сам не зная почему, глядя вниз в ревущий каньон. Ошеломленный звуком и слегка испуганный глубиной пропасти, он сделал пару шагов назад, поднял глаза и посмотрел на стены и каньоны Мейз, гротескный лабиринт камня в заходящем солнце. С чувством отчужденности он посмотрел на север, на удаленные скалы Бук Клиффс, в пятидесяти милях, на восток где виднелись покрытые снегом пики Моаб. В конце концов Сэм повернулся и посмотрел назад, на путь, который он (и Рудольф) проделал, мимо пика Подсвечник, мимо скалы Ящериц, в сторону необжитых Финз, малоизвестных глубин Стоящей скалы, в надвигающихся сумерках.

Пора было идти. Сэм опустился на колени, чтобы еще раз заглянуть в трещину. Он пытался увидеть дно, но было слишком темно. Слишком темно, подумал он.

–Рудольф, – сказал он, – ты здесь, внизу? – он подождал. Ответа не последовало. – Тебе не одурочить всех, – пауза, – слышишь меня? – в ответ тишина.

Сэм подождал немного, встал и пошел за друзьями и соседями. Им предстоял долгий и скучный путь в объезд, в Блендинг через Край Земли, Зеленую реку и Моаб (прямой короткий путь мимо Хайт Марина, через Колорадо, был временно закрыт дорожной службой в связи с текущим ремонтом моста). Но Сэм почувствовал себя лучше, живот отпустило, он почувствовал себя здоровым человеком с почти нормальным аппетитом. Он, и гриф в небесах, так высоко, что его почти не было видно, испытывали одинаковое чувство: время обедать.

Эпилог.

Новое начало

Судебные разбирательства были длинными и скучными. Редкий Гость Смит, которого схватили в Уэйн Кантри, был заключен в Окружную тюрьму Лоа, затем переведен через два дня в окружную тюрьму Сан Хуан в городе Монтичелло. Мисс Бонни Абцуг и доктор А.К. Сарвис ждали его там, в соседней общей камере. Их пациент, епископ Лав, вышел из критического состояния, и восстанавливался, хотя и медленно. Абцуг, Сарвис и Смит предстали перед окружным судом по следующим обвинениям: вооруженное нападение, простое нападение, препятствование правосудию, поджог, поджог с отягчающими обстоятельствами, бандитизм, незаконная перевозка и использование взрывчатых веществ, побег из мест заключения, сопротивление аресту. Сумма залога была 25 000 долларов, доктор тут же ее внес.

После нескольких месяцев официальной отсрочки, Федеральный суд уступил полномочия суду штата Юта, дело «Штат Юта против Абцуг, Сарвиса и Смита» было заслушано в окружном суде Сан Хуан, город Монтичелло, судья Мелвин Фрост. Прокурором был Джей Бракен Динглдайн, недавно избранный окружной прокурор, друг и деловой партнер епископа Лава. Выздоровевшего, и как-то странно видоизменившимся Лава, кстати сказать. Его убежденность уже не была такой ясной, его сердце после реанимации смягчилось.

Док привлек двух адвокатов, первым был молодой выпускник Йельской юридической школы из хорошей семьи со связями в Аризоне и Юте, второй – уроженец округа Сан–Хуан, потомок первых мормонов–пионеров, постарше, всеми уважаемый сдержанный джентльмен по фамилии Сноу.

Первым ходом защиты были переговоры. Все трое обвиняемых предложили признать проступки, если обвинения в преступлениях будут сняты. Прокурор отклонил это предложение, он хотел привлечь обвиняемых по всем пунктам обвинения.

Динглдайн, как и бывший епископ Лав, имел политические амбиции. Представители Дока поработали со списком присяжных и им удалось включить туда двух тайных членов клуба Сиерра и одного чудака, пенсионера из деревни Блафф. Слушание началось.

Быстро выяснилось, что у обвинения нет серьезных доводов. Не было твердых улик, таких как отпечатки пальцев или свидетели, чтобы связать кого-нибудь из обвиняемых с преступлениями. Инкриминируемые материалы, такие как джип Хейдьюка или пикап Смита не были в наличии, так как их не нашли. Пикап Смита был угнан. Хотя епископ Лав и пять его членов команды под присягой подтвердили, что они видели и преследовали кого-то в пикапе Смита в двух отдельных случаях, никто не мог положительно ответить кто именно был в пикапе в это время. Самым серьезным и доказанным был факт сопротивления аресту и бегства с

места преступления. Все отрицали свою причастность к обвалу скал в Хайт Марина и стрельбе, имевшей место на дороге в Мейз, где, как сказал Док, он и его друзья отдыхали, наслаждаясь лунной ночью на лоне природы проходя пешком от Лендз Энд до Лизард Рок. Защитники заострили внимание на том, что ни один из обвиняемых ранее не был осужден и двое добровольно пришли на помощь епископу Лаву, когда это потребовалось.

Через три дня все доводы сторон были выслушаны. Присяжные взяли перерыв на вынесение решения. Они не пришли к единому мнению. Через два дня закрытых споров решение не было выработано, хотя тайные члены клуба Сиерра позже признались, что они оба голосовали за признание их виновными по всем пунктам. Присяжные не пришли к единому мнению. Повторное слушание было назначено через четыре месяца.

Адвокаты Дока снова предложили переговоры. На этот раз условия были приняты. Через несколько недель переговоров было достигнуто решение: Док серьезно изучает Книгу Мормона, и сообщит через своих адвокатов, когда он сможет стать членом Церкви Иисуса Христа Святых Последних Дней; он и мисс Абцуг поженились, венчал их сам епископ Лав (новый человек!), свадьбу отмечали скромно, в Долине Богов, возле Мексикан Хат, Редкий Гость Смит был шафером, его дочь – подружкой невесты, Сэм Лав был свидетелем, все трое подсудимых были признаны виновными в проступках, и в одном преступлении каждый, в тайном разрушении частной собственности.

Они ожидали приговора, который был предначертан судьей Фростом. Абцуг и Смит создали проблемы, в последний момент отказавшись признавать себя виновными в преступлениях, оба заявляли, что это сделал «кто-то другой». Офицер, осуществляющий надзор за ними, который получил задание написать доклад об обстоятельствах жизни подсудимых, имел головную боль. Он проконсультировался с Доком, судьей, адвокатами Дока, Док взял на себя ответственность за поступки своих товарищей по скамье подсудимых, настаивая на том, что он был главный организатор и подстрекатель, что он один повлиял на своих более молодых коллег, сбил их с истинного пути и намеренно ввел в заблуждение; он гарантирует, что он прочистит им мозги, поселит добро в их сердцах, и приведет их обратно к Христу. Также, он пообещал, что это не повторится.

Он согласился с предложением судьи практиковать в течение минимум десяти лет в общине на юге штата Юта с населением меньше чем пять тысяч. Судья огласил приговор.

Абцуг, Бонни и Смит приговариваются каждый к одновременно текущим срокам не менее одного года и не более пяти лет, с отбыванием в государственной тюрьме штата Юта (где смерть от выстрелов охраны все еще возможна). Затем он заявил об условном исполнении приговора, учитывая безукоризненное прошлое и другие обстоятельства, но обязал всех троих провести шесть месяцев в окружной тюрьме Сан Хуан, и провести четыре с половиной года с

испытательным сроком, в течении которого они не должны нарушать закон и выполнять свои обязательства. Кроме того, Смита одного оштрафовали на 299 долларов за обрушивание скал и обязали возместить ущерб епископу Лаву за его Шевроле Блайзер, который был расплющен, как постельный клоп. Этот долг обновленный Лав простил.

Федеральный окружной суд в Фениксе, принимая во внимание решение Седьмого окружного суда штата Юта и рекомендации судьи Фроста, отменил обвинение против Абцуг, Сарвиса и Смита за преступления, совершенные в штате Аризона, учитывая, что основной подозреваемый в этих преступлениях, проходивший под кличками «Рудольф Рыжий» и «Герман Смит» признан умершим.

Окружной прокурор Динглдайн, хоть и со скрытым нежеланием принявший резолюцию по делу, публично высказал симптомы насмешливого негодования, что было естественно. Подбадриваемый многочисленными заявлениями по поводу грубых нарушений в судах и их снисходительности к преступникам, и общественным мнением, дававшим ему полные полномочия, мистер Дингллайн выиграл место в Сенате Штата Юта в программе усиления судебной власти, расширения системы исправительных заведений, федеральных субсидий для добывающей промышленности, завершения строительства системы автодорог, снижения налогов многодетным семьям и финансовой ответственности правительства. Он был избран подавляющим большинством против единственного оппонента, пенсионера Пайюта, у которого была предвыборная платформа из одного лозунга – свободу мескалину (наркотик, получаемый из местного кактуса – прим. пер.).

Были и другие события. Оба брата Лава оставили поисково-спасательную команду. Бедный Редкий Гость, уже в ранге осужденного преступника, развелся со своей первой женой и тут же со второй; только Сьюзан, девушка из Грин Ривер осталась верна ему. После получения известия из окружной тюрьмы Сан Хуан Смит, он попытался отнестись к этим проблемам несерьезно, сказав:

–Я надеюсь, они быстро выйдут замуж снова, потому что тогда я буду знать, что как минимум двое мужчин будут жалеть о том, что меня посадили, – после паузы, – но что, черт побери, я должен делать с этими двусмысленными приговорами, Док?

–Не вешай нос, – сказал Док, – ответ в Боге.

Доктор Сарвис продал свой дом в Альбукерке. Он и миссис Сарвис выбрали город Грин Ривер (население 1200 человек, включая собак) в качестве новой резиденции. Док купил шестидесятифутовую баржу–дом и пришвартовал ее на берегу возле фермы Смита. Он и Бонни в течение недели переехали, после отбытия срока приговора. Бонни разводила в плавучем огороде марихуану, который можно было в случае необходимости легко отправить вниз по реке, просто отвязав веревку. Док посещал в течение года каждую среду вечера в обществе

взаимного совершенствования, ходил в церковь (в течение полутора лет) каждое воскресенье, даже пытался носить официальную мормонскую нижнюю рубашку, хотя его настоящим желанием было стать джек-мормоном, как Редкий. Его жена отказалась менять веру, предпочитая оставаться единственным евреем – не мормоном в Грин Ривер. Док снял офис в городе, в десяти милях где вместе с Бонни вел частную практику. Она вела прием, он был врачом. Хотя клиентуры было немного, и по счетам она часто расплачивалась арбузами, их деятельность была очень высоко оценена местными жителями. Его ближайший конкурент жил в пятидесяти милях в Моаб. Он имел дополнительный доход, делая операции в Солт-Лейк, Денвере и Альбукерке. Им обоим нравилось жить у реки в маленьком городке, наслаждаясь компанией единственных соседей, мистера и миссис Редкий Гость Смит. Док научился работать на сенном прессе, но он отказывался работать на тракторе или водить машину. Он и Бонни ездили в офис на велосипедах.

На этом можно было бы и закончить, но была еще одна посмертная (произошедшая не на земле) деталь.

Случилось это на второй год испытательного срока. Пятеро сидели вокруг самодельного соснового стола и первоклассном салоне в большом и комфортабельном, традиционно оформленном плавучем доме. Было одиннадцать часов вечера. Свет давали две керосиновые лампы Алладина, подвешенные на крюках к потолку. Они слегка покачивались, в такт волнам, покачивающим лодку. Стол был покрыт зеленой скатертью. Пять игроков играли в покер – доктор, миссис Сарвис, мистер и миссис Смит, и офицер по надзору за условно осужденными, молодой парень по имени Гринспен, он был новичком в штате Юта. (В штате Пчелиных Ульев всегда хорошо встречают вновь прибывших, но советуют им перевести часы на пятьдесят лет назад). Их разговор носил практический характер:

–Ставки сделаны. Начали. Десятка. Семерка. Пара двоек. Дама, ну-ка, посмотрите сюда, вы, пара ковбоев.

–Как ты это делаешь, Док?

–Спокойно, друзья, спокойно.

–В смысле, так часто?

–Рука Божья двигает мной. Десятку за короля.

–Господи!

–Козырь.

–Козырь.

–Для вас игры не будет, продавцы обуви.

Пауза.

–А вы?–спросил Док.

–Мы взяли только одну пустую карту в этой игре?

–Да, любимая.

–И ничего необдуманного?

–Ничего.

–Какая глупая и скучная игра.

Смит посмотрел над столом, прислушиваясь. Док тоже что-то услышал. Это был не ветер, не поскрипывание лодки. Это было что-то другое. Он слушал.

–Все путем, сдавай. Что ты смотришь?

–Да, да, сейчас, Редкий.

–Я вне игры, – Смит повернулся, отвлекшись от игры.

–Хорошо. Ставки сделаны, продолжаем, – Док сдавал карты по одной, не глядя, как в старые добрые времена, – четверка, двойка, прости, Бонни, тройка, туз. Короли...

Он слушал, как другие играли, он услышал звуки – топот копыт? Удары сердца? Нет, это в самом деле лошадь. Может быть две лошади. Кто-то или что-то, скачет на лошадях верхом по пыльной дороге между полями, под мерцающими звездами, в сторону реки, в сторону их плавучего дома. Не очень быстро, шагом. Звук был хорошо слышен в тишине.

Игра продолжалась. Док собирал ставки, сдавал Гринспен. Он смешал колоду. Док посмотрел на Бонни, угрюмо уставившуюся на стол. Что-то ей не нравится. Может быть ее положение. Надо будет с ней поговорить сегодня. Игра продолжается уже четыре часа и мы выиграли всего шесть долларов. Гринспен через полчаса должен уйти. Как можно вести такую честную жизнь? Он снова посмотрел на нее; видимо тут что-то другое. Нужно ее выслушать сегодня. Есть несколько вещей, или одна вещь, о которой мы еще с ней не говорили.

Стук копыт приближался, пока Гринспен сдавал. Док посмотрел на Редкого, который смотрел на него. Редкий пожал плечами. Они оба услышали стук подков по старым доскам причала.

Гринспен посмотрел на часы. Ему еще ехать обратно в Прайс, на ночь. Семьдесят миль. Молодой офицер носил щегольский жилет из оленьей кожи, отороченный бахромой и украшенный серебряными ракушками.

–Я открываюсь, – сказал он, – две монеты.

Он толкнул две белые фишки на центр скатерти, где лежали ставки.

Сьюзен Смит была следующей.

–Я остаюсь.

Очередь Бонни.

–Повышаю до двух, – сказала она, удивленно глядя на свою руку. Молодец.

Лодка качнулась на воде, лампы слегка покачнулись в такт. Ветер подул против

медленного коричневого течения из Дезелейшн–Каньон. Небольшие волны постукивали снаружи по фибerglassовому корпусу лодки. (Док хотел глинобитную лодку, с балками из желтой сосны, с которых свисали бы гирлянды острого перца, а ля Нью-Мексико. Ни за какие деньги он не смог найти такого. Даже для мексиканского флота перестали делать такие лодки.)

Лошади остановились. Вместо стука подков он услышал топот каблуков со шпорами по доскам причала. Док встал, оставив карты на столе. Он вынул сигару.

–Что случилось?–спросила миссис Смит.

–Я думаю, у нас гость, – Док почувствовал острую необходимость встретить гостя снаружи. До того, как в дверь постучали, он вышел из-за стола. –Простите.

Он подошел к двери и открыл ее, загрохачивая проход своим большим телом. Поначалу он никого не увидел. Присмотревшись, он разглядел стройную, высокую фигуру, которая попятилась от света.

–Да?–спросил Док. – Кто это?

–Вы доктор Сарвис?

–Да.

–Здесь ваш друг, – голос незнакомца был мягким и низким, но в нем слышалась скрытая угроза, – ему нужна медицинская помощь.

–Мой друг?

Док колебался. Все его друзья сидели здесь внутри, вокруг стола, глядя на него. Посмотрев на них, Док сказал:

–Хорошо, я через несколько минут вернусь. Продолжайте без меня.

Он закрыл дверь за собой и пошел за незнакомцем, который пошел на берег через причал. Лошадь стояла здесь, поводья волочились по земле. Когда его глаза привыкли к темноте, Док подтвердил свое первое впечатление о незнакомце, высоком, но худом человеке одетом в мыльные джинсы Levi's, черную шляпу, и повязку, скрывающую нос и рот. Человек смотрел на него одним глазом, другого, как заметил Док, не было.

–Кто вы, черт возьми?– спросил Док. Он затянулся сигарой, красный огонек загорелся на конце. Дурной знак.

–Вам незачем это знать, Док, но, – человек за маской улыбнулся, – местные называют меня Кемосабе. Пойдемте.

–Подождите, – Док остановился, – где этот мой друг? Где больной?

Пауза, только вздохи ветра слышались над рекой.

–Вы верите в привидения, Док? – спросил незнакомец.

Доктор подумал.

–Я верю в привидения, порожденные человеческим разумом.

–Это не то.

–Да?

–Этот призрак настоящий. Прodelал длинный путь.

–Хорошо, –сказал Док, с легкомыслием в голосе, –пойдем посмотрим на этот феномен.

Где он?

Снова тишина. Незнакомец кивнул на тропу, ведущую вверх на берег.

–Я здесь, Док, –сказал знакомый голос. Док почувствовал, как мурашки побежали по его шее. Он всматривался в темноту и увидел всадника на фоне Млечного Пути, коренастого загорелого человека, в сомбреро, с улыбкой, сияющей даже при свете звезд. Лошадь его была пять с половиной футов высотой.

–О Господи, –подумал Док. Он осознал, что он не так уж удивлен, что он ожидал его появления эти два года. Он вздохнул.

–Джордж?

–Ага.

–Это ты, Джордж?

–Да я, я, черт побери, кто же еще?

Док снова вздохнул.

–Они разнесли тебя в клочья в Лизард Рок.

–Не меня, а Рудольфа.

–Рудольфа?

–Чучело, дурацкий манекен.

–Я не понимаю.

–Пригласи нас в дом, Христа ради. Я тебе все расскажу, это длинная история.

Док оглянулся на лодку, сквозь штору он увидел Гринспена и остальных, игра была в разгаре.

–Джордж... наш надзиратель здесь.

–Вот черт, надо линять отсюда.

–Нет, погоди. Он хороший парень, я не хочу его подставлять. Он через полчаса уйдет, вы с товарищем отпустите лошадей на пастбище, а сами посидите в доме Смита. Там никого нет. Знаешь, где его дом?

–Мы пять минут назад были там.

Они посмотрели друг на друга при свете звезд. Док все еще не был уверен.

–Джордж, это в самом деле ты?

–Нет, это Икебод Игнац. Пошли, посмотришь мои раны.

–Сейчас, –Док поднялся на берег.

Лошадь нервно сучила ногами,

–Эй ты, невежественный сукин сын. Да, дай мне немного денег, Док. –Хейдьюк рассмеялся, как мальчишка.

Они обнялись. Видение было точь-в-точь как Хейдьюк, с тем же запахом, без изменений к лучшему.

–О, Боже.. Да, это ты, – у доктора неожиданно навернулись слезы на глаза, – у тебя все в порядке?

–Да, пара старых ран обострилась, больше ничего. И мой друг хотел с тобой встретиться. Как Редкий?

–Такой же, как и был. Вынашивает планы по поводу дамбы.

–Это хорошо, – лошадь наступила ему на ногу. –Да стой ты спокойно, скотина! –
Длинная пауза. – Как Бонни?

–Мы поженились.

–Я слышал. Как она?

–На четвертом месяце.

–Вот черт, – пауза. Ну, Бонни, я разбит, убит и прочее. Я не думал, что это возможно.

–Это так.

–И что она собирается делать?

–Стать матерью.

–Вот, дьявол, – Джордж засмеялся грустно, счастливо и слегка глуповато одновременно, –ты озабоченный старый пердун, Док. Я хотел бы ее увидеть.

–Увидишь.

Пауза.

–Меня сейчас зовут Фред Гудселл. У меня новый паспорт, – Хейдьюк улыбнулся шире, – и новая работа. Я начинаю работать ночным сторожем со следующей недели. Я собираюсь быть нормальным чертовым гражданином, Док, как ты, Редкий и Бонни. На некоторое время.

Док оглянулся на плавучий дом. Дверь была открыта, Бонни стояла в двери, пытаясь что-то увидеть снаружи.

–Я лучше вернусь туда, вы ждите здесь. Мне надо посмотреть на твои раны. Бонни тоже захочет тебя видеть, и Редкий. Не уходите.

–Черт, Док, мы устали и жрать хотим... Так что сегодня мы уже никуда не двинемся.

Бонни позвала:

–Док! Ты там?

–Да, сейчас спущусь, – ответил он, – минутку.

Хейдьюк хихикнул.

–Да, старина Док. Скажи, чем ты занимался вместе с Редким на том мосту?

–О чем ты?

–Нет? Я имею в виду Глен Каньон.

–Это были не мы. Мы были здесь, есть свидетели. (слава Богу!).

–Да, я опять влип, – сказал Хейдьюк. Ошеломленный, качая головой он раздумывал над этой информацией, – ты слышал? – сказал он своему товарищу в маске. Он, уже в седле, кивнул. –Док,–сказал Хейдьюк, – возвращайся к супруге, пока она тебе не откусила кусок задницы. Есть, правда, одна вещь, о которой ты меня должен спросить сейчас.

–Что? – Док все еще жевал окурочек погасшей сигары.– Что это?

–Ты не хочешь спросить где я устроился ночным сторожем? – Хейдьюк снова заулыбался.

На этот раз задумался Док.

–Нет, Джордж, я думаю, мне лучше не знать.

Хейдьюк засмеялся и повернулся к партнеру.

–Что я тебе говорил? – Затем Доку, – Ты прав, но ты можешь угадать, а?

–Да, я могу угадать.

–Редкий захочет знать.

–Ты можешь сам ему сказать.

–Да, ты врач. Хорошо, мы подождем тебя. Пошли, – Хейдьюк поехал на своей гигантской лошади, коснувшись каблуками ее боков. Лошадь рванула вперед, фыркая с радостью. –Только недолго, ладно? –крикнул Хейдьюк, исчезая вдали.

Двое всадников удалялись по тенистой аллее, объезжая пастбище. Док смотрел на них секунду, споткнулся, выпрямился и индифферентно побрел в лодку, затягиваясь потухшей сигарой.

–Как игра?–рыкнул он.

–Кто это был?–спросила Бонни.

–Никто. Кто сдает?

–Последний игрок, – сказал Гринспен, смешивая карты, –на вас сдавать, Док?

–Да, сдавай, –Док подмигнул Бонни и Редкому, – и не забудь снять чертову колоду.